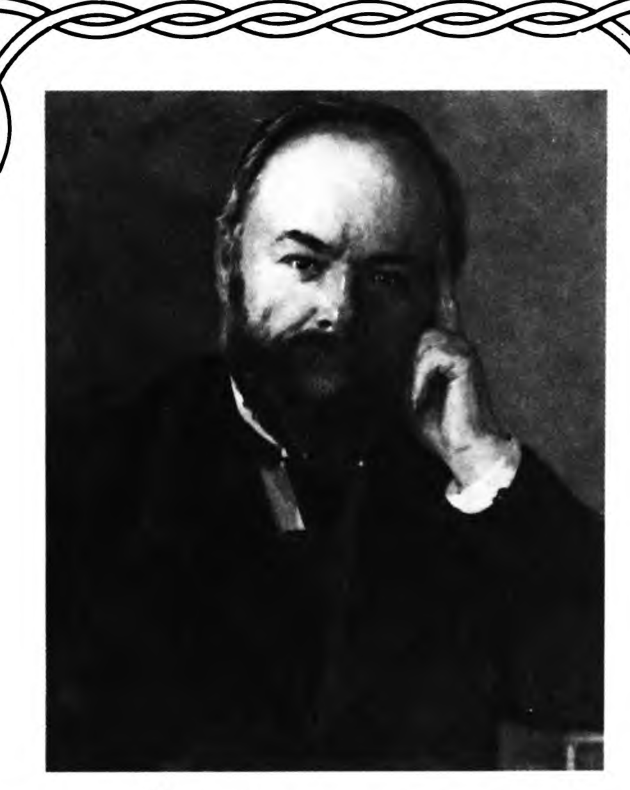
П. И. Щукин
ВОСПОМИНАНИЯ
Из истории меценатства России

П. И. Щукин

Из истории меценатства России



ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
К 125-летию

П. И. Щукин

ВОСПОМИНАНИЯ

Из истории меценатства России

С предисловием
и под редакцией С.О.Шмидта
Составитель Н.В.Горбушина

МОСКВА 1997

Печатается по решению Ученого совета ГИМ

Ответственный редактор: академик РАО *С.О. Шмидт*
Составитель *Н.В. Горбушина*
Рецензент: кандидат исторических наук *А.А.Демская*

Составители иллюстраций: *Т.С.Алешина, Н.Н.Гончарова, О.Г.Гордеева, Н.В.Горбушина, Г.М.Крюк, Н.Г.Миняйло, Н.А.Перевезенцева, Н.М.Пырова, Л.Ю.Руднева, Т.Г.Сабурова, Н.Н.Скорнякова*

Фотограф *В.Ю.Степанов*

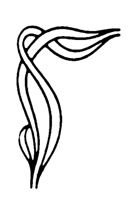
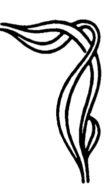
Перевод иностранных текстов: *Н.В.Горбушина, М.М.Леренман*

П.И.Щукин. Воспоминания. Из истории меценатства России. – М., 1997, 320 с. с илл.

Воспоминания, предлагаемые читателю, принадлежат Петру Ивановичу Щукину — представителю одной из известных купеческих семей, коллекционеру-меценату, создателю частного музея "Российских древностей". Они написаны живым, образным языком и охватывают вторую половину XIX — начало XX века.

Впервые "Воспоминания" были опубликованы в 1912 г. самим автором в количестве 50 экземпляров и давно стали библиографической редкостью. Данное, уточненное и комментированное издание знакомит с историей "Москвы купеческой", с картинами быта русских меценатов, известных художников, ученых, антикваров и коллекционеров, близких П.И.Щукину. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN 5-89076-011-4

Книга эта выходит в год, когда празднуется 850-летие Москвы, которой посвящается большая часть страниц воспоминаний почетного гражданина города П.И.Щукина, и 125-летие со дня основания Исторического музея. В связи с юбилеем музея решено одному из залов присвоить имя Петра Ивановича Щукина.

Подготовка публикации Государственным Историческим музеем воспоминаний П.И.Щукина показательна для нашего времени. Это — и знак признательности к памяти того, кто обогатил сокровищницу музея даром выдающегося историко-культурного значения. И — свидетельство нового подхода к оценке деятельности меценатов-предпринимателей, их роли в сохранении и пропаганде культурного наследия, в развитии отечественной культуры.

Вызвавшая благодарное внимание читателей книга Н.Г.Думовой "Московские меценаты" (М.,1992) начинается очерком именно о П.И.Щукине, озаглавленным: "Подарено Историческому музею". Петр Иванович не только собрал замечательную коллекцию памятников искусства и материальной культуры, рукописей и книг. Он построил специальное помещение — музей для хранения и экспонирования этих памятников, обеспечил возможность ознакомления с ними и издания "Щукинских сборников", в которых опубликованы многие из документов его собрания. Особенно поражало современников разнообразие и богатство его коллекции русских серебряных изделий и всего того, что имело отношение к Отечественной войне 1812 г. и — шире — России первой четверти XIX в. (там оказались и ценнейшие личные архивы декабристов).

Воспоминания П.И.Щукина своеобразны и по содержанию, и по форме. Это личные впечатления — то, что сохранила память автора (или сохранилось у автора в дневниковых записях и другой документации) об увиденном и услышанном, иногда и о преданиях более древнего време-

ни — например, о молодости почитаемого им отца. Все это относится к сфере жизни крайне узкой элитарной прослойки богатейшего европеизированного купечества — лишь то, что творилось внутри, или с чем (и с кем) непосредственно соприкасались лица, принадлежавшие к этой прослойке.

Причем отобраны факты преимущественно внешней жизни, с этнографо-географическими подробностями (много любопытного и во внешнем облике и быте Москвы и Подмосковья); особое внимание уделено повседневности, будничным разговорам коммерсантов-коллекционеров. Здесь почти нет следов размышлений на социальные темы, о душевных волнениях и переживаниях, как нет сведений и об интимной жизни автора и его близких.

К сожалению, не нашлось места и для напоминаний о том, каким образом мемуарист приобрел удивлявшие современников и вызывавшие их особое уважение серьезные познания в области искусствоведения, истории, библиографии — о встречах с людьми мира науки, книжности. Ведь П.И.Щукин нередко встречался с научным руководителем Исторического музея И.Е.Забелиным, с привлеченными им к музейной работе более молодыми учеными. Однако и то, что имеется в воспоминаниях, существенно детализирует выводы и наблюдения автора историко-социологического труда "Москва купеческая" П.А.Бурышкина, принадлежавшего к той же узкой социальной прослойке, что и братья Щукины, и тоже коллекционера.

Непривычна и форма мемуаров. Отсутствует характерный для большинства таких памятников зачин, где объясняется, что побудило автора к написанию воспоминаний и именно в такое время, что ему кажется особо значительным на его жизненном пути. Подобный зачин обычно как бы предваряет направленность мемуаров (следовательно, и внимание читателя их) и декларирует авторский принцип отбора явлений прошлого, достойных сохранения в будущем. В то же время уже на первой странице приводится текст первоисточника информации — печатного приглашения, сообщающего о помолвке. Тем самым воспоминания Щукина обретают достоинство и своеобразие семейного архива; например, перепечатываются и письма знаменитого живописца В.В.Верещагина, не выявленные пока в подлиннике, и меню, и гостиничные счета...

Тираж прижизненного издания "выпусков" (частей "Воспоминаний") всего 50 экземпляров — это даже не для любителей-библиофилов, а для узкого круга знакомых, но одновременно все-таки и для главных книгохранилищ, то есть более широкого круга читателей, что, вероятно, и предопределяло отбор публикуемых фактов из запаса памяти или даже личного архива.

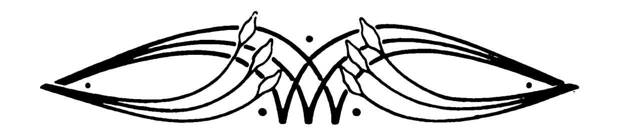
Мемуариста интересовали суждения предполагаемых читателей; он ожидал от них уточнений, дополнений, которые затем публиковал. Создается впечатление, что изданный текст — еще не сами "Воспоминания" (с типичными образцами "мемуаров" европейски образованный

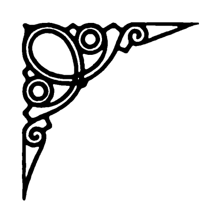
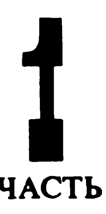
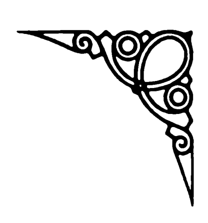
П.И.Щукин был хорошо знаком), а как бы материалы к ним, и автор допускал возможность их дальнейшей доработки — и стилистической, и в плане содержания. Ведь умер П.И.Щукин от внезапной болезни (гнойный аппендицит), всего 59 лет, и, казалось, мог не торопиться с отшлифовкой своего автобиографического сочинения.

В то же время дата публикации — 1912 г. — вряд ли случайна. В этот год имя мемуариста было у многих на устах. Щукин стал одним из самых деятельных устроителей юбилейной выставки к 100-летию Отечественной войны. О его коллекционировании, о домах на Малой Грузинской улице, о даре Историческому музею узнали и лица, далекие от волновавших собирателя интересов. Отнюдь не чуждый тщеславия П.И.Щукин (а московская молва не скупилась на анекдоты о том, что он не расставался с присвоенной ему после его дара Музею парадной формой генерала) именно в этот год склонен был напомнить о себе.

В наши дни воспоминания хранителя Памяти и попечителя Культуры, выдающегося собирателя Петра Ивановича Щукина сами воспринимаются как ценный памятник Истории и Культуры. Это — уникальный источник сведений и об образе жизни верхнего слоя просвещенного московского купечества второй половины XIX — начала XX столетий (давшего России Алексеевых, Бахрушиных, Мамонтовых, Морозовых, Найденовых, Рябушинских, Солдатенковых, Третьяковых, Якунчиковых), и по истории организации системы коллекционирования — причем не только в России, но и в Западной Европе, и по истории становления отечественного музейного дела.

С.О.Шмидт
Академик Российской Академии образования



ЧАСТЬ

Я родился в Москве 18 февраля 1853 года. Отец мой Иван Васильевич Щукин, из купеческого звания, занимался торговлей. (Род отца идет из г.Боровска.) Был он женат на Екатерине Петровне Боткиной. У меня сохранилось следующее печатное приглашение, относящееся до помолвки моей матери: "Петр Кононович Боткин извещает о помолвке дочери своей Екатерины Петровны за Ивана Васильевича Щукина и покорнейше Вас просит пожаловать к нему на бал, сего января 27 дня 1849 года."

4 февраля того же года состоялась свадьба моих родителей в приходе Риз Положения, за Калужскими воротами[1].

Всех детей у моих родителей было 11; перечислю их по старшинству: Николай (умерший в младенчестве), Александра, Николай, я, Сергей, Дмитрий, Надежда, Антонина, Ольга, Владимир, Иван.

В 50-х и 60-х годах мои родители жили на Мясницкой, в приходе Архидьякона Евпла, в Милютинском переулке, в доме Херодинова[2]. Этот дом с двумя отдельными флигелями существует и поныне и принадлежит г-ну Фульда. Не знаю как внутри, а снаружи он почти не изменился. Дом двухэтажный, каменный, с двумя двухэтажными же каменными флигелями. Передним фасадом дом выходит в Милютинский переулок, от которого отделяется садом, обнесенным каменной оградой с железной решеткой. Ограда, решетка, а также и ворота с барельефными орнаментами в стиле Империи остались все такими же, какими помню их в детстве. У ворот была сторожка и при ней огород, где росли подсолнухи и разные овощи. Ни прежней сторожки, ни огорода давно уже нет. Мои родители нанимали главный дом-особняк. В одном

флигеле жило семейство Блюмберга, а в другом — сам домовладелец Херодинов. Двор был обширный. Иногда зимой из деревни приезжали херодиновские крепостные, и тогда двор наполнялся множеством крестьянских саней. Из окон детской, выходившей на задний двор, виден был сад гостиницы “Венеция”, находившейся на Мясницкой и теперь не существующей. Летом в этом старом тенистом саду устраивались гулянья; на горе в беседке играл военный оркестр; в деревянном театре давались представления; в палатках, разбитых по саду, были накрыты столы для публики. (Лучшим военным духовым оркестром считался в Москве в то время Карабинерного полка, под управлением капельмейстера Гадельванда; лучшим струнным — Сакса. Летом оркестр Сакса обыкновенно играл в саду “Эрмитаж”, который содержал тогда Морель. Об этом оркестре упоминает Д.Т.Ленский в своем четверостишии по случаю приглашения на Щепкинский юбилейный обед: “Заиграет оркестр Сакса, И заискрится Аи, И заплачет старый плакса, А с ним — денежки мои.” У Мореля также пел знаменитый цыганский хор Петра Соколова.) Близ горы с беседкой, где играла музыка, была поставлена высокая, гладкая мачта, намазанная салом, на вершину которой, к горизонтально прикрепленному обручу, привешивались рубахи, сапоги, платки и другие вещи. Желающие карабкались вверх по мачте, но редко кому удавалось снять что-нибудь из этих призовых вещей; большею частью съезжали с мачты с пустыми руками, не добравшись до ее вершины. Зимой ежедневно к вечеру слетались стаи ворон и галок и садились на самое большое в саду дерево, и потом эти стаи птиц вдруг поднимались и куда-то улетали. Все это было отлично видно из окон детской.

В детской мы не знали другого освещения, кроме сальных свечей, для снятия копоти с коих употреблялись съемцы. Даже тогда, когда я подрос и меня стали брать на Нижегородскую ярмарку, употребление сальных свечей было еще довольно распространено. На ярмарке мальчишки продавали в разноску сальные свечи, причем пели: “Свечи, свечи сальные, светильники бумажные, горят они ясно, очень прекрасно.” А купцы подпевали: “Горят они, ноют, ничего не стоют.”

В то время Москва вообще плохо освещалась. (М.П.Погодин, будучи гласным московской городской думы, был того мнения, что ночью не нужно освещать улиц, так как порядочные люди сидят дома, а для гуляк не стоит.) Уличные фонари горели очень тускло. Пожарные исполняли также обязанности фонарщиков, и конопляное масло, служившее для освещения уличных фонарей, они часто воровали, чтобы потом есть его с кашей. Поэтому в

масло стали прибавлять скипидар. Впоследствии вошло в употребление освещение домов светильным газом, называвшимся переносным, потому что его развозили по городу. Часто можно было видеть на улице большой, длинный железный фургон и выходящую из него каучуковую кишку, которая лежала поперек тротуара и наполняла газом домовой резервуар; причем газ давал себя знать прохожим своим неприятным запахом.

Со времени моего детства многое изменилось, многое исчезло безвозвратно. Московские дома были преимущественно одно- или двухэтажные, редко трехэтажные, и более скромной архитектуры, чем теперь. При прежних низких домах, несмотря на узкие улицы, днем было светлее; в настоящее же время при постройке высоких домов стало темнее, так как улицы не расширили. Число садов весьма поубавилось: одни значительно уменьшены, другие совсем уничтожены.

Когда не было санного пути, извозчики возили седоков на неудобных дрожках, называвшихся "калибрами", на которые мужчины садились верхом, а женщины боком. В наше время извозчичий калибр, подобно алебарде будочника, можно причислить к музейным редкостям.

Под сводчатыми воротами некоторых домов, выходивших на улицу, обыкновенно торговали книгами, литографиями и лубочными картинками, что придавало мрачным воротам веселый вид. Это были своего рода уличные картинные галереи. А какие забавные картинки встречались иногда под воротами! Вот, например, одна, о которой не упоминает Ровинский[3]: на англизированной белой лошади сидит верхом рыцарь в шлеме и кольчуге, с Андреевской лентой через плечо; подпись: "Государь и царь Иван Васильевич Грозный, человек справедливый, но сурьезный."

Иногда под воротами можно было купить и редкую книжку.

Вывески парикмахерских особенно бросались в глаза своими изображениями банок с пиявками и невест, убранных к венцу. На вывеске одной пивной была изображена бутылка, из которой вылетает вместе с пивом пробка, и написано: "Эко пиво!" На входных дверях одного трактира красовалась надпись: "Милости просим!" на выходных: "До свидания!" В Охотном ряду на трактирной вывеске была изображена ворона, держащая в клюве блин, и написано: "Здесь воронины блины". В Кускове у цирюльника была вывеска с такой надписью: "Здесь бреют и стригут козлов из Москвы".

Табачные лавочки назывались "музыкальными", потому что кроме табака в них продавались гармонии, гитары, струны, а также маски.

Пассаж в Москве был всего один, и назывался он "Голицынской галереей" или просто "галереей" (нынешний Голофтьевский пассаж). Самый большой магазин был "Магазин русских изделий", помещавшийся на Кузнецком мосту, в доме кн.Гагарина. Этот магазин состоял собственно из нескольких магазинов, расположенных в анфиладе зал. Из более крупных торговцев в "Магазине русских изделий" были бр.Сапожниковы и Павел Иванович Гучков.

На Никольской, в кондитерской Савицкого, продавалось отличное сухое варенье. Большою популярностью пользовался шоколад и пряники из кондитерской Педотти. После взятия в плен Шамиля[4] в кондитерских появился пирог в виде белой черкесской папахи, носившей название "Шамилевой шапки". Греки торговали на улицах халвой и рахат-лукумом. На улицах же продавали петушков из леденцов красного цвета, по копейке за штуку, до которых мы, дети, были большие охотники. Около торговых бань, на улице, продавали четырехугольные конфеты в бумажках с раскрашенными картинками; в состав этих конфет входило больше муки, чем сахару, и называли их "банными". У прислуги было обыкновение наклеивать такие конфетные картинки и вообще картинки на внутреннюю сторону крышки своих сундуков. Бывало, какое удовольствие испытывали мы, когда кто-нибудь из прислуги открывал свой сундук, и мы могли любоваться картинками. Существовала яблочная пастила, называвшаяся "муфтовой", потому что имела форму муфты и продавалась в картонных коробках, в какие укладывают муфты.

Один из первых московских фотографов был Мебиус на Лубянке, но в домах встречалось еще много дагерротипных портретов.

Входные двери даже в первоклассных трактирах и торговых банях имели блок с веревкой, к которой привязывался обыкновенный кирпич, отчего, когда отворяли или затворяли дверь, слышался скрип как бы вертящегося колеса. (Необходимая принадлежность всякого порядочного трактира был музыкальный орган, называвшийся "машиной". Великим постом в трактирах было запрещено играть на органах. Мой дядя, доктор П.Л.Пикулин[5], все же ухитрялся, чтобы Великим постом в трактирах заводили орган, так как заставлял играть "Боже, царя храни", в чем ему отказать не смели.)

О благоустроенных торговых банях, вроде нынешних Сандуновских и Центральных, в то время и понятия не имели. Так, в прежних Сандуновских банях мужское "дворянское" отделение, куда мы ездили с отцом, состояло всего из трех небольших ком-

нат: раздевальной, предбанника и парильни. В раздевальную вел с улицы нетопленый коридор, вследствие чего в зимнее время при открытии двери из коридора в раздевальную врывался столбом холодный пар. Диваны в раздевальной были покрыты простынями сомнительной чистоты. Висящая посредине потолка лампа немилосердно коптила. Для общего пользования на подоконнике стояла помадная банка без крышки, и можно было видеть, как мальчишка-слуга грязными руками напомаживал голову какому-нибудь купцу. Персияне в банях красили себе хной бороды и ногти в красный цвет. Зато в отдельных номерах Сандуновских бань московскому генерал-губернатору князю В.А.Долгорукову[6], Козьме Терентьевичу Солдатенкову[7] и богатым невестам подавали серебряные тазы и шайки.

Из московских уличных типов совершенно исчез тип подростка-подмастерья; в полосатом халате, без шапки, стриженый, босиком, он часто встречался на улицах, обыкновенно неся красный глиняный кувшин и прыгая с одной тумбы на другую.

Нет более и похоронных факельщиков, которые в своих черных, круглых, с широкими полями шляпах и черных мантиях, с горящими факелами, казались нам страшными. Нас водили в соседний польский костел, когда там бывали какие-нибудь богатые похороны. Однажды один из моих братьев, рассказывая о виденных им похоронах какого-то генерала, в коих участвовали войска с музыкой и пушками, в заключение добавил: “А сам покойник сидел на козлах и правил лошадьми”. Брат, очевидно, принял кучера, сидевшего на козлах погребальной колесницы и одетого по обыкновению в костюм факельщика, за самого покойника.

Ночью будочники, стоявшие с алебардами у своих будок, окликали прохожих, и на вопрос: “Кто идет?” надо было отвечать: “Обыватель”. Иначе забирали в часть.

Я хорошо помню чрезвычайно яркую, с громадным хвостом комету (Донати), бывшую в 1858 году.

Из времени последнего Польского восстания[8] сохранилась в моей памяти отправка повстанцев из Тверской части в Сибирь. Видел я эту отправку, стоя у ворот части. Ссылаемые поляки были все молодые люди, в полушубках и ножных кандалах. Они курили папиросы, и их сажали в сани жандармы-конвоиры. К тому же времени относится памятный мне большой проход войск через Москву: полки, тянувшиеся по Садовой; солдаты в серых шинелях и фуражках без козырька, в виде блина; привал солдат в Милютинском переулке, поставивших свои ружья в козлы.

Вижу, как теперь, сидящего в кабинете отца за ломберным столиком и играющего с другими гостями в карты одного из се-

вастопольских героев — Михаила Федоровича Белкина, который тогда был уже в отставке, носил партикулярное платье, а в петлице Георгиевский крест. (М.Ф.Белкин в 1857 г. по болезни вследствие полученных ран и контузий вышел в отставку. Через 23 года он вновь поступил на службу. Белкин умер в 1909 году, в чине контр-адмирала, на 84-м году своей жизни. Он имел за Синопское сражение Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, а за оборону Севастополя - Георгия 4-й ст. Во время осады Севастополя Белкин командовал люнетом, который назывался "Белкиным".) Другой воин, прославившийся более своими стихами, чем на поле брани, Афанасий Афанасьевич Фет[9], приходился мне дядей. (Сестра моей матери, Мария Петровна, была за ним замужем.) Он тоже бывал у нас, и когда вышел в отставку (в 1858 г.), то подарил мне свои серебряные с бахромой штаб-ротмистрские эполеты и уланский кивер с белым султаном.

Иногда приезжал из Петербурга приятель отца, Михаил Тимофеевич Лавров (в Петербурге на Островах были его известные дачи), который всегда останавливался у нас. Михаил Тимофеевич был большой чудак и очень веселого нрава. Однажды он повел нас, детей, в галерею; там в игрушечном магазине он купил нам по барабану, а для себя скрипку; затем, поставив нас в ряд, заставил идти вдоль всей галереи и бить в барабаны, сам же шел впереди, играя на скрипке; понятно, что приказчики выбегали из магазинов смотреть на это шествие. Впоследствии дела Лаврова расстроились. В конце 60-х годов я встретил его в Петербурге, где он жил и имел в Демидовом переулке магазин мануфактурных и галантерейных товаров под названием "Бузенто". Из Демидова переулка Лавров переехал потом со своим магазином на Пески.

Часто бывал у моих родителей швейцарский консул, старик, Осип Николаевич Геер, который жил в своем доме близ Алексеевского монастыря[10], где имел прекрасный сад-парк и водочный завод. В саду созревали груши-дюшесы, а гееровские водки и наливки пользовались заслуженной славой. (Однажды отец, стоя у закусочного стола, представил О.Н.Геера какому-то гостю. "Пивал", — сказал гость, вероятно, вспомнив об гееровских водках.) Геер был женат на нашей родственнице Наталье Петровне Постниковой, довольно чопорной даме. К нам на вечера Осип Николаевич являлся так рано, что ему приходилось обыкновенно ходить одному по комнатам.

Ходил к моему отцу армянин Соломон Степанович Мирзоев, который умел хорошо приготовлять армянские кушанья, но не знал ни читать, ни писать ни по-русски, ни по-армянски. Обыкновенно Мирзоев поутру вставал рано, отправлялся в Охотный

ряд за провизией, сам готовил обед, а вечера проводил в Купеческом клубе[11], где славился уксус его приготовления, называвшийся "соломоновским". Соломон Степанович посещал и моего дядю, доктора П.Л.Пикулина. Бывало, придет он к дяде, которого застанет за чтением газеты. "Что пишут новенького?" — спросит Мирзоев. Тогда Пикулин в шутку, зная, что он не умеет читать, передает ему газету и говорит: "На, прочти". Вообще над Мирзоевым немало трунили. В приятельском кружке его называли просто Соломон. Н.Х.Кетчер[12] в лицо говорил Мирзоеву: "Хотя тебя и зовут Соломон, но ты все же дурак". Неофициальное занятие Мирзоева было давать взаймы деньги под большие проценты, причем Мирзоев принуждал должника покупать у него же чубук.

Изредка нас возили в Большой театр, где, сидя в ложе и имея с собой запас яблок, мятных пряников и разных сластей, смотрели балеты: "Наяда и рыбак", "Аладинова лампа или Багдадский пирожник", "Вот так пилюли, что в рот, то спасибо", "Роберт и Бертрам, или Два вора", "Корсар", "Сатанилла", "Мельники" и оперы: "Жизнь за царя", "Громобой" и "Аскольдова могила". (В то время опера "Вильгельм Тель" шла под названием "Карл Смелый", опера "Гугеноты" — "Гельфы и Гибеллины", опера "Немая из Портичи" — "Фенелла".) Величественная зрительная зала Большого театра, а в особенности писанный профессором Дузи в 50-х годах XIX столетия и до сих пор сохранившийся художественный занавес, изображающий въезд князя Пожарского в Московский Кремль (в 1612 г.), производили на меня чарующее впечатление.

Из других зрелищ сохранился в моей памяти театр-балаган Лаврентия Казанова на Лубянской площади, где давали "Взятие крепости Гаэты" и другие пьесы, в которых главными действующими лицами были обезьяны. Для нас были интересны, не говоря уже о самих представлениях, даже афиши с лубочными картинками, изображавшими наряженных обезьян, сидящих за обеденным столом с подвязанными салфетками, или обезьян в костюмах бедуинов, верхом на лошадях выезжавших из ворот крепости. Театр Казанова просуществовал недолго, сгорел дотла со всеми животными. Знаменитую Юлию Пастрану я не видел, но хорошо помню афиши с ее портретами. Потом, не помню уже где именно, показывали панораму реки Миссисипи. В темной зале, в которой была освещена лишь сцена, тянули картину-декорацию, писанную на бесконечно длинном холсте, причем какой-то господин давал объяснения картины. На Рождественке показывали в виде редкостей верблюда и пуделя, играющего в домино.

На Мясницкой, в Кривом переулке, в доме Борхгардта (приятеля отца), мы бывали на елке, получали там подарки от радушного хозяина и смотрели туманные картины, которые показывали в зале на простыне, посредством волшебного фонаря. Елка бывала и у нас.

По заведенному обычаю, на Масленице катались под Новинским, на Вербной неделе — на Красной площади, а 1-го мая — в Сокольниках. Не пропускали также иллюминаций в торжественные дни. Дома играли мы в бирюльки, в лото и в другие игры и пускали волчок. Между уличными мальчишками была тогда очень распространена игра в бабки, в которую играли обыкновенно на бульварах; впоследствии эту игру на бульварах запретили. Игрушки покупались для нас в галерее, в "Магазине русских изделий", во время дешевки, да еще в двух или трех игрушечных лавках. (На дешевке продавались игрушки большею частью сломанные.) Из автоматических игрушек к числу излюбленных принадлежали: заяц, играющий на барабане, и "Фомич-обжора", глотающий один кусок за другим. На Кузнецком мосту в окне одного магазина долго можно было видеть играющий автоматический оркестр из кукол-обезьян, в костюмах XVIII столетия. Покупались нам также деревянные раскрашенные солдаты, кухонная жестяная посуда, стадо, птичий двор, складные картинки, миниатюрные колониальные или кондитерские лавки, картонные театры и т.д. Вообще игрушки отличались простотой и дешевизной. Уже потом открылся на Кузнецком мосту магазин Триака с дорогими и изящными игрушками.

Книжки моего детства, которые в особенности остались мне памятны, были: иллюстрированные издания — "Сказка об Иване-царевиче и сером волке", сочинение В.Жуковского, с рисунками Н.Анненкова, изд.М.О.Вольфа, "Робинзон Крузо" и "Степка-растрепка"; "Новый завет" на французском языке (парижское издание 40-х годов, Кюрмера, с гравюрами, резанными на стали), иллюстрированное издание 1843 года того же Кюрмера "Сказок" Перро, "Басни" Крылова с литографированными картинками (издание 1847 г.), "История Наполеона" с прекрасными картинками *Horace Vernet*, резанными на дереве, иллюстрированная "История Суворова" — Полевого (изд. 1843 г.), "Повести" Марко-Вовчка, с хромолитографированными картинками, исторический роман для детей П.Фурмана "Александр Данилович Меншиков" с литографированными картинками (изд. 1847 г.) и "Приключения маленького барабанщика или Гибель французов в России в 1812 году" (с 8-ю раскрашенными литографированными картинками). Все эти издания стали теперь библиографическими редкостями.

В "Повестях" Марко-Вовчка нравилась мне в особенности повесть "Как поймать солнечный луч", в которой главным действующим лицом был сапожник Федотыч, живший в подвале, что было изображено на приложенной к повести картинке, вместе с солнечным лучом, проникающим через окно в подвал.

Первая глава "Приключений маленького барабанщика" начиналась так: "Дочь седельного мастера Бунша 18-ти месячная Эмилия лежала в жестокой лихорадке, грозившей положить конец ея нежной жизни ..." О великой армии Наполеона в этой же книжке, между прочим, говорилось: "Там блистали разноцветные мундиры Австрийцев, Пруссаков, Баварцев, Вестфальцев, Виртембергцев, Саксонцев, Голландцев и Итальянцев ...."

Так как я питал большую любовь ко всему военному, то мне дарили оловянных солдатиков, сабли, ружья, кивера, книжки с картинками военного содержания и т.п. Если по улице шли солдаты, то отец, указывая на них, всегда говорил мне: "Вот идут твои игрушки". В одном подаренном мне альбоме с раскрашенными изображениями русских войск имелось под каждой картинкой четверостишие — например, гусар, гарцующий на коне и замахивающийся саблей, со стихами:

Не зная отдыха, ни страха,
Как вихорь, носится гусар.
И неприятелю с размаха
Готов решительный удар.

О гренадерах в походе в двух последних строках четверостишия (двух первых не помню) говорилось:

Чарку водки выпивает
И опять готов идти.

После итальянской кампании 1859 года отец привез мне из Парижа превосходно исполненные цветные литографии сражений при Палестро, Манженте и Сольферино[13].

Учились мы дома, у гувернанток. Из них помню лишь Варвару Ардальоновну Эйнвальд, из смолянок. В качестве бонны жила у нас добродушная старушка немка, которая поила нас своим кофеем и читала нам немецкие рассказы Франца Гофмана. Звали ее Федосьей Егоровной. Муж ее был драпировщик и работал у нас, когда не был пьян. К моей матери ходила презлая старуха француженка Марья Ивановна Кандриян, которую мы очень боялись. У матери Кандриян занималась гаданием, спиритизмом и верчением столов, но когда происходили эти сеансы, нас выгоняли из комнаты.

На уроки гимнастики ездили мы к французу Билье, содержавшему гимнастическую залу на Большой Дмитровке. Танцам учил нас танцмейстер Вишневский, приезжавший к нам в дом вместе со своим скрипачом. Выделывать под звуки скрипки разные па было для меня сущим наказанием; танцевать так я и не научился, несмотря на все старания Вишневского.

Летом жили мы на даче, сперва в Сокольниках, потом в Кунцеве. О жизни в Сокольниках помню смутно, потому что был тогда слишком мал. В Кунцеве мои родители жили подряд 25 лет и все на одной и той же даче. Эта дача до сих пор цела и находится в той части Кунцева, которою владеют наследники Василия Ивановича Солдатенкова[14]. В первые годы, когда мы жили в Кунцеве, оно принадлежало Льву Кирилловичу Нарышкину, который сам в нем не жил, а имением управлял Павел Антонович Дейер. Мы нанимали первую дачу с левой стороны, если ехать от Кунцевской церкви к главному дому. Дача была деревянная, со старинной мебелью конца XVIII и начала XIX ст. В столовой висели две большие бумажные обойные картины, очень недурной работы, начала XIX в., представлявшие охоту: лес, охотников на лошадях, с валторнами, своры собак, бегущих оленей и т.д. Эти картины потом куда-то исчезли, старинная мебель тоже, и заменилась более новой. Первоначальный вид дачи потом тоже изменился вследствие пристроек и надстроек.

В главном каменном доме с бельведером жил московский военный губернатор граф Сергей Григорьевич Строганов[15], старик, ходивший в генерал-адъютантском сюртуке и с костылем. (Граф С.Г.Строганов был Московским военным губернатором с 1859 по 1860 год.) У дома стояли две полосатые будки с двумя часовыми, в киверах и с лошадиными хвостами.

Потом жили в главном доме: откупщик Иван Алексеевич Кононов, после него фабрикант Иван Иванович Бутиков, затем Козьма Терентьевич Солдатенков, который в 1865 г. купил Кунцево у Нарышкина за двести тысяч рублей. (Библиотекарь Румянцевского Музея остряк Евгений Федорович Корш сказал об И.И.Бутикове: “Не тонкий знаток вин, а толстый”. Бутиков был не из худеньких и любил хорошие вина.)

В 1861 году, вечером 26 мая, Кунцево посетила царская фамилия. На нижней площадке главного дома, откуда открывается вид на Москву-реку и дальние окрестности, был накрыт стол, и мы, дети, стоя на террасе главного дома, сверху смотрели, как их величества пили чай. В той части Кунцева, коею владели в то время два брата Солодовниковы, и поныне сохранилась беседка, снаружи которой прибита белая мраморная доска с надпи-

2 Зак. 380

сью золотыми буквами: "Его Величество Государь Император Александр II и Ея Величество Государыня Императрица Мария Александровна изволили быть в сей беседке Майя 26 дня 1861 года".

Солодовниковы были скопцы[16]. Часть Кунцева, принадлежавшая им, была менее красивой, чем солдатенковская. Жили они вместе со своей сестрой, Анной Герасимовной. Впоследствии она умерла от ожогов, полученных во время пожара на даче в Кунцеве, от загоревшихся ночью в ее комнате занавесок. В Кунцеве братья Солодовниковы занимались главным образом ужением рыбы в собственном пруду, находившемся близ берега Москвы-реки под горой, куда вел особый спуск с запертой на ключ деревянной калиткой.

К.Т.Солдатенков жил в Кунцеве весело: задавал лукулловские обеды и сжигал роскошные фейерверки с громадными щитами, снопами из ракет, бенгальскими огнями. Фейерверки эти привозились из артиллерийской лаборатории на нескольких возах, в сопровождении солдат фейерверкеров, и пускались на берегу Москвы-реки, напротив главного дома. (Вместе с К.Т.Солдатенковым жил сын его покойного брата Ивана Терентьевича, юноша, которого звали Васей. При Васе состоял немец-гувернер Рейман.)

От нарышкинского имущества сохранились в главном доме картины и мебель XVIII и начала XIX в. Из картин помню лишь гуашь, представлявшую императора Павла верхом на белой лошади, со свитой тоже верхами.

Кунцевским праздникам и украшению его парка немало способствовал живший у Солдатенкова художник Иван Егорович Раев[17]. (Ученик Ступинской рисовальной школы, бывшей в Арзамасе.) Раев был человек восторженный и увлекающийся. Во время Раева в Кунцеве появились новые беседки, пьедесталы с вазами в древнегреческом стиле; каменную бабу, бывшую до тех пор в лесу, в так называемом "Проклятом месте", перевезли и поставили в саду при главном доме. К сожалению, во время того же Раева были куда-то убраны из Кунцевского парка старинные мраморные статуи.

У Солдатенкова жил еще в качестве библиотекаря Иван Прокофьевич Филипченко, который был горбатый.

По воскресеньям и праздникам, до Петрова дня[18], перед главным домом, где возвышается колонна с вензелем императрицы Екатерины II, парни и девки из деревни Мазилова и села Крылатского водили хороводы, за что получали от Солдатенкова платки, пряники, орехи и другие подарки.

Поблизости главного дома находились: фруктовый сад, боль-

шая оранжерея, парники и грунтовый сарай; в последнем росли шпанские вишни, персики и сливы. Во фруктовом саду созревали между прочим превосходные наливные яблоки (белый налив). В 60-х годах, вследствие сильных морозов, эти яблони погибли.

В липовой роще, называвшейся "Чайниками", потому что в ней пила чай приезжавшая из Москвы публика, устраивались дачниками по подписке балы, для чего на площадке в роще разбивалась большая палатка. (Как-то случилось, что в липовой роще к К.Т.Солдатенкову привязались какие-то пьяные гуляки, и с тех пор он запретил пить чай в этой роще. Самоварщицам пришлось перейти со своими столами в более отдаленный от главного парка лесок.) Иногда бывали балы и в оранжерее. В деревнях по ту сторону Москвы-реки, Мневниках и Терехове, квартировала конная артиллерия, офицеры которой являлись на эти балы и приводили с собой своих музыкантов. Устраивались также по подписке балы в Мазилове, Давыдкове, Волынском, на Филях и в других соседних деревнях и селах.

В детстве нашими большими друзьями были служившие у нас лакеи, повара и кучера. С их помощью мы строили себе шалаши, ловили рыбу и пускали фейерверки. Последние покупали у разносчиков, приходивших из Москвы, а иногда я сам ездил за Рогожскую заставу, в артиллерийскую лабораторию, и покупал в тамошнем складе ракеты, римские свечи, колеса, бураки, шутихи, бенгальские огни и т.п. До сих пор не постигаю, как мне, маленькому мальчику, отпускал этот не совсем безопасный товар офицер, заведовавший складом. Купленные фейерверки держал я обыкновенно под своей кроватью. Однажды это узнала моя родительница, за что мне порядком досталось. Пускали мы фейерверки у Кунцевского пруда, находящегося близ нашей дачи.

Карасей ловили мы в Мазиловском пруду и довольно примитивным способом: посредством большой плетеной корзины. Раздевшись донага, с корзиной влезали в воду; корзину тащили под водой двое из нас, ухватя ее за края. Пруд изобиловал карасями, и иногда вытаскивали довольно крупную рыбу. У берегов Москвы-реки ставили верши, в которые заползали раки, а также попадали налимы, щуки, ерши, пескари и другая мелкая рыба.

Жить в Кунцеве было привольно, потому что было мало дач, не так как в других местах под Москвой, где множество дач делают впечатление города, выстроенного в лесу. В Кунцеве росли громадные дубы, липы, березы, сосны и ели, даже несколько сибирских кедров. В зной в тени вековых деревьев чувствовалась прохлада, и Москва-река, не загрязненная фабриками, делала купаньс в ней приятным удовольствием. В начале лета в Кунцев-

ском парке благоухали ландыши и белая и лиловая сирень, а в середине лета воздух был напоен ароматом цветущих лип. В лесу мы собирали землянику, малину, костянику, бруснику, чернику, белые и березовые грибы и орехи. Певчих птичек было изобилие, по ночам пели соловьи, и даже кукованье кукушек и лягушачьи концерты придавали своего рода прелесть Кунцеву.

В Кунцеве не было тропинки, которая не была бы нам известна. С отцом мы делали прогулки в ближайшую деревню Мазилово, где крестьяне занимались изготовлением деревянных птичьих клеток, в деревню Давыдково, крестьяне которой разводили много клубники, в более отдаленное село Крылатское, славившееся малиной, и в другие места.

На Кунцевских дачах жили многие из наших родных и знакомых: две семьи Боткиных (Дмитрия[19] и Петра Петровичей[20]), семья И.А.Сусорова, Вл.Дм.Коншина[21], Фед.Ив.Буслаева[22], Абр.Абр. Морозова[23], академика Шумского, Керцелли и других. Дача Крестовниковых была напротив нашей и отделялась от нашей двумя лужайками и тремя проезжими дорогами. Потом на Крестовниковской даче жила известная московская красавица Марья Семеновна Пустовалова.(Жили также в Кунцеве хорошенькие барышни Летковы; одна из них вышла замуж за Николая Владимировича Султанова.)

В конце лета 1863 года меня отдали в Бемскую школу *(Behmsche Schule)*, находившуюся в гор.Выборге, где учился мой старший брат и куда повез меня отец. Из Петербурга в Выборг отправились мы на пароходе Финляндского общества. В Кронштадте в первый раз увидал я стоящие на рейде деревянные двух-трех- и четырехдечные военные корабли с множеством торчащих из люков пушек и с массой матросов в белых фуражках на верхних палубах. Миновав Транзунд, мы вошли в Выборгский порт. В Выборге остановились в самом центре города, недалеко от пристани, в гостинице "Або". Помнится, в занимаемом нами номере на камине стояли вазы с искусственными цветами под стеклянными колпаками и белая гипсовая кошка с качающейся головой. В гостинице в первый раз попробовал я мамуру[24] и наливку из этой ароматической ягоды.

Бемская школа находилась не в самом городе, а вблизи Петербургского форштадта и помещалась в большом, выстроенном покоем одноэтажном бревенчатом, на гранитном фундаменте, доме, выкрашенном в светло-желтый цвет. Посреди дома под крышей возвышалась башня. Школа была выстроена в малонаселенном предместье "Папула". К ней, т.е. к школе, примыкал с одной стороны сад с огородом, а с другой — разные службы: баня, сараи

и амбары. С переднего фасада школа имела три крыльца; среднее, внутри небольшого двора, отделенное от шоссейной дороги деревянной решеткой, служило для учеников, и над входной дверью была прибита доска с надписью:

Unsern Fingang segne Gott,
Unsern Ausgang gleichermassen[25].

Крыльцо, бывшее в левом флигеле, ближе к двору со службами, вело в квартиру директора, а крыльцо в правом флигеле — в квартиры учителей. Имелись еще два боковых крыльца; одно вело из правого флигеля в сад с огородом, другое — из кухни, помещавшейся в левом флигеле — на двор со службами. Позади школы находился обширный рекреационный двор[26], в который спускались по лестнице заднего крыльца. Этот двор был отделен невысокою, из гранитных камней, оградою от усадьбы генерала Филиппеуса. Через ограду воспитанники тайком перелезали в старый парк Филиппеуса с хищническими целями: весной — для добывания сока из берез, а в конце лета — полакомиться крыжовником и малиной.

В Бемской школе все науки преподавались на немецком языке, и вообще весь школьный обиход был немецкий. (Всех классов было шесть: секста, квинта, кварта, тертиа, секунда и прима.) Будучи учеником низшего класса (сексты), меня, как и прочих немцев и русских, заставляли учить немецкий катехизис, который преподавала г-жа Ида Бем, вдова основателя и владельца школы. Это была уже пожилая дама, ходившая всегда в трауре. На ней лежало все хозяйство школы, и у нее находились ключи от кладовой, где хранились: мука, хлеб, сахар, бочки с брусничным вареньем и разная другая провизия.

В своей небольшой, чрезвычайно опрятно содержавшейся комнате г-жа Бем учила нас немецкому катехизису, причем за невнимание или за неудовлетворительные ответы била по рукам четвероугольной линейкой. Русские, равно с немцами, обязаны были ходить на богослужение в лютеранскую церковь, находившуюся в городе. В школьной зале утром и вечером ученики пели немецкие молитвы. (Нередко после ужина кто-нибудь из учеников, чтобы поспать, тайком забирался в большой шкаф, стоявший в каждом классе, прося товарища разбудить его перед молитвой.) Некоторые из вечерних молитв как будто сейчас слышу. Стоишь, бывало, в зале, перед тем как идти ложиться спать; от утомления подкашиваются ноги, слипаются глаза, и усталые голоса учеников поют:

Komm, verschliess die Kammer
Und lass allen Jammer
Ferne von uns sein.
Sei du Schloss und Riegel,
Unter deine Flügel
Nimm dein Schäflein auf[27].

Или:

Müde bin ich, geh' zur Ruh,
Schliesse beide Äuglein zu;
Vater, lass die Augen dein
Über meinem Bette sein[28].

Перед обедом и ужином директор говорил краткую молитву: *"Komm Herr Jesu, sei unser Gast und segne was du uns bescheret hast"* и после оных: *"Gott sei Dank fur Speise und Trank"*[29].

Русские воспитанники, соблюдая немецкие праздники, праздновали также и свои. Последнему завидовали немцы, которые должны были учиться, когда русские гуляли. На Страстной неделе, во время говенья, русские тоже не учились. На говенье каждому давали по пяти рублей, из коих некоторые ученики клали на блюдо священнику за исповедь медный пятак, завернутый в бумагу; большая же часть денег проедалась и пропивалась. Ходили тайком в городскую кондитерскую, где ели пирожки и пили шоколад или ликеры; обедали в одной гостинице Петербургского форштадта, где давали обед с рюмкой ликера за 35 копеек; пили мед в чухонской пивной, находившейся на том же форштадте близ русской церкви. В Петербургском форштадте существовала харчевня, которую держал очухонившийся русский, прозывавшийся "дядей Андреем"; мы забирались в комнату самого хозяина, в которой едва можно было повернуться, так она была мала, и там ели пироги с гречневой кашей и грибами. В Пасхальную заутреню ходили в городской собор, переполненный солдатами, потом разговлялись в столовой школы пасхой, куличом, красными яйцами и ветчиной. Пасху приготовляли нам в казармах местного батальона.

День основания школы праздновался особенно торжественно. К этому дню приготовлялись за месяц. Под руководством немцев-учителей готовили к постановке "Лагерь Валленштейна" Шиллера или "Юлий Цезарь" Шекспира (в немецком переводе), разучивались роли и шились костюмы. Все роли, как мужские, так и женские, исполняли воспитанники. Так, например, Кальпурию в "Юлии Цезаре" играл старший Гебауер (из Москвы), и играл притом весьма женственно. Учитель русского языка Дегло

репетировал с воспитанниками "Лакейскую" Гоголя или сцену мальчиков, сидящих у костра, из рассказа Тургенева "Бежин луг"; эту сцену играли ученики младшего класса, между прочим, и я. Под наблюдением учителя рисования (прежде Шпренгеля, потом Хасельблата, затем Иогансона) ученики писали в зале на полу декорации. (У Шпренгеля, на его квартире, брал я частные уроки рисования.) Учитель пения и музыки Фальтин со школьным хором разучивал какую-нибудь кантату. За несколько дней до торжества в столовой устраивали сцену; стены убирали гирляндами из еловых веток; пекли вкусные пряники и т.д. На утренний акт и вечернее представление приезжали местные власти и родственники учеников.

Зимой, в свободное от учебных занятий время, нас водили кататься на коньках, на свой собственный или городской каток. Или, когда не было снегу, а лед относительно толст, катались по Выборгской бухте на пространстве нескольких верст[30]. При этом случалось иногда, что воспитанники проваливались в воду, хотя и без серьезных последствий. Катались также близ школы на лыжах. На дворе строили из снегу укрепления, играли в снежки, а весной и осенью играли в лапту, катались на лодках под парусами или на веслах. У школы имелась собственная большая лодка, которую называли *"Kanonenboot"*, стояла она у папуловского моста. У этого же моста ученики удили салаку, а зимой устраивался свой каток. Осенью ходили в лес собирать грибы, которые нам потом давали к ужину. В лесу же собирали бруснику, голубику и чернику, коими изобилует Финляндия. В Троицын день ученики с директором и учителями отправлялись пешком за 60 верст на водопад Иматру. Выступали из школы рано утром, с немецкими песнями. У самого водопада была тогда небольшая деревянная гостиница, где мы ужинали: ели лакс-форели из Иматры и пили пиво и мед с соседнего завода Лаурицаля. Ночевали в сарае на сене. С Иматры возвращались с натертыми мозолями и уже не пешком, а в двухколесных таратайках. Водили нас также в великолепный парк барона Николаи *"Monrépos"* и на ярмарку, которая бывала каждую осень на поле между городом и Выборгским форштадтом. На ярмарочные покупки выдавали нам каждому по рублю. Зимой иногда предпринимались поездки в санях верст за 30, на какую-нибудь почтовую станцию, где пили кофей. Изредка водили нас на концерты, даваемые заезжими артистами, и на любительские спектакли, устраиваемые гарнизонными офицерами и их женами в первой гостинице города *"Societetshus"*.

Помню приезд императора Александра II на открытие Сейма. Пароход, подходящий к пристани, и государь, стоящий на капи-

танском мостике, с блестящей свитой; государь и генералы с развевающимися перьями на касках, в эполетах, лентах, орденах и красных штанах. Потом — как при проезде государя по главной улице ученики Бемской, Фагестремской и других школ стояли шпалерами и пели гимн на финском языке. Затем — развод в присутствии государя на площади перед лютеранской церковью, участие в коем принимали местный батальон и донские казаки.

Часто мы ходили смотреть, как возводились земляные и гранитные укрепления близ Петербургского форштадта для защиты дороги в Петербург, причем взрывали порохом гранитные скалы, находящиеся около самых укреплений.

Недалеко от школы, где брали песок, было разрыто кладбище еще петровского времени, и из земли торчало множество черепов, костей и даже целых скелетов.

В Петербургском форштадте, вблизи русской церкви, находящейся на горе и окруженной кладбищем, летом разбивал свой лагерь местный батальон. В конце лета, после каникул, мы еще заставали этот лагерь; потом палатки снимались и солдаты уходили в городские казармы, оставляя после себя лишь канавки с тьмою блох.

Помню еще, как нас возили в Транзунд, где мы спускались в трюм парусного судна, наполненного белою, как снег, солью.

По субботам мы ходили с учителями в город, причем нам выдавались так называемые карманные деньги. Я получал 10 коп., а брат, бывший в старшем классе, 25 коп. На эти деньги обыкновенно покупались лакомства.

Директором Бемской школы был при мне сперва Ахиллес, которого ученики звали между собою Сапожником, потом Цейтлер, носивший прозвище Старика. Госпожу Бем звали Старой Кобылой. Учителя и ученики имели тоже свои прозвища. Из них помню только некоторые. Так, учителя латинского и греческого языков Шредера *(Peter Schröder)* называли Петькой; учителя немецкого языка Шрека звали Кананеркой; учителя русского языка Дегло — Дегляшкой. (Не могу не вспомнить без признательности о Шредере, всегда с любовью и заботливостью относившемся ко мне. Шредер был хороший преподаватель латинского и греческого языков, хотя строгий и вспыльчивый, но в сущности добрый и сердечный. Часто во время прогулок он заходил с нами в какой-нибудь загородный ресторан, где, несмотря на свои скудные средства, угощал нас кофеем, медом и сладкими пирожками. Шрек, злой и раздражительный, был нелюбим всеми учениками.) Ученика Дружинина, из Фридрихсгама, звали *Der grosse Laban*[31], Миллера, из Москвы, — Милоркой; москвича Острита — Устрицей; москвича Борисовского (старшего) — Головастиком; меня и бра-

та — Щучкой, если говорили ласково, и Щукой — если ругались.

Историю преподавал Рульман, который лицом напоминал Шиллера. Учителем французского языка был швейцарец Фавр; физики и математики — Пагель. Раньше Шрека преподавал немецкий язык Альтмансбергер, уехавший потом в Москву и поступивший в Петропавловскую школу. Шпренгель тоже оставил впоследствии Бемскую школу и перешел в Ревельскую гимназию.

Бемская школа была настолько поместительна, что все учителя, за исключением Фавра, квартировавшего в городе, жили в ней, и некоторые даже с женами (Шпренгель и Фальтин).

У школьного врача, старика Хольциуса, жившего в городе, была молоденькая хорошенькая дочка по имени Молли. Некоторые ученики из старших классов были в нее влюблены, и имя "Молли" кто-то из них высек на гранитной скале, имеющей форму сахарной головы и находившейся недалеко от школы, на противоположной стороне Папуловского моста. (В школе называли эту скалу *"Zuckerhut"*.) Когда старик Хольциус умер, его хоронила вся школа. Это было зимой. Как теперь вижу стоящую перед вырытой могилой, в которую опускали гроб, плачущую Молли.

У воспитанников Бемской школы не было формы, носили лишь синюю фуражку с белым и красным околышком, вроде немецкой студенческой. В школе имелась на дворе собственная баня, куда раз в неделю ученики-пансионеры ходили мыться; зимой многие ученики выбегали из бани голые на двор, чтобы поваляться в снегу. Зимой же играли в снежки, катались на коньках или на лыжах, без теплой одежды, в фуражках, в длинных кожаных сапогах, и надевали лишь на шею шерстяной шарф. Школьные ретирады[32] не отапливались. Несмотря на все это, ученики не простужались и хворали редко; ложились в лазарет чаще по лености и быстро из него выходили, ибо сидеть на пище святого Антония (давали одну лишь овсянку) скоро надоедало.

Освещалась школа газом, проведенным из города. Кухня отличалась образцовою чистотою; деревянные некрашенные полы, бывшие во всей школе, часто мыли. Прислуга была чухонская и преимущественно женская. Женщины прислуживали за столом и вне его, только сапоги чистили чухонцы-мужчины. Все служанки, за исключением одной, были некрасивы; за этой одной ухаживали некоторые холостые учителя и волочились ученики старших классов, не давая ей покоя, пока она не вышла замуж за какого-то чухонца. Какие иногда обязанности исполняла в школе женская прислуга, можно судить по тому, что одной чухонке было поручено вычесать частым гребнем головы учеников меньшего класса, каковую операцию она производила в спальне, на-

гнувши голову мальчика под струю холодной воды, вытекавшей из крана рукомойника. Будучи вместе с другими подвержен этой ческе, до сих пор не могу забыть, как немилосердно больно драла гребнем наши головы эта чухонка.

Почти все овощи для стола были свои, из школьного огорода. Свои были телята и свиньи, для закалывания коих приглашался мясник; когда убивали свинью, то мясник тут же приготовлял ветчину и колбасу. Телятину давали нам только в праздники. Еще реже ели мы мясо северного оленя, глухарей, тетеревов, куропаток и другую дичь. В будни по утрам служанки приносили в классные комнаты подносы со стаканами молока и ломтями ситного хлеба; молоко давали по желанию — сырое холодное или кипяченое теплое. По праздникам по утрам получали мы по стакану кофея с молоком. Обедали и ужинали всегда в столовой. Кроме того, в 4 часа дня приносили в классы ломти ситного хлеба, намазанного вареньем, или черного — с маслом, колбасой, говядиной, ветчиной или сыром. Иногда ученики-именинники угощали свой класс или все классы шоколадом и выборгскими кренделями. Первыми пекарями выборгских кренделей в то время считались Вайти 1-й и Вайти 2-й. Их пекарни помещались в простых деревянных избах, в Петербургском форштадте, недалеко от бойни. В той же комнате, где пекли кренделя, их и продавали. У каждого Вайти одна комната была занята большою печью; на досках лежали кренделя еще из сырого теста, а в сундуках хранились уже испеченные. Кренделя мы возили с собою в Москву родителям. Раз как-то зимой, когда мы ехали домой на Рождественские каникулы, на почтовых лошадях, где-то между Выборгом и Петербургом, к нашему немалому горю, украли у нас из корзины почти все кренделя.

В Петербургском форштадте, кроме кренделей, мы покупали ливерную колбасу, сладкие пирожки из песочного теста и другие съедобные предметы, и покупали их обыкновенно не входя в лавку, а через оконную форточку, выходящую на улицу.

Учение в Бемской школе скорее можно было назвать зубрением, потому что все большею частью заучивалось наизусть. Так, учитель рисования Шпренгель, кроме своего специального предмета, преподавал еще географию и зоологию, и как преподавал! Например, преподавание зоологии состояло в том, что Шпренгель показывал ученикам раскрашенные изображения разных животных, называя их, и нужно было ученикам запомнить эти названия и потом самим их называть учителю. Это было все. Вообще естественные науки находились в загоне. Школьная библиотека была бедна книгами. Еще беднее был обставлен физический

кабинет. Собственно, физического кабинета вовсе не существовало, а в библиотеке находилось небольшое собрание физических приборов. Химической лаборатории совсем не было. Зато латынью и греческим занимались усердно, в особенности в старших классах, ибо знание этих языков требовалось при поступлении в Дерптский университет, куда преимущественно и приготовляла Бемская школа своих учеников. Русским ученикам преподавал закон Божий соборный священник. Приходил также из города обучать переплетному ремеслу какой-то старичок-немец, фамилию коего не помню, и у которого был в городе свой магазин письменных принадлежностей. В этом магазине наш директор покупал для школьного обихода тетради, линейки, стальные перья, карандаши, перочинные ножи и т.п. По желанию обучали также шведскому языку. Гимнастика была обязательна.

За маловажные проступки провинившихся заставляли выучивать наизусть немецкие стихи или оставляли без обеда и ужина; за более важные — сажали в карцер, на хлеб и на воду, или даже подвергали наказанию палкой, что исполнял сам директор. Случалось, что разъяренные учителя за дерзкие ответы награждали учеников пощечинами.

Между учениками было в обычае "мыть снегом" новичков. Фискальства не терпели и фискалов били. (С учениками шведской Фагестремской школы мы были в постоянной вражде и при случае с ними дрались.) Многие учителя курили в длинных трубках табак. Когда учитель отлучался хотя бы ненадолго из класса и оставлял свою трубку, ученики пользовались этим случаем, чтобы курить из его трубки. То же делалось и с кофеем, и со сливками, которые подавали в класс учителю: ученики отпивали часть кофея со сливками. В Бемской школе мы были ближе к природе, так как школа находилась за городом, недалеко от воды и леса. Пробуждение природы от зимнего сна нам было хорошо наблюдать: мы видели прилет уток, гусей, лебедей и других пернатых; видели, как бегают по лужам, образовавшимся от растаявшего снега, водяные жуки; ловили саламандр и т.п. (Приманцы[33] имели право держать у себя ружья и ходить на охоту.) Весна была нам очень приятна еще тем, что в начале ее появлялись русские разносчики мороженого. Взявши незаметно из буфетного шкафа стаканы, ученики тайком убегали из школы за большой гранитный камень, находившийся поблизости, где уже поджидали расположившиеся со своими кадками разносчики, и за 20 копеек наполняли стакан сливочным или шоколадным мороженым.

В Бемской школе мы с братом пробыли до лета 1867 года, приезжая в Москву на Рождественские и летние каникулы. Езди-

ли мы из Москвы до Петербурга, туда и обратно, с другими товарищами-москвичами, зимой, в нетопленом вагоне третьего класса. В дорогу надевали бараньи шубы и валенки. Вагон промерзал насквозь, и часто случалось, что к скамье или полу примерзали наши вещи. Билеты Никольской железной дороги были тогда в виде длинной бумажной ленты, с перечнем всех станций. В Петербурге мы останавливались на Васильевском острове, в 18-й линии, в гостинице Кайзера, где хранилась наша кибитка, в которой отправлялись в Выборг, ибо железная дорога еще не существовала. Надо было проехать на почтовых 140 верст, с переменой лошадей на каждой станции, для чего имели подорожную. Первая станция от Петербурга была Парголово, вторая — Белоостров, затем — первая финляндская станция Раиоки и другие станции с чухонскими наименованиями. Между этими последними, состоящими из нескольких избушек с сараями, как оазис в пустыне, встречалось большое русское село, называвшееся Красным Селом, с каменными церковью и острогом и порядочным станционным домом. Последняя станция перед Выборгом называлась Лильперо. На чухонских станциях, кроме самовара, ничего нельзя было достать, потому мы брали с собою вино, чай, колбасу, сыр, сардинки, хлеб и разную другую провизию. В Белоострове был русский станционный дом, хорошо меблированный, и находилась русская таможня, где спрашивали паспорта и происходил таможенный осмотр. Так как учеников Бемской школы не осматривали, то чухонцы провозили в наших санях контрабанду: табак, сахарные головы и т.п.

Помню, как раз, перед рассветом, не доезжая Петербурга, мы подъехали к освещенному довольно большому двухэтажному дому. Это был какой-то трактир, у которого стояло множество крестьянских саней. В нижнем этаже трактира толпились хозяева этих саней, слышался говор на русском и чухонском языках, было сильно накурено табаком и пахло спиртными напитками. Мы поднялись во второй этаж, где находилось чистое отделение, с диванами и зеркалами, и где нам подали бифштекс с картофелем и луком.

140-верстное зимнее путешествие, иногда в сильную стужу, закаливало учеников, хотя эти путешествия не всегда благополучно сходили с рук. Так, однажды мой брат, его товарищ по классу Острит и я возвращались в своей кибитке в Выборг. Дело было к вечеру; стемнело; мы приближались уже к школе: ехали Петербургским форштадтом. Как вдруг, недалеко от общественного колодца, налетела на нас мчавшаяся водовозная бочка и сшибла сидящего свесив ноги из саней Острита. Наши лошади

испугались и понеслись, но их удалось остановить. Острита, выброшенного из саней, подняли с облитым кровью лицом и стонавшего. Доставленный в школу, он несколько месяцев пролежал в лазарете, пока не поправился. (В последнюю турецкую войну Острит служил артиллерийским офицером и участвовал в осаде и взятии крепости Карса, за что получил Георгиевский крест. К сожалению, жизнь свою он кончил самоубийством.)

На летние каникулы мы отправлялись из Выборга в Петербург на пароходе Финляндского общества и тем же путем возвращались опять в Выборг.

Вот некоторые из учеников, которые остались в моей памяти: Дружинин (из Фридрихсгама), Фриц Вааль (первые коммерческие дома в Выборге были: Вааль, Хакман, Диппель и Роте), Баклунд, Седов и Зеземан (все из Выборга), Лихонин, два брата Зуевы, Петерка, Бострам и Серкс (все из Петербурга), два брата Гебауер, два брата Борисовских, Острит и Миллер (все из Москвы), два брата Кронгельмы (из Тифлиса), барон Унгернштернберг (из Остзейского края), Меляр-Топеус, Хасельблат, Паляндр и два брата Кемпе.

Дружинин был большого роста и довольно туповатый, почему его и прозвали *Der grosse Laban*. От своих родителей из Фридрихсгама он получал довольно часто разную провизию, между прочим миноги, которыми нас угощал. Отец Баклунда жил близ школы и был горшечник; мы ходили смотреть, как он делал на станке глиняные горшки. Зуевы принадлежали к семье, в которой насчитывалось двадцать два сына. Старший из братьев Борисовских, прозванный Головастиком за странную форму головы, отлично рисовал, а младший искусно показывал фокусы. Братья Кронгельмы ходили зимой в папахах и бурках. Седов памятен мне тем, что украл у меня из пульта коллекцию серебряных монет и продал ее в городе одному часовщику, где она была отыскана вся в целости и мне возвращена. (Монеты дарил мне отец. Воспитанники в Бемской школе собирали преимущественно стальные перья разных фабрик и почтовые марки разных государств, и у некоторых учеников были значительные собрания.)

По смерти госпожи Бем владельцем школы стал директор Цейтлер. В 1873 году Бемская школа праздновала 25-летие своего существования, а в 1883-м Цейтлер принужден был школу закрыть вследствие малочисленности учеников.

Через 30 лет (в 1897 году) я посетил опять Выборг. С проведением железной дороги форштадты значительно разрослись, но сам город мало изменился. Предместье Папула прежде состояло лишь из небольшого числа деревянных домиков (огородника Се-

дова, горшечника Баклунда и др.), а перед Бемской школой местность была покрыта большими гранитными камнями. Теперь все это застроилось. Здания школы я не мог сразу найти, хотя оно и уцелело; нет только школьной башни, на которой развевался русский флаг. В квартире директора поместилась колониальная лавка. Среднее крыльцо, над дверью коего была доска с немецкой надписью, сохранилось. Заглянул я на задний двор, где играли в былое время воспитанники: ограда, сложенная из гранитных камней, во многих местах поразвалилась; в соседнем парке, принадлежавшем генералу Филиппеусу, теперь выстроены домики для солдат; самый парк большею частью вырублен. За Папуловским мостом стоит еще гранитная скала ("*Zucherhut*"), но имя хорошенькой Молли, когда-то высеченное на этой скале, стерлось. Существует ли в настоящее время здание Бемской школы, не знаю.

Весной 1867 года меня и брата взяли из Бемской школы, а осенью того же года я был отдан в пансион Гирста в Петербурге.(В 1867 году отец купил дом у Ватсона в Колпачном переулке, на Покровке, куда мы и переселились из дома Херодинова. В 1874 году отец продал этот дом и купил другой, двухэтажный, каменный, у Толмачевой, на углу Пречистенки и Лопухинского переулка. В настоящее время на месте этих двух домов выстроены новые: в Колпачном переулке — 4-этажный (надстроено два этажа), а в Лопухинском — 7-этажный.)

Пансион Гирста, теперь не существующий, находился на Васильевском острове, в 5-й линии, и помещался в доме, в котором, по преданию, родился Аракчеев. Дом был немецкий, двухэтажный и имел форму буквы Г; на дворе был еще отдельный небольшой двухэтажный каменный флигель.

Владелец и директор пансиона — Дмитрий Фомич Гирст — был очень добрый, образованный человек, превосходно знавший русский, английский, французский и немецкий языки. Некрасивый и рябой, с длинным носом, средних лет, болезненный и флегматичный, он ходил всегда щегольски одетым; выражение его лица было обыкновенно грустное, я никогда не видал его веселым. В обращении со всеми Дмитрий Фомич был чрезвычайно вежлив.

Русский язык преподавал Василий Петрович Геннинг, математику и физику — Ростислав Николаевич Гришин, географию — Петр Федорович Обломков (все трое из 7-й гимназии), всеобщую историю — Анонимов (переводчик Герберштейна *"Rerum Mosco-vitarum"*), коммерческие счисления — Рейнбот (из коммерческого училища), товароведение — Лесгафт[34], ботанику — Ме-

лиоранский, английский язык — мистер *Harrisson* (из Морского корпуса) и др.

При пансионе было особое приготовительное отделение для поступающих в Морской корпус. При мне в этом отделении учились: Бутаков, Мофет, Шкотт и др. Преподавали преимущественно учителя из Морского корпуса: Божерянов, Рождественский и др. Будущие моряки уже в пансионе Гирста носили голландки, которые заказывали в швальне[35] Морского корпуса; а по вступлении в корпус навещали нас в полной кадетской форме, при палашах. Так как родственники учившихся в этом отделении занимали большею частью высшие должности во флоте, то в пансион Гирста приезжали разные контр-, вице- и полные адмиралы. Один контр-адмирал, фамилию которого я позабыл, преподавал в отделении географию, и его почему-то прозвали Каретой.

Как видно из писем ко мне Р.Н.Гришина, сам Д.Ф.Гирст был о своем морском классе (в 1872 и 1873 годах) плохого мнения. Так, 12 мая 1872 г. Гришин пишет мне: “Пансион Гирста все существует на прежнем основании, только высших классов (с ничтожными знаниями) не существует; зато открыт все еще знаменитый морской с прежними матросскими рубахами и ничегонеделанием”.

10 сентября того же года: “От моряков он (Гирст) не знает как отделаться. Более буйных поместил в известный Вам флигель (старшие классы (V и VI) закрыты: боится держать взрослых)”.

10 июня 1873 года: “Бедняга (Гирст) жалуется на заметно расстроившееся здоровье; а между тем отлучиться ему на лето, говорит, нельзя: в доме остаются 40 человек-головорезов, готовящихся в морское училище. Поручить же их чужому надзору, будто, невозможно”.

В 1876 году Гирст продал свой дом вместе с пансионом за 40 тысяч рублей, а в 1884 году на месте этого дома выстроен громадный дом неким Бремером.

В.П.Геннинг имел обыкновение говорить ученику, дающему несообразный ответ: “Батюшка, это сапоги всмятку”, и называл “несчастным” ученика, сделавшего какую-нибудь ошибку. У Геннинга брал я частные уроки русского языка, для чего ходил к нему на квартиру, находившуюся в 13-й линии, в доме, принадлежавшем 7-й гимназии. Геннинг был видный молодой красивый брюнет с бородой и имел красивую молодую жену. Квартира была очень небольшая, и я занимался в комнате, где была их спальня, разделенная перегородкой. Сам Геннинг был человек довольно ленивый, всегда курил папиросы и часто жаловался на головную боль.

Мелиоранский, хороший зоолог, отличался своею неряшливостью в костюме; всегда что-нибудь было у него в беспорядке: или торчала из брюк сорочка, или виднелась бечевка, которою он был подпоясан, или расстегнут жилет.

Учитель-немец был, кажется, психически не совсем здоровый человек. На учеников, делавших ошибки или не знавших урока, он неистово кричал, выходя из себя и говоря свои обычные изречения: "Чок, чок, чок, дурачок", или: "*Ah, warum, warum ist das Schaf so dumm, so dumm*"[36].

Во время рекреации, когда ученики играли на дворе, и он был дежурным, ходил или бегал по двору, размахивая руками и говоря сам с собою или декламируя стихи.

Учитель-француз, лысый, с несколькими клоками белых волос, добрейший старичок, когда-то преподававший французский язык в Морском корпусе, беспрестанно повторял: "*Quand j'etais au corps de la marine*"[37].

Мистер *Harrisson* — высокий, рябой, с рыжими волосами и бакенбардами, учил английскому языку по руководству, составленному им самим.

Физического кабинета и химической лаборатории в пансионе не было, а ходили мы в 12-ю линию, в 7-ю гимназию, где Р.Н.Гришин показывал и объяснял нам физические приборы и делал химические опыты. У Гришина на квартире брал я частные уроки математики. Впоследствии между нами завязались дружеские отношения, продолжавшиеся 15 лет и прекратившиеся только со смертью Гришина.

Когда Д.Ф.Гирстом был приглашен Лесгафт читать нам товароведение, то был заведен особый шкаф, и по списку, составленному Лесгафтом, были куплены образцы разных продуктов и несколько приборов для исследования их.

Ученики Гирстовского пансиона принадлежали к разным национальностям. Учился японец Танака, возраст которого, как вообще у японцев, трудно было определить; грек Карали, уже взрослый мужчина, которого странно было видеть на школьной скамье; англичанин, родственник адмирала Керна, чистенький и беленький юноша, каждое утро и вечер мывшийся с головы до ног холодной водой; маленький худенький французик Лавинь; два обангличанившихся немца, братья Куминг; немец Бец, сын булочника, у которого брали хлеб для пансиона (булочная Беца находилась напротив пансиона); Веселовский, готовившийся в Кронштадтское штурманское училище и бойко рисовавший военные корабли, зная хорошо рангоуты[38] фрегата[39], корвета[40], клипера[41] и других судов; угреватый Филимонов, два брата Перозио, Хильке-

вич, Бруни, Кормилицын, два брата Корнилова (сыновья известного фарфорового заводчика), Эпов из Читы, С.Н.Мамонтов из Москвы и др.

Поначалу жил я в пансионе, как и все прочие ученики: спал в общей спальне и подчинялся всем пансионским правилам; впоследствии же стал спать в отдельной комнате, с воспитанником Авдеевым из Москвы, и пользовался относительно большей свободой.

Кормили пансионеров недурно: утром и вечером давали чай в больших фарфоровых чашках с белым хлебом, но так как в чашки клали сахарный песок, то чай был мутный; зато всего давалось вдоволь. В 12 часов полагался завтрак, в 6 — обед. За столом прислуживали татары; швейцарами были отставные гвардейские солдаты.

По воскресеньям и праздникам я ходил в гости к старому приятелю отца, немцу Александру Яковлевичу Фаренгольцу, жившему на Михайловской площади, в доме рядом с Дворянским собранием. Иногда в субботу или накануне праздника я ночевал у Фаренгольца. В прежнее время он был участником в набивной кисейной фабрике Менда, находившейся близ Петербурга (Фридрих Менд и К°). Когда я учился в Петербурге, мендовская фабрика была уже закрыта, и Фаренгольц жил доходами со своего капитала. Александр Яковлевич был женат на немке Мине Осиповне; детей у них не было, зато они любили вообще собак, а своих комнатных собачек Мосю и Амишку в особенности. Портреты этих собачек, писаные масляными красками, висели в золоченых рамах в кабинете Александра Яковлевича. Сам Фаренгольц был очень аккуратный человек; он не терпел, чтобы валялись бумажки, ниточки, веревочки и т.п., все тщательно подбирал, и всюду был у него образцовый порядок. Мина Осиповна, хотя была женщина довольно простая, но неглупая, добрая и хорошая хозяйка. Помню, как-то мой отец спросил ее, любит ли она какое-то кушанье, на что она наивно ответила: "Наша невестка все трескает". Потом отец говорил, что эту поговорку Мина Осиповна, должно быть, слышала от своей кухарки. Знакомых у Фаренгольцев было немного. Встречал я у них доктора 8-го флотского экипажа Александра Александровича Менда (брата бывшего фабриканта Менда), отставного чиновника Павла Ивановича Рейслера, художника Клиндера[42] и контр-адмирала Истомина. Все это были люди уже пожилые. Стол у Фаренгольцев был очень хороший; к завтраку и обеду подавалось немного блюд, но зато все было отлично приготовлено; я никогда не едал таких вкусных рябчиков и сельдей, как у них.

3 Зак. 380

Во время концертов в Дворянском собрании из окон квартиры Фаренгольцев были видны вереницы экипажей, подъезжавших к подъезду Собрания, и как выходили из них элегантно одетые дамы и кавалеры — военные и статские.

Ходил я также к своей тетке, вдове Александре Петровне Визигиной, сестре моей матери, которая жила вместе со своею дочерью Александрой Никитишной на квартире против Мариинского театра. Александра Петровна была старая, скупая, недалекая женщина; дочь ее уже не первой молодости, образованная и любезная, любила светскую жизнь. Визигины держали извозчичью карету, в которой Александра Никитишна делала визиты и ездила в театры. На лето Визигины переезжали на дачу в Петергоф, где я у них тоже бывал. В Петергофском дворце тогда можно было покупать у придворного кондитера конфеты, пирожки и мороженое. Мы с Александрой Никитишной не раз едали во дворце у этого кондитера прекрасное мороженое, которое подавали на хрустальных блюдцах с серебряными золочеными ложечками, на ручка коих были рельефные двуглавые орлы.

Помню, как Александра Никитишна стала невестой одного чиновника, Котельникова, подарившего мне агатовую ступку и два или три платиновых тигля, которые скоро потом он потребовал обратно, вероятно, по настоянию моей скупой тетушки.

Изредка навещал я своего дядю, профессора Сергея Петровича Боткина[43], жившего у Пяти Углов. Там встречал я Пеликана[44], Сеченова[45], Белоголового[46], Виктора Александровича Крылова[47], на сестре которого Сергей Петрович был женат, и других известных лиц.

Иногда бывал я в театре. В то время в Петербурге процветала оперетка. На Александринской сцене играла грациозная Лядова, а на Михайловской — изящная Девериа. Той и другой актрисой увлекались молодые и старые. Мой товарищ по спальной комнате в пансионе Гирста — Авдеев, благодаря знакомству с суфлером, смотрел Лядову в "Прекрасной Елене" из суфлерской будки. На Александринском театре я застал еще Василия Васильевича Самойлова, игрою которого восхищался, в особенности в Аверкиевской "Комедии о российском дворянине Фроле Скобееве и стольничьей Ордын-Нащокина дочери Аннушке". Одновременно в театре Берга давали пьесу "Остров Калипсо", в которой явилась в роли Калипсо, в одном трико, красивая, но безголосая блондинка *Eugénie de Forêt.*

В Артистическом клубе у Пяти Углов посещал я вечерние лекции русской истории Николая Ивановича Костомарова[48], кото-

рый, хотя уже старый и беззубый, читал увлекательно. В Николаевской Военной Академии также слушал вечерние лекции, устраиваемые Военно-Техническим Комитетом; читали Китара[49], Ходнев[50] и Лесгафт — о питательности разных консервов, причем после лекции давали пробовать слушателям тут же варившиеся щи, бульоны и в том числе известную в германской армии гороховую колбасу.

На Масленице устраивались балаганы и ледяные горы на Адмиралтейской площади, на которой в то время еще не разбивали сквера. Там в одном насквозь промерзшем балагане смотрел я пьесу с оглушительной стрельбой, сюжет которой был заимствован из Кавказской войны. На Масленице же приезжали в Петербург чухны на своих быстрых лошадях с колокольчиками под дугой и катали по городу публику за дешевую плату, делая подрыв русским извозчикам.

Весной, с открытием навигации, ходил я в Биржевой сквер, куда с первыми пароходами привозили из-за границы попугаев, певчих птичек, обезьянок, черепах, саламандр, рыбок для аквариумов, разные раковины, немецкие пряники и т.п. Сквер содержался очень опрятно, дорожки были посыпаны красным песком; гуляла элегантная публика. Жаль, что сквер был потом уничтожен.

Осенью бывал я на празднике в Таврическом саду, на котором, между прочим, принимал участие военный хор песенников. Помню, как запевала хора, указывая на гвардейских солдат разных полков, находившихся между зрителями, пел: “А большие каблуки — кирасиры дураки”. Или: “Егеря, егеря — рать любимая царя.” Или: “Вот гренадерский полк, а свяжись с ним — будет толк”. И так далее, а хор подпевал: “Ах ты, калина, ах ты, малина”.

Хотя в пансионе Гирста недурно кормили, все же иногда заходил я в трактиры и кафе-рестораны. На Васильевском острове, в 1-й линии, в трактире “Лондон” обыкновенно заказывал себе жареный в сотейнике рябчик и омлет с вареньем; на Большой Морской, в “Малом Ярославце” спрашивал обед в рубль; на Васильевском острове, близ Морского корпуса, существовал кафе-ресторан Вильдпрета, куда ходило много флотских офицеров и куда закусить хаживал и я; иногда я бывал и на Невском, у “Доминика”. Посетители этого кафе-ресторана назвались “доминиканцами”.

Зимой 1870 года в Петербурге стояли жестокие морозы: в термометрах замерзала ртуть; птицы падали мертвыми; в дворцах извозчикам давали даром чай и калачи. В эту зиму мой отец при-

езжал в Петербург на совещание Таможенной Тарифной Комиссии и останавливался на Михайловской, в гостинице Клея, теперь “Европейской”. После занятий я приходил к отцу и ночевал у него в номере. Тогда у Клея заведовал буфетом известный Ион, и кормили отлично.

В июне 1871 года я оставил пансион Гирста и незадолго перед тем предпринял поездку на Валаам. Пароход, зайдя в Шлиссельбург и выйдя из Невы в Ладожское озеро, направился к острову Коневец[51], куда пришли вечером. Поужинав в монастырской гостинице, пошел я посмотреть, как монахи вытаскивают из озера сети, наполненные множеством блестящей, как серебро, рыбы. Всю ночь провел я на берегу, и было светло почти как днем. Поутру пароход пошел дальше, зашли в Кексгольм[52], а к вечеру пришли на Валаам. Здесь поместили меня в келье вместе с приехавшим на пароходе молодым дьяконом, который оказался пьяницей и ловеласом: запасшись в Кексгольме водкой, он стал ее пить в келье, а на другой день, на возвратном пути, волочился за молодыми пассажирками.

По моем возвращении из Петербурга в Москву отец повез меня (вместе с моим братом Сергеем) к живущему на даче в Соколове, близ Химок, известному педагогу Владимиру Яковлевичу Стоюнину[53], бывшему тогда инспектором Московского Николаевского сиротского института. Стоюнин проэкзаменовал меня из нескольких предметов, нашел недостаточно подготовленным, чтобы поступить в какое-нибудь высшее учебное заведение и посоветовал продолжать учебные занятия дома. По рекомендации Стоюнина, я стал дома брать уроки русского языка у Павла Ефимовича Басистова[54] и математики – у преподавателя гимназии Ступина. (Басистов преподавал тогда в Николаевском сиротском институте и других учебных заведениях.) Кроме того, был приглашен давать мне уроки французского языка француз Дюфор, из Коммерческого училища, что на Остоженке. После моего милого Ростислава Николаевича Гришина Ступин не особенно пришелся мне по вкусу. Некрасивый и рябой, всегда угрюмый, желчный, он преподавал математику как-то сухо. Напротив, Дюфор был ласковый, веселый, предупредительный. Зная, что я интересуюсь технологией, Дюфор стал возить меня на заводы и фабрики. Так, с ним я осматривал: сахарно-рафинадный завод бр.Борисовских в Сокольниках, набивную фабрику Майкова под Девичьим, на которой набивали платки еще ручным способом, и парфюмерную фабрику Ралле, где видел на решетках, покрытых слоем сала, лежащие веточки резеды. (В то время я читал с большим интересом Муспратта и другие книги по технологии, мечтая

поступить в Петербургский Технологический институт или Политехникум в Карлсруэ.)

Уроки физики и химии давал мне студент-медик Константин Николаевич Никитин, отец которого был прозектором Московского Университета и жил в одно-этажном доме на Моховой против Манежа, ныне не существующем.

К.Н.Никитин был завзятый химик, можно сказать, не выпускавший из своих рук учебника Менделеева "Основы химии". К Никитину я ходил на уроки. Он занимал у своего отца комнату с низким потолком и в одно окно, выходившее на двор. Вся мебель состояла из кровати, стола, двух или трех стульев и шкафа; шкаф был наполнен книгами, физическими и химическими приборами и банками с разными веществами. На столе лежали: человеческий череп, препарированная кисть руки без кожи, со всеми артериями, венами и нервами, колбы, реторты и т.п. Тут же у себя в комнате Никитин показывал мне разные опыты.

Еще в Петербурге у Штоля и Шмидта купил я несколько химических элементов: калий, натрий, бром, йод, фосфор и др., а затем пополнял это собрание элементов в Москве. Имелись у меня также некоторые алкалоиды (теин, кофеин, никотин и др.) и разные благовонные эфирные масла. Уезжая за границу, я отдал Никитину все опасные и ядовитые вещества. Эфирными же маслами после моего отъезда долго душилась вся наша прислуга.

Стал я иногда заходить в городе в лавку отца, который торговал тогда в Богоявленском переулке на Чижовском подворье[55] мануфактурным товаром. У отца в лавке служил его брат — Павел Васильевич. Отец был очень строг, и все служащие, в том числе и мой дядя, его боялись. Отец не любил, чтобы в лавке кто-либо из служащих курил, хотя сам курил очень много сигар; он также не любил, чтобы служащие читали газеты или книги, вообще не терпел, чтобы в лавке занимались посторонним делом, и если кто попадался в таких проступках, того отец порядком отчитывал. Приказчики получали в лавке хозяйский чай и сахар, а ели на свои деньги, покупая все у разносчиков. Разносчики в городе носили в скоромные дни горячие мозги, сосиски, почки, ветчину, а в постные — рыбу; также носили пироги на скоромном и постном масле. (Разносчики варили ветчину в городе, в общем котле, и за варку ничего не платили; зато в пользу хозяина котла оставалась часть ветчинного жира.) Один повар носил в горшке горячие щи, а одна баба носила в лукошке горячие блинчики с сахаром. Много лет ходил в городе разносчик со сдобными сухарями, пискливым голосом выкрикивал: "Сахарные сухари!".

Контора отца всегда находилась в доме, где мы жили; притом,

когда мы еще жили в доме Херодинова, то наш бухгалтер Дмитрий Петрович Матвеев и его помощник Павел Иванович Голубков (впоследствии один из директоров Московского Трехгорного пивоваренного завода) удостаивались завтракать и обедать вместе с моими родителями. Д.П.Матвеев жил у нас в доме Херодинова и держал у себя кота, которого очень любил; занимался Дмитрий Петрович также музыкой и даже написал романс, начинавшийся так: “Вино дает нам вдохновенье, вино нас греет и живит...”

С дядей Павлом Васильевичем ездил я на Нижегородскую ярмарку. Жили мы там в лавке отца (бывшей Матиаса) на Царской улице, в Панском гуртовом ряду, почти напротив трактира Бубнова. Лавка находилась в общем каменном двухэтажном корпусе. Из таких корпусов состоит вся ярмарка, выстроенная Бетанкуром. В нижнем этаже обыкновенно торгуют, а в верхнем помещаются конторы и жилые комнаты. В продолжение ярмарки служили у нас два татарина — старик Велит с сыном Сабиром, приезжавшие из своей деревни Сергачевского уезда Нижегородской губернии.

В гор.Сергачеве существовало для дрессировки медведей особое заведение, в шутку называвшееся “медвежьей академией”. В этом заведении был устроен каменный пол, который сильно нагревали подвальною печью, и медведю на задние лапы надевали валенки; вследствие накаленности пола медведю невольно приходилось поднимать передние лапы. После того как запретили водить медведей, “медвежья академия” закрылась. Иногда с медведем водили и козу, сопровождаемую барабанщиком, отчего и произошла поговорка: “отставной козы барабанщик”. В 1904 году, будучи в гор.Тулузе, я видел, как по улицам водили медведей.

Ярмарочные нравы были еще довольно патриархальные. Приезжие покупатели, входя в лавку, крестились и троекратно целовались с дядей и с главными приказчиками. Некоторые покупатели привозили подарки. Так, казаки братья Абрамовы из Новочеркасска дарили балыки или цимлянское вино, кавказские армяне — кахетинское вино в бурдюках или сушеные фрукты. Ходебщики, или “ходьба”, как их короче называли, считались одними из лучших покупателей, так как покупали за наличные деньги на довольно значительную по тогдашнему времени сумму. У нас покупали ходебщики: Селиверстов, Чаянов, Богомоловы, Малышевы, Телегины и др. Каждый хозяин “ходьбы” приходил в лавку с десятью или более приказчиками, долго торговался, потом каждый из его приказчиков в отдельности отбирал товар; после отборки товара по заведенному обычаю “ходьбу” угощали в тракти-

ре Бубнова, куда отправлялись в таком порядке: впереди шли хозяин "ходьбы" с моим дядей, а за ними попарно приказчики-ходебщики.

На ярмарку съезжалось множество нищих, калек и уродов. По рядам днем разъезжали в колясках разряженные в платья ярких цветов женщины и прелюбезно раскланивались с торговцами: это были обитательницы Кунавинских притонов, приезжавшие на ярмарку из Москвы, Казани, Рыбинска и других городов. Пьянство на ярмарке процветало; пили также и мой дядя, и некоторые из наших приказчиков. Иногда ночью дядя возвращался в лавку в таком состоянии, что татарин Сабир принужден был втаскивать его на своей спине по лестнице на верхний этаж. Но как только приезжал на ярмарку мой отец, пьянство у нас прекращалось, и в продолжение двух недель, до отъезда отца, все вели себя хорошо.

Кормили на ярмарке превосходно. Первым рестораном считался ресторан Никиты Егорова. В то время Волгу и Оку еще не отравили нефтью, как ныне, и потому рыба имела чистый вкус; раки были крупные, не такая мелочь, какую видишь теперь; в окрестностях Нижнего в изобилии водились утки, дупеля, бекасы, рябчики.

Из ярмарки ходил я пешком в Нижний, где, не помню в какой библиотеке, брал старые номера С.-Петербургских "Ведомостей" с фельетонами А.С.Суворина (Незнакомца), которыми зачитывался. Потом уже в Москве стал посещать Чертковскую библиотеку[56], находившуюся на углу Мясницкой и Фуркасовского переулка, библиотекарем которой был тогда Петр Иванович Бартенев[57]. Помню, что на стене входной лестницы висел портрет фаворита Екатерины II — Ланского, и что в библиотеке я читал "Письмовник" Курганова.

В доме Черткова библиотека была открыта для публики с 1861-го по 1872-й год; в настоящее время она находится в Московском Историческом музее.

Весной 1872 года отец поехал за границу и взял меня с собой.

ДОПОЛНЕНИЯ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ

В детстве носили мы, мальчики, черные плисовые[58] полушубки, отороченные серым беличьим мехом, и черные плисовые же сапожки, какие носили тогда и дамы. Я очень обрадовался, когда мне дали первые кожаные сапожки с красными сафьяновыми отворотами; до сих же пор мы носили кожаные или прюнелевые[59] башмаки дамского фасона.

Утром нам в детскую давали по чашке чаю с молоком и по

круглой сдобной булочке с куском белого хлеба; обглодавши верхнюю корочку булочки, мы опускали булочку в чашку, предварительно отпив немного чаю; затем клали в чашку белый хлеб, придавив его ложкой; чашку опрокидывали на блюдце, и получался пирожок, называвшийся у нас "тюрей".

Когда обедало у родителей много гостей, то нас, детей, сажали за отдельный стол, что называлось "обедать с музыкантами".

Отец нас баловал. В доме Херодинова кабинет отца находился во втором этаже, и окно выходило в сад. Бывало, весной или осенью, когда мы гуляли в саду, отец брал несколько конфет, завертывал их в бумагу, привязывал на веревочку и опускал из окна в сад, где мы их подбирали. Возвращаясь из гостей, с обеда или бала, отец всегда привозил нам гостинцы: конфеты, завернутые в серебряные или золотые бумажки с картинками или какими-нибудь украшениями, и фрукты. Со свадеб отец привозил конфеты в белых атласных бонбоньерках, украшенных искусственными букетиками флердоранжа.

Из всех лекарств, которые давали нам в детстве, только "девья кожа" и "ячменный сахар" были нам по вкусу; с отвращением принимали мы касторовое масло, которое заедали малиновым вареньем; касторового масла в капсулах тогда еще не знали. Я знал двух лиц, которые с удовольствием принимали касторовое масло: товарищ председателя Московского окружного суда Владимир Сергеевич Абакумов и Козьма Терентьевич Солдатенков. Однажды мне пришлось быть свидетелем, как Козьма Терентьевич после приема касторового масла облизал серебряную столовую ложку. Не менее противным был рыбий жир, которым находили нужным нас пичкать и который мы запивали мятой. Нашим домашним врачом был доктор Кноблох. В 80-х годах за одним из субботних обедов в Английском клубе[60] я увидал сидящего за столом старика, очень напоминавшего канцлера Горчакова. Оказалось, это был доктор Кноблох.

В нашем раннем детстве глупые няньки пугали нас трубочистами и будочниками. Боялись мы и темных комнат, а также боялись подходить к дяде Ивану Петровичу Боткину, у которого была скверная привычка щипать нас, детей. Позднее от матери мне часто доставалось, в особенности за ошибки, которые я делал в русском и французском диктанте; она диктовала нам сама. Мать я боялся, потому что она больно била, и притом куда попало. Отца мы все очень любили; он делал нам выговоры только тогда, когда кто его заслужил, но никогда рука его не поднималась на детей. Плохое отношение ко мне матери отчасти побудило отца отдать меня, 10-летнего мальчика, в Выборг, в Бемскую школу, а затем, 14-летнего, — в Петербург, в пансион Гирста. Я не помню,

чтобы от матери когда-либо получал какой-нибудь подарок. Игрушки, картинки, книжки дарил мне отец или его приятели (М.Т.Лавров, Борхгард) и ближайшие родственники. Дядя Николай Петрович Боткин[61] дарил обыкновенно деньгами. Когда я учился со старшим братом в Выборге, то перед отъездом нашим туда отец всегда заезжал со мною в Охотный ряд к Егорову, где покупал всевозможные сласти, которые мы брали с собою в школу и которыми там лакомились. На Пасху отец опять присылал нам в школу большой запас разных сластей.

Из жизни в херодиновском доме вспомнились мне два случая. Однажды нас, детей, М.Т.Лавров повез сниматься к фотографу Мебиусу. Это было первый раз, что нас снимали. Перед самым открытием камер-обскуры Мебиус сказал нам: "Внимание, сейчас вылетит птичка", вследствие чего мы открыли рты и вышли на фотографии с открытыми ртами.

Как-то у нас все дети, кроме меня, захворали корью или скарлатиной, и поэтому меня отправили гостить к дяде П.Л.Пикулину, который тогда жил с своей женой Анной Петровной (урожденной Боткиной) на углу Петровского бульвара и 3-го Знаменского переулка в деревянном двухэтажном доме, где занимал верхний этаж. Дом этот (Малюшина) с садом сохранился в том же виде и поныне. Помню, из окон этой пикулинской квартиры я видел эскадрон жандармов, выезжавший из соседних казарм, жандармов, носивших в то время кивера с лошадиными хвостами.

С отцом мы часто ходили в церковь; отец был очень набожный. Когда мы жили в Колпачном переулке, отец ходил к ранней обедне в церковь Успения (на Покровке) и брал нас с собой; для этого заставлял нас будить. В кунцевскую церковь мы ходили с отцом и матерью, по воскресеньям и праздникам, к поздней обедне. В этой церкви обыкновенно читал "Апостол" Илья Алексеевич Сусоров, товарищ председателя Московского коммерческого суда, для чего он выходил на середину церкви.

В Кунцеве, как я уже говорил, жила семья Керцелли. Семья эта состояла из четырнадцати человек. Помню, Александр Иванович Постников (сын московского врача) вырезал на скамейке одной кунцевской беседки следующие вирши: "На скамейке здесь сидели все четырнадцать Керцелли".

Жила еще в Кунцеве семья Медведниковых. Сама Медведникова была очень полная особа и курила трубку с длинным чубуком. Одна барышня Леткова (как я уже сказал) вышла замуж за Н.В.Султанова; другая вышла за художника Константина Егоровича Маковского[62], которому часто служила моделью в его картинах.

Только раз в жизни видел я своего дядю Василия Петровича Боткина[63], и это было именно в Кунцеве, куда он приехал к нам на дачу. Автор "Писем об Испании" жил большею частью за границей, а последний год своей жизни — в Петербурге, где и умер. Другой мой дядя, художник Михаил Петрович Боткин[64], тоже приезжал в Кунцево и, поправляя на берегу Москвы-реки мою картину, показывал мне, как должно писать масляными красками с натуры пейзажи. В то время Михаил Петрович жил обыкновенно в Риме вместе с своим другом, художником Сергеем Петровичем Постниковым[65]. Михаил Петрович был самым младшим из братьев Боткиных. На свадьбе моих родителей он нес образ.

Посещал нас в Кунцеве Гаврила Павлович Прохоров, мужчина большого роста и тучный. Помню, как мы с отцом навестили его зимой в гостинице "Венеция", помещавшейся на Мясницкой, в доме Нилуса, и как Гаврила Павлович рассказывал отцу, что утром этого дня кто-то зарезался в соседнем номере. (Нилус был известен в Москве как игрок в карты, и за свою игру в карты был выслан Закревским из Москвы.) Г.П.Прохоров весьма часто повторял в разговоре слово "поняли", на что отец обыкновенно отвечал: "Еще бы". Однажды на каком-то обеде П.Л.Пикулин нарочно устроил так, что Прохоров сидел рядом с отцом, вследствие чего "поняли" и "еще бы" слышалось в продолжении всего обеда.

Еще припомню навещавших нас в Кунцеве слезливого старика Акулова, служившего когда-то в уланах, и певца Булохова.

В нашем кунцевском саду перед террасой росла большая липа, под тенью которой в хорошую погоду мы завтракали, обедали и пили чай. В Кунцево приходили из Москвы разносчики с фруктами, игрушками и фейерверками, шарманщики и "петрушка". Представления последнего нас очень занимали. Приводили и медведей. В Кунцеве не было никаких лавок, как в других дачных местностях, где имеются булочные, колониальные, мясные, зеленные и другие лавки. Булочник от Савостьянова из Дорогомиловской слободы в продолжение всего лета аккуратно, каждое утро, несмотря ни на какую погоду, приносил на своих плечах корзину, наполненную разным хлебом. В Кунцево он приходил, обливаясь потом, и отпускал дачникам хлеб на книжку. Раза два в неделю приезжали из Москвы на телегах со своими припасами мясник и зеленщик. Рыболовы с Москвы-реки приносили рыбу и раков, а крестьяне и крестьянки из соседних сел и деревень — цыплят, ягоды, яйца, масло, грибы.

Отец держал пару извозчичьих лошадей, на которых ездил с дачи в будни по утрам в Москву, откуда возвращался вечером. Иногда он брал с собою кого-нибудь из нас, что доставляло нам

большое удовольствие. Воскресные и праздничные дни отец проводил в Кунцеве.

Из жизни в нашем доме в Колпачном переулке сохранилось в моей памяти следующее. Раз мой отец устроил обед исключительно из армянских блюд, которые готовил у нас на кухне С.С.Мирзоев. На этот обед были приглашены И.Е.Забелин[66], Н.Х.Кетчер и П.Л.Пикулин. Обед удался как нельзя лучше.

В один из наших обедов с гостями присутствовал также приятель отца — немец, фабрикант Гильдебрандт, из Берлина. Услышав разговор сидевшего в клетке попугая, Гильдебрандт, хотевший, должно быть, показать перед гостями свое знание французского языка, сказал: "*C'est le Papagei qui parle*"[67]. Отчего многие из гостей едва удержались от смеха.

В Колпачном переулке бывал у нас также Егор Егорович Гикиш, имевший агентуру шампанского, известного под названием "шампанское с белой головкой" (от белой смолы, которою было залито горлышко бутылки.) Несмотря на то, что Гикиш уже 30 лет как жил в России, он знал по-русски только одни ругательные слова. Не лучше знал русский язык и другой московский старожил, основатель ситцево-набивной фабрики Альберт Осипович Гюбнер. Например, он говорил моему отцу: "Ти була там", что означало: "Ты был там". А.О.Гюбнер был эльзасец и лицом очень напоминал маршала Мортье. Альберт Осипович был женат на г-же Аллан, брат которой, маленького роста и косой, часто сопровождал моего отца за границу. Отец называл Аллана "пауком".

Выходящий из ряда случай произошел в том же Колпачном переулке. Дело было зимой, и у нас в зале обедали гости. Разговор шел о директоре Мазуринской фабрики — англичанине Сейксе, сошедшем с ума. Рассказывали, что он разъезжал по Москве. Во время этого разговора раздался звонок, и вскоре неожиданно вошел в залу сам Сейкс. Все испуганно переглянулись. Сейкс же преспокойно подсел к нашей родственнице Елизавете Васильевне Чичериной, молодой даме цыганского типа, — и вдруг чмокнул ее в щеку. Испуганная Чичерина выскочила из-за стола и побежала прятаться, а за нею побежал и Сейкс; выскочили из-за стола и все остальные. Не помню уже, каким манером выпроводили потом непрошеного гостя.

Дополню еще о жизни в Бемской школе. Вспоминается мне довольно рискованная шалость, проделанная однажды некоторыми воспитанниками в классной. Пустую стеклянную бутылку наполнили светильным газом и подожгли, отчего последовал взрыв, и осколки бутылки разлетелись во все стороны, к счастью, не причинив никому вреда. На шум вбежал в классную учитель

Шрек и, разъяренный, бросился на испуганных воспитанников, награждая всех пощечинами.

На Страстной неделе в хорошую, теплую погоду под начальством приманца Кренгельма-старшего мы, русские, отправлялись на нашей школьной лодке "*Kanonenboot*" на какой-нибудь остров Выборгской бухты, где пекли картофель и ели его с чухонским маслом, запивая пивом. Картофель пекли по шведскому способу: выкапывали яму, в которой устраивали костер, потом на горячие уголья клали картофель и засыпали его дерном; через некоторое время снимали последний и вынимали испекшийся картофель.

Никогда я не пивал с таким наслаждением чаю, как в Бемской школе, но только не того, который нам всем давали, а который мы сами покупали в лавке вместе с сахаром. Этот чай пили мы тайком в классе, для чего из буфета потихоньку брали стаканы, а чайник имели свой; кипяток приносили сами из кухни, и все хранили в своих пультах; чай пили в прикуску. После моего посещения Выборга в 1897 году, я опять приехал туда 2 июля 1911 года. За четырнадцать лет Выборг поукрасился и стал походить на европейский благоустроенный городок; выстроено много домов в новом стиле, который так идет к финляндской природе. Впрочем, в центре города сохранились еще узкие улицы и много старых каменных низких домов. Старинный городской замок на острове, старинная круглая городская башня напротив рынка, собор, русская церковь в Петербургском форштадте, лютеранская церковь, городские казармы, "*Societetshus*"[68]; Фридрихсгамские ворота с крепостными валами и рвами, также "*Monrépos*"[69] — напомнили мне Выборг 60-х годов. Только башня городского замка оказалась покрытою куполообразной железной крышей. В мое время эта башня стояла совсем без крыши. На эспланаде[70] против городских казарм теперь разбит прекрасный парк с цветниками: тенистые аллеи лип, дубов, каштанов и других деревьев, а на лужайках клумбы с цветущими гортензиями, левкоями, штамбовыми розами, шиповником и другими цветами. В парке выстроен кафе-ресторан, где прислуживают гарсоны в черных чулках и башмаках и где летом по вечерам играет оркестр музыки. В предместье Папула прибавилось много новых домов. От Бемской школы уцелело несколько зданий, занятых солдатами стрелкового батальона. Но только из главного здания школы, имевшего форму буквы П, сделано три дома: средний и два боковых. Перед средним домом все еще существует прежняя деревянная решетка, отделяющая двор от проезжей дороги. На месте, где находился принадлежавший школе сад с огородом, увидал я в первый раз недавно выстроенную деревянную полковую церковь. В Папуле сохранился дом Заземана (не знаю, кому принадлежит этот дом в настоящее

время), деревянный, на гранитном фундаменте. Дом этот строился еще при мне, и я помню, как мы, ученики, лазили в нем во время стройки. У сына Заземана, учившегося в Бемской школе, была сестра, вышедшая замуж за учителя Рульмана. Припоминаю еще, что за Папуловским мостом, близ гранитной скалы "*Zuckerhut*", была вырыта землянка, в которую зимой на ночь запирались охотники и из окошечка стреляли в волков, для чего неподалеку от землянки клали какую-нибудь падаль.

От хозяина гостиницы "Бельведер" К.Эренбурга (бывшего ученика Бемской школы) я узнал, что вдова директора школы Фердинанда Цейтлера живет в настоящее время близ Выборга, в Лавола; учитель Фальтин живет в Гельсингфорсе, а учитель Дегло умер лет пять тому назад, и что в Выборге живут ученики Баклунд и Лихонин. (Бывшие ученики Бемской школы Альберт Альбертович и Петр Альбертович Кемпе тоже здравствуют: первый — один из директоров Трехгорного пивоваренного завода в Москве, а второй — обер-прокурор Уголовного Кассационного департамента Сената.) Эренбург же сообщил мне, что Ида Бем в 1870 году открыла в Выборге женский пансион, в коем в 1875 году училось 55 воспитанниц, и между прочим воспитывалась в этом пансионе сестра Эренбурга. У Эренбурга имеется шведская книга, где сказано, что в 1856 году школа Ивана Бема считалась самой известной в Выборге; с 1857 по 1859 год директором в ней был Цимсен; с 1860 по 1863 год — Ахиллес; с 1864 года — Фердинанд Цейтлер; что в 1875 году училось у Цейтлера всего 75 учеников и что он получил от финляндского правительства субсидию в 20 тысяч марок. (Отец К.Эренбурга содержал в Выборге гостиницу "*Societetshus*", а дядя его был врачом у Бисмарка.)

Бывший ученик Бемской школы Эдвин Иванович Спарро был так любезен прислать мне литографию, изображающую виды Выборга и его окрестностей, рисованные с натуры учителем рисования Бемской школы А. Шпренгелем; литография сделана Гансом Виллиардом (*Hans Williard*) и напечатана в Дрездене у Иоганна Виллиарда. На литографии изображены следующие виды с немецкими надписями: Бемская школа ("*Das Behmsche Erziehungsinstitut in Papula bei Wibürg*"), город Выборг ("*Wiburg von den Papula-Felsen*"), Папуловский мост ("*Papula-Brücke bei Wiburg*"), скала "*Zuckerhut*" ("*Der Zuckerhut*"), Выборгский замок ("*Wiburgs-Schloss*"), мостик в городском саду ("*Im Stadtgarten*") и замок "*Monrépos*" ("*Schloss Monrépos*"). Вверху литографии надпись: "*Zur Frinnerung an Wiburg in Finnland*"). Издана литография в Выборге (*H. Wachter*). Все эти виды нарисованы очень тщательно и, как видно, до 1863 года, потому что на литографии нет еще сада с огородом, примыкавших к правому флигелю школы.

У меня также имеется маленький фотографический снимок Бемской школы более позднего времени, подаренный мне сыном Ф.Цейтлера. (Был одним из директоров Трехгорного пивоваренного завода в Москве, ныне умерший. Другой сын Ф.Цейтлера — известный хирург, живет в Петербурге.) На этой фотографии виден забор, за которым находились сад с огородом.

Холостым учителям в Бемской школе полагалось по одной комнате, а женатым – по две. Так, у Шредера была комната рядом со столовой; Шрек имел комнату в правом флигеле, недалеко от Шпренгеля. Шпренгель давал мне частные уроки рисования в своей квартире, состоявшей из двух комнат: спальной и мастерской. У Шпренгеля я рисовал первоначально углем, а потом стал писать масляными красками.

Добавлю, что учителя Бемской школы курили из белых фарфоровых немецких трубок с длинными чубуками шведский табак, называвшийся "Иевлевапен". Многие воспитанники школы носили на поясе финские ножи (по-чухонски "*puko*"). Ликер из мамуры назывался по-шведски "*Akerbärslikör*", а по-чухонски "*Mesimarya likööria*". Фамилия первых булочников выборгских кренделей собственно Вайттинен, а мы в школе называли их сокращенно — Вайти.

Булочники Вайттинен существуют и поныне в Выборге, но уже продают свои кренделя не в простых избах, как прежде, а в благоустроенных булочных.

Во время моего пребывания в пансионе Гирста встретился я в Петербурге с двумя бывшими учениками Бемской школы: Хасельблатом и Гебауером-младшим. Оба они работали для практики на машинном заводе Берда и жили вблизи его, в грязной квартире; их нельзя было отличить от простых рабочих, так они огрубели.

Вспомнилась мне также относящаяся к тому времени моя неудачная поездка в Ораниенбаум через Кронштадт, на дачу к Фаренгольцам. Осмотрев Кронштадт, отправился я в Ораниенбаум, где не застал Фаренгольцев: оказалось, что они накануне уехали в Петербург. На беду, дорогой я издержал все свои деньги, а в Ораниенбауме у меня не было ни одной знакомой души. Хозяин, у которого Фаренгольцы снимали дачу, куда-то отлучился; несколько часов пришлось мне ждать его возвращения; к тому же я проголодался. Наконец он явился, сжалился над моим положением и дал мне взаймы немного денег, на которые я мог купить себе белый хлеб и доехать до Петербурга в третьем классе.

По примеру учеников, готовившихся у Гирста в Морской корпус, вздумал я заказать себе в швальне этого корпуса у закройщика голландку — из синего тонкого сукна и белую полотняную, с

голубым воротником. Кроме того купил я себе в шляпном магазине на Васильевском острове морскую офицерскую фуражку. В этом костюме приехал я на каникулы домой, в Колпачный переулок. Увидя меня в офицерской фуражке, наш старый чудак-лакей отдал мне честь.

Перечитывая письма ко мне Р.Н.Гришина, я нашел некоторые сведения о Д.Ф.Гирсте, В.П.Геннинге и П.Ф.Обломкове.

Так, 14 июня 1881 года Гришин пишет: "Преемник Гирста, Гумберт, окончательно закрыл свое заведение с долгами, не расплатившись даже с учителями (например, с Обломковым)".

23 ноября 1882 г.: "На днях я встретил на Невском г.Гирста (он занимается каким-то комиссионерством). Его две племянницы (кажется) *misses Tomson* выросли в прехорошеньких, преаппетитных девиц, которых я встречал в одном приятельском доме". (Я помню их маленькими девочками, жившими со своей бабушкой в пансионе Д.Ф.Гирста.)

5 января 1880 г.: "В.П.Геннинг получил Владимира 4-ой ст". 26 марта 1882 г.: "В.П.Геннинг инспекторствует и толстеет".

19 октября 1887 г.:"Геннинг уволен в отставку (выслужил пенсию 800 руб. за 25 лет). Обломков пребывает весьма бодрым и очень медленно стареет". (Д.Ф.Гирст, В.П.Геннинг и П.Ф.Обломков давно уже умерли).

Благодаря напечатанию первой части моих "Воспоминаний" я узнал, что у нашей гувернантки Варвары Ардальоновны Эйнвальд были сестры и что бывший преподаватель Псковского кадетского корпуса, глубокоуважаемый протоиерей Александр Космич Березовский, приходится мне свояком.

Вот что сообщил мне Борис Львович Модзалевский о сестрах В.А.Эйнвальд: "М.б. Вам небезынтересно будет узнать, что сестра упоминаемой Вами гувернантки Вашей В.А.Эйнвальд — Полина Ардальоновна — была много лет компаньонкою и близким человеком к А.М.Раевской, рожд.Бороздиной; о ней часто упоминается в печатающемся теперь IV томе "Архива Раевских"; а о другой сестре — Марии Ардальоновне, впоследствии, по мужу, Гулевич — упоминается в прилагаемом при сем оттиске моего сообщения из дневника А.П.Керн (Марковой-Виноградской)". (Письмо Б.Л.Модзалевского от 3 сентября 1911 года.)

Александр Космич Березовский написал мне следующее: "Приношу Вам свою глубокую сердечную благодарность за память обо мне и за присланную Вами свою автобиографию, которую я с большим удовольствием читаю и из которой узнал, что Вы, дорогой мой Петр Иванович, доводитесь мне родственником не только по Адаму и по племени, но и по свойству. Оказывается, что

ваш дед, Петр Кононович Боткин, имел сестру Пелагею Кононовну Боткину, вышедшую замуж за Псковского купца Семена Ивановича Васильева, от которых родился сын Николай Семенович — отец моего старшего зятя, — потомственного почетного гражданина, Леонида Николаевича Васильева. Одним словом, Ваш дед был родным братом родной бабки моего зятя, следовательно, Вы ему двоюродный дядя.

Я рад, что это открытие принадлежит мне, давно Вам известному лицу, привыкшему издавна любить и уважать Вас как своего родственника. О своем открытии я заявил своему зятю Леониду Н. Васильеву и его семейству, при этом Л.Н. заявил, что его бабка Пелагея Кононовна родом действительно была из Москвы, и все заинтересовались моим заявлением.

Семен Иванович и Николай Семенович Васильевы, купцы 1-ой гильдии, один после другого в течении 24 лет были головами города Пскова". (Письмо А.К.Березовского от 14 сентября 1911 года.)

Мой брат Дмитрий Иванович получил от Дмитрия Николаевича Арцыбашева письмо от 25 июня 1911 года с весьма интересными сведениями о старой Москве.

"Воспоминания Вашего братца, — пишет Д.Н.Арцыбашев, — прочел два раза подряд с величайшим интересом. Начиная с первой страницы, встретил все мне хорошо знакомое, начиная с дома Херодинова, где я бывал, имея дела с управляющим. Имение Херодинова недалеко отсюда, в Елецком уезде. Гостиница "Венеция" помещалась в доме Нилуса, про которого я слышал от моего учителя Александра Платоновича Кетова (побочный сын Платона Петровича Бекетова), что Нилус был известный по Москве игрок в карты. Карабинерный оркестр Гадевальда слыхал, а Сакса знал лично. На калиберах, которые назывались также гитарами, езжал. О будочниках, стоящих около своих будок в киверах с алебардами, и говорить нечего. Читая и перечитывая прекрасные воспоминания Петра Ивановича, переселяешься мысленно в то время, о котором говорится. Все записки и воспоминания всегда интересны для изучения эпохи, обычаев тогдашнего времени, костюмов, описания улиц, домов и т.д. На Собачьей площади был дом, во флигеле которого жил А.С.Пушкин, потом там была портерная[71], а теперь, пожалуй, вместо флигеля громадный домище. Я с братом, живши в 1849 году на Молчановке, езжали на своей тройке с кучером (крепостным Дмитрием Захаровым. Вот образец стариковской памяти, которая все помнит, что было 62 года тому назад и ничего, что было чуть не вчера). Итак, мы с братом езжали за игрушками к Ваханскому на Лубянской площади. На Арбате не было не только магазинов, но и где-нибудь приютившейся табач-

ной лавочки. На Арбатской площади, почти против булочной Савостьянова, стояла будка. Гуляя с нашим гувернером В.Ф.Керковым ежедневно, будочник нас признал и всегда раскланивался. Помню очень хорошо, что древко его алебарды было окрашено в красный цвет суриком, а сама железная алебарда очень зазубрена от различного употребления. Говорили, что будочницы кололи ими уголь и рубили капусту. Кивер будочники носили низкий, серого сукна, с орлом над большим козырьком. (У меня хранится план церкви св. муч. архидьякона Евпла (что на Мясницкой улице) с погостом и дворами священно- и церковнослужителей, 1829 и 1836 гг. На этих планах видно, что рядом с церковью, на углу Милютинского переулка и Мясницкой улицы, была будка.) Одна акушерка (Елизавета Васильевна Титова) езжала на практику так: садилась на калиберные дрожки (как сама выражалась) *a cheval,* т.е. верхом, как езжали мужчины, левую руку упирала в бок, а правая вооружалась большой клистирной трубкой. Это было в 1866 году. Старческая память удивительна, ее можно сравнить с прочнейшей ручной позолотой, теперь почти оставленной, и с новейшей гальванопластической, которая, стираясь, не оставляет по себе даже воспоминания. Например, укажу на галерею графа Ростопчина, которую я помню выставленную на Садовой, где теперь детская больница. Как странно, я помню даже отдельно некоторые картины. Помню много голландцев, маленьких, тщательно написанных. Покойный мой отец, помню, хвалил Бергемов, которых было несколько картин. Много было больших итальянцев. Все это только и осталось в памяти. Галерея эта погибла при перевозке морем".

В Бемской школе некоторые учителя были охотники. Помню, как однажды, во время класса, учитель Пагель увидал из окна, выходившего на рекреационный двор, бегущих по снегу с десяток куропаток. Недолго думая, Пагель бросился в свою комнату за ружьем, а затем на двор; между тем куропатки успели перелететь через гранитную ограду в сад Филиппеуса; за ними перелез ограду и Пагель; раздался выстрел, и скоро Пагель вернулся, неся одну убитую куропатку; остальным куропаткам удалось убежать.

Генерал-лейтенант Михаил Михайлович Бородкин был так любезен прислать мне биографию Фальтина, бывшего учителя музыки и пения в Бемской школе. Привожу здесь целиком эту биографию, взятую М.М.Бородкиным из "*Finlands Universitet 1828—1890*".

Фридрих Ричард Фальтин родился в Данциге 5-го января 1835 г. Обучался музыке сначала у директора музыки (*muzikaldirektören*) Ф.В.Маркуля (*F.W.Markull*), который руководил его в игре на органе и рояли, а также в теории и композиции музыки. В 1852 г. сделался учеником композитора ораторий Ф.Шнейдера в Дессау

4 Зак. 380

(*Dessau*). Был учеником музыкальной консерватории в Лейпциге 1843—1856 гг. В 1856 г. приглашен был учителем в вновь открытой т.н. Бемской школе в Выборге. Вместе с тем он проявлял там свою деятельность в качестве учителя музыки, устроителя концертов и т.д. Весною 1869 г. оркестровое общество (*orkesterbolaget*) в Гельсингфорсе назначило его капельмейстером в Новом театре и руководителем симфонических концертов в этом городе. Весною 1870 г. он оставил обе эти должности и вместо них принял службу капельмейстера вновь образованной финской оперы, где оставался до роспуска ее весною 1879 г. Состоял учителем музыки при университете с 24 декабря 1870 г. и органистом в Никольском лютеранском соборе с 31 мая 1871 г.

28 марта 1882 г. награжден орденом св.Станислава 3-й степени.

Вместе с любителями музыки в Гельсингфорсе основал певческое общество в 1871 г., с которым он в течение 1871—1884 гг. ежегодно устраивал, до него неслыханные здесь, концерты из образцовых творений ораторий. Он был одним из основателей музыкального общества в 1881 г. и с тех пор штатным преподавателем игры на органе и оркестровой музыки в музыкальном институте.

Ездил несколько раз за границу для изучения успехов музыкальной жизни.

Был членом финского литературного общества, финского общества древностей, *Allgemeine deutsche Musik-Verein и Wagner-Verein*[72].

Сын купца Ганса Эдварда Фальтина и Розы Фредерики Голлатц (*Hollatz*).

С 1863 г. состоял в браке с Ольгой Гольстиус, дочерью городского и лазаретного врача в Выборге, доктора медицины Нильса Рейнгольда Гольстиуса и Иоганны Елисаветы Старк.

Изданные труды: Книга церковных песен для евангелическо-лютеранских приходов в Финляндии Р.Лиги, дополненная и доконченная Р.Фальтином. Гельсингфорс, 1871 г. — Второе гармонически упрощенное издание того же труда вышло в 1882 г.

Под редакцией Фальтина вышла гармоническая часть новой книги церковных песен в Г-форсе 1888 г.

Собрание прелюдий и заключение хоралов в новой книге церковн. песен. I—III. Лейпциг, 1889-1890 гг., большая часть из них сочинения Фальтина.

Сочинил "*Hilarianska lofsängen*" (Гиларианская хвалебная песнь), в принятом руководстве 1886 г.

Песни и аккомпанементы Фальтина помещались в сборнике "*Det sjungande Finland*" ("Поющая Финляндия"), I-III; песни для мужского и смешанного хоров, для сборн. "Студенческая песня", изд. Давида Халя (*Hahl*).

Обработал многочисленные народные песни, опубликованные как в упомянутых сборниках песен, так и в "*Uusi Kannel Karjalasts*" (1882 г.) и в музыкальном листке "*Saveleita*". Эдвин Иванович Спарро сообщил мне, что учитель Бемской школы Рульман женился не на Земан, а на младшей Крон (Адели); что бывший в Папуле дом Земана принадлежит и в настоящее время, насколько известно, г-ну Спарро, Джону Земану; и что учитель Шрек женился на вдове Владимира Гакмана.

Мой дядя Павел Васильевич Щукин, как я уже говорил, ходил в Ново-Троицкий трактир и иногда брал с собой и меня. Этот трактир содержал Лопашов; кормили в нем отлично и порции давали громадные. После еды половой всегда подавал дяде трубку с длинным чубуком, предварительно раскурив ее сам. В нашей лавке дядя тоже курил трубку, но только в отсутствие отца. Свою трубку дядя держал в лавке за печкой, у которой обыкновенно сидел в мягком, обитом пестрым ситцем кресле. Кресло стояло близко от входных дверей в лавке, и когда входил отец, то дядя вставал. Раз как-то при мне отец вошел так неожиданно, что дядя не успел поставить за печку трубку; по этому случаю отец строго заметил дяде: "Могли бы выбрать другое время".

В московских трактирах мне редко случалось слушать игру органов. В Петербурге я слушал орган, бывая в трактирах: "Лондон", в 1-й линии Васильевского острова, и в "Малом Ярославце", на Большой Морской. Лучшим же в Москве считался орган в трактире Тестова. Говорили, что за него было заплачено 12 тысяч рублей, В то время у трактирных служителей существовал обычай подносить поздравительные стихи своим посетителям. У меня сохранилась карточка с ажурной с золотом каймой со следующим печатным текстом: "Стихи поздравительные с масленицей".

Наступил пиров ряд длинный,
Веселится Русский мир.
Знаменит в Москве старинный
Патрикеевский трактир.

На большой его машине
Мейербер, Обер, Гуно.
Штраус дивный и Россини
Приютилися равно.

Их прелестные мотивы
Услаждают слух гостей,
Гости веселы, счастливы
Посреди своих затей!

Вина крепки, блюда вкусны,
И звучит Оркестрион;
Половые так искусны,
Что следят со всех сторон,

Чтоб заметить миг желанья,
Уловить приказ гостей —
И за все свои старанья
Получить ... для сырных дней!

От служителей трактира И.Я.Тестова.

П.В.Шумахер[73] говорил мне, что в Петербурге он в былое время, по просьбе трактирных служителей, сочинял поздравительные стихи.

На углу Маросейки и Армянского переулка возвышается красивый дом Грачева, когда-то он принадлежал миллионеру, фабриканту Николаю Ивановичу Каулину, который жил роскошно: давал обеды и, имея молоденьких дочерей, балы. Впоследствии в неудачных спекуляциях Н.И.Каулин потерял все свое состояние. Дом был продан, и Николай Иванович, ездивший прежде только в карете, стал ходить пешком. Я его знал уже мелким маклером — "зайцем", стариком с совершенно белыми волосами; он приходил к отцу в лавку даже зимой в холодной поношенной шинели с капюшоном и в шляпе-цилиндр. Под конец его жизни мой отец помогал ему. ("Зайцем" называется неофициальный маклер.)

Вспоминается мне еще маклер по хлопку и сахару, посещавший наш дом в Колпачном переулке — Дмитрий Спиридонович Эрасси, которого жившая у нас немка называла Дмитрием Пердороновичем (эта же немка говорила: "Шелезен — уткин муж"). Д.С.Эрасси ходил всегда гладко обстриженным, тщательно выбритым по последней моде. В нашем доме в Лопухинском переулке Эрасси уже не бывал; к тому времени у него составилось хорошее состояние и подросла хорошенькая дочка, которая стала выезжать в свет со своей подругой, одной из дочерей Николая Николаевича Коншина[74]. *M-lle* Эрасси вышла потом замуж и, как я слышал, не совсем удачно.

Афанасий Афанасьевич Фет очень добивался получить чин камергера, и как только этого достиг, немедля заказал себе мундир. В камергерской форме А.А.Фет поехал показаться к Боткиным на Покровку. Софья Сергеевна в это время была больна, и когда Фет приехал туда, то застал Софью Сергеевну уже мертвой. А.А.Фет носил кожаные штиблеты, сшитые гр. Л.Н.Толстым. При носке они сильно скрипели. По словам Афанасия Афанасьевича, Лев Николаевич сшил эти штиблеты вместе с сапожником, его обучавшим. За материал Афанасий Афанасьевич заплатил сам. По смерти А.А.Фета моя тетка Марья Петровна поставила эти штиблеты в кабинет покойного под стеклянный колпак. В настоящее время они находятся у Ильи Семеновича Остроухова[75].

Павел Лукич Пикулин не отличался набожностью и никогда не говел. Когда же он был на казенной службе и от него требовали ежегодно свидетельства о говении, то он получал его от знакомого священника из Троице-Сергиевого посада. Павел Лукич воз-

мущался, почему в церковь кошек пускают, а собак нет; также находил странным, что, когда варят миро, то в прованское масло вливают большое количество белого вина, которое несоединимо с маслом. Однажды летом мимо пикулинской дачи в Марьиной слободке проходил священник. Пикулинский пес Болван из-под ворот залаял на батюшку, а тот стал совать под ворота палку с серебряным набалдашником и совал ее до тех пор, пока собака не выхватила у него палку и не убежала. За получением обратно палки священнику поневоле пришлось обратиться к Павлу Лукичу, который, конечно, велел отдать палку, причем заметил батюшке, что "нехорошо дразнить собак". Пикулин рассказывал, что когда он служил в Екатерининской больнице, то во время бывшей в Москве холеры в 1848 году отпускалось для больных шампанское, но последним оно было не по вкусу, и они предпочитали пить клюквенный морс; шампанское же выпивали врачи. Он же рассказывал, что однажды за актером Д.Т.Ленским должен был заехать один из его приятелей, чтобы ехать вместе обедать. Но Ленский напрасно его прождал и потом узнал, что приятель уехал в Кусково. По этому случаю Ленский написал приятелю: "Ты уехал в Кусково, а меня оставил без куска".

Московский генерал-губернатор князь Владимир Андреевич Долгоруков, живя летом в Москве, любил кататься в Петровском парке, где иногда сиживал на скамейке вместе с своим чиновником для особых поручений толстяком Юрием Всеволодовичем Мерлиным. (Ю.В.Мерлин собирал старинные вещи, и у него было много замечательных.) 1-го мая князь В.А.Долгоруков ездил на гулянье в Сокольники. Архитектор Алексей Александрович Мартынов[76] подарил князю свою книжечку "Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями". По этой книжечке Владимир Андреевич нередко экзаменовал во время обеда своих гостей. "Скажите, — спросит он кого-нибудь из них, — почему такая-то улица в Москве называется так-то? Не знаете? А я вам скажу". И Владимир Андреевич, на основании книжечки Мартынова, объяснял причину, почему улица так называется. Относительно московского обер-полицмейстера А.А.Козлова Владимир Андреевич острил, что все ходят в Москве вдоль бульвара, и только один Козлов поперек, намекая на частые посещения жившей наискось от него на Тверском бульваре красивой вдовы Маргариты Оттовны Мамонтовой, урожденной Левенштейн. Красавица Марья Семеновна Пустовалова пользовалась у князя Владимира Андреевича большим расположением, благодаря чему она не раз выручала своего мужа Константина Александровича из разных неприятностей. К.А.Пустовалов был некрасивый, мало

симпатичный человек. В одном юмористическом журнале были напечатаны автографы известных москвичей, между прочим и К.А.Пустовалова: “По жене и я известен”. Князь В.А.Долгоруков умер в Париже почти всеми забытый. После смерти князя его вещи были проданы с аукциона. На Старой площади у Ильинских ворот, в лавочке Сергея Тихоновича Большакова[77], я видел несколько кожаных футляров с касками князя В.А.Долгорукова. В Московском Историческом музее имеются три старинные серебряные братины, которые принадлежали князю В.А.Долгорукову. Я сам купил после князя большой серебряный, золоченой работы, с крышкой стакан с пестрой эмалью, художественной аугсбургской работы, начала XVIII века, и корсиканский кинжал, на стальном клинке которого вырезана надпись: “*Vendetta corsa*”[78].

Настоящая фамилия актера Малого театра Е.О.Петрова, прекрасно исполнявшего роль в пьесе “Гувернер”, была Дюбуар; отец Петрова был француз, а мать была немка. Е.О.Петров отлично знал несколько иностранных языков. Припоминаю еще, как в водевиле “Званый вечер с итальянцами” играли Живокини и Никифоров: первый — барина, а второй — лакея. Стоя у входных в залу дверей, Никифоров, в ливрейном фраке и чулках, торжественно провозглашал: “Певица Букка” — вместо “Лукка”; потом он же обносил гостей подносом с разными угощениями, причем, по приказу барина-Живокини, так высоко держал поднос, что гости, несмотря на все старания, ничего не могли взять; имея руки занятыми подносом, Никифоров просил Живокини достать письмо, которое было у него засунуто в чулок.

В Малом театре часто давали оперетку “Десять невест и ни одного жениха”. В моих ушах до сих пор звучит пение десяти невест, одетых в короткие платья и в касках на головах:

Барабан раздался,
Весь наш полк собрался,
И явилися потом
Ровно десять нас числом,

и отца невест:

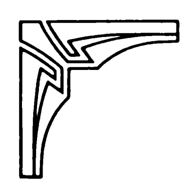
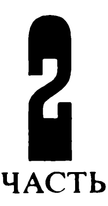
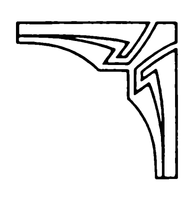
Ну, что скажешь ты, Парис?
Говори, брат, не стыдись!

Вспомнилась мне еще приезжавшая в Москву хорошенькая и талантливая скрипачка Терезина Туа, в честь которой кто-то написал следующие стихи:

Слыхали ль вы скрипку в руках Терезины —
В ее обнаженных и юных руках,
Когда, наклонив к ней головку Ундины,

Она свой напев пробуждает в струнах?
Глаза Терезины горят и мечтают
И слушают песню живого смычка,
И стройные члены ее застывают —
Лишь детские плечи трепещут слегка.
Орфея-амура, Орфея-блондина
Она вам напомнит при свете огней,
И слух зачарует у вас Терезина,
И милым виденьем блеснет для очей.

Скажу еще кое-что о старой Москве. Обычай зазывать покупателей в лавки в особенности процветал в старых торговых рядах и в Черкасском переулке. В прежнее время продавцы не только обращались к проходящей по улице публике с фразами: "Купец, что покупаете?", "Мамаша (или "папаша", смотря по тому, была ли это полная дама или солидный мужчина), пожалуйте к нам", но и без церемоний тащили прохожих к себе в лавку, и если они ничего не покупали, то так же бесцеремонно выпроваживали их из лавки. В Ножовой линии продавцы зазывали публику, выкрикивая названия товаров: "Шпильки, булавки, атлас, канифас" и т.п. В рядах перед своими лавками сидели купцы в старомодных шляпах-цилиндрах и играли в шашки. В 60-х годах у нас был старший продавец, старик Яков Петрович, который обращался с мелкими покупателями очень грубо. Например, если покупатель отбирал товар медленно, то он громко замечал младшему продавцу: "Что ты с ним занимаешься! Разве не видишь, что он вшей ищет!" Кавказских евреев, ходивших в черкесских костюмах, Яков Петрович не терпел и совсем не пускал в лавку. Бывало, в Нижегородской ярмарке такой еврей остановится перед запертой стеклянной дверью, ведущей в нашу лавку, и начинает стучать в стекло, повторяя: "Много куплю, куплю много"; а Яков Петрович преспокойно стоит у двери и только одной рукой ковыряет в носу, а другой машет еврею, чтобы уходил. В сундучном ряду, ближе к Никольской, существовала квасная лавка, в которой стояли столы и стулья и где из погреба со льду приносили ягодные квасы. Вспоминаю, с каким наслаждением в жаркие летние дни пивал я в этой лавке холодный черносмородиновый или вишневый квас и заедал его горячими пирогами с вареньем, которые продавал по пятачку за пару ходивший тут же пирожник, державший их в ящике, покрытом тюфячком. В квасной лавке также торговали разносчики провесной белорыбицей, вареной белугой, ветчиной, жареным поросенком, мозгами, сосисками, почками и другими съестными припасами, смотря по тому, был ли постный или скоромный день. В Москве существовал в былое время обычай: пойманных в магазине воровок заставлять в наказание мести улицу. Так, на Кузнецком мосту, перед "Магазином русских изделий", можно было видеть хорошо одетых дам, которые мели двор или улицу.

ЧАСТЬ

Приехав с отцом в Берлин, остановились мы в "*Hôtel d'Angleterre*", теперь не существующей и считавшейся тогда одною из лучших берлинских гостиниц. Содержал ее некий Зибелист. Обедали мы за "табль д'отом". Меню обеда состояло не менее как из 14—15 блюд, но всякого блюда давали понемногу. С первого раза странным показался мне немецкий стол после русского. Копченую лососину, которую дают у нас на закуску, у Зибелиста подавали в середине обеда; сладкие компоты подавались к жаркому, а не в конце обеда, как у русских.

По рекомендации знакомого отца — Арнольда Макаровича Розентауера, главы Берлинской экспедиторской конторы "*Ignats Rosenthal's W-we u K°* ", меня приняли волонтером, т.е. без жалованья, в торговый дом Абельсдорфа и Мейера, магазин коих находился на площади *Werderscher Markt.* Как Абельсдорф, так и Мейер были евреи и торговали оптом скупными бумажными и шерстяными материями. Бумажный товар они покупали у фабрикантов: Кехлина и Баумгартнера в Лёрахе, Дольфуса Мига в Мюльгаузене, *Blech frères в Sainte-Marie-aux-Mines* и у других эльзасских фабрикантов; а шерстяной товар — у разных фабрикантов в Саксонии. Дело Абельсдорфа и Мейера было довольно значительное: кроме того, что они продавали товар в Берлине, от них ездило еще несколько коммивояжеров по Германии, а один коммивояжер, Кауфман, ездил даже по России. Многие из служащих у Абельсдорфа и Мейера были офицерами запаса и по праздникам гуляли в разных военных формах: прусской, баденской, баварской, саксонской и других.

В продолжение всего времени, что я пробыл в Берлине, т.е. с весны 1872 года по весну 1874 года, я трижды менял свою кварти-

ру, состоявшую всегда из одной меблированной комнаты. Первая моя квартира была на площади *Spittelmartkt*, у каких-то бюргеров, мужа с женой, пожилых и скучных. Помню, что с ними я ходил в один пивной сад, каких в Берлине много, где играла военная музыка. На площади *Spittelmarkt* бывал рынок, на который торговки в соломенных шляпах с большими полями привозили в тележках, запряженных собаками, овощи и фрукты. В зной и непогоду торговки раскрывали свои огромные зонтики и сидели под ними. На *Spittelmarkt*'е оставался я недолго и переселился в *Dorotheenstrasse*, где прожил еще меньше, чем на первой квартире, потому что жившие рядом со мною неизвестные актрисы по ночам не давали мне спать: играли на фортепьяно, пели, танцевали, хохотали и вообще шумели. Третья и последняя квартира находилась в *Niderwallstrasse*, в старом трехэтажном доме, и состояла из одной низкой, хотя и относительно большой, но бедно меблированной комнаты. Отапливалась комната голландской печью, и зимой было в ней тепло. Большое неудобство этой квартиры заключалось в том, что ретирады, весьма примитивного устройства, помещались на заднем дворе, и надо было туда спускаться с третьего этажа по довольно крутой лестнице и потом идти через весь темный двор, где бегали крысы. Хозяева, у которых я снимал комнату, были ремесленники, муж с женой, простые и добрые люди. Как и в двух прежних квартирах, с хозяевами и этой квартиры было условлено, чтобы мне давать по утрам кофей. Обедать я ходил в ресторан Ценнига, "Под Липами" (ныне не существующий). Имея ключ от своей комнаты, я не имел ключа от домовой двери, которая была открыта лишь до известного часа ночи; ключ же от домовой двери был у ночного сторожа, ходившего всю ночь взад и вперед вдоль улицы со связкой ключей от всех домов *Niderwallstrasse* и отпиравшего двери запоздавшим квартирантам за незначительную плату.

Напившись кофею, в 8 часов утра приходил я в дело Абельсдорфа и Мейера; от 12 до 2-х полагалось время для обеда, а вечером, часов в 7, оканчивались мои занятия, и я был свободен до следующего утра. Занятия мои у Абельсдорфа и Мейера были исключительно конторские. В конторе я видел счета фабрикантов и образцы их товаров, но ходить в помещавшийся рядом с ней магазин, где на полках лежали сами товары, мне не приходилось.

Знакомых семейных домов, кроме семьи А.М.Розентауера, в Берлине у меня не было, но и туда ходил я очень редко, и то лишь с моим отцом, когда он приезжал в Берлин. Из моих патронов Абельсдорф был женат, а Мейер холостой. Абельсдорф жил в

одной из лучших улиц — *Bellevuestrasse* (близ Тиргартена) и изредка приглашал к себе своих высших служащих: бухгалтера *Hausen*'а, его помощника Цейтлера, коммивояжеров и старших продавцов; низшие же служащие, к коим принадлежал и я, не удостаивались этой чести. Как-то Абельсдорф затеял костюмированный вечер с участием своих высших служащих. Для этого вечера бухгалтер *Hausen* сочинял в конторе между делом стихи, которые должен был прочесть один из коммивояжеров, начинавшиеся так:

Kaufet, kaufet, furcthar nett
Wolle, Seide, Jaconnet
Oder auch Taffet royal,
Was nur immer euer Fall[1].

Арнольд Макарович Розентауер был очень бойкий и деловитый еврей. В присутствии своей важной супруги Иоганны он иногда напевал арию из оффенбаховской "Синей Бороды": "*Niemals war ien Wittwer so, vie der Ritter Blaubart froh*"[2]. Отчего Иоганна сердилась. Незадолго до последней русско-турецкой войны[3] А.М.Розентауер переселился в Москву и открыл экспедиторскую контору, где у него был главным доверенным *Löwe*, о котором он шутя говорил: *"Mein Löwe ist ein Ochse"*[4].

Арнольд Макарович имел брата Макса, который, будучи несколькими годами моложе его, был совершенной ему противоположностью: насколько Арнольд был живой, настолько Макс — вялый.

Моими товарищами были: молодой москвич — Владимир Иванович Гучков, занимавшийся в качестве волонтера в конторе Розентауера, и некоторые из конторщиков у Абельсдорфа и Мейера. По совету товарищей-конторщиков записался я в члены двух ферейнов (клубов. — *Н.Г.*): ремесленников (*Berliner Hanlwerker-Verein*), основанный в 1844 году, и молодых купцов (*Verein jundee Kaufleute*), основанный в 1839 году. Эти два ферейна были для меня особенно интересны тем, что по вечерам там читали лекции известные ученые и специалисты из всех областей наук. (В ферейнах бывали и балы, которые назывались *kränzchen*.) Так, в ферейне ремесленников, где годичный членский взнос был всего 4 марки 80 пфенигов, я слышал Вирхова[5], Шпильгагена,[6] Отто Уле[7], Эдуарда Ласкера[8], Франца Дункера и др. Книгопродавец Ф.Дункер был в мое время председателем ремесленного ферейна. Во время этих лекций можно было пить и есть: между стульями стояли столы и подавали пиво, кофей, бутерброды, сосиски, торты и т.д. Женщины тоже бывали на лекциях и обыкновенно вязали чулки. Около кафедры стоял ящик, куда бросали записки с воп-

росами, которые после лекции вынимались, и лектор давал на них ответы. В ферейне ремесленников кроме бесплатных лекций по средам и субботам устраивались ежегодно в пользу библиотеки и преподавания шесть платных лекций. Из сохранившихся у меня двух билетов на эти последние лекции видно, что в 1873 году читали:

16-го января г-н депутат д-р Леве-Кальбе: *О политических партиях в Соединенных Штатах Америки.*

23 января г-н депутат Ласкер: *Способности и воспитание.*

30 января г-н Обербюргермейстер депутат Микель: *К истории земельной собственности.*

6 февраля г-н д-р Отто Уле из Галле: *Новейшие открытия в Африке.*

13 февраля г-н тайный почтовый советник д-р Фишер: *О телеграфном деле во всемирном сообщении.*

20 февраля г-н Фридрих Шпильгаген: *Границы романа.*

В 1874 году читали:

15-го января г-н старший учитель д-р Фишер из Грейфевальде: *Современные идеальные интересы.*

22 января г-н литератор А.Бернштейн: *Знание и наука.*

29 января г-н д-р Юлиус Роденберг: *Берлин и Вена.*

5 февраля г-н д-р Отто Уле из Галле: *Новейшее о Солнце.*

12 февраля г-н проповедник д-р Нестлер: *Иеремия Готгельф.*

19 февраля г-н профессор д-р Бруно-Мейер: *Достоверность в костюме.*

О лекциях в ферейне молодых купцов у меня сохранилось печатное расписание на октябрь, ноябрь и декабрь 1873 года, из коего видно, что всех лекций было двадцать две, и между прочим две лекции директора берлинского городского статистического бюро д-ра Германа Швабе: "О кочевничестве в берлинском населении". Со Швабе я познакомился в городском статистическом бюро, помещавшемся в ратуше, и скоро с ним подружился. Швабе интересовался русской литературой, в особенности И.С.Тургеневым, от произведений которого был в восторге. После франко-прусской войны в начале 70-х годов Берлин начал быстро расти и развиваться, чтобы потом сделаться всемирным городом. Этому росту и развитию немало способствовал Швабе своими трудами, а также Эрнст Энгель, выдающийся статистик, директор Прусского статистического бюро. (*См.: Ernst Engel "Die moderne Wohnungsnot*". Энгель умер в 1882 г.) К сожалению, в 1874 году, 19 октября, Швабе умер от тифа. (*См.: "Berlin und seine Entwickelund. Stättisches Jahrbuch für Volks-Wirthschaft und Statistik*" (1872, 1873, и 1874 гг.) и брошюры *Hermann Schwabe* "*Betrachtungen über die*

Volksselle von Berlin" и "*Berliner Südwest und Centralbahn*" (1873))[9].

В Берлине познакомился я также с известным картографом Эмилем Сидовым, который находился в переписке с тогдашним Туркестанским генерал-губернатором фон Кауфманом. Деятельность последнего в Туркестане Сидов очень хвалил. Сидов был полный, небольшого роста и носил прусский полковничий мундир. Когда я познакомился с Сидовым, он редактировал воспоминания, писанные на немецком языке, русского генерал-лейтенанта фон-Бларамберга:"*Erinnerungen aus dem Leben des Kaiserlich Russischen General Leiutenant Ichann von Blaramberg (Nach dessen Tagebuchern von 1811-1871)*"[10]. В 1873 году Сидов умер от холеры. (В том же году умер от холеры астроном Донати, комету которого я видел в Москве в 1858 году.)

В мою бытность в Берлине Немецкий Промышленный музей (*Deutsches Gewerbe-Museum*), основанный в 1867 году, начал быстро увеличиваться, чтобы потом сделаться одним из первых в Европе. В 1879 году он был переименован в Королевский Художественно-Промышленный Музей (*Königliches Kunstgewerbe-Museum*). Своему росту Музей всецело обязан энергической деятельности Юлиуса Лессинга. С Лессингом я познакомился вскоре после его поездки в Москву, откуда он привез для Музея несколько ювелирных вещей художественной работы Чичелева, сделанных из золота, с пестрой эмалью и жемчугом, которые и в настоящее время украшают одну из витрин этого Музея. У покойного Чичелева был ювелирный магазин на Лубянке; в 1876 году, по возвращении моем в Москву, я познакомился с этим талантливым ювелиром. Это был почтенный и скромный старичок. Между прочим, Лессинг был того мнения, что для основательного изучения старинного немецкого серебряного дела обязательно надо ехать в Москву, где в Оружейной палате находится богатейшее собрание художественных серебряных вещей лучших немецких старинных мастеров.

Временем, которое давалось в конторе Абельсдорфа и Мейера на обед, с 12-ти до 2 -х, я воспользовался для слушания лекций Гельмгольца[11]. В летнем семестре 1872 года он читал в университете экспериментальную физику. Деканом философического факультета был тогда метеоролог старик Дове, приветствовавший всех вновь поступивших студентов краткою латинскою речью и рукопожатием. Деньги за слушание лекций внес я в университетскую канцелярию и с полученною оттуда квитанцией явился на квартиру Гельмгольца, который принял меня весьма любезно, сказав, что я первый, пришедший к нему за билетом на его лекции экспериментальной физики, и выдал мне билет за первым

номером, на коем написал: “*für Herrn Stschukin*”. (Этот билет у меня уцелел: на одной стороне напечатано:” *Vorlesung über Experimental-Physik im Sommer 1872 N 1 H.Helmholtz*”, а на другой рукою Гельмгольца написано: “*für Herrn Stschukin*”.)

Итак, я стал ходить на лекции экспериментальной физики, которые Гельмгольц читал мастерски, показывая при этом физические приборы и делая опыты с помощью лаборанта. Экспериментальную физику Гельмгольц читал только в летнем семестре, в зимнем же он читал теоретическую физику, для чего требовалось знание высшей математики. За университетом находился ботанический садик, где росли преимущественно разные аптекарские травы, и куда любил я заходить.

По вечерам посещал я часто театры. В Королевском Драматическом смотрел пьесы Гете, Шиллера, Лессинга, Шекспира и др. классических писателей, с превосходными актерами и актрисами; в Королевской Опере слушал Лукку, Малингера, Нимана, Беца и др. известных певиц и певцов. Бывал и в частных берлинских театрах. В Валлнер-театре играл тогда замечательный комик Гельмердинг, который своею бесподобною игрой не только смешил, но и трогал до слез. Вместе с Гельмердингом в этом театре очаровывала своей прекрасной игрой миловидная Эрнестина Вегнер, бывшая прежде в гамбургском Талия-театре.

Изредка бывал я в цирке Ренца и смотрел в Пассаже (“Под Липами”) фокусника Белахини.

С В.И.Гучковым посещали мы из любопытства кафе-шантаны, называвшиеся “тингель-тангелями”, и бальные заведения. Один такой тингель-тангель, пользовавшийся особенною популярностью, был “Салон Мецнера”. На сцену в мецнеровском “Салоне” выходили: поблекшие красавицы, певшие под аккомпанемент фортепьяно двусмысленные песенки, посредственные рассказчики, чревовещатели и т.п. Публика этого “Салона” сидела за столами, пила пиво или вино, подпевала, пела, шумела и часто скандалила.

Бальные заведения, из коих наиболее известное было “Орфеум”, порядочными женщинами не посещались, а только дамами полусвета.

Посещали мы также знаменитые берлинские пивные, между прочим пивную Захена (*Siechen*) на *Königstrasse*, куда имели обыкновение ходить Гельмердинг и другие актеры Валлнер-театра. Хозяева этих пивных для возбуждения жажды своих клиентов ставили на столы корзинки в кренделями, осыпанными солью, которые можно было есть бесплатно. В специальных пивных (*Weissbierstube*) пили мы белое пиво, напоминавшее мне чухонс-

кий квас (*kalia*). В ресторанах и гостиницах считают недостойным подавать белое пиво, между тем в жаркое время это пиво, немного кисловатое, без хмеля, — очень приятный прохладительный напиток.

Новый год встречали мы в ремесленном ферейне, где ели так называемые "берлинские блины" (*Berliner Pfankuchen*) — шаровидные пирожки, начиненные черносливом, и запивали их пуншем.

Весной заходили в какой-нибудь винный погребок, чтобы выпить стакан холодного ароматического майтранка, а летом в тех же погребках пили прохладительный напиток, называемый "*Bowie*" и приготовляемый из белого вина с прибавкой сахара и ягод и фруктов.

На улицах Берлина я видел несколько раз проезжавших в экипажах старого императора Вильгельма, кронпринца, Бисмарка и Мольтке и гулявшего пешком, не по летам бодрого старика — фельдмаршала Врангеля, за которым бегали уличные мальчишки и кричали:"*Papa Wrangel*". Престарелый фельдмаршал любезно со всеми раскланивался, а в особенности с красивыми дамами.

12/24 июня 1872 года состоялась в Берлине свадьба моей старшей сестры, вышедшей замуж за г-на Густава Люциуса, представителя фабрики Кехлина и Баумгартнера в Лерах, и жившего в Лейпциге, где на улице Брюль находился магазин этой фабрики. Так как жених был католик, а сестра православная, то венчали в двух церквях: сперва в русской посольской, а потом в католической (*Hedwigskirche*). На свадьбе присутствовали: мои родители, моя сестра Надежда, два двоюродных брата жениха, из которых один потом был прусским министром земледелия (*Freiherr von Lucius-Balhausen*), а другой, д-р Карл Люциус из Ахена, был депутатом в Рейхстаге; приятель отца Леонтий Викторович Варанго, Абельсдорфы и все Розентауеры. (Л.В.Варанго был комиссионером в Париже.) Свадебный обед происходил в "*Hôtel Royal*".

На Рождественские праздники ездил я в Лейпциг, где у сестры бывала елка, а в городе — ярмарка. В ярмарочное время улица Брюль кишела типичными евреями: с пейсами, в цилиндрах или бархатных картузах и длиннополых лапцердаках. За неимением свободных лавок евреи торговали в темных дворах и под воротами — сукнами, шерстяными, бумажными и другими товарами.

До моего отъезда в Берлин вернулся в Москву из-за границы мой старший брат, который по оставлении Бемской школы был отдан в коммерческое училище в Мюльгаузене, где, окончив курс до франко-прусской войны[12], поступил волонтером в торговый дом Кальмана и Эйзнера в Лейпциге.

В Лейпцигском городском театре слушал я в опере “Почтальон из Лонжимо” известного тенора Вахтеля.

Так как отец не знал достаточно иностранные языки, то кому-нибудь из нас, сыновей или дочерей, или отцовских приятелей приходилось сопровождать его за границей. В том числе и мне часто приходилось быть его спутником. Так, осенью 1872 года поехали мы в Париж и остановились там в “*Hôtel de Bavière*” на улице *du Con-servatoire*. Эту небольшую, довольно плоховатую гостиницу содержал тогда Дейнингер, бывший служитель при дворе императора Наполеона III, скопивший на службе деньги, давшие ему возможность открыть гостиницу.

Париж на первый раз показался мне несколько мрачным. Недавние события — осада и Коммуна — были свежи в памяти парижан: вспоминали о крысах и мышах, которых ели во время осады, и об уличной войне между коммунистами и версальцами. От Тюльерийского дворца, Ратуши и здания Почетного Легиона остались лишь обгорелые стены.

Во время осады Парижа Л.В.Варанго служил в Национальной гвардии. Он много рассказывал о своей службе в одном из парижских фортов и о жизни осажденных.

С отцом ездил я в город *Glauchau*, где он покупал на фабрике шерстяной товар и где мы останавливались в маленькой уютной гостинице на Ратушной площади, сохранившей свой средневековый характер. Старинные ратушные часы звучно били четверти и играли каждый раз разные пьесы.

Отец покупал также товар у лейпцигских торговцев и берлинских и эльзасских фабрикантов. Был я с ним в Мюльгаузене и Вессерлинге. В Мюльгаузене, помню, остановились мы в гостинице Романа “*Lion rouge*”, потом обедали у фабриканта-старика Жоржа Штейнбаха, у которого был фруктовый сад. Дело было в конце лета: на деревьях висели спелые яблоки, груши и сливы. Штейнбах когда-то жил в Москве и поэтому силился говорить с отцом по-русски, но у него ничего не выходило, так как в его памяти сохранились всего два слова: “я подумаю”. После обеда мы с отцом ходили в Танненвальд, любимое место для прогулок жителей Мюльгаузена.

В Вессерлинге обедали мы у фабриканта Морозо, одного из членов фирмы “Гро, Роман и Морозо”. Из Мюльгаузена поехали через Базель в Лерах, на фабрику Кехлина и Баумгартнера, директором которой был тогда Фавр. В Лерах остановились в гостинице “*Zum Hirsch*”, где был хороший, хотя и простой стол.

Весной 1873 года отец, я и московский торговец Николай Гаврилович Синицын сопровождали моего брата Сергея, который

заикался, в городок Бургштейнфурт, где жил старик доктор Денгарт (*Denhardt*), лечивший от заикания. (Н.Г.Синицын, покупавший товар у моего отца, имел магазин модных материй на Никольской, и его главными покупательницами были актрисы Малого театра.) Из Берлина поехали мы по железной дороге до Мюнстера, а оттуда на лошадях до Бургшейнфурта. Доктор Денгарт очень помог брату. Скоро потом брат мой Сергей поступил в Коммерческую академию в Гере, куда я с отцом ездил навестить его. Об этом городке осталось у меня только одно воспоминание, что в гостинице, где мы стояли, замечательно плохо кормили. Из Геры брат приезжал ко мне в Берлин.

Летом 1873 года мои родители отправились на Всемирную выставку в Вену, куда взяли с собой и меня. Самостоятельно сделал я из Берлина три поездки: В Гамбург, Штетин и Прагу.

Гамбург мне очень понравился своими двумя большими бассейнами в центре города, по которым бегали пароходики и плавали белые лебеди. Лучший тогдашний гамбургский ресторан был "*Wilkens Keller*" и помещался в подвале, в который спускались по лестнице; перед спуском в ресторан лежала куча пустых устричных раковин. В Гамбурге было обыкновение перед входом в ресторан насыпать кучу пустых устричных раковин, чтобы показать, что имеются устрицы. Омары, копченое мясо, цыплята, суп из угрей и красная каша (*Rothe Grüze*) были и остались до сих пор специальностями гамбургской кухни. (Красная каша очень напоминает наш клюквенный кисель.) Памятен мне еще один гамбургский ресторан, где я завтракал: он помещался вблизи Юнгфернштига под Альстер-Аркадами, в подвальном этаже. Низкая столовая напоминала кают-компанию; столы были накрыты белоснежными скатертями, и окна выходили на реку Альстер; сидишь, бывало, в этой уютной столовой, слышишь плеск от проходящей лодки или видишь проплывающего мимо окна белого лебедя.

Штетин в то время только начинал развиваться и мало представлял интересного.

В Праге помню мост святого Яна Непомука через Молдаву; хороший ресторан Чвертачека с национальными чешскими кушаньями и прекрасный загородный парк, где слышал отличный австрийский военный оркестр и видел гулявшего тогдашнего наместника Богемии графа Коллера.

Весной 1874 года с согласия отца я отправился в Лион, чтобы там, по рекомендации Л.В.Варанго, поступить волонтером к фабрикантам Севену и Барралю. Я отлично помню день моего приезда в Лион вместе с Л.В.Варанго: это было 21 марта н.ст., погода

стояла чудесная, совершенно летняя; деревья на площади перед железнодорожной станцией Перраш (*Perrache*) были уже покрыты густою листвою.

Варанго познакомил меня с моими будущими патронами Севеном и Барралем, а также представил меня г-ну Камфору (*Cambefort*), у которого была комиссионерская контора и через которого я стал получать от отца деньги. В гостинице жил я недолго, так как скоро нашел небольшую меблированную комнату у одной старушки, за Роной, в квартале *Brotteaux* на улице *Cours Morand*, в нижнем этаже. Старушка жила со своею дочерью-вдовой.

Оба мои новые патроны были протестанты. Севен уже пожилых лет, видный, с умным лицом мужчина, занимал в Лионе разные почетные должности. (Севен писал во французском экономическом журнале ("*L'Economiste fransais*"). В 1882 году он был выбран председателем Лионской торговой палаты.) Барраль был маленького роста, непредставительный и очень болтливый. Севен и Барраль имели магазин в *rue de Lyon*. Они покупали шелковую суровую пряжу, которую отдавали красить, а потом эту крашеную пряжу давали мастерам для ткания из нее тафты, атласа и других гладких материй.

Мои занятия у Севена и Барраля заключались в следующем. Из магазина я носил небольшие мотки суровой пряжи разных сортов для определения процентной влажности и других ее качеств в учреждение, называвшееся *condition publique des soies* (общественная кондиционная для шелка. - *Н.Г.*) и находившееся в улице *Saint-Polycarpe*; или же относил довольно тяжелые партии шелковой суровой же пряжи в красильню, находившуюся в квартале *Brotteaux*. В самом магазине я просматривал доставляемые ткачами куски шелковых материй, по краям которых нитками отмечал встречавшиеся пятна (по-французски это называется *faire des sconettes*), после чего куски относились в пятновыводное заведение. По возвращении кусков из этого заведения я вторично их просматривал, чтобы удостовериться, насколько выведены пятна. К кускам материй я пришивал ярлыки и т.д. С моими патронами мне мало приходилось иметь дела. Обыкновенно Севен занимался в своем маленьком кабинете, отделенном от магазина перегородкой, а Барраль расхаживал по магазину, ведя бесконечные разговоры с нашим главным продавцом, не менее болтливым, чем он. Севен вызывал меня в свой кабинет только в тех случаях, когда находил почему-то нужным сделать мне выговор. Вообще, как Севен, так и Барраль были люди черствые и гордые. Доставалось мне очень часто от нашего главного продавца, крик-

5 Зак. 380

ливого и придирчивого, то и дело повторявшего: "*sac a papier!*" (бумажный мешок. — *Н.Г.*) Все остальные служащие у Севена и Барраля были со мною более или менее ласковы.

По утрам гарсон из кофейни Гизольфи, находившейся на *Cours Morand*, приносил мне на квартиру кофей или шоколад. Столовался же я в пансионе госпожи Раго, на улице *Puits-Gallot*, где за 60 франков в месяц давали завтрак и обед с красным или белым вином *à discrétion* (по усмотрению. — *Н.Г.*). В пансионе вместе со мной столовались: торговец шелковой пряжи пьемонец Солдати, комиссионер поляк Ялович и девять швейцарцев из разных кантонов: Штернбауер, Мак, Турнейзен, Бишов, Швейцер, Зальцман, Мейер, Гетингер и Ватвиль. Штернбауер из Глaруса служил бухгалтером в комиссионерском доме Камфора; умный и добрый, он много читал, но, к сожалению, порядком пил и страдал подагрой. Со Штернбауером я сошелся очень близко, и наши отношения стали самые дружеские. Мак из Цюриха был кассиром в комиссионерском доме Арлеса Дюфура. Зальцман из Женевы имел в улице de *L'Hôtel de Ville* часовой магазин; он же заводил большие наружные часы в городской ратуше на площади *Terreaux*. Гетингер был одним из главных продавцов в комиссионерском доме Р.Д.Варбурга и К°. Турнейзен, Бишов и Ватвиль не долго оставались в Лионе и вернулись в Швейцарию. Впоследствии у госпожи Раго к прежним пансионерам нашего стола еще прибавились: француз, главный продавец фабрикантов *Durand frères — Auguste Balme*; француз, продавец фабриканта *A.Rosset-Desthieux*, и француз-комиссионер *Léon Perrett*. (Впоследствии Бальм открыл в Лионе вместе со Стокером свое фулярное дело, под фирмой *A.Balme et P.Stocker*, в улице *Pizay*.) Прислуживали за столом сама хозяйка, госпожа Раго, уже пожилая вдова, и две служанки. Между последними была одна молоденькая, недурная собой, наивная, недавно приехавшая из деревни, которую звали *Mélanie* и которую пансионеры госпожи Раго усердно награждали поцелуями, что ей, по-видимому, очень нравилось. В конце концов *Mélanie* доцеловалась до того, что сбилась с пути и сделалась маленькой кокоткой.

После завтрака и обеда мы ходили в кофейню, где обыкновенно играли в домино, и проигравшийся платил за консоммации всех остальных товарищей. (*Consommations de luxe* (статьи расхода. — *Н.Г.*) у нас считались ликеры.)

Вскоре после приезда в Лион я стал брать уроки французского языка у преподавателя лионского лицея Аниеля, к которому ходил на квартиру. Аниель жил в квартале *Brotteaux* и собирал все издания сочинений Мольера, как французские, так и переводные, а также всю литературу об этом писателе.

Летом, во время моего пребывания у Севена и Барраля, я предпринял с Гаконем (*Gacogne*), одним из их служащих, экскурсию в Париж. Денег у нас обоих было мало; поневоле пришлось нам быть экономными. Из Лиона отправились мы в третьем классе и остановились в Париже вблизи Центрального рынка, в плохенькой гостинице, хотя и носившей громкое название "Гостиницы герцогов Бургундских" ("*Hôtel des ducs de Bourgogne*"). В этой гостинице мы заняли невзрачную комнатку; чистили сами свои ботинки, что, впрочем, делали и все другие постояльцы, для чего на входной лестнице стояла вакса со щетками. По утрам мы ходили пить кофей в ближайшую кофейню; завтракали и обедали в "Бульонах" Даваля и осматривали город по способу пешего хождения. В Париже я застал еще доживающий свой век пресловутый "*Bal Mabille*" в Елисейских Полях и видел в "*Café de la Paix*" творца оперетки Жака Оффенбаха.

В 1875 году я оставил Севена и Барраля и стал заниматься теорией фабрикации шелковых тканей у г-на Пейо (*F.Peyot*), почтенного и добродушнейшего старика, бывшего фабриканта жилетных материй и написавшего руководство по ткацкому делу. Одновременно со мной занимались у Пейо еще четверо молодых людей: немец Шульц из Кельна, итальянец Гаэтано Команди из Сиены, француз из Москвы Ипполит Петрович Гужон и еще один француз, лионец, фамилию которого я не помню. Здоровенный Шульц имел на правой руке чрезвычайно короткие пальцы и постоянно дразнил тщедушного Команди, называя его *Pifferari* (дудочник. — *Н.Г.*) и *Porco di Siena* (свинья из Сиены. — *Н.Г.*); итальянец горячился, отругивался, но ничего не мог поделать, потому что был слабее немца. Гужон, очень красивой наружности, всегда франтовато одевавшийся, ходил два раза в день к куаферу, почему его прозвали Маркизом. Во время отлучек Пейо из комнаты, где мы занимались, Гужон заставлял своего белого пуделя Тома прыгать через стулья или напевал арии из разных оперетток, а лионец, недавно отбывавший воинскую повинность, басил солдатские песни: *"Portons gaiment, portons geiment l'as de carreau"* или "*Ma tunique à trois boutons, marchons, marchons*"[13]. ("*L'as de carreau*", т.е. бубновый туз — на солдатском жаргоне называется ранец.) У самых шикарных дам полусвета Гужон имел успех; будучи французским подданным, он после пройденного у Пейо курса поступил волонтером в драгунский полк, квартировавший в Шамбери. (Отец Гужона был выходец из Лиона и ткацкий мастер, как Жиро и Мусси, которые тоже переселились из Лиона в Москву и впоследствии открыли фабрики шелковых материй.)

По окончании курса теории у Пейо я занялся практикой: стал

ткать бархат у одного мастера (*contre-maître*) в квартале *Saint-Clair*, у которого было несколько станков, помещавшихся в неприглядной, с каменным полом, мастерской. (В квартале *Saint-Clair* жили тогда бархатщики (*veloutiers*).) Работал я у этого мастера с месяц, причем бархат, который я ткал, был очень широкий, вследствие чего выработка подвигалась весьма медленно. Моя работа состояла в том, что я приводил в движение челнок с утком, пропускал железный прутик с желобком и разрезал сплетение ниток особым ножом, называемым *rabot*. По мере выработки бархата он укладывался, чтобы не мялся, в деревянный цилиндр, приделанный к станку. Этот цилиндр называется у ткачей "уткой" (*canard*), и так как при работе цилиндр касается живота работающего, то мой мастер острил, говоря, что ткачи бархата каждый день едят утку.

Мастер, у которого я работал бархат, повел меня однажды вечером в клуб ткачей, находившийся в квартале *Croix-Rousse*. Дома в *Croix-Rousse*, как и вообще в старых лионских кварталах, высокие, мрачные и грязные, построены на горе. Можно подняться в этот квартал и на элеваторе, который носит в Лионе странное название *La ficelle* (корзиночка. — *Н.Г.*). Днем обыкновенно в этом квартале слышен был характерный треск, происходивший от работающих нескольких тысяч ручных ткацких станков. (На лионском жаргоне ткацкий станок называется *bistenclaque*.) Самые лучшие и дорогие шелковые ткани работались в мою бытность в Лионе именно в квартале *Croix-Rousse*. В клубе ткачей ничего интересного я не увидел: посетители пили вино или играли в карты. Само помещение клуба оказалось порядком грязновато. Распростившись со своим мастером, я отправился домой, причем неожиданно попал под сильный ливень и, не имея с собой ни пальто, ни зонтика, промок, как говорится, до костей. Чувствуя голод, я зашел поужинать в ресторан. На другой день мое правое колено как-то отяжелело, и мне стало трудно ходить; чем дальше, тем становилось хуже; наконец, моя правая нога совсем отказалась двигаться, Врач, за которым я послал, нашел у меня острый ревматизм и поставил мне на правое колено мушку, которая быстро нарвала, и образовался водяной пузырь; после разреза пузыря вышло с полстакана воды. Таким образом я избавился от ревматизма и стал по-прежнему ходить.

В 1876 году два главные доверенные комиссионерского дома Р.Д.Варбурга и К° — Вейгерт и Фридлендер — предложили мне поступить к ним на службу, с жалованием в две тысячи франков в год. Я согласился. Как хозяева этого дома, так и два главные их доверенные были немецкие евреи; сами хозяева жили в Гамбурге, где у них тоже был комиссионерский дом и фабрика зонтиков.

Кроме гамбургского и лионского комиссионерских домов, Варбурги имели такие же дома в Париже, Сент-Этьене, Лондоне, Нью-Йорке, Крефельде и своих агентов в других городах. В Лионе, в *rue de Lyon*, над одним из лучших тогдашних ресторанов, "Казати" ("*Casati*"), помещались контора и магазин Варбургов. Магазин состоял из двух отделений: материй (*rayon des étoffes*) и фуляров (*rayon des foulards*)[14]. (В отделении фуляров занимались не только фулярами, но и всевозможными другими товарами.) Посреди отделений была контора. Отделением материй заведовал Вейгерт, а фуляров — Фридлендер. Я поступил в отделение фуляров, и моим главным патроном стал Фридлендер. Занятия у Варбурга начинались в восемь часов утра и оканчивались в семь вечера, причем два часа давалось на завтрак. По утрам читались покупательские письма и выписывались из них заказы на разные товары; потом надо было ходить к фабрикантам и раздавать им эти заказы. После завтрака приходилось просматривать товар, предназначенный к отправке, вешать его, писать декларации для таможни, проверять счета фабрикантов, которым платили ежемесячно, и т.д. Товары, проходившие через мои руки, были весьма разнообразны: фуляровые платки, ленты, бахрома, галуны, косынки из крепдешина, мужские и дамские галстуки, кашемировые шали, вуали, кружевные мантильи, шитье, траурные отделки из крепа, меховые бордюры, рюши, разные *plissés* (складки), *balayeuses* (воланы), обувь и т.д. Лионский дом Варбурга имел покупателей во всех частях света: посылали товар в Калькутту, Монреаль, Каир, Константинополь, Буэнос-Айрес, Монтевидео, Кельн, Бухарест, Белград, Москву, Тифлис и другие города. Товар, который шел морем в дальние страны, укладывался в ящики, всегда обитые внутри жестяными листами. Листы эти сверху запаивали, для чего приходили паяльщики.

В узкой, темной, со старинными домами улице Гриффона (*montée du Grifton*) сосредоточивались магазины одних из первых лионских фабрикантов: *Bonnet*, работавший лучший черный фай и вообще исключительно материи черного цвета, *Schults et Beraud*, работавшие дорогие фасонные ткани и лучший цветной фай, *A.Rosset* — фабрикант крепдешина и газов и другие. Но не в одной улице Гриффонов находились магазины крупных фабрикантов, были они и на площади *Tolozan* и в других центральных улицах. Одними из крупных фабрикантов набивных фулярных платков считались *Durand fréres* в *rue de Lyon*; *Tapissier* работал черные фаевые и атласные ленты разной ширины, и магазин его находился на площади *Tolozan*; *Montessuy et Chomer* работал разные крепы, между прочим английский креп; *Mathevon Bouvard* и

Josserand, Févrot et C-ie — фасонные плательные и мебельные материи и т.д.

В 70-х годах XIX столетия вошла в моду чрезвычайно плотная материя, лицевая сторона которой имела вид шелкового стеганого одеяла, называвшаяся *matelassé*. Эту материю разнообразных рисунков и цветов в особенности хорошо работали в Лионе Шульц и Беро и *A.Lamy, Giraud et C-ie,* и цена ее доходила до 50 франков за метр. Материя *matelassé* ткалась в XVIII веке преимущественно для юбок; в семидесятых же годах XIX столетия из нее шили дамские кирасы (корсажи), долманы, бальные накидки (*sortie de bal*), казакины (*casaque*). *Durand frères* некоторое время работал эластичную, приятную на ощупь, шелковую материю нежных цветов, называвшуюся *crêpe d'été*, которая шла на дамское белье. Нигде не ткали так хорошо бархат, как в Лионе. Тканье бархата в особенности требует деликатных рук, и ткачи, у которых дрожат руки, для такой работы непригодны. Лионские парчовые фабриканты производили парчу для католических церквей не только всей Франции, но и для католических церквей других государств. Парчовые ткани с серебром делались также для жилетов арабов. Вообще для Востока Лион работал дешевые полупарчовые ткани. Шелковые газовые материи, брошюрованные золотом или серебром, отправлялись из Лиона в Индию, где из них шилась одежда баядеркам. Специальные материи ткали в Лионе для обивки экипажей, зонтиков и деревянных пуговиц; работались также галстучные и подкладочные материи, суровые шелковые тафта и газ для патронов ружей "Шасспо" (*Chassepot*), кашемировые шали и т.п. (Работал *Josserand, Févrot et C-ie.*) Вывозилось за границу громадное количество белых шелковых с бумагой дешевых платков *mossoul*, которые работали почти все лионские платочные фабриканты. Однажды видел я в комиссионерском доме Камфора кусок шелковой с шерстью материи *sicilienne* цвета *gris-perle* (жемчужно-серый. — *Н.Г.*), по особому заказу сработанный для русской императрицы. Муар работали трех родов: *antique, à reserve* и *à chemis*. Когда было в моде отделывать дамские платья галунами, в Лионе ткали галуны самых разнообразных образцов. Потом стали обшивать платья бахромой, и Лион стал производить шелковую бахрому разных цветов и фасонов, между прочим с черным стеклярусом (*jais*) и стальным бисером (*clair de lune*). Помню, в Париже, в русской церкви, видел я красивую госпожу Бенардаки в белом шелковом платье, обшитом серебряной металлической бахромой, которая при малейшем движении звенела. Вообще лионские фабриканты быстро применялись к требованиям моды: если выходил из моды один артикул, то его немедля заменяли другим, более модным; все для этого было приспособлено: имелись талантливые рисовальщики, превосходные красильни и аппаратурные заведения, искусные мастера и мастерицы.

У моего отца была вообще страсть покупать, а потому, когда он приезжал в Лион, то и здесь покупал товар, притом такой, которым собственно он не торговал. Так, раз он купил несколько десятков кусков дорогого бархата, в другой раз — партию фулярных с атласными полосами набивных платков (*pékin*), а в третий — партию небольших кашемировых шалей.

Со швейцарцами, столовавшимися у госпожи Раго, я скоро сошелся, и большинство из них стало иногда по вечерам бывать у меня на квартире в *Cours Morand*. Вечер проводили в разговорах и играли в домино. Угощал я их чаем с лимоном и кондитерскими пирожками; между ними были любители чая, что выпивали по шести и более стаканов.

В Лионе была значительная колония швейцарцев, которые служили бухгалтерами, кассирами, конторщиками и продавцами, преимущественно в комиссионерских домах. Многие из швейцарцев жили со своими семьями. В Лионе же швейцарцы имели свои общества: пения и музыки (*harmoie suisse*), гимнастики и обоюдной помощи (*secours mutuels*). Случалось, что летом по воскресеньям общества делали загородные экскурсии, в коих и я принимал участие. Чаще же проводил я время лишь с теми швейцарцами, с которыми столовался у госпожи Раго. В воскресные дни, зимой или летом, в плохую погоду мы посещали городские рестораны и пивные. Ходили в рестораны, называвшиеся "*Au Rosbif*", которые были основаны крупным лионским мясником Шарлем Гальетоном (*Gailleton*) на манер парижских "Бульонов" Дюваля. В этих "Розбифах" кормили хорошо, недорого, и прислуга была женская. (Некоторые из более красивых служанок "Розбифов" и пивных сделались впоследствии элегантными дамами полусвета.)

Каждое первое января бывал я со Штернбауером на превосходном обеде в гостинице негоциантов ("*Hôtel des Négociants*"), в улице *Quatre-Chapeaux*, где останавливались преимущественно коммивояжеры. Обед этот стоил для посторонних с разными винами, шампанским и ликерами пять франков. Своих же постоянных клиентов молодая хозяйка гостиницы угощала в этот день даром. Разодетая, с бокалом шампанского в руке, она обходила стол и чокалась со всеми присутствующими.

Летом бывали мы в ресторане на берегу Соны (*Quai des Ftroits*) у "*Mère Guy*", славившегося рыбными блюдами, в особенности мателотами и жареными пескарями. В ресторане "*La Cressonniere*", недалеко от бойни, в квартале *Vaise*, мы ели отличные мясные кушанья. Назывался этот ресторан "*La Cressonniere*" потому, что в саду протекал ручей, по берегам которого рос кресс-салат. Отправлялись также за город, в местечко *Chasselay*, куда ездили по

железной дороге до станции “*Les Chères*”, а потом шли пешком. В *Chasselay* был маленький ресторан; содержал его *père Villard* (папаша Виллар. — *Н.Г.*), у которого была одна нога деревянная; но это не мешало ему стоять у плиты и отлично готовить. В столовой у него висел в рамке под стеклом похвальный лист, в коем Виллар назывался “королем поваров” (“*roi des cuisiniers*”). Заказавши обед у этого “короля поваров” и сыгравши на проезжей дороге перед рестораном несколько партий в *boules* (шары. — *Н.Г.*), мы садились пить вермут, а потом принимались за обед, который запивали хорошим старым вином. (Эта игра с шарами очень распространена в Лионе и на юге Франции.) Кормил Виллар на славу; в особенности вкусно приготовлял он куропаток с капустой, лионские клецки из рыбы (*quenelles de Lyon*) и раковые шейки в соусе. Штернбауер и я возили в *Chasseley* и моего отца, и он остался очень доволен этой поездкой.

Однажды вечером с немцем Шульцем, который занимался вместе со мной у Пейо, предпринял я прогулку в местечко *Les Charpennes*, где жил его знакомый фермер. При ферме был сад с тутовыми, абрикосовыми и другими деревьями. Поужинав запросто, мы легли спать в пустой комнате на сене. Проснувшись рано утром, чтобы идти обратно в город, умылись под колодцем, причем воду качали то Шульц, то я.

Зимой по вечерам ходил я иногда в Большой театр (*Le Grand Théâtre*) слушать оперу. Оперным оркестром дирижировал тогда Иосиф *Luigini*. На лето Большой театр закрывался, оркестр же со своим талантливым дирижером продолжал играть, но уже не в душном театре, а на чистом воздухе: по вечерам, четыре раза в неделю (по воскресеньям, вторникам, четвергам и пятницам, от 8 до 10 часов), оркестр давал концерты в саду, на громадной площади *Bellecour*, одной из красивейших площадей Франции. На эти концерты собиралась элегантная публика, между которой можно было видеть первых лионских дам полусвета: *Ma mère m'attend* (прозвана так потому, что когда ее приглашали куда-нибудь ехать, то она сначала отказывалась, говоря, что ее “ждет мать”), *La Pite en Char, Pâquerette, Hélène Courtois, Meyer, Jeanne la folle* и др. Нередко эти дамы в жаркую погоду после концерта отправлялись купаться в компании мужчин в купальни на Роне.

По смерти старушки хозяйки, у которой я снимал комнату на *Cours Morand*, дочь-вдова переехала в другую квартиру, на площади *Terreaux*, куда перебрался и я. Но недолго я пожил на этой новой квартире: приехал в Лион отец и, увидав, что я живу в четвертом этаже и занимаю небольшую комнату, посоветовал мне поискать другую, получше. Скоро нашел я себе такую в квартале, где я уже

раньше жил — *Brotteaux*, у одного бывшего и обедневшего торговца шелком, в улице *Tronchet*, в первом этаже; комнату вроде салона, с альковом, с паркетным полом, с мраморным камином, с зеркалами в золоченых рамах, с мебелью, обитой пунцовой шелковой материей, и с пианино. Кроме ключа от моей квартиры, мне дали еще громадный ключ от ворот дома, вроде ключа от какой-нибудь крепости, который было не особенно удобно носить с собой. (На лионском жаргоне ключ от ворот назывался *loquetière*.) Опять мне пришлось ежедневно переходить через старинный, прекрасный дубовой мост Моран, перекинутый через Рону. (Этот чрезвычайно прочный мост был выстроен в 1774 году архитектором Мораном и сломан в 1889 году. В настоящее время на его месте новый каменный мост.) По утрам меня обыкновенно будила игра на рожке баска в синем берете и блузе, с большим зонтиком за спиной; в сопровождении черной собаки он гнал за город свое небольшое стадо черных коз. На звуки рожка выбегали из домов женщины с разной посудой, и баск тут же на улице доил коз и за несколько су наполнял молоком подаваемые ему сосуды. По утрам же раздавался протяжный голос скупщика старого платья: "*Arrr' chand d'habits*". Если вечер я проводил дома, то слышал летом в девятом, а зимой в восьмом часу военную зарю, барабанщики и горнисты собирались на площади Моран, откуда, разделившись на несколько небольших отрядов, шли по разным направлениям, барабаня и играя на трубах, а мальчишки, сопровождавшие отряд, пели:

De la retraite, voici l'heure!
Allons, troupier, Allons, troupier, faut rentrer au quartier![15] и т.д.

По мере приближения отрядов звуки музыки все усиливались, а потом, по мере удаления, слабели и наконец совсем замирали. (Теперь вечерняя военная заря в Лионе отменена.)

По заграничному обычаю, круглый год в хорошую погоду все окна в моей квартире по утрам открывались настежь, и вывешивали на улицу для проветривания матрацы, пуховики, одеяла и подушки. В морозы в квартире приходилось мерзнуть: двойных рам не существовало; случалось, хотя и редко, что на поверхности воды в кувшинах образовывалась ледяная кора. Камин мало согревал комнату, притом топливо было дорого (топил я еловыми шишками). Впоследствии я поставил у себя термостат, который топил коксом, и в морозы сидел около него в теплом пальто и шапке, закутавши ноги в плед. Зимой, кроме одеяла, накрывался еще пуховиком. Помню, зима 1877 года была очень теплая: ни разу не выпадал снег, и я всю зиму ходил в летнем пальто. Вообще холодные зимы в Лионе были редки и всегда непродолжи-

тельны; зато осенью бывали такие сильные туманы, что в двух шагах нельзя было ничего разглядеть, а летом такие страшные грозы, каких я нигде не видывал.

В дело Варбурга отправлялся я рано утром. Дорогой встречались мне эскадроны кирасир, которые вели поить своих лошадей на Рону. (В квартале *Brotteaux* находились громадные казармы "*De la Part-Dieu*" и квартировало много войск: кавалерии, пехоты и артиллерии. Кофейни *"Cours Morand"* в известные часы дня переполнялись офицерами всех родов оружия, и на улицах близ кофейн стояли денщики, держа поводья оседланных лошадей. При мне был лионским военным губернатором генерал Бурбаки.)

В ресторане "Казати" пил я кофей, а потом поднимался к Варбургу. (24 июня 1894 года, когда в Лионе итальянец анархист *Casetio* заколол кинжалом президента Карно, разъяренная толпа разгромила ресторан "Казати", хозяин которого был итальянец. Кроме "Казати", с коего начался погром, пострадали тогда и другие, ни в чем не повинные итальянцы, живущие в Лионе. В настоящее время на месте ресторана "Казати" кондитерская.)

У Варбургов служил между прочим француз Феликс Дарго, который ездил от них коммивояжером в Испанию, Румынию, Россию и другие европейские государства (он говорил на многих иностранных языках, между прочим и по-русски). Кроме того, Дарго изучал специально накожные болезни, о которых написал диссертацию, за что получил степень доктора медицины. Дарго был женат на бельгийке и имел брата Казимира, который служил у Варбургов в отделении материй. (Казимир Дарго женился на дочери лионского маклера Бутелье, занимавшегося продажей шелковой пряжи, и я присутствовал на свадьбе. Свадебный обед был в отдельном помещении ресторана "Казати". Оба брата Дарго были брюнеты, но Казимир отличался одной особенностью: брови у него сходились на лбу вместе, так что над глазами была одна черная полоса.)

Впоследствии Феликс Дарго оставил Варбургов и переселился в Москву, где вступил в компанию с фабрикантом шелковых материй Жиро и жил на его фабрике в Хамовниках, где Жиро выстроил для него небольшой деревянный дом. Этот прекрасный человек, с которым я очень подружился, к сожалению, умер от рака в 1904 году в Женеве, куда он, оставив Жиро, переехал из Москвы.

В Лионе мне редко приходилось встречаться с русскими. Раз только приехал из Нижнетагильского завода инженер Николай Иванович Алексеев и с ним человек десять молодых русских. Алексеев познакомился со мной и был со всей молодежью у меня, в улице *Tronchet*, где я их угощал чаем. Вскоре все они уехали в *Terre Noire*, близ Сент-Этьена, чтобы изучать там бессемеровский способ закаливания стали.

Отец в один из своих приездов в Лион между прочим указал мне на пожилую даму, остановившуюся, как и он, в "*Grand Hôtel de Lyon*", сказавши, что это дочь бывшего Московского военного генерал-губернатора Закревского — Лидия Арсеньевна.

В Лионе стал я собирать французские книги, чем и положил начало своей библиотеке французских книг. Книги покупал преимущественно у букиниста, торговавшего под перистелем Большого театра.

Во время карнавала, по субботам, бывали маскарады в квартале Brotteaux, в Альказаре, в бывшем прежде цирке. На арене танцевали дамы полусвета в нарядных костюмах пьерет, коломбин, арлекинов, *folie* (глупцов, дураков. — *Н.Г.*) и др., со своими кавалерами. Вокруг арены гуляла публика. На эстраде играл оркестр, музыканты которого одновременно и пели. Некоторые из менее скромных дам иногда пускались в канкан, причем находились кавалеры, которые ходили на руках. Из маскарада отправлялись мы ужинать в ресторан на площади Моран, где ели сырный суп (*soupe au fromage*). За конторкой в этом ресторане сидела разодетая, молодая, стройная дама, к сожалению, на один глаз кривая.

В канун Рождества мы ходили в собор *Saint-Jean* слушать полуночную мессу (*messe de minuit*), в превосходном музыкальном исполнении, причем оперный баритон пел:

Minuit, Chrétien, c'est l'heure solonnelle
Où l'Homme-Dieu descondit jusqu'à nous
Pour effacer la tâche originelle
Et de Son Père apaiser le courroux[16]. (Музыка *Adam*.)

Из собора шли в ресторан, где ели традиционную индейку с трюфелями, запивая ее шампанским.

В праздник *Jour des rois* (Крещения. — *Н.Г.*) у госпожи Раго подавали к обеду пирог, в который запекали боб, и кому он доставался, тот был "королем" и должен был угощать остальных пансионеров бургундским.

При мне вошло в моду катанье на коньках с колесиками, и повсюду стали устраивать *skating-ring*'и, которые в насмешку прозвали *casse-reins*. В лионском скейтинг-ринге бегали, не считая мужчин, исключительно дамы полусвета, и если какая-нибудь из них падала, то в утешение мужчины говорили ей: "*Madame, c'est le premier pas, qui coute*"[17].

Борцы уже и тогда не были новостью. Борцов ходили смотреть в "*Casino*" или "*El-Dorado*".

При мне в парке *de la Tête d'or* была устроена превосходная выставка разнообразнейших сортов роз и всевозможнейших плодов.

Пришлось мне также пережить в Лионе музыкальный кон-

курс, на который понаехали из городов, городков и деревень чуть ли не всей Франции разные музыкальные общества. Несколько дней они разгуливали по улицам со своими знаменами и штандартами, барабаня, трубя или играя на других инструментах. Этими музыкантами были переполнены все пивные, кофейни и рестораны. В конце концов они так надоели, что многие лионские жители обрадовались, когда кончился конкурс и все приезжие музыкальные общества разъехались.

Затем появились несносные трещотки, называвшиеся “кри-кри” (“*cri-cri*”). Трескотня этих трещоток довольно продолжительное время раздавалась по улицам Лиона, да и повсюду во Франции.

Теперь в Лионе запрещены все религиозные процессии на улицах. Не так было в семидесятых годах XIX столетия. Особенно торжественны были процессии в праздник *Fête Dieu* не только в Лионе, но и в других провинциальных городах Франции. (Процессии в праздник *Fête Dieu* (Тела Христова) видел я также в Виши.) Церковными приходами устраивались на многих лионских площадях престолы (*reposoire*). По улицам, где должны были идти процессии, стены домов затягивали белыми простынями, к коим прикрепляли розаны, в некотором расстоянии один от другого. Шествие каждой процессии открывали девочки в белых платьицах с венками из цветов на головах. Девочки несли корзиночки, наполненные лепестками цветов, которые разбрасывали по дороге. Под богатым балдахином шло духовенство, за ним следовали певчие, оркестр военной музыки и толпа народа. Певчие пели, оркестр играл. В процессии шел даже маленький мальчик, одетый Иоанном Крестителем.

Похороны лионского архиепископа Жинулиака (*Ginoulniac*), умершего 17 ноября 1875 года, я смотрел, стоя на площади *Terreaux*. Монахи и монахини не были тогда еще разогнаны, и потому в похоронном шествии участвовали разные монашеские ордена: траписты, картезианцы, бенедиктинцы, доминиканцы, капуцины, маристы, кармелитки, сестры *S-t Vincent de Paul*, монахини ордена *Sacre-Coeur* и др.

Завтраки и обеды у госпожи Раго были уже потому хороши, что столовалось немного пансионеров. Вообще у нее кормили вкусно, и только в великую пятницу давали невкусную треску. По крайней мере раз в неделю пансионеры спрашивали бургундское вино, за бутылку которого платили по пяти франков. Свой пансион госпожа Раго потом закрыла, находя, что ей невыгодно его держать, и я стал ходить в один маленький ресторан на площади *Terreaux*. В этом ресторане столовался со мною вместе старик, отставной французский полковник, принимавший участие в

осаде Севастополя. Впоследствии полковник уехал из Лиона, и его место за моим столом занял торговец дамского платья, маленький, толстенький, большой любитель покушать; перед завтраком или обедом он всегда расстегивал пряжку своего жилета.

Оба мои патрона у Варбургов, женатые на еврейках и жившие в квартале *Brotteaux*, приглашали меня иногда к себе пить чай; чаще приглашал меня мой главный патрон - Фридлендер. С удовольствием бывал я у радушного Ф.Дарго, жившего в небольшом особняке с садом. Камфор, жена которого была американка, урожденная Дамбман, пригласил меня однажды к себе обедать. На этом довольно церемонном обеде присутствовал председатель Лионского коммерческого суда *Brölemann* (так же, как и Камфор, из протестантов). Один из главных продавцов, служивших у Камфора, *Firmin*, был ко мне очень расположен и любил, чтобы я его посещал. *Firmin* жил близ Лиона, в небольшом расстоянии от Соны, в местечке *Collonges-aux-Mont-d'or*, где он угощал ужинами, состоявшими из вкусных блюд лионской кухни. Глубокой осенью, уходя от него ночью, мне приходилось идти через местечко до станции чуть ли не ощупью, так было темно; улицу не освещали, а жители уже спали, и ни в одном доме не было видно огня; лишь порой слышался собачий лай.

В конторе Камфора познакомился я также с конторщиком, молодым человеком *Motte*'ом, отец которого служил на железной дороге *Paris-Lyon-Mediterranée* и во время одной железнодорожной катастрофы на этой станции погиб, за что вдове, матери *Moté*'a, было дано право торговать на станции Переш книгами и газетами. *Motte* брал книги у матери и ухитрялся читать их, не разрезывая страницы, так как непроданные разрезанные книги не принимаются обратно издателями. Впоследствии Motte поступил коммивояжером в один торговый дом (*Dollfus-Mieg et Cie*) в Париже и стал ездить в Россию. Помню, однажды в Москве он пришел ко мне, несмотря на жестокий мороз, в летнем пальто и цилиндре.

Фридлендер давал мне не раз отпуски для моих поездок. Так, на Пасху ездил я обыкновенно в Марсель. В это время в Марселе на рынках уже появлялись земляника, спаржа и много цветов. Землянику продавали в круглых продолговатых глиняных баночках. Торговки цветами сидели в своих высоких беседках, напоминающих проповеднические кафедры в католических церквах. Вообще Марсель был куда оживленнее, чем Лион. На улицах *Saint-Ferréol*, где модные магазины, гуляла элегантная публика. На улице *Paradis* в окнах первой марсельской кондитерской Кастельмуро были выставлены нарядные корзиночки с засахаренными фруктами, а в окнах колониальных лавок — антильские ананасы, ал-

жирские апельсины, тунисские финики, крупные алеппские фисташки, португальские бананы и т.п. В узкой улице *De la Glace*, полной тени и прохлады, в которой находятся склады льду и молочные лавки, можно было наблюдать по утрам, как уличные торговцы мороженым и гарсоны кофейн запасались льдом, а кухарки — молоком. В старом порту в полдень нельзя было ходить: солнце страшно пекло, лучи его падали отвесно, больно было смотреть, и ломило голову.

Вот узенькая улица *Maycosse*, улица рыбаков, спускавшаяся ступеньками в старый порт; она напоминает итальянскую улицу: на веревках, протянутых поперек улицы, просушивается белье; у порога дверей сидят женщины южного типа; посреди улицы бежит ручей грязной воды, в котором полощутся дети. А вверху, высоко над крышами, видишь клочок синего неба. Из этой улицы рыбакам видны их лодки, качающиеся на воде в старом порте.

Если завернуть за угол улицы *Maycosse* и подняться по каменной лестнице, то выйдешь на площадку, называвшуюся по старинной, до сих пор сохранившейся башенке — *Esplanade de la Tourette*; с этой площадки открывается вид на полосатый, в романо-византийском стиле новый собор, на новый порт и на море. (Этот собор был заложен в 1852 году французским президентом — принцем Наполеоном.) На площадке плетут канаты, а мальчишки играют в весьма распространенную в Марселе игру в "батальон" (*jeu du bataillon*), напоминающую нашу игру в "стенку", легко переходившую тогда в драку, особенно между лицеистами и учениками так называемых христианских школ. (Между учениками лицеев и христианских школ существовала такая вражда, что для избежания всяких конфликтов во время их прогулок было решено, что последние будут выходить по средам, чтобы не встречаться с лицеистами, выход коих бывал по четвергам.) Игра в "батальон" была опасна не только для принимавших в ней участие, но и для прохожих, так как в дело часто пускались камни.

Интересно было смотреть, как выгружают в старом порту барки с апельсинами, которыми наполняют мешки, причем порченые апельсины выбрасывают за борт, а мальчишки, рискуя упасть в воду, вылавливают их.

В старом же порту или близ "*Café Ture*" встречался старик, ходивший в русской каске и с ящиком. Этот старик родился в 1811 году и его звали *Mort-aux-Rats*, потому что он с большим успехом истреблял крыс и мышей в корабельных трюмах, товарных складах и жилых домах. Расхаживая по улицам, старик выкрикивал: "*Voilà, voilà, celui qui fait mourir les souris et les rats, voilà le marchand de Mort-aux-Rats!*"[18]

В первые дни мая или даже в начале апреля можно было видеть на той или другой улице Марселя такую картинку: хорошенькая девочка в белом платьице с венком из цветов на голове сидела на высоком стуле за столом, покрытым белой скатертью; это так называемая Майская Красавица (по-провансальски — *Bello de Maio*). По старинному обычаю, девочки бедного населения выставляли напоказ более красивых своих товарок и обращались к прохожим, прося их дать что-нибудь на Майскую Красавицу. Собранные таким способом незначительные деньги шли на покупку лакомств, которые они делили между собою.

В конце аллеи Прадо, недалеко от моря, в приютившемся под тенью платанов кабачке Гонтара (*cabaret du père Gontard*) продавали превосходные буябесы (*bouillabaisse*).

В Марселе слышал я в первый раз оперу “Аиду”, но, будучи очень усталым, почти все время спал под звуки музыки Верди.

Насколько было приятно проводить в Марселе время в тихую погоду, настолько же было несносно пребывание там, когда дул мистраль. Порывы этого ветра так сильны, что не только трудно устоять на ногах, но даже иногда он срывает домовые трубы. Жутко становится в комнате, когда мистраль начинает завывать в камине.

Из Марселя ездил я в Тулон. Желая осмотреть Морской арсенал, обратился за разрешением к морскому префекту, вице-адмиралу *Jauréguiberry*, но как иностранец получил отказ. Позавтракав в порту свежими жареными сардинками, отправился на пароходе в морской госпиталь *Saint-Mandrier*. В этом госпитале осмотрел ботанический сад с богатой тропической растительностью и цистерну, в которой эхо повторяется двадцать два раза. Хозяева маленькой гостиницы, где я ночевал, на прощание поднесли мне ветку с несколькими больших размеров цедрами (*cédrat*)[19]. В Тулоне случайно встретил на улице московского фабриканта Альберта Осиповича Гюбнера, дочь которого была замужем за французским моряком, сыном адмирала Тушара. Из Тулона поехал в Ниццу.

В это время в Ницце апельсиновые деревья были в полном цвету, и весь берег благоухал флердоранжем. Гостиницы большею частью были закрыты, и улицы малолюдны. Между прочим побывал я на вилле Бермон, где видел часовню в память нашего покойного наследника цесаревича.

Из Лиона сделал я еще две поездки на юг Франции. В одну из этих поездок посетил Авиньон, Арль, Ним и *Montpellier*, а в другую — Бордо, Аркашон, Байону и Биарриц.

В Авиньоне видел дворец пап, в Арле — древний римский амфитеатр и любовался красивыми арлезианками, а в Ниме смотрел другой римский амфитеатр.

Приехав в *Montpellier* днем и остановившись в гостинице, я неожиданно почувствовал слабость, спросил обед в комнату, но не мог ни до чего дотронуться, не раздеваясь, лег в постель и проспал как убитый до следующего утра. На другой день проснулся как ни в чем не бывало и удивился, увидев на столе нетронутый обед. У меня сохранилось воспоминание о роскошных кофейнях в *Montpellier* с множеством сидящих в них нарядных дам и о прекрасном городском парке *Le Peyrou*.

В Бордо выехал из Лиона накануне Троицына дня и пробыл там двое суток. В памяти у меня остались: площадь *Quinconces* с двумя ростральными колоннами-маяками и набережная Гаронны.

В Аркашоне познакомился в хозяином одного устричного парка. С ним на его лодке отправился я на рассвете, во время морского прилива, к месту, где находился его устричный парк. Пришедши туда, мы стали ждать морского отлива. Как только море ушло и обнажилось дно, хозяин занялся своим делом, а я тем временем, разувшись, стал вытаскивать гарпуном (*fouane*) рыбу "соль", которая во время отлива не вся успевала уйти в море, и часть ее оставалась в песке. С приливом дно стало покрываться водой. Мы сели в лодку и стали завтракать крутыми яйцами, хлебом и красным вином. Между тем прилив кончился, и мы отправились в обратный путь. Наловленную мною рыбу оставил гостеприимному хозяину устричного парка.

Из Аркашона поехал в Байону. Солнце немилосердно пекло, и в вагоне было ужасно жарко; я сидел, обливаясь потом, и только в Байоне свободно вздохнул.

Из Байоны на лошадях поехал к устью Адуры, а оттуда через лес морских пиний — в Биарриц. В этом лесу к стволу каждого дерева был прикреплен глиняный горшок для сбора вытекающей из дерева смолы. В Биаррице оставался я недолго и вернулся в Байону, потому что большая часть гостиниц и магазинов была закрыта и сезонная публика еще не приезжала.

Из Лиона ездил я также в Женеву, Турин, Геную, *Vienne*, Гренобль и *Uriage-les-bains*.

В Женеве в квартале Каруж (*Carouge*) жил тогда один из главных деятелей Парижской коммуны — *Gaillard père* (папаша Гальяр. — *Н.Г.*), бежавший из Парижа. По ремеслу был он башмачник, а во время Коммуны был полковником и заведующим всеми парижскими баррикадами. (По приказу Гальяра была устроена в Париже на площади Согласия двухэтажная баррикада.) У меня сохранилась его фотографическая карточка, где он изображен в мундире, в кепи на голове, при сабле и с револьвером за поясом. В Каруже Гальяр открыл башмачный магазин, и я видел в окно

магазина, как он примерял ботинки какому-то господину. На вид Гальяр был сутуловатый старик с бесцветными глазами, курчавыми волосами, с усами и бородой.

Турин, столица бывшего Сардинского королевства, вследствие своих широких улиц, громадных площадей, больших, высоких кофеен, показался мне слишком малолюдным. Зато все было хорошо и дешево: прекрасный сдобный хлеб *panetone* и хлеб в виде тоненьких палочек — *grisini*, отличный вермут братьев Кора, хорошие, хотя и очень крепкие красные вина "*Barolo*", "*Barbera*" и др., превосходный ресторан "*Cambio*" и т.д.

В Генуе существовал еще на улице Гарибальди кафе-ресторан "*Concordia*", помещавшийся в старинном палаццо с внутренним садиком, где давали замечательное апельсинное мороженое и кормили вообще отлично. К сожалению, теперь этого славного кафе-ресторана уже нет.

В фабричном городе *Vienne*, на Роне, в то время как я обедал в лучшем ресторане, помню, вошли в ресторан два солдата в полотняной рабочей казарменной одежде, т.е. как будто в одном грязном нижнем белье, заказали себе тонкий обед и, как были в грязной одежде, в кепи на головах, сели за стол.

Из Гренобля ездил в дилижансе по живописной долине *Craisivaudan* в *Uriage-les-bains*, где останавливался в гостинице "*Monnet*".

Вместе с лионскими товарищами сделал я несколько экскурсий. Так, зимой 1876 года со Штернбауером предпринял поездку в Париж. Остановились мы в "*Hôtel de Bavière*", где по случаю морозов ночью спали в фуражках и накрывались пуховиками. Осматривая кладбище *Père-Lachaise*, мы проваливались в снежных сугробах. Чтобы отогреться, часто забегали в кофейни. Выходя из театра "*Vaudeville*", увидели мы, что люди и лошади падают: оказалось, что пока мы были в театре, сделалась гололедица. По дороге в гостиницу встретился нам господин, спускавшийся на коньках с Монмартрского бульвара. С трудом дошли мы до своей гостиницы. В эту поездку мы посетили, по совету И.П.Гужона, бал *Laborde* в улице *Victoire*: в небольшой зале потолок и все стены были в зеркалах, и танцевали богато одетые и сильно раздушенные дамы полусвета, которые приезжали на бал в своих маленьких каретах.

В монастыре *Grande-Chartreuse* был я с несколькими товарищами. Из Лиона до Вуарона ехали мы по железной дороге. На полях в окрестностях этого последнего города были разложены для беления знаменитые вуаронские полотна. Поужинав в Вуароне, взяли мы дилижанс до *Saint-Lorant-du-pont*. Потом отпра-

6 Зак. 380

вились ночью пешком до самого монастыря *Grande-Chartreuse*. Живописная дорога шла между гор; светила луна, и было чрезвычайно сыро от множества небольших водопадов и бьющих родников с прекрасной водой. В монастырь пришли рано утром, сильно утомленные. Старик привратник в белой рясе, с бритой головой, босоногий и в сандалиях, отпер ворота и повел нас в общую спальню для приезжающих, предварительно, по нашей просьбе, дав нам в трапезной выпить по рюмочке желтого шартреза. (Шартрез — белый, желтый и зеленый — делался в Гренобле, где у картезианцев был завод. 23 апреля 1903 года картезианцы были изгнаны из своего монастыря; потом они поселились в монастыре *Farneta*, близ Лукки.) Хотя мы сильно устали, но спали плохо, потому что нас немилосердно кусали блохи. На другой день, после плохого монастырского завтрака отправились в обратный путь той же дорогой и тем же способом — пешком, в дилижансе и по железной дороге.

С товарищами же был я в Савойе, откуда вернулся через Швейцарию в Лион.

Путешествие по Савойе мы начали с *Aix-les-bains*. По озеру *Bourget*, самому большому во Франции и воспетому Ламартином, сделали днем прогулку на пароходе, посетив аббатство *Hautecombe*, а вечер провели в "Казино". В *Aix-les-bains* невольно вспомнился мне роман Ламартина "*Raphaël*".

В городе Шамбери заглянул в ткацкую мастерскую, в которой работали шелковый газ, называемый *gaze de Chambery*, а за городом побывал в усадьбе *Les Charmettes*, где когда-то жил Жан Жак Руссо[20], у красивой *M-me Warens*. Затем из Шамбери по железной дороге доехали до города Аннеси, при озере того же имени. Это озеро вместе с горными озерами во французских Пиренеях — одно из красивейших во Франции. В Аннеси сели в дилижанс, который довез нас до подошвы Монблана в Шамони. Побывавши на некоторых глетчерах[21], тронулись в путь пешком в Мартини, а оттуда по железной дороге в *Bex*. Из *Bex*, мимо Женевского озера, вернулись в Лион.

Зимой 1876 года мой знакомый пансионер госпожи Раго, Леон Перре, стал меня уговаривать вступить с ним в компанию и открыть в Лионе комиссионерский дом. Перре имел клиентов в Испании, куда он иногда ездил. С своей стороны я был не прочь вместе с ним заняться комиссионерским делом и стал писать об этом отцу. В конце концов доводы отца и совет вернуться в Москву и вступить в его дело побудили меня отказаться от предложения Перре.

Летом 1878 года я оставил Варбургов и, пробыв несколько дней в Париже, чтобы посмотреть Всемирную выставку, вернулся в Россию.

ДОПОЛНЕНИЯ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ

Служа в Берлине у Абельсдорфа и Мейера без жалованья, я все же получал от них на Новый год подарок, заключавшийся в стопочке золотых — марок в триста. В Лионе же, у Севена и Барраля — никаких подарков не получал.

О происхождении фирмы Р.Д.Варбурга и К°, где я служил, в 5-м томе "Еврейской Энциклопедии", стр.306, имеются следующие сведения: "Есть предание, что семья Варбургов первоначально жила в Болонье, но эмигрировала в Вестфалию, в город Варбург, откуда переселилась в Альтону близ Гамбурга. Первым представителем семьи является Леви-Иосиф Варбург, сын которого, Яков-Самуил, умер в Альтоне в 1667 году. От него происходят две ветви: родоначальник одной — Самуил-Моисей Варбург (умер в 1759 г.), известный также под именем *Franfurter*", другой — Самуил-Рубен Варбург (умер в 1756 г.), внук которого Р.Д.Варбург (1778-1847) — учредил гамбургскую фирму Варбургов".

Относительно того, что ели и какие цены платились во время осады Парижа в 1871 году, выписываю из письма *Garmen Fontiroli* к П.В.Шумахеру следующее: "*Pendant le siège de Paris (1871) les gros rats se vendaient 12 francs pièce, les petites souris 12 et 15 frcs la douzains, les chiens et les chats 25 frcs, quant aux lapins ont était heureux d'en trouver à 60 et 80 fracs. Le beurre, pas frais du tout, était au ptix de 40 fr. la livre. Tn fait de légumes j'ai vu payer un petit chou blanc 8 f.50*"[22].

По возвращении из Лиона в Москву я некоторое время переписывался с М.Штернбауером, *Gallay* (мой товарищ у Варбургов) и *Auguste*'ом *Balme*'ом.

Штернбауер писал мне из Лиона от 15 января 1879 г. между прочим следующее: "*Le pauvre D-r Neyret, gui vous a traité pour vos rhumatismes, est devenu subitement ptesgue avugle; il parait que c'est un effet alcoligue. J'ai vu hier ici M-r Dargaud aîné. M-r Georges Dambmann* (брат госпожи Камфор. — *П.Щ.*) *qui se marie demain, ne connait plus l'adresse de Schulz.* (Шульц из Кельна занимался со мной у Пейо. — *П.Щ.*) *La dernière lettre qu'il reçu de lui était de Iokohama, mais depuis M-r Schulz a du naturellement voyager*"[23].

Gallay писал мне от 31 января 1879 г.: "*Vous devez savoir que nous avons f....... à la porte Mac-Mahon. Cela n'était pas trop tôt. Nous voila véritablement en république, récompense méritée de notre sagesse*"[24].

Он же писал от 9 июля 1881 г.: "*Votre étonnement sera grand en voyant que je suis devenu fabricant (Gallay сделался фабрикантом de noirs perfectionnés). Et bien je ne mets pas encore la main à la pâte, mais si l'affaire que je lance reussi je quitterai la grande boite R.D.W. Ainsi mon cher et ancien compagnon de chaine, je veux faire tous mes efforts poir me degager de la boite R.D.W. Vous avez du savoir que M-r Friedlander*

a quitté la maison que M-r Weigert en a pris la direction: c'est d'un bassinant (permettez-moi ce Emile Zolatisme) a devenir feroce ou abruti"[25].

Auguste Balme писал мне в 1878 году, что *Desthieux* сломал себе ногу, но что потом поправился.

Ресторан *père Villard*'а в *Chasselay*, где так хорошо кормили, более не существует, *Jossé* в своей книге "*Aux environs de Lyon*", изданной в 1892 году, говорит: "*... Chasselay n'est quère plus connu du tourist. S'll eut une heure de voque, s'est suprès des amateure de bonne chère...*"[26]

Вспомнились мне еще две личности, встречавшиеся на улицах в мою бытность в Лионе: это поэт *Josèphin Soulary* (автор замечательных сонетов (1815—1891)) и рисовальщик на фабриках, прозванный за свой высокий рост *Le géant de Neuville*[27].

Пикулины до переезда на Петровку в дом Дурново жили на Неглинной, в доме, в котором помещается теперь магазин обуви Шумахера. Мой дядя Николай Петрович Боткин, очень любивший свою сестру Анну Петровну, всегда останавливался у Пикулиных, когда приезжал из-за границы в Москву. Помню, когда мы, дети, приходили его навещать, то он вынимал из бокового кармана сюртука туго набитый деньгами бумажник и давал каждому из нас по крупному кредитному билету. (Дом Дурново, потом Лазарика, затем Харитова, а ныне Обидина; в этом доме Павел Лукич и скончался.)

В 80-х годах непременными посетителями маскарадов Дворянского[28] и Немецкого[29] клубов были, между прочим, три старичка: тайный советник Врето, князь Оболенский, прозванный Квазимодо, и военный генерал с немецкой фамилией, которую позабыл. Врето, секретарь Братолюбивого общества, в парике и крашеный, являлся всегда в маскарад в вицмундире, с Владимирским крестом на шее. Князь Василий Андреевич Оболенский, подольский предводитель дворянства, несмотря на свое уродство, имел успех у женщин. Старичка генерала в военной форме в маскараде всегда окружало множество масок.

Во Франции спустя двадцать лет опять восстановлена вечерняя военная заря. (Вечерняя военная заря была отменена во Франции в 1892 году.) Профессор Лильского университета *André Lirondelle* в своем письме из Лилля от 13/26 марта 1912 года, пишет мне: "Что касается *les reteaires militaires*, то правительство предоставило право восстановлять их высшему военному начальству в каждом городе. До сих пор воспользовались этим правом между прочим города: Париж, Лилль и ваш *Lyon. Et cela a suscité partout un grand enthousiasme. Elles ont lieu chaque semaine, le samedi soir*"[30]. В газете "*Le Journal*" от 11 февраля 1912 года писали об

этом возобновлении следующее: *"Tambouts, clairons, musique en tête, voilé la retraite qui passe. On ne l'avait pas vue depuis une vingtaine d'années. Les vieux Parisiens s'en sont trouvés rajeunis. Aussi a-t-elle obtenu, pour sa résurrection, un succès fou"*[31]. Невольно вспомнилась мне вечерняя военная заря в Лионе, которую я не раз слышал, когда жил в квартале *Brotteaux*, и вообще вспомнилась жизнь в этом по преимуществу военном квартале. Часто видел я ночью на лионских улицах патрули — несколько военных кирасир или драгун, или гусар — и слышал оклик часового: "*Qui vive*?" (Кто идет? — *Н.Г.*) и ответ:"*Patroulle*" (Патруль. — *Н.Г.*). Рассказывали, что однажды часовому на его оклик: "*Qui vive*?" ответили фамилией: "*Spies*" (Шпис), на что часовой заметил: "*On ne demande pas ce que vous faites*" (Вас не спрашивают, что вы делаете. — *Н.Г.*). На площади *Bellecour* я смотрел большие парады всего лионского гарнизона, происходившие всегда в день французского национального праздника, 14 июля. Эта самая большая площадь в Лионе несколько раз меняла наименование, смотря по тому, кто стоял во главе правительства: называли ее и *place Royal de Louis le Grand*, и *place de la Fédération*, и *place de l'Egalité*, и *place Bonaparté*, и *place Napoléon*, и опять *place Louis de Grand*[32].

Середину площади *Bellecour* украшает прекрасная бронзовая конная статуя Людовика XIV, работы скульптора *Lamot*, на белом, из каррарского мрамора, пьедестале. Освящение статуи состоялось 6 ноября 1825 года. Подобная бронзовая конная статуя того же короля, поставленная на том же месте еще в 1713 году, была сброшена с пьедестала во время первой революции в 1792 году, когда уничтожали все, что напоминало королевскую власть. Сброшенную статую вместе со статуей Людовика XIV, находившейся в *Montpellier*, и еще с другой небольшой конной статуей того же короля, переплавили в тридцать пушек малого калибра, которые потом были посланы в Пиренейскую армию. В конце октября 1792 года на площади *de la Fédération* была выставлена напоказ народу гильотина, первый раз прибывшая в Лион. В былое время на площади *Bellecour* существовала тенистая аллея вековых лип. В 1814 и 1815 годах бивуакировали на этой площади войска союзников и не тронули ни одного дерева. Настал апрель беспокойного 1834 года, и свои собственные войска срубили около сорока лип для постройки баррикад. Теперь на площади *Bellecour* вместо лип растут высокие, тенистые каштаны.

В имеющихся у меня неизданных письмах лионского поэта *Joséphin Soulary*, между прочим, говорится в письме от 9 января 1842 г. относительно праздника *Fête des Rois*: *"Je n'ei pu, mes chers parents, avec la meilleure volonté du monde, me rendre à l'aimable invitation*

que mon oncle a bien voulu me faire d'aller en famille tirer les Rois le 6 de ce mois à votre hermitage.... Du reste, je me suis associé de coeur a la petite fâte des Rois; je me disais: à cette heure, ces messieurs arrivent en foule à la grille du château, et se précipitent au cou de mon oncle et de ma tante qui embrassent cette masse de nez froids et reçoivent les compliments et souhaits de ces mages qui viennent adorer une table bien servie et se disputer la royauté de la fève. A cette heure le diner commence — voilà les plats qui succèdent — voilà les vins qui partent — voilà un concerto très-animé de discussions qui se mèle au carillon des fourchettes"[33].

В другом письме от 5 августа 1842 г. Сулари пишет своему дяде *Couet (ex-notaire propriétaire rentier à Irigny (Rhône*) об урагане, бывшем в Лионе: "*J'ai bien pensé que l'orage de 29 aurait dévasté vos vignes; Malheureusement l'indemnité qui vous sers allouée sera bien minime. Toutse les communes du département ont été revagées; nous avons eu ici la queue de l'ouragan en forme de trombe sèche; elle a déraciné 17 arbres à Perrache, et précipité un omnibus dans le Rhône...*"[34]

Перебирая у себя старые письма, я нашел письмо *Maag*'а, бывшего кассира у Арлеса-Дюфура в Лионе и столовавшегося вместе со мною у г-жи Раго. Письмо из Цюриха от 8 февраля 1904 года. В нем Мааг жалуется на свое печальное положение. После 24-летнего пребывания в Лионе он вернулся в 1884-м году в Цюрих, чтобы развестись с женой. В продолжении пяти лет он был аптекарем у одного врача. В 1897-м году Мааг поступил в сигарочный магазин, где потерял свои последние деньги. К довершению несчастия у него сделался паралич в правой руке (впоследствии он почти прошел). Его друзья Фриц Швейцер и Гюттенгер ему помогали. Наконец, Цюрихское благотворительное общество поместило Маага в приют стариков. "*Les beaux joure de Lyon sont passés*", — заканчивает Мааг свое письмо. "*Vous rappeles vous la bobine N 113 Rhumkorr que vous m'avez acheté à Paris? Nos anciens amis Maurice Sternbauer, Salzmann, Bischof, Thurneysen ne sont plus de ce monde. Je voudrais être a leurs places!*"[35] (Мааг, живя в Лионе, занимался электричеством, и по его поручению я купил ему в Париже катушку Румкорфа.)

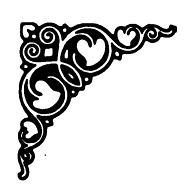
Письмо бедного Маага опять напомнило мне моих лионских товарищей и лионскую жизнь. Вот один из приказчиков, служивших у Варбургов вместе со мной в фулярном отделении; как сейчас его вижу: полный, рыжий, с эспаньолкой, уже пожилых лет; его главное занятие состояло в пересмотре, проверке по фактурам и в приготовлении к отправке фулярных платков, дамских косынок *lavallières,* платков *mossoul* и т.д. Когда он уходил из магазина завтракать, то всегда говорил: "*Aprésent je vais manger mon beefstek*"[36]. Жил он где-то за Соной и по вечерам играл у себя на валторне, звуки которой далеко разносились.

Другой мой товарищ, брюнет, маленького роста, *Gallay* занимался преимущественно кружевным товаром, на который у Варбургов был очень крупный покупатель Керб из Кельна, приезжавший иногда в Лион за покупками. *Gallay* любил беседовать со мной о политике. В пансионе г-жи Раго за нашим столом некоторые из нас носили прозвища. Так, Перэ называли *La Gouape* (Гуляка), Бальма — *La Belette* (Ласка. — *Н.Г.*), *Desthieux* — *La Grand* (Великан — *Н.Г.*) (за его высокий рост), меня — *Le Russe*. По главной улице *rue de Lyon* в будничные дни обыкновенно расхаживали фабриканты и комиссионеры, ведя деловые разговоры, в том числе и мои патроны: Севен, Барраль, Вейгерт и Фридлендер. По этой улице иногда проходили элегантно одетые дамы полусвета, оставляя за собой запах хороших духов, каких теперь не знают. Помню, однажды на *rue de Lyon* я покупал себе шляпу в одном магазине; в это время вошел какой-то гарсон (артельщик) и во всеуслышание сказал, обращаясь к молоденькой продавщице: "*Ma femme ne veut plus coucher avec moi, si je n'achete pas un nouveau chapeau*"[37].

В 1875 году приезжала в Лион талантливая и красивая русская певица *Anna de Belocca* (Белоха), певшая в Парижской и Итальянской опере. Вечером 12 апреля она давала концерт в *salle Bellecour*, на котором я был. Из сохранившейся у меня афиши видно, что Белоха пела: речитатив и арию *Di tanti palpiti* из "Танкреда", *Connais-tu le pays* из "Миньоны", арию *Voi che sapete* из "Свадьбы Фигаро", романс "*Si vous n'avez rien à me dire*" и "*Brindisi*" из "Лукреции Борджиа".

Лионские книжные издатели *Cumin et Masson* сообщили мне в письме от 25 марта 1912 года: "*La maison Sevène et Barral existe toujours dans la maison des Successeurs: Barral et Eigenschenck 6, rue Lafont*". Они же писали мне 6 апреля текущего года: "*La maison de commission Warburg, qui avait ses magasins dans la maison Casati, n'existe plus,depuis une d'années*"[38].

Привожу здесь неизданное письмо лионского поэта Сулари к его родителям от 17 октября 1841 года: "*Mes chers parents, ma belle-mère à son retour du Buycy, nous a apporté une jolie petite poule huppé qui doit fair un nombre infini d'oeufs à la Noël; elle est tioute jeune, trés privée et mange dans la main. Nous l'avons baptisée l'effrontée. Si elle peut vous faire plaisir, faites la prendre chez nous par la première personne qui viendra à Lyon. Nous la verrons partir pour votre campagne avec d'autant plus de plaisir que nous ne voulons ni la tuer ni la laisser s'ennuyer toute sa vie de poule dans une chambre où elle n'a pas de la terre à gratter. Puis, elle me charge de dire à ma tante qu'elle paiera son hospitalité par sa gentillesse et par sa reconnaissance... en oeufs frais. Adieu mes chers parents. Je vous embrasse à la hâte. Ju. Soulary*"[39].



ЧАСТЬ

На возвратном пути из-за границы в Москву я заехал в Петербург, где навестил живших на Васильевском острове Р.Н.Гришина и В.П.Геннинга. После шестилетнего безвыездного пребывания за границей Петербург показался мне мизерным городом. Отвык я также видеть и слышать простых русских людей: мужиков, баб, солдат, извозчиков.

Приехавши в Москву, я уже не застал в живых своего дядю Павла Васильевича Щукина, с которым ездил в Нижегородскую ярмарку, ходил в Ново-Троицкий трактир и которому показывал Петербург, куда дядя в первый раз приехал, когда я жил там. Вместе с моими двумя братьями, Николаем и Сергеем, вернувшимися еще до меня из-за границы, я стал заниматься в конторе у отца и ходить в его лавку. Мой брат Дмитрий отбывал в это время воинскую повинность в 8-м гренадерском запасном батальоне Фридриха Вильгельма Мекленбургского полка и жил зимою в Хамовнических казармах, а летом в палатке, в лагере на Ходынском поле. Перед тем он учился одновременно со мною в пансионе Гирста, потом в Поливановской гимназии в Москве, затем в коммерческом училище в Дрездене, откуда вернулся в 1877 году. Военная служба брату не особенно нравилась. Ему приходилось караулить арестантов. Раз как-то он хотел зайти побриться в парикмахерскую, но швейцар его не пустил, сказав: "Вас тут много шляется". В другой раз брат сидел в трактире; вошел офицер и выгнал его вон. В 1878 году брат Дмитрий уехал в Ригу, где поступил волонтером в контору Товарищества цементной фабрики и маслобойни К.К.Шмидта. (Осенью 1882 года брат Дмитрий вернулся из Риги, где последние два года он получал в конторе Шмидта 75 рублей в месяц, и стал тоже заниматься отцовским делом.)

В декабре 1878 года отец основал торговый дом под фирмой:

"И.В.Щукин с Сыновьями", приняв братьев моих, Николая и Сергея, и меня в качестве товарищей. Торговали мы по-прежнему на Чижовском подворье, а в 1878 году сняли еще другую лавку в Юшковом переулке, на Шуйском подворье, в доме Московского Купеческого Общества[1]. (В 1886 году мы оставили Чижовское подворье, так как помещение стало слишком тесно, и перешли в соседнее Носовское, оставшись в то же время и на Шуйском.)

До смерти отца жил я в его доме, бывшем Толмачевой, на углу Пречистенки и Лопухинского переулка. Напротив нашего дома, на углу того же переулка, был дом Лопухиных, старинный, одноэтажный, деревянный, с колоннами на переднем фасаде, выходящем на Пречистенку. При этом доме имелся обширный двор, который был виден как на ладони из наших окон второго этажа. Кухня у Лопухиных помещалась в значительном расстоянии от барского дома, на дворе, в отдельном флигеле. Зимой мы видели, как лакей с непокрытой головой, без теплой одежды, во фраке, нес из кухни миску с супом и другие кушанья.

На Пречистенке, почти напротив нас, жил в своем доме Владимир Дмитриевич Коншин. В этом доме мне приходилось бывать; между прочим, я присутствовал там на свадьбе дочери Владимира Дмитриевича — Прасковьи Владимировны, вышедшей замуж за Анатолия Ильича Чайковского (родного брата композитора), бывшего впоследствии Нижегородским вице-губернатором. Свадьба была с генералами, военными и статскими, до которых Владимир Дмитриевич был большой охотник. Владимир Дмитриевич был всегда одет с иголочки и тщательно выбрит. Мы называли его между собой "лордом Биконсфильдом". В роскошно убранных комнатах, которые занимал Владимир Дмитриевич, кроме громадной книги "Коронация императора Александра II" с хромолитографированными картинками, было полное отсутствие каких-либо книг, а из газет — кроме "Московских Ведомостей" — не видать других. Свой дом со всей обстановкой Владимир Дмитриевич потом продал Вере Ивановне Фирсановой за триста тысяч рублей, а сам переехал в Большой Знаменский переулок, в дом моего отца, купленный у князя Трубецкого[2]. Летом В.Д.Коншин жил в Кунцеве, где его маленькие сыновья, помню, ходили в черкесских костюмах.

На Пречистенке же, ближе к Пречистенскому бульвару, жил в своем доме толстяк — кавалергардский офицер Лихачев, который часто катался по Пречистенке в шарабане вместе с красивой Кронеберг, бывшей петербургской актрисой. (Об этой Кронеберг писал мне еще в Лион Р.Н.Гришин в своем письме от 9 ноября 1877 года из Петербурга: "Хорошенькая экс-актриса Кронеберг ката-

ется на лошадях гвардейских офицеров и не так давно попалась на суд мирового за то, что кого-то придавила на улице".) Лихачев был одним из усердных посетителей "Салона де Варьетэ" на Большой Дмитровке, который содержал какой-то Кузнецов и где иногда за ночь составлялось до десяти полицейских протоколов. Рассказчик Гинцбург заведовал в "Салоне" репертуарной частью и сам выступал на сцене. Получая в банкирской конторе Ценкера деньги, Гинцбург всегда приглашал г-д Ценкеров в "Салон", говоря, что там бывает "*Seine Excellenz Herr Lichatscheff*" (Его превосходительство господин Лихачев. — *Н.Г.*)

Вследствие расстройства дел у Лихачева дом его был продан вдове Михаила Алексеевича Хлудова — Вере Александровне (теперь дом Морица Филиппа). М.А.Хлудова[3] я немного знавал; он был приятелем генерала Михаила Григорьевича Черняева[4] и сопровождал его в Туркестанском походе. С Михаилом Алексеевичем встретился я дважды: раз ехал с ним из Петербурга в Москву, другой раз — из Турина в Модан. Из Туркестана М.А.Хлудов привез молодого тигра, которого держал у себя в комнатах на свободе.

Далее, на Волхонке, в доме князя Сергея Михайловича Голицына[5] находился музей, вход в который был со стороны ныне не существующего "Колымажного двора", где помещалась пересыльная тюрьма. (В настоящее время на месте "Колымажного двора" выстроен еще неоткрытый для публики музей изящных искусств.) В нижнем этаже Голицынского дома жил Борис Николаевич Чичерин[6] с женой (урожденной графиней Капнист), а в верхнем этаже помещался музей, учрежденный по мысли покойного князя Михаила Александровича Голицына и открытый для публики в 1865 году. (Кн. М.А.Голицын был посланником в Мадриде; родился в Москве 12 мая 1804 года, умер в Монпелье 17 марта 1860 года.) Директором музея состоял старичок немец — доктор медицины Карл Маркович Гюнцбург. С ним я познакомился. К.М.Гюнцбург, служивший в прежнее время врачом у Голицыных в Нижнем Новгороде, был человек очень начитанный, философски образованный, знавший немецкий, русский, латинский, древнегреческий, французский и английский языки. Гюнцбургом были написаны и изданы: 1) "*Cetalogue des livres de la bibliothèque du Prince Michel Galitzin rédigé d'après ses notes autographes, par Ch. Gunzboug" (Moscou, 1866)*[7]. 2) Краткое описание Голицынского музея под заглавием "Московский Голицынский музей в 1866 году" (М.,1867). 3) Указатель Голицынского музея (М.,1868) и 4) "Основы умственного воспитания и обучения в связи с психологией и логикой" (М.,1880).

Голицынский музей был открыт для посетителей по средам и

воскресеньям, с 12-ти до 4-х часов дня. Внизу при входе встречал посетителей швейцар в красном лейб-гусарском мундире. По красивой лестнице поднимались во второй этаж, где в пяти залах были размещены старинные картины разных школ, античные произведения из мрамора, бронзы и обожженной глины, старинные серебряные вещи, фаянс, фарфор, часы, эмали, миниатюры, камеи, геммы, медали, монеты и т.д. Помню, на стенах висели два больших чудеснейших гобелена, на коих по рисункам Детруа[8] были изображены сцены из Ветхого Завета: Эсфирь и Агасфер. Сбоку на коврах были две надписи: "*Fait par Detroit à Rome 1739*" (Сделано Детруа в Риме, 1739. — *Н.Г.*); внизу — "*Cazotte 1763*". Находившиеся в музее две парные вазы из слоновой кости с бронзой в стиле Людовика XVI, тончайшей работы, когда-то принадлежали Марии-Антуанетте[9], ибо на них имелся шифр этой несчастной королевы. Библиотека, помещавшаяся в отдельной зале, заключала в себе драгоценные библиографические редкости.

Относительно приобретения некоторых книг князем Михаилом Александровичем Голицыным К.М.Гюнцбург дал мне списать следующие заметки самого князя:

"Notices sur quelques acquisitions de livres, tirées d'un carnet du Prince Michel Alexandrowitsch Galitzin.

1854.

Explication des Maximes des Saints par Fenelon Pares..... 1697 m.r. tr.dor. (Vente Debure.) Exempl. aux armes de Jacques П Roi d'Angleterre payé 500 frcs.

1855

(Collection d'un amateur de Moscou:)

Oeuvre de Gallot 2 vol. in-fol. m.r.tr.dor. aux armes de M-me de Pompadour. (Cet amateur m'ayant fait proposer de lui céder moyennant échange, des livres plus ou moins érotiques, que je pouvais avoir dans ma bibliothèque, je lui envoyais: La Pucelle d'Orléans avec fig. Paris Didot l'an Ш et les Chansons de Beranger Paris 1828 fig. en noir et coul. en retour desquels, je reçus les deux beaux volumes de Gallot).

(Stargardt:) Les ordonnances de la toison d'or. (Anvers Plantin vers 1500) exempl. sur vélin très beau, 38 Th. 25 gr.

Quintus Curtius Aldus 1520. Exempl. aux armes de François 1. Payé 450 frcs. (Ventes Giraud.) Amadis de Gaule. 26 vol. m.r. tr. dor. (Lyon. B. Rigaud 1575-81. Paris, Cl. Gautier 1573, Paris. G. Robinet 1613). Exempl. aux armes du C-te d'Hoym. Payé 500 fecs. (Ventes Gireud.) (Envoyé de Berlin par le P-ce Alexis Labanoff:) Le Pastisser françois. Elsev. 1655 m.r. tr. dor. payé 72 Th. (Biblioth. de M-r Vsevolossky à Moscou:) Ciceronis epistolae ad Brutum a Roma. Sweynheym et Pannartz 1470 m. r. tr. dor. Bel exempl. à gr. marges. 120 Roubles. (Boutkovsky à Moscou) Catholicon

a Fr. Ioh. Balbus de Janna 1460. Bel exemplaire, mais qui devra être lavé et relié. 62 roubles. id. Quintilianus - Roma 1470. Edit. princeps 50 roubles. (Env. par le P-ce Lab.:) Le romant de la Rose Translate... par Molinet Lyon. Balsariv 1503 gr. in-4 v. marbré 33 Th. 10 gr.

1856

(L. Potier) Ciceronis opera Aldus 1501-23. 8 t. en 7 vol. m.noir à comp. tr. dor. rel. anc. exempl. d'une conservation parfaite. 800 frcs"[10].

Голицынский музей был, в сущности, небольшой, но все, что в нем заключалось, было действительно прекрасно. Все предметы, собранные князем Михаилом Александровичем Голицыным, указывали на его вкус и знания. О князе Сергее Михайловиче Голицыне Гюнцбург отзывался нелестно: "*Unser Fürst*, — печально говорил он мне, — *ist kein Bücherfreund, sondern ein Pferdefreund*" (Наш князь не друг книги, но друг лошади. — *М.Л.*).

И Гюнцбург был прав: несмотря на майорат, князь С.М.Голицын продал в 1886 году в Петербург все свои коллекции за относительно незначительную сумму - восемьсот тысяч рублей — и тем лишил Москву прекрасного музея, обогатив и без того богатые Императорский Эрмитаж и Императорскую публичную библиотеку. Теперь не увидишь ни в одном московском музее таких чудных гобеленов, такого севрского фарфора и многих других вещей, какие находились в Голицынском музее. Прошло 25 лет, как закрылся этот музей, и об его существовании большинство успело забыть. Только в "Русском календаре" Суворина из года в год продолжают печатать (см. суворинский календарь за 1911-й год, стр.347), в какие дни и часы Голицынский музей открыт для посетителей, когда и сам-то дом не принадлежит более князю Голицыну, а Училищу живописи, ваяния и зодчества. Нет в живых и устроителя Голицынского музея, добрейшего Карла Марковича Гюнцбурга.

(В суворинском "Русском календаре" на 1912 год Голицынский музей наконец-то не указан, но Боткинская картинная галерея в Москве[11], уже несколько лет не существующая, все еще приводится.)

Жаль также, что на Мясницкой закрылась Чертковская библиотека; хотя ею можно пользоваться и в настоящее время в Историческом музее, но все же в Москве стало одной общественной библиотекой меньше. Зала для чтения в Чертковской библиотеке была обширная, отлично устроена, и заведовал библиотекой такой дельный человек как Петр Иванович Бартенев, составивший прекрасный каталог этой библиотеки.

Живя за границей, я собирал немецкие и французские книги, фотографии актрис, актеров, писателей, ученых, военных, ком-

мунистов и др. Возвратясь в Москву, стал также собирать гравюры, литографии и рисунки. Таким образом у меня составилось значи-тельное собрание гравюр лучшего немецкого иллюстратора книг XVIII в. — Даниила Ходовецкого[12], офортов и рисунков Филисиена Ропса[13] и литографий Гаварни[14], Граведона[15], Буали и других мастеров XIX в.

Раз с братом Николаем, по рекомендации дяди П.Л.Пикулина, поехали мы к старичку Константину Ивановичу Лапкову, жившему в Лефортовском дворце, на квартире капитана Дарагана, и купили у него: "*Le Temple de Gnide*", изд. 1772 года, с прелестными гравюрами с рисунков *Eisrn*'а — за девять рублей; четыре тома "Метаморфоз Овидия", изд. 1767-77 г., во французском переводе аббата Банье, с множеством гравюр, — за сорок рублей; две сепии *Gustave Moreau le Jeune* (Густава Моро младшего. — *Н.Г.*), миниатюру на кости, представляющую Нимфу и Сатира, писанную Прудоном; гравюры Гогарта[16] XVIII в. и еще несколько старинных книг и гравюр.

Потом купил я в Столешниковом переулке у антиквария, француза Давида, прежде торговавшего пивом Трехгорного завода, два тома "*Pierres gravées du duc d'Orleans*" (Гравюры на камне графа Орлеанского. — *Н.Г.*), в красных сафьянных старинных переплетах, экземпляры замечательной сохранности, — за сорок рублей. (Некоторые из московских антиквариев, прежде чем сделаться таковыми, занимались совсем другими делами: так, антикварий Черномордик был кантором в синагоге Л.С.Полякова, Парфенов — оберкондуктором, Абрамовский — бухгалтером в конторе Шлезингера.) У врача Михаила Осиповича Вивьена был куплен мною прекрасный оттиск портрета Боссюэта, гравированный Петром Древэ (*Drevet*)[17] в 1723-м году, — за пятнадцать рублей. Этот портрет можно считать шедевром гравировального искусства.

Через К.М.Гюнцбурга купил я собрание маленьких томиков издания *Cazin* XVIII в. и прекрасное келевское издание *Beaumarchais* "Свадьба Фигаро", с пятью картинками *Saint-Quentin*.

В Москве одновременно со мной собирали книги и гравюры некоторые знакомые: Н.С.Мосолов, Н.В.Баснин, Н.Г.Егоров, С.С.Шайкевич, И.М.Остроглазов, В.С.Абакумов и В.К.Вульферт.

Николай Семенович Мосолов[18], учившийся гравировальному искусству у Фламенга в Париже, сам хороший офортист. Его более известные и крупные работы — офорты с картин Рембрандта, находящиеся в Петербурге, в Императорском Эрмитаже. У самого Николая Семеновича замечательное собрание старинных офортов немецких и в особенности голландских мастеров. В то время,

когда я с ним познакомился, он собирал также книги XVIII в. с гравюрами.

Присяжный поверенный Николай Васильевич Баснин[19] (тоже еще здравствующий) собирал преимущественно гравюры XVIII ст.

Николай Георгиевич Егоров (ныне покойный) служил цензором в иностранном отделении цензуры, помещавшемся тогда в Шереметевском переулке. Н.Г.Егоров, человек одинокий, жил в Антипьевском переулке, в доме Созановича, где занимал небольшую квартиру. Будучи цензором, Егорову приходилось просматривать массу иностранных изданий, между коими встречалось много роскошных. Николай Георгиевич пристрастился к последним и стал покупать иллюстрированные издания XVIII и XIX в., тратя на них большую часть своих средств. Приобретаемые книги Егоров посылал обыкновенно в Париж, откуда они возвращались в дорогих переплетах. Свои книги Егоров держал в шкафах, тщательно завернутыми в бумагу. Впоследствии Егоров был отдельным русским цензором, а его место в иностранной цензуре занял Митрофан Нилович Ремезов, с которым я тоже познакомился. По смерти Егорова (Н.Г.Егоров родился в 1839 году; умер 25 декабря 1902 года) его небольшое, но прекрасное книжное собрание было продано в 1907 году наследниками московскому книготорговцу П.П.Шибанову.

Присяжный поверенный Самуил Соломонович Шайкевич сразу приобрел большую часть известной Власовской коллекции гравюр (небольшая ее часть находилась в Голицынском музее) и затем стал ее пополнять. (Власов был небогатый помещик, но имел вкусы богатого. Богач князь Белосельский-Белозерский предложил ему руку своей хромой дочери, на которой Власов и женился, и стал рьяным коллекционером. Чего только у Власова не было: и старинные картины, и миниатюры, и гравюры, и книги, и табакерки, и фарфор, и бронза и т.д. В конце концов Власов разорился, и одна часть его собрания была продана с аукциона, а другая разыграна в лотерею.) Между прочим, Самуил Соломонович перевел с немецкого на русский неизвестное руководство по собиранию гравюр Вессели. Нажив адвокатской практикой хорошее состояние и продав свой дом в Полуэктовском переулке, Шайкевич переселился в Париж, где и умер несколько лет тому назад. Судьба его коллекции гравюр осталась мне неизвестна.

Товарищ прокурора Московской судебной палаты Иван Михайлович Остроглазов[20] жил в своем домике на Бутырках. При домике был сад, в котором росло много ягод. В этом саду Иван Михайлович показывал мне свое собрание русских гравироваль-

ных портретов. Он собирал также русские книжные редкости. У него видел я Радищева "Путешествие из Петербурга в Москву", "Вадима Новгородского", самое миниатюрное издание басен Крылова и другие редкие книги. Иван Михайлович перешел потом на службу в Тулу, где и умер — председателем окружного суда. Знавал я также приятеля Остроглазова — Кирилла Александровича Нарышкина. Остроглазов покупал вещи у антикварных торговцев обыкновенно вместе с Нарышкиным, держась следующего правила: когда Остроглазов торговал какую-нибудь вещь, Нарышкин всегда находил в ней недостатки и не советовал покупать, чем смущал торговца, который поэтому невольно уступал в цене. По смерти Ивана Михайловича его собрание книг было продано Николаю Павловичу Рогожину[21], затем оно перешло к сыну последнего, Владимиру Николаевичу. В настоящее время собрание И.М.Остроглазова вместе с Рогожинской библиотекой составляет собственность Московского Исторического музея. Собрание гравированных портретов Иван Михайлович распродал еще при жизни.

Товарищ председателя Московского окружного суда Владимир Сергеевич Абакумов собирал гравюры и автографы. (В.С.Абакумов начал службу в Нижегородском окружном суде.) По смерти Владимира Сергеевича, согласно его воле, гравюры поступили в Нижегородский музей, помещающийся в Нижнем Новгороде в одной из кремлевских башен, а автографы были розданы душеприказчиком В.К.Вульфертом приятелям покойного. Таким образом несколько автографов, как-то: нижегородского губернатора Одинцова, игуменьи Митрофании (баронессы Розен), адвоката Ф.Н.Плевако и другие — достались мне.

Член Московской судебной палаты Владимир Карлович Вульферт[22], бывший раньше мировым судьей, собирал преимущественно редкие книги, автографы и курьезные объявления и опечатки. Вульферт занимался переводами и кое-что писал — между прочим, интересный рассказ "Вальдшнеп". Вдова Владимира Карловича передала в Московский Исторический музей все имевшиеся в музее, большею частию редкие, книги.

Вот список печатных трудов В.К.Вульферта, любезно сообщенный мне Алексеем Ивановичем Станкевичем[23]: I)1) Стихотворения: "К утренней заре", "Подорожная Овидию", 2) Отрывок "Разговор Фауста с Мефистофелем", 3) "Царь Рустем", "Восточное предание". В "Русском Вестнике" 1860 года, август. II) "Вальдшнеп", рассказ холостяка. В "Русском Вестнике" 1882 года, август. III) "Тяжба Гоголя под цензурою Дуббельта". В "Русском архиве" 1887 года, II, стр.256. IV) "Двадцатипятилетие московских

столичных судебно-мировых учреждений 1866—1891 гг." Москва. Отдельной книгой.

В письме В.И.Солдатенкова (из Кунцева, от 15 сентября 1883 года) говорится еще о комедии, написанной В.К.Вульфертом: "... у нас, — пишет Солдатенков, – предполагается устроить домашний спектакль: пойдут две пьесы: "Гораций" и "Лидия", комедия в 1 действии моего приятеля Вульферта..."

Не могу обойти молчанием еще одного библиофила, которого хотя и не знавал лично, но часто встречал у букинистов, а именно — потомственного почетного гражданина Федора Федоровича Мазурина. Всегда угрюмый и плохо одетый, он по целым дням рылся в книжных лавках, причем иногда незаметно вырывал из редкой книги лист или два, чтобы ее обесценить и купить подешевле, а при случае и воровал книги. Мазурин покупал книги в долг и постепенно платил. Будучи страстным любителем книг, он обладал большими библиографическими познаниями. Жил Федор Федорович в своем доме, окруженный котами и кошками, коих называл по имени и отчеству и с коими не брезгал есть из одной посуды. За котами и кошками ухаживали жившие у него в доме старушки. Свои книги Федор Федорович держал не в шкафах, а в сундуках. Мазурин, видя расточительность своей матери на украшения церквей и не будучи в состоянии сделать ей замечания по мягкости своего характера, сам наложил на себя опеку. Опекунами его были Василий Алексеевич Бахрушин и Михаил Алексеевич Чернышев. По смерти Мазурина (Ф.Ф.Мазурин умер 23 декабря 1898 года; родился 21 мая 1845 года) опекуны передали его ценное собрание печатных книг и рукописей в Московский архив Министерства иностранных дел.

Дом моего отца в Лопухинском переулке был куплен у Толмачевой за очень дорогую цену, значительно большую, чем он действительно стоил. (Дом был куплен с мебелью за 250 тысяч рублей. Кроме того, отцу пришлось заплатить за купчую. По смерти отца наследники с трудом могли продать этот дом без мебели за сто тысяч рублей Л.С.Полякову.) Толмачева при продаже дома сумела отца, как говорится, обставить. Дом имел форму буквы Г и был каменный трехэтажный. При доме имелись: сад, небольшая оранжерея и службы. В саду отец выстроил деревянную беседку. В нижнем этаже дома находились: комнаты для прислуги, чайная конторщиков и кухня, настолько большая, что в ней во время вечеров пятнадцать поваров свободно готовили ужин. Как в нижнем, так и во втором этаже все комнаты были низкие, и все окна второго этажа полукруглые. (Толмачев был откупщик, и в его доме помещался винный склад, чем и объяснялись имевшиеся во втором этаже полукруглые окна. Третий этаж надстроили

уже потом. Во время коронации императора Александра II в доме Толмачева стоял австрийский посланник Эстергази.)

Во втором этаже находились: столовая, буфетная, комнаты моих сестер и старших братьев, моя комната, комната гувернантки, комната прислуги и контора.

Во второй и третий этажи вела парадная чугунная бронзированная лестница. Бильярдная находилась в стороне от всех других комнат: из передней в бильярдную надо было подниматься по деревянной винтовой лестнице. В третьем этаже жили отец, мать и два младших брата, Владимир и Иван, с пожилой немкой — Эммой Карловной Крузе. Все комнаты третьего этажа были высокие, причем парадные — богато отделаны и роскошно меблированы. Потолок в большом, вроде залы, отцовском кабинете был красный с белыми с золотом лепными орнаментами. Мебель в двухсветной зале была обита желтым шелковым штофом, и из такого же штофа были драпировки на окнах и дверях. Из залы через арку входили в гостиную, стены и золоченая мебель которой были обиты пунцовой шелковой материей. За пунцовой гостиной следовала голубая шелковая гостиная, затем белый атласный будуар и спальня матери. Все эти четыре комнаты составляли одну анфиладу. В коридоре третьего этажа на потолке и карнизах была хорошая фресковая живопись итальянской работы; между прочим, были написаны тигры. В третий этаж вела еще деревянная лестница, а из второго этажа в нижний — каменная (черная).

Отец, человек хлебосольный, любил приглашать к обеду гостей, но не любил, если кто сам напрашивался на обед. Так, помню, раз Константин Августович Тарновский[24] сказал отцу: “В четверг я приду к вам обедать”, на что отец ответил: “Мы будем очень рады, но только нас дома не будет”.

Из ближайших родных чаще других обедал у нас дядя Павел Петрович Боткин, служивший прежде в Петербурге в каком-то департаменте, а потом вышедший в отставку и переселившийся в Москву. Павел Петрович, старый холостяк, был страстный любитель балета и оперы и поклонник прекрасного пола. Неуклюжий, ленивый, с бритым обрюзглым лицом, он напоминал католического священника. Однажды где-то в Испании его не пустили на бал, приняв за патера. Несмотря на свои ограниченные средства, Павел Петрович много тратил на подарки актрисам, что не мешало им водить его за нос. О своих неудачах с красивыми дамами он откровенно и наивно рассказывал. Например, попросит его какая-нибудь из них сопровождать ее на бал; Павел Петрович закажет букет, наймет карету и вместе с дамой

7 Зак. 380

поедет на бал. Но едва войдут они в залу, как подбежит гвардейский офицер и уведет ее, а Павел Петрович останется при пиковом интересе и опечаленный вернется домой. Павел Петрович был, можно сказать, живыми святцами: помнил все дни празднований русских святых.

Из двух Боткинских семей — Петра и Дмитрия Петровичей — отец был ближе ко второй. Поэтому и наши общения с семьей Дмитрия Петровича были чаще. Дмитрий Петрович Боткин жил с женой Софьей Сергеевной (урожденной Мазуриной), дочерью Елизаветой и тремя сыновьями — Петром, Сергеем и Дмитрием в своем доме на Покровке, которую в насмешку он называл: "наша *rue la Paix*" (улица Мира — *Н.Г.*). Человек с большим вкусом, Дмитрий Петрович собрал замечательную картинную галерею иностранных художников, которая, к сожалению, в настоящее время наследниками частью продана, а частью увезена из Москвы. По воскресеньям у Дмитрия Петровича бывали обеды с гостями — зимой на Покровке, а летом в Кунцеве на его даче. Бывали у него в московском доме также балы и маскарады. Вообще семья Дмитрия Петровича отличалась радушием и гостеприимством.

Петр Петрович Боткин, глава чайной фирмы "Петра Боткина Сыновья", живший на Маросейке в Петро-Веригском переулке, бывал у нас редко, как и его три дочери, Анна, Надежда и Вера, а супруга Петра Петровича Надежда Кондратьевна (урожденная Шапошникова) и совсем у нас не бывала, да и вообще в гости никуда не ездила. Братья и я делали визиты семье Патра Петровича только в первый день Рождества и Пасхи. В эти высокоторжественные дни у Петра Петровича бывали всегда семейные обеды, на которых присутствовали близкие родственники и Иван Федорович Горбунов. В конце обеда, когда еще никто не выходил из-за стола, Иван Федорович медленно поднимался со стула и, опершись руками о стол, начинал какой-нибудь рассказ.

Дядя Владимир Петрович Боткин, женатый на Анне Ефимовне Гучковой, был человек атлетического сложения. Жил он с семьей на даче в Сокольниках, где однажды захворал белой горячкой, стал буйствовать, почему был связан и скоро умер, еще в молодых летах. Мы с отцом приехали в Сокольники, когда Владимир Петрович лежал уже мертвый и у ворот дачи толпились гробовщики. Потом приехал Петр Петрович Боткин, и гробовщики стали приставать к нему; один говорил: "Я делал гроб вашему батюшке"; другой: "Я делал гроб вашей сестрице"; и т.д. (Похоронных бюро тогда еще не существовало; гробовщики сами узнавали, где есть покойник, и являлись за получением заказа.)

После Владимира Петровича остались два сына: Федор и Ми-

хаил; старший Федор несколько лет назад умер в Париже, где усердно занимался живописью и подавал надежды сделаться хорошим художником.

Отец и мать находились в дружеских отношения с Гучковыми, которых было несколько семейств. (Родоначальником Гучковых был Федор Алексеевич Гучков[25], крестьянин Калужской губернии, Малоярославского уезда. Он завел шерстяную фабрику в 1790-х годах в Москве, в Преображенском; в 1840-х годах за принадлежность к старообрядчеству Федор Алексеевич был сослан в Петрозаводск, и дело перешло к его сыновьям, Ефиму и Ивану. Ефим Федорович был московским городским головой в 1857 и 1859-м годах. С моим отцом оба брата состояли в большой дружбе, и их литографированные портреты висели у него в кабинете. Из имеющейся у меня копии с духовного завещания И.Ф.Гучкова видно, что душеприказчиками его были: Иван Ефимович Гучков, Петр Петрович Боткин, мой отец и Альберт Осипович Гюбнер. Жена Ивана Федоровича Марья Павловна считалась одной из московских красавиц. У Ивана Федоровича были дети: Павел, Владимир, Сергей, Николай, Александра, Марья, Екатерина и Юлия. В начале 1859 года Ефим и Иван Федоровичи разделились, и фирма стала называться "Ефим Федорович Гучков", а после смерти Ефима Федоровича (29 сентября 1859 года) дело продолжали сыновья его, Иван, Николай и Федор, под фирмою "Ефима Гучкова Сыновья". В 1896 году Гучковы фабрику закрыли, но торговлю продолжали. В октябре 1911 года свое дело совсем прикончили. Николай Ефимович скончался в 1884 году. Иван Ефимович скончался в 1904 году. Федор Ефимович скончался в 1909 году. Дети Ивана Ефимовича: Александр, Николай, Федор, Константин. Дети Николая Ефимовича: Николай, Василий, Вера; Федора Ефимовича — Федор.) Иван Ефимович Гучков был женат на француженке — Корали Петровне. Один из его сыновей, Николай Иванович[26], женатый на Вере Петровне Боткиной, — нынешний московский городской голова; другой, Александр Иванович[27], — известный лидер октябристов и бывший председатель Государственной думы. Братья Ивана Ефимовича, Николай и Федор, жили в Преображенском, где у них при доме был большой сад с прудом. (В этом доме мои родители праздновали свою серебряную свадьбу.) К ним я ездил с отцом. С Федором Ефимовичем и его женой Ольгой Кирилловной я встречался также в Биаррице, куда они имели обыкновение ездить осенью, и где у них был приятель, тамошний аптекарь Музампес, напоминавший флоберовского аптекаря из романа "*Madam Bovary*".

Павел Иванович Гучков, худощавый и один из самых высо-

ких мужчин в Москве, любил советоваться о своих делах с моим отцом. Павел Иванович одно время торговал в магазине "Русских изделий" мануфактурным товаром и был покупателем у моего отца; потом оставил торговлю и стал заниматься дисконтом[28] и приобретать доходные дома. Женился Павел Иванович на Лидии Семеновне Перловой. Его брат Владимир Иванович служил волонтером в конторе у Розентауера в Берлине в то время, когда я служил у Абельсдорфа и Мейера. Три сестры Павла Ивановича, Marie, Julie и Alexandrine, бывали у нас. Александра Ивановна, очень красивая, вышла замуж за Буркина, а Мария и Юлия Ивановны остались в девицах. Брак с Буркиным оказался неудачным, и Александра Ивановна вскоре разошлась с мужем. Помню, как молодые Буркины приезжали в нам в Кунцево на тройке лошадей, разукрашенных пестрыми лентами с бубенчиками. Врач Иван Петрович Постников приходился двоюродным братом моей матери и жил в Кудрине, в собственном доме, одна стена которого выходила в сад и была вся до крыши покрыта диким виноградом. Иван Петрович сам возделывал свой сад и сажал цветы; был он также охотник до разных зверей, которых дрессировал: своего попугая Иван Петрович научил говорить: "Всякое дыхание да хвалит Господа". Иван Петрович увлекался фельетонами некоего "Берендея" в "Современных Известиях". Врачебной практикой Постников пренебрегал, и когда ему говорили: "Не понимаем, как вы можете лечить", — он добродушно отвечал: "А я не понимаю, как у меня могут лечиться". Иван Петрович любил рассказывать анекдоты вроде того, как одна девочка, кушая дичь и проглотивши дробинку, с испугу воскликнула: "Мама, я зарядилась, я выстрелю", или что в одном рецепте для приготовления какого-то вина было сказано: "Для знатока положи веточку бузины". За обедом Иван Петрович имел обыкновение показывать разные фокусы. Жена Ивана Петровича Марья Михайловна была очень добрая и деятельная. Два сына его — Александр и Петр — были отличные гимнасты. Александр Иванович был притом замечательный конькобежец и давал уроки гимнастики в учебных заведениях Москвы; к сожалению, он впоследствии сошел с ума и вскоре умер. Петр Иванович Постников, известный в Москве хирург, здравствует и поныне.

Кроме покойного Павла Васильевича у отца были еще братья: Иван, Александр, Сергей, Николай и Михаил; два последних бывали у нас в доме. Николай Васильевич приходил только в большие праздники, а Михаил Васильевич являлся кроме того ежемесячно за маленькой пенсией, которую получал от отца. (М.В.Щу-

кин тогда торговал мануфактурным товаром, проторговался и за долги сидел некоторое время в “яме”, из которой его выкупил мой отец.) Была также у отца сестра — старушка Марья Васильевна; она носила на голове черную шелковую повязку и изредка навещала моих родителей.

Часто у нас гостила приятельница матери Анна Леонтьевна Шустова, брат которой, Николай Леонтьевич, имел в Москве водочный завод. Очень занятый, Николай Леонтьевич являлся к нам лишь по вечерам, иногда даже тогда, когда мать уже была в постели; но для него она вставала, одевалась и спускалась в столовую, где беседовала с ним до поздней ночи. Мы прозвали Николая Леонтьевича “каменным гостем”. Анна Леонтьевна, уже немолодая, сохранила следы прежней красоты: черты лица ее были чрезвычайно правильные; замуж она не вышла и отличалась своей болтливостью. Не менее болтливою посетительницей моей матери была вдова Альфонсина Ивановна Постникова; муж ее, которого мы звали “американским дядей”, служил в Российской Американской компании, и когда-то Альфонсина Ивановна жила вместе с ним в Ситхе. Альфонсина Ивановна, несмотря на свои преклонные года, очень интересовалась дамскими нарядами, о которых могла рассказывать без умолку.

Об одной сестре моей матери — Александре Петровне Визигиной — я уже говорил; раза два она гостила у нас летом в Кунцеве вместе со своей дочерью Александрой Никитишной Котельниковой. У матери было еще три сестры. Старшая сестра — вдова Варвара Петровна Ястребцова, жившая одно время в Ярославле и переселившаяся потом в Москву. У нее было два сына и две дочери; старший сын, Николай Федорович, служил в провинции по судебному ведомству, а младший, Петр Федорович, прежде служивший в правлении Либаво-Роменской железной дороги в Минске, умер в Москве, в лечебнице для душевнобольных; старшая дочь, Марья Федоровна, состарилась в девицах, а другая — Варвара Федоровна, вышедшая за врача Прево, вскоре овдовела. Варвара Петровна, женщина больная, бывала у нас редко; чаще бывали ее дочери.

Другая сестра матери — Марья Петровна Фет — жила прежде с мужем у себя в деревне, а потом они переселились в Москву, и она стала часто бывать у нас. В Москве Феты купили себе дом на Плющихе, у Карауловых. (Г-жа Караулова, красивая молодая дама, фигурировала на московских балах, и за ней увивалось много военных.)

Младшая сестра матери, Анна Петровна Пикулина, подолгу жила за границей и навещала нас, когда приезжала в Москву.

О дяде Павле Лукиче Пикулине я уже имел случай говорить в своем “Сборнике”, поэтому не буду повторять уже сказанного. (См.: “Щукинский Сборник”. Вып. 7. С.111; “Заметки П.И.Щукина о П.В.Шумахере, П.Л.Пикулине, Н.Х.Кетчере, Перфильевых и Д.В.Каншине”.) Павел Лукич, разбитый на ноги параличом, выезжал из дому редко; все родные и знакомые любили его навещать, в том числе и я. Зимой Павел Лукич всегда принимал посетителей в халате, сидя в кресле за письменным столом у себя в кабинете. Посетители принадлежали к различным классам общества. В этом же кабинете жили две его любимые левретки, которые обыкновенно всюду лазили и приставали ко всем; случалось даже, что они незаметно добирались до головы кого-либо из плешивых гостей и облизывали ее. Павел Лукич уже мало занимался врачебной практикой, но все же иногда приходили к нему за советами пациенты. Так, Пикулин лечил дочь известного охотнорядского торговца Лобачева, у которой на лице была сыпь; к кому ни обращался Лобачев со своей дочерью, никто не мог ее излечить. Пикулину же удалось совершенно избавить ее от этой сыпи, в благодарность за что Лобачев присылал Павлу Лукичу прекрасных рябчиков, а левреткам — тоже рябчиков, только похуже. Пикулин рассказывал мне, что однажды пришла к нему молодая горничная за советом, говоря, что уже три месяца, как она не имела “женского пола”.

П.В.Шумахер приходил иногда к Пикулину прямо из Сандуновских бань, с растрепанными волосами, в ночной сорочке, с узелком и березовым веником, который подносил Павлу Лукичу как букет; Павел Лукич от души смеялся, а Анна Петровна негодовала. (У Шумахера были густые волосы и совсем не было седых.)

Один из самых старинных друзей Пикулина был Николай Христофорович Кетчер; крикливый, он часто затевал с Павлом Лукичом спор, к сожалению, переходивший иногда в грубую взаимную брань. Волосы у Кетчера были всегда взъерошены, и курил он обыкновенно сигары, причем во время курения так крутил сигару своими нервными пальцами, что развертывал табачные листы, из коих она была свернута. В компании приятелей, когда пили вино, Кетчер любил всем подливать и сердился, если кто не пил, говоря: “Что раскис? Пей!” Кетчер называл Павла Лукича тайным членом Географического общества, потому что тот плохо знал географию. Например, однажды Пикулин адресовал письмо Александру Владимировичу Станкевичу в Ниццу в департамент Нижних Пиренеев (*Basses Pyrénées*). В другой раз он искал монастырь “*Geande Chartreuse*” (близ Гренобля) на небольшом учеб-

ном глобусе. Когда П.В.Шумахер жил у Кетчера, то являлся иногда к Пикулину вместе с ним. Перед тем как отправляться домой, Кетчер посылал пикулинского лакея Мишу нанять двух извозчиков "к Филиппу Митрополиту", ибо вследствие тучности Шумахера Кетчер не мог поместиться с ним на одном извозчике.

Однажды навестил я Кетчера, которого застал в саду копающим гряды. (Кетчер жил на 2-й Мещанской, близ церкви Филиппа Митрополита, в своем доме. У Николая Христофоровича был брат — Владимир Христофорович, генерал-майор, имевший в Москве свою мастерскую военных принадлежностей.) Жил Николай Христофорович довольно неопрятно: в своих комнатах держал паршивую собаку, которая даже спала на подушке его постели. Вообще у Кетчера находили себе приют изувеченные и больные животные — собаки, кошки, птицы, коих он лечил. Одна комната у него была постоянно завалена книгами, изданными К.Т.Солдатенковым. Кетчер любил читать романы Ксавье де Монтепена[29], хотя и страшно их ругал, но все же, по его словам, он не мог бросить чтение этих романов. В кабинете у Николая Христофоровича висела на стене в обгорелой золоченой раме прекрасная цветная гравюра английской работы, изображающая Наполеона консулом. По рассказу Кетчера, рама обгорела во время московского пожара 1812 года. После смерти Кетчера эта гравюра досталась В.К.Вульферту.

Я уже говорил об елке, которую Пикулин как-то устроил своим собакам и кошке (См.: "Щукинский Сборник". Вып. 7. С.115); в другой раз он устроил елку своим приятелям и сделал им соответствующие подарки. Так, Н.Х.Кетчеру он подарил намордник, Александру Афанасьевичу Афанасьеву (сказочнику) — кусок мыла и мочалку (Афанасьев был неопрятен и редко мылся), кому-то из безволосых приятелей — частый гребень, и т.д. С своей стороны приятели поднесли Павлу Лукичу соску, Афанасию Афанасьевичу Фету Пикулин дарил на именины большую коробку слабительного порошку (*Pulvis Liquiritiae compositus*). (А.А.Фет ежедневно принимал этот порошок.)

П.В.Шумахер, познакомившись у Пикулина с Фетом, сразу невзлюбил его; Фету Шумахер тоже стал антипатичен, в особенности после того, как однажды у Пикулина съел во время закуски почти всю зернистую икру. Впоследствии Павел Лукич поссорился с Шумахером, и Шумахер перестал бывать у него. Пикулин так и умер, не примирившись с Шумахером.

Ходил к Пикулину делопроизводитель Московской мещанской управы Алексей Афанасьевич Виноградов, человек очень словоохотливый. Помню, он рассказывал Пикулину, как у его брата

описали и опечатали имущество с живой канарейкой, которую позабыли взять. Еще разговорчивее Виноградова был тоже посещавший Павла Лукича председатель Московского мирового съезда Петр Николаевич Греков. Никто, например, не рассказывал так подробно о коронации императора Александра III, как он, не забывая даже упомянуть, сколько пирожков и с какой начинкой он съел на царском обеде. Но рассказывал Греков о коронации всем, теми же словами, не прибавляя и не убавляя ни одного слова.

Навещавший Пикулина преподаватель латинского языка старичок Миндерер управлял делами фарфорового завода Гарднера; он курил из трубки с длинным чубуком табак Василия Жукова. (Петербургский табачный фабрикант Василий Жуков был прежде рабочим у табачного фабриканта Фаллера.) У Пикулина был запас этого табаку.

Встречал я также у Пикулина жизнерадостного Дмитрия Васильевича Григоровича[30], скучного Бориса Николаевича Чичерина, постоянно жаловавшегося на нездоровье Александра Владимировича Станкевича[31], добродушного Ивана Егоровича Забелина, остряка, заику, библиотекаря Румянцевского музея Евгения Федоровича Корша, книгопродавца старичка Владимира Ивановича Готье, хирурга Ивана Николаевича Новацкого, глазного врача Алексея Николаевича Маклакова[32], скрипача Безекирского, Егора Мина и многих других.

Пикулин любил беседовать с простыми людьми. Так, разговаривал он раз с одним крысомором, которому заметил, что толочь мышьяк опасно, на что крысомор спокойно отвечал: "Да мы сами не толчем, а заставляем это делать баб". (Мышьяк назывался в тайной продаже "белым камнем". От Н.Х.Кетчера я слышал, что московский обер-полицмейстер А.А.Козлов дал было приказ сжечь несколько пудов мышьяку, отобранного в какой-то лавке. Приказ пришлось отменить, по совету Кетчера, так как исполнение его было очень опасно.)

Одна женщина говорила Пикулину: "Я, батюшка, всех своих детей пристроила: одного сына взяли в солдаты, другой сошел с ума, а дочь утонула".

Много слышал я от Павла Лукича рассказов, всех теперь не припомню; сожалею, что не записывал их. Вот хотя некоторые.

Один бедный итальянец едет с обезьянкой в вагоне железной дороги. "За собаку платят", — говорит кондуктор. Итальянец показывает черепаху. "Насекомое, — говорит кондуктор, — ничего не полагается".

Действительный статский советник профессор Рулье умер на

улице, и тело его было доставлено в Тверскую часть. Поэтому московский цензор N, тоже генерал, стал всегда носить при себе записку следующего содержания: "Сие тело принадлежит действительному статскому советнику такому-то".

Когда были еще в моде высокие талии, то на одном балу в Московском Благородном Собрании у хорошенькой 18-летней княжны N, нагнувшейся, чтобы оторвать от своего башмака волочившуюся ленточку, вдруг выскочили груди. Как ни старалась растерявшаяся княжна их спрятать, никак не могла; наконец, одна дама догадалась накинуть на княжну шаль.

У графини Закревской, супруги Московского генерал-губернатора, как-то за обедом вывалилась одна грудь в тарелку с ботвиньей.

За обедом разревелся ребенок. Писемский, подняв стакан с вином, сказал: "Пью за доброго царя Ирода". Писемский же говорил, что знает только одно английское слово: ватер-клозет.

Танцовщица Е.И.Андреянова, жившая с Гедеоновым, будучи беременной, танцевала в "Роберте". Актер Ленский, увидавший ее в сцене, когда она лежит в гробу, сказал: "Каков наш генерал: и сущим в гробах живот даровал".

Жену министра Е.Ф.Канкрина, Екатерину Захаровну, пожаловали орденом св.великомученицы Екатерины, по случаю чего Канкрин сказал, что теперь не может спать со своей женой, так как она стала кавалером.

Один купец говорил относительно курсовой стоимости рубля, что немцы не в состоянии дать более двух марок за наш рубль.

Будучи студентом, Пикулин однажды отправился на бал в Благородное собрание, переодевшись барышней. Большую часть вечера он провел в дамской уборной. Товарищи-студенты часто водили его в буфет, где поили шампанским. Все шло хорошо, но опьяневший Пикулин вдруг поднял платье, чтобы достать из кармана кошелек. Вышел скандал, Пикулина взяли в часть. К счастью, дело это удалось замять, а то бы несдобровать Пикулину в тогдашнее строгое николаевское время.

В начале 50-х годов Пикулин приехал в Варшаву; в гостинице предъявили ему опросный лист. Между прочим, в этом листе были вопросы: "Из какой рогатки (заставы) приехал пан?", "С яким замыслом?" (Зачем?) и "Какого пан веку?" (Сколько лет?). На последний вопрос Пикулин написал: "19-го века".

Однажды в Московском Купеческом клубе во время бала один из членов клуба то и дело подходил к буфету и пил водку. Кто-то спросил его: зачем он так много пьет? "Зато я не танцую",— был ответ.

Это было в то время, когда в Москве еще существовали будоч-

ники с их будками. Пикулин шел по улице мимо будки, дверь в которую была полуоткрыта и откуда распространялось сильное зловоние. "Отчего так воняет?" — спросил Пикулин будочника. "Товарищ отдыхает", — отвечал он.

Пикулин шутя говорил, что настоящий именинник должен быть с утра в белом галстуке и пьяным. Когда приезжал в Москву Константин Дмитриевич Кавелин[33], то собирал своих московских друзей у Пикулина. В ночь на Светлое Христово Воскресенье бывал у Пикулина ужин. Около 12 часов ночи Иван Егорович Забелин, врач Николай Яковлевич Шкотт, В.К.Вульферт, художник Николай Ефимович Рачков и я выходили из пикулинской квартиры на крыльцо и прислушивались, когда заблаговестят. Иногда ночь бывала тихая и звездная. Как только загудят колокола, мы возвращались в квартиру, все садились за ужин и начинались поздравления с праздником.

Ездил Пикулин раз в год на именины к аптекарю Ивану Ивановичу Келлеру, жившему на Мясницкой. Иван Иванович в этот день устраивал ужин для своих приятелей (Кетчера, Шкотта, Вульферта, К.М.Мазурина и др.), на который приглашал также кафешантанных певиц. Иван Иванович очень желал сделаться членом Английского клуба; но его приятели — члены этого клуба — не решались предлагать И.И.Келлера на баллотировку, из боязни, что его не выберут, потому что он имел лишь звание провизора.

О своем переезде на дачу в Марьину слободку Пикулин извещал друзей открытками с лаконической фразой, писанной карандашом: "Сегодня переехал". (П.Л.Пикулин всегда писал карандашом.) Моему брату Николаю Пикулин раз прислал чистую открытку, позабыв на ней написать "сегодня переехал", и брат понял, в чем дело. Большой шутник Н.Я.Шкотт как-то ответил Пикулину на его открытку открыткой же: "А я еще не переезжал".

На своей даче в хорошую погоду Пикулин обыкновенно сидел на террасе, в пальто и картузе, окруженный своими комнатными собачками и дворовыми псами. Н.Е.Рачков очень удачно изобразил на своей картинке, писанной масляными красками, П.Л.Пикулина, сидящего на террасе, в пальто, в картузе, с закутанными пледом ногами, с газетой в руках. Рядом с ним на стуле стоит одна из его левреток, поставив правую переднюю лапку на стол. На полу лежит дворовый пес Болван. На кронштейне висит колокол. Карандашный набросок этой картины Рачков делал при мне, на террасе, украдкой от Павла Лукича. Эта масляная картина была написана Рачковым в двух экземплярах: один приобрел К.Т.Солдатенков, другой находится у меня и был воспроизведен

фототипией в изданном мною 2-м выпуске "Русских портретов". В холодную погоду Пикулин надевал шубу, которую называл "летней". Иногда летом можно было встретить Павла Лукича едущим в карете, в шубе, в соломенной шляпе и с букетом цветов. В висевший на террасе медный колокол Пикулин звонил, когда хотел позвать своего Мишу, которого звал Михаилом, если был им недоволен. Раз украли у Пикулина со стола террасы клеенку и находившиеся в ящике стола писанные Шумахером стихи. Пикулина эта кража очень забавляла, и, извещая Шумахера о краже его стихов, он добавил: "Жалею я о воре".

Пикулин понимал толк в кухне. У него была старушка-кухарка, вкусно готовившая. В хорошую погоду обедали на террасе, и на этих обедах обыкновенно присутствовали: К.Т.Солдатенков, Н.Х.Кетчер, Е.Ф.Корш, Н.Я.Шкотт, П.Н.Греков, П.В.Шумахер, мой отец, брат Николай и я. К.Т.Солдатенков и мой брат Николай присылали на эти обеды стерлядей, фрукты, шампанское и разные вина. Своих гостей Павел Лукич угощал чудесной земляникой с гряд своего сада.

Более простые кушанья Пикулин не считал за обед. "Как подадут где шпинат с яичками, — писала мне из деревни Марья Петровна Фет, — невольно вспомнишь Павла Лукича". ("У вас в деревне это — блюдо".) Улицу Плющиху в Москве, где жили Феты, Пикулин называл деревней. Сам он любил жить в центре города. Живя на Петровке, он говорил, что от него близки и театры, и клубы (хотя он в них никогда не бывал).

У Пикулина на даче встретил я однажды своего двоюродного брата Николая Федоровича Ястребцова, приехавшего из провинции. На вопрос Павла Лукича, чем угостить гостя, Ястребцов отвечал, что ему хочется чего-нибудь кисленького. "Чего же вам дать кисленького?" — спросил Пикулин. "Водочки", — был ответ.

На дачу к Пикулину приезжал Московский гражданский губернатор Василий Степанович Перфильев с женой Прасковьей Федоровной (урожденной графиней Толстой). Приезжал и Московский вице-губернатор Иван Иванович Красовский, который впоследствии был назначен губернатором в Томск, где и умер. Во время своего губернаторства в Томске Красовский присылал Пикулину зимой с жандармским унтер-офицером рыбу нельму и ягоду облепиху, взамен коих с тем же унтер-офицером Пикулин посылал Красовскому замороженных филипповских калачей. (Замороженные калачи, положенные в натопленную печь, получают вкус свежих. Из облепихи делали у Пикулина мороженое, которое напоминало вкусом персики.)

(На этого Красовского поэт Дмитриев написал следующее четверостишие:

Краса инспекции московской,
Двора имперского краса, —
Иван Иванович Красовский,
Да где же ваши волоса?

Красовский был инспектором студентов Московского университета и был безволосый.)

Пикулин бывал всегда на именинах у Кетчера (6 декабря), где порядком пили. Раз произошел такой случай. Н.Я.Шкотт возвращался с именин Кетчера домой в санях на извозчике с каким-то гостем. Оба были выпивши. Дорогой гость вывалился из саней; Шкотт велел извозчику вернуться назад и скоро увидал валявшегося на снегу человека, поднял его, и так как это было недалеко от дома Кетчера, то Шкотт решил отвезти его туда. Кетчер уже лег спать и, не посмотревши, кого привез Шкотт, велел положить гостя в кабинет на диван. Утром, проснувшись, Николай Христофорович пошел навестить своего гостя. Каково же было его удивление, когда он неожиданно увидал незнакомого человека. Оказалось, что спутник Шкотта, вывалившись из саней, скоро очнувшись, встал, взял извозчика и преспокойно поехал домой; Шкотт же поднял и привез к Кетчеру неизвестного пьяного.

В конце лета 1885 года Павел Лукич серьезно захворал у себя на даче, был отвезен в Москву, где и скончался 14 сентября. Отпевали его в церкви Григория Богослова (в Богословском переулке, между Петровкой и большой Дмитровкой) 18 сентября, похоронили в Покровском монастыре. В лице Павла Лукича я потерял одного из лучших моих друзей, который постоянно сердечно относился ко мне и искренно меня любил. Смерть Пикулина также сильно огорчила Н.Х.Кетчера, который вскоре последовал за ним: в 1886 году Кетчер умер. Со смертью Павла Лукича Пикулина кружок, где собиралось столько интересных людей, распался.

Летом мы продолжали жить в Кунцеве, все на той же даче, которую снимали у К.Т.Солдатенкова. Козьма Терентьевич с давних пор находился в дружбе с моим отцом и называл его Ваней. Он был старообрядец по Рогожскому кладбищу, что не мешало ему жить с француженкой Клемансой Карловной Дюпюи; называл он ее Клемансой, а она его — Кузей. В Москве Козьма Терентьевич купил Клемансе Карловне дом, в Кунцеве же она жила на даче близ оранжереи. Клеманса Карловна очень плохо знала по-русски, а Козьма Терентьевич кроме русского не говорил ни на каком языке. Однажды, будучи в Константинополе, Солда-

тенков с Клемансой Карловной отправились в гарем какого-то паши, куда, конечно, его не пустили. Клеманса Карловна, сказавши ему: “Твой сидит, мой идет”, вошла в гарем, откуда прислала с евнухом оставшемуся при входе Козьме Терентьевичу кофею и розового варенья.

Зимой К.Т.Солдатенков жил на Мясницкой[34], в своем доме, где было несколько богато отделанных комнат, в том числе диванная в арабском стиле; имелось много хороших картин русских художников, большая библиотека и молельня. В последней служил сам Козьма Терентьевич вместе со своим дальним родственником, торговцем церковных и старопечатных книг Сергеем Тихоновичем Большаковым, для чего оба надевали кафтан особого покроя. (По смерти К.Т.Солдатенкова его картины и библиотека поступили, согласно завещанию, в Московский Румянцевский музей[35].) Жил у Козьмы Терентьевича в качестве конторщика и управляющего Иван Ильич Барышев. В былое время Козьма Терентьевич торговал бумажной пряжей и занимался дисконтом векселей; впоследствии он стал крупным пайщиком на фабриках Гюбнера, Цинделя, Даниловской мануфактуры, Кренгольмской мануфактуры, Трехгорного пивоваренного товарищества, Московского Учетного банка, Московского Страхового общества и в других предприятиях. (Пивоваренный завод Трехгорного Товарищества в Москве основан в 1875 году. Учредителями были: Т.С.Морозов, А.К.Крестовников, торговый дом “М.Борисовский с Сыновьями”, А.А.Карзинкин, С.П.Вишняков, П.П.Дюшен, К.Т.Солдатенков, Б.А.Гивартовский, торговый дом “И.В.Юнкер и К°”, Н.С.Грачев, А.А.Лютрейль, А. фон-Барбер, Н.Ф.Герике, А.К.Беккерс и мой отец. В настоящее время этот завод один из первых не только в России, но и в Европе, чем он много обязан своему директору, талантливому и энергичному Альберту Альбертовичу Кемпе, который с самого основания завода постоянно и зорко следит за всеми техническими изобретениями и улучшениями в пивоваренном деле, успешно применяя их к Трехгорному заводу. Летом 1911 г. завод стал производить искусственный лед.) В старом Гостином дворе К.Т.Солдатенков снимал лавку, состоявшую из двух комнат — нижней и верхней; в верхней обыкновенно Козьма Терентьевич занимался чтением газет, а в нижней И.И.Барышев стоял или сидел за конторкой, и если не было дела, то писал фельетоны для “Московского листка” под псевдонимом Мясницкого. Козьма Терентьевич никогда не начинал писать писем или записок, не поставив предварительно в двух верхних уголках бумаги “Г” и “Б”, что означало: “Господи благослави”. (Некоторые купцы тоже

ставят в своих торговых книгах буквы: "Г" и "Б" или три крестика.) К.Т.Солдатенков ежегодно ездил за границу и, не зная иностранных языков, брал с собой переводчика, обыкновенно из врачей. Так ездил он с врачом Александром Яковлевичем Тугенгольдом. (А.Я.Тугенгольд ездил также за границу с графом А.А.Закревским, уже после его увольнения от должности Московского генерал-губернатора.) Ездить с Козьмой Терентьевичем было довольно трудно, так как он всюду спешил; например, при осмотре картинных галерей или музеев Тугенгольд едва поспевал за ним, Козьма Терентьевич опережал Александра Яковлевича иногда на две или три залы, и последнему приходилось бегать за ним, обливаясь потом.

В Кунцеве у К.Т.Солдатенкова всегда кто-нибудь гостил: то его племянник Василий Иванович Солдатенков (покуда Козьма Терентьевич не выстроил ему отдельную дачу), то художник Риццони[36], то В.Е.Грачев и другие. Риццони приезжал на лето в Москву из Рима, где усердно работал и откуда привозил коллекции тонко выписанных картинок, представлявших преимущественно кардиналов и женские головки. Был у Риццони еще и другой талант: насвистывать разные оперы, что он исполнял весьма искусно.

Василий Егорович Грачев имел прежде в Москве типографию, в которой Козьма Терентьевич печатал свои издания. Грачев носил некрахмальную сорочку из грубого холста, ходил в длинных сапогах и вообще одевался очень просто. Козьма Терентьевич взял однажды Грачева с собой за границу; от этой поездки у Грачева не осталось в памяти даже таких городов, как Рим, Флоренция, Неаполь. Грачев все мечтал о поездке на Восток, в Иерусалим, к Святым местам. Закрыв свою типографию, он переехал жить из Москвы в Пушкино, где поселился один в своем домике, и когда его спрашивали, не скучает ли он в одиночестве, Грачев отвечал: "Скучать мне некогда, утром встанешь, принесешь воды, наколешь дров, истопишь печь", и т.д.

Приезжали в Кунцево к Козьме Терентьевичу также Н.Х.Кетчер, И.Е.Забелин, И.С.Аксаков[37], Митрофан Павлович Щепкин[38], генерал А.А.Козлов, П.Л.Пикулин, художник Лагорио[39] и другие. Всех их Козьма Терентьевич радушно принимал и угощал тонкими обедами; но, старея, он становился скупее и стал приглашать к обеду не более двух - трех человек. На одном таком обеде, *en petit comité* (в узком кругу. — *Н.Г.*), мой брат Николай сказал:" Угостили бы вы нас, Козьма Терентьевич, спаржей", на что Козьма Терентьевич возразил: "Спаржа, батенька, кусается: пять рублей фунт". Перед тем как ложиться спать, Козьма Терентьевич стал

обходить свой дом и тушить электрические лампочки, чтобы зря не горели.

Умер Козьма Терентьевич в своем любимом Кунцеве, 19 мая 1901 года, пережив своего друга, моего отца, на десять лет. Издательская деятельность Солдатенкова настолько известна, что говорить о ней не приходится.

В конце лета 1884 года случилось в Кунцеве грустное событие, о котором Василий Иванович Солдатенков так писал одному своему приятелю: «Если б Кунцево в состоянии было заговорить, оно наверное сказало бы, как Платон Михайлович в “Горе от ума”: “Да! теперь уже я не то Кунцево, когда кусались от любви! Да, действительно, от любви никто больше не кусается; но зато на днях закусали или, лучше сказать, загрызли до смерти собаки одну молодую девушку, которая вела их купать”. Не думай, что это мои собаки отличились, нет, слава Богу, это собаки барона Кнопа!»

Ежегодно с моими братьями, Николаем и Сергеем, ездил я на Нижегородскую ярмарку. Из Москвы выезжали с вечерним поездом в раскладных креслах первого класса и брали с собой подушки. В Павлове ели пирожки; утром в Гороховце умывались у баб, которые стояли на платформе станции с кувшинами, тазами, мылом и полотенцами, предлагая свои услуги; затем пили на станции кофей или чай.

С 1876 года отец перестал ездить на ярмарку, мы же оставались там до окончания ее. Первые годы жили в лавке, где обыкновенно прислуживали нам татары — Сабир и другие, приезжавшие из своих деревень в Нижний лишь на ярмарочное время. Впоследствии квартировал я в центре, у Черного пруда, в “Почтовой гостинице”, затем на Нижнем Базаре, в доме Блинова, в “Биржевой гостинице”, которую содержал Алексей Андреевич Филимонов. Завтрак приносили нам в лавку из ресторана Никиты Егорова, куда мы ходили обедать. (После смерти Никиты Егорова ресторан перешел к его сыновьям.) Ресторан этот помещался на ярмарке в двухэтажном каменном доме. Вследствие большого наплыва посетителей около ресторана разбивалась еще парусинная палатка.

У Никиты Егорова в то время в верхнем этаже, в двух больших комнатах, было два стола: так называемый немецкий стол, за которым обедали представители московских немецких фирм — *Вогау*, Кнопа, Ценкера и других, и русский стол, за которым обедали почти одни русские коммерсанты — фабрикант Павел Павлович Малютин, торговцы бурнусами братья В.Н. и К.Н.Кириковы, торговец бурнусами и румынский консул Николай Кононович

Голофтеев, фабрикант фарфора Матвей Сидорович Кузнецов, чайный торговец Василий Семенович Перлов, платочный фабрикант Антон Адамович Гивертовский, торговец, археолог и земский деятель (из Ростова Ярославского) Андрей Александрович Титов и другие. (А.А.Титов скончался в Ростове 24-го октября 1911 года.)

После обеда подавался нам общий счет, сумма которого делилась на число обедавших за нашим столом. Заказывал обед обыкновенно А.А.Гивертовский, которого А.А.Титов прозвал "блинчиками", потому что он неизменно предлагал на сладкое это блюдо. Сам Титов отличался скупостью. Так, он просил не брать с него за вино, потому что он его пить не будет; между тем он вино пил и ничего не платил, говоря, что выпивает за обедом лишь один стакан; наконец, однажды Титов совсем отказался платить и за сам обед, сказав, что издержался на покупку рукописей.

В нижнем этаже ресторана Егорова, напротив входа, помещался буфет: стол, на котором красовались всевозможные закуски, а за столом — шкаф с бутылками разных водок, ликеров и вин. По вечерам в буфете часто сидел за столиком Александр Максимович Попов, сын известного суконщика Максима Ефимовича. (В Москве в то время были, как говорили немцы, три известных фирмы Попова: "*Schaps-Popoff, Thee-Popoff und Tuch-Popoff*") На столике стояла батарея бутылок красного вина, ибо Александр Максимович пил лишь красное вино и не иначе как полбутылками. По мере того как Александр Максимович опорожнял полбутылки, он становился все развязнее и, встречая входивших посетителей, бросался в объятия каждого, уже не различая знакомого от чужого. Собутыльником Александра Максимовича был его покупатель, торговец мануфактурным товаром Константин Васильевич Епифанов из Новочеркасска, который так напивался на ярмарке, что бил в трактирах зеркала и посуду.

Бывал также у "Никиты" (так коротко назывался ресторан Н.Егорова) маклер по хлопку армянин Виктор Агапитович Эларов, знакомый нам по дому Д.П.Боткина и прозванный Дмитрием Петровичем за эфиопского типа лицо (вроде покойного Менелика) "Дальнегро". Эларов находился в дружбе с примадоннами и певцами итальянской оперы, певшими в Москве.

Познакомился я на ярмарке с богатым казанским помещиком Александром Таврионовичем Молостовым, приезжавшим на ярмарку ни с какой другой целью, как покутить. Он пил только шампанское, с утра уже был пьян и разъезжал по ярмарке в коляске вместе со своим знакомым, академиком и сенатором Владимиром Павловичем Безобразовым. ("Молостовы, — писал мне Р.Н.Гришин в 1881 году, — почти соседи Даниловки (бывшее

имение Гришина в Казанской губернии). Они очень многочисленны, их имение лучшее в Спасском уезде. Академик Безобразов способный человек и иногда превосходный рассказчик и большой говорун, но года два назад его пригласили в Зимний Дворец порассказать великим князьям кое-что о Нижегородской ярмарке; наш академик сильно сплоховал".) Певицам в трактирах А.Т.Молостов дарил бриллиантовые вещи.

Во всех ресторанах и трактирах пели хоры разных достоинств. В ресторане Барбатенко пел русский хор Анны Захаровны Ивановой; пианистом в ее хоре был Пригожев, автор "Пары гнедых", а лучшей певицей считалась красавица Варвара Николаевна. В ресторане "Германия", который содержал нижегородский немец Фаульдрат, пел шведский хор г-жи Мартини во главе с красивой блондинкой, датчанкой Эльвирой. (Хор госпожи Мартини хотя и назывался шведским хором, но пел исключительно немецкие песни.) В трактире Бубнова пели цыгане из Рыбинска.

Живя на Нижнем Базаре в "Биржевой гостинице", я слышал рано по утрам певучий и протяжный голос разносчика печеного картофеля: "Карто-о-о-фель, карто-о-о-фель". Этот голос я слышу подряд уже 33 года. Часто доносились до моего слуха разговоры из соседнего номера, которые теперь все забыл, кроме одного, по своей давности до сих пор не изгладившегося из моей памяти. Занимал соседний номер какой-то пожилой чиновник с молодой женой. (Я сам их не видал, но мне говорил об них содержатель гостиницы.) И вот как-то поздно ночью слышу — муж упрекает жену за то, что она в церкви прежде его подходит ко кресту; жена удивляется этому упреку; наконец, муж приводит жене, доведенной до слез, пример из военного быта, совсем неподходящий к данному случаю: что прежде ко кресту прикладывается корпусный командир, потом дивизионные генералы, затем бригадные и т.д.

В "Биржевой гостинице" устраивались иногда свадебные и другие обеды. Между прочим, управляющий делами графа Строганова в Нижнем — Ширшев давал ежегодно в ярмарочное время обед для своих покупателей-железняков, обед с военным оркестром и хором певиц. По смерти Ширшева эти обеды прекратились.

Из окон моего номера я любовался и до сих пор любуюсь на Волгу, сливающуюся у Сибирской пристани с Окой, на новый ярмарочный собор, на виднеющееся вдали Сормово и на противоположный, поросший мелким лесом с белеющими церквями, берег Семеновского уезда; (Семеновский уезд был когда-то зна-

8 Зак. 380

менит старообрядческими скитами, жизнь которых так художественно изобразил П.И.Мельников в своем романе “В лесах”.) эту картину оживляют то и дело проходящие и гудящие пассажирские и буксирные пароходы и ползущие баржи.

Каменные корпуса ярмарки, выстроенные Бетанкуром, со временем сделались недостаточными для торговли, поэтому на свободной земле, против корпусов, стали устраивать временные дощатые лабазы. При губернаторстве графа Игнатьева было приказано заменить деревянные склады железными; потом, при губернаторе Безаке, железные склады заменили каменными, так как в железных в жаркую погоду было очень душно. (Наш железный склад на ярмарке строил Сормовский завод.)

Клозетов в старых корпусах не было, а все ходили в устроенные под землей на протяжении всей ярмарки сводчатые туннели, куда спускаются из каменных башен и которые существуют до сих пор и служат для большинства ярмарочного населения и приезжего люда. В старом Главном Доме, в нижнем этаже, под низкими сводами, в темноте ютились небольшие магазины, даже днем освещавшиеся коптевшими керосиновыми лампами. Посредине на деревянной эстраде играла военная музыка; в тесноте и духоте толкалась публика, состоявшая большею частию из армян, персиян, бухарцев и сомнительных женщин. Теперь на месте старого Главного Дома выстроен большой, довольно красивый, более удобный и приличный, крытый стеклом. В нем живет во время ярмарки Нижегородский губернатор и помещается ярмарочный комитет.

Что касается до уличной ярмарочной жизни, то она мало изменилась: как прежде, так и теперь ходячие цирюльники бреют на улице ломовых, сидящих на своих телегах, а странствующие сапожники чинят прохожим сапоги; женщины и мальчишки подбирают щепки, дощечки, бумагу, концы веревок и т.п.; снуют бабы с владимирскими вишнями, разносчики с балыками, ветчиной, раками и другими товарами, татары со шкурками каракуля, персияне с коврами, орехами и сушеными фруктами, бухарцы и хивинцы в своих пестрых полосатых халатах; хлебники на лубочных лотках разносят по лавкам белый ситный хлеб, а бабы на коромыслах — кушанья в эмалированных судках и соленые огурцы в железных ведрах. Все по-прежнему приезжает на заработки масса татар. По чрезвычайно длинному плашкоутному мосту тянутся, как и прежде, по двум противоположным направлениям бесконечные вереницы телег, нагруженных невыделанными кожами, разным железом и чугуном, ящиками, бочками и т.п.

Жить в ярмарочных помещениях было не всегда приятно. В

сильный жар, вследствие низких комнат, бывала иногда такая духота, что спали голыми, а в холод мерзли, ибо печей не было и отовсюду дуло, а чтобы хотя немного согреться, жгли спирт. В воскресные и праздничные дни торговали весь день, как и в будни. В последних числах августа ярмарка заметно пустела: в Модной линии, ближе к старому собору, оптовые торговцы сукнами закрывали свои лавки, то же делали в Панском гуртовом ряду мануфактуристы. Когда начинали появляться на ярмарке козлы и козы, спускавшиеся с городских гор, то купцы говорили, что ярмарка кончается, а когда начинали бродить свиньи, то говорили, что она уже кончилась.

Пассаж, выстроенный через канаву, напротив ярмарочного театра, называется "Бразильским". О происхождении этого названия еще не все забыли, но, во всяком случае, многие не знают. А дело было так. В одну из ярмарок в начале 80-х годов из Бразилии привезли большую партию кофею, для ознакомления и распространения коего между русскими бразильцы выстроили через канаву пассаж, в котором стали для рекламы угощать кофеем, а актрисам находящегося против пассажа театра — подносить вместо букетов мешки с кофеем. Бразильцы уехали, а пассаж остался, и осталось его название "Бразильский".

Вечера во время ярмарки я проводил не всегда в трактирах, театре или цирке Никитина, но и бывал иногда в гостях в городе.

Радушный Дмитрий Михайлович Бурмистров, наш хороший покупатель, приглашал меня к себе на обеды. Был он женат на Варваре Михайловне Рукавишниковой, большой охотнице до лошадей. Жили Бурмистровы на Откосе, и из их дома и сада открывался прекрасный вид на Волгу. При доме имелись образцовые конюшни, где стояли дорогие рысаки. Дмитрий Михайлович, большой любитель садоводства, имел несколько цветочных и фруктовых оранжерей и держал немца-садовника, которому платил три тысячи рублей в год. Сад утопал в цветах. Помню, Дмитрий Михайлович дарил мне прекрасные туберозы и угощал белой малиной.

В то время цветочных торговцев в Нижнем совсем не было. В ресторане "Германия" продавали астры, надушенные пачулями. В.С.Перлов доставал букеты для подношения ярмарочным актрисам у садовника Бурмистровых и платил за эти букеты чаем.

На бурмистровских обедах познакомился я с братьями хозяйки: Иваном, Митрофаном и Николаем Михайловичами Руковишниковыми, с ее сестрой Юлией Михайловной и с мужем последней — Иваном Кузьмичом Николаевым. Бывали на этих обедах также: жена Ивана Михайловича Елена Николаевна, две приез-

жавшие из Ярославля барышни — дочери Николая Петровича Пастухова, нижегородский фабрикант Зайцев, маклер Иван Юльевич Шульц из Москвы, домашний врач Бурмистровых Штюрмер, домашний врач Николаевых Никанор Иванович Васильев и др. Стал бывать и я у Николаевых, живших на Большой Печерской улице с единственным малолетним сыном Мишей, в котором мать не чаяла души. У Николаевых встречал я только их домашнего врача, старого и ворчливого Н.И.Васильева, ими до крайности избалованного и пользовавшегося у них громадным авторитетом.

Вместе с В.С.Перловым, М.С.Кузнецовым, Н.К.Голофтеевым и братьями Кириковыми ходил я на Пески в трактир Журавлева есть пельмени, которые подавали сотнями, причем в одной миске были пельмени, а в другой бульон. Всех больше съедал М.С.Кузнецов.

Однажды Владимир Карлович фон-Мекк пригласил меня принять участие в прогулке по Оке на его пароходе. Вечером у него в конторе, которая находилась на пристани, на так называемой Стрелке, собрались: В.С.Перлов, приехавшие из Москвы К.А.Тарновский и П.И.Гучков, братья Кириковы и др., и на мекковском пароходе, с военной музыкой, пошли вверх по Оке. Ночью пристали к берегу Оки, где высадились. У рыбаков купили тоню стерлядей и раков и заставили рыбаков варить нам уху. Слуги от Никиты Егорова вынесли с парохода на берег стол, венские стулья и мекковский поставец с серебряными стаканами; накрыли стол; принесли зернистой икры, холодной дичи, в дынях маседуан из свежих фруктов; захлопали пробки от шампанского — и пошло пиршество. По желанию В.С.Перлова послали за девицами в ближайшую деревню и заставили их водить хороводы. На обратном пути все гости с хозяином засели в каюте вокруг большой льдины с бутылками шампанского, и пиршество, начатое на берегу, продолжалось до ярмарочной пристани, куда пришли в семь часов утра и где уже ждали извозчичьи коляски, которые развезли всех по гостиницам и лавкам.

Припоминаю приезд на ярмарку великого князя Николая Николаевича-старшего. Вместе с председателем ярмарочного комитета Павлом Васильевичем Осиповым и Нижегородским губернатором Безаком великий князь посетил несколько лавок, в том числе и нашу. Увидав у нас рубашечный ситец, великий князь сказал: “Хорошо бы на солдатские рубашки”. Выходя из лавки, П.В.Осипов попросил великого князя посетить еще кого-то, на что великий князь ответил: “Слушаю-с”. Вечером состоялся праздник в лагере, который был иллюминован. В палатке, убранной щитами из штыков, был накрыт ужин, во время которого играла

военная музыка и пел хор А.З.Ивановой. Из лагеря великий князь поехал на ночлег в Главный Дом, сопровождаемый солдатами, бегущими с зажженными факелами и кричащими “ура”.

Приезжал на ярмарку и великий князь Владимир Александрович с великой княгиней Марией Павловной. Их высочествам ярмарочное купечество давало обед на завековском пароходе, стоявшем на Сибирской пристани. Во время обеда играла военная музыка. Я сидел за столом вместе с В.С.Перловым, и нам вместо стерляди подали шипа. После обеда пароход с их высочествами и гостями отчалил от пристани и пошел в Сормово, откуда вернулся опять на Сибирскую пристань.

П.В.Осипов, будучи председателем ярмарочного комитета, делал большие денежные поборы на губернские обеды с торговавших на ярмарке купцов. Оставшиеся от обедов вина и сигары относились к П.В.Осипову на квартиру.

О бывшем одновременно с П.В.Осиповым Нижегородском губернаторе Безаке тогдашний французский посол в Петербурге генерал Шанзи был не особенно лестного мнения. “Вместо ярмарочных сведений, — рассказывал в Петербурге Шанзи, возвратившись из Нижнего, — за которыми я пробовал не раз обращаться в разговоре к генералу Безаку, он нарисовал мне картину парижских кафе-шантанов *avec leurs sujets principeaux*” (с их нравственными сюжетами. — *Н.Г.*).

Не лучше Безака был и тогдашний нижегородский полицмейстер Каргер, который, чтобы сделать удовольствие своим приятелям, не стеснялся вызывать по тревоге пожарных.

Скажу кое-что о некоторых торговцах, покупавших у нас в Москве и на Нижегородской ярмарке.

Одними из первых и лучших покупателей из Сибири считались тогда Стахеевы, Александр Федорович Второв, Петров и Михайлов, Иван и Николай Герасимовичи Гадаловы, Белоголовый и Киселев, братья Зензиновы, братья Бутины и Семен Семенович Кальмеер.

А.Ф.Второв пользовался большой популярностью на Нижегородской ярмарке. (А.Ф.Второв умер 20 октября 1911 года.)

Из армян покупали у нас братья Цовьяновы, братья Вартановы, Иван Исаевич Питаньянца (все трое из Тифлиса), братья Бабасиновы (из Нахичевани), Карп Иванович Яблоков (из Ростова-на-Дону), Кирилл Моисеевич Попов (из Луганского завода), Минай Лукьянович Шоршоров (из Екатеринодара), Христофор Христофорович Харагилеев и другие.

Армянин Макар Иванович Улуханов (из Моздока), толстый, безволосый, с важным, но тупым выражением лица, любил по-

чет. У него была красивая сестра, которую увезли в плен черкесы во время набега на Моздок; потом она стала женой Шамиля. Когда Макара Ивановича спрашивали, хороша ли была его сестра, то он с важностью, показывая на себя, отвечал: "Как я". При этом надо было видеть его более чем непривлекательное лицо.

Поздней являлись к нам покупатели армяне из Армавира: братья Тарасовы, братья Барсуковы, братья Багдасаровы, братья Сафаровы, Аким Минаевич Каспаров, братья Давыдовы и братья Шах-Назаровы.

Вначале братья Тарасовы жили весьма скромно: ездили по железной дороге в третьем классе, возили с собой мешки с сухарями из черного хлеба, которыми питались дорогой, носили зимой потертые бараньи шубы; но потом они разбогатели, и мы увидели их в собольих шубах с бобровыми воротниками.

Когда на Кавказе начались беспорядки, то богатые армяне стали переселяться в Москву. В прежнее время говорили в Москве только об одном богатом армянине Иване Степановиче Ананове, имевшем дом на Мясницкой. В настоящее время говорят об нескольких миллионерах армянах, переселившихся со своими семьями в Москву из Армавира, Екатеринодара, Баку и других городов Кавказа. Своих хорошеньких дочерей армяне стали посылать за границу учиться в лучшие пансионы и одевать их по последней моде; стали заводить автомобили и строить себе в Москве дворцы.

Нашим самым крупным покупателем из Ростова-на-Дону был Павел Федорович Севрюгов. Донские казаки Иван и Николай Андреевичи Абрамовы, люди очень почтенные, были одними из лучших покупателей из Новочеркасска. Как я уже говорил, они, по старому обычаю, привозили нам в подарок прекрасное цимлянское вино собственного приготовления, в шампанских бутылках, или отличные донские балыки.

Одним из крупных саратовских покупателей был Иван Герасимович Кузнецов, прозванный за свой малый рост "Аршином Герасимовичем". Раз во время ярмарки в нашей лавке служили молебен; Иван Герасимович стоял за прилавком, так что была видна одна его голова. По окончании молебна священник, не зная, что Иван Герасимович вроде карлика, стал ему выговаривать за то, что он сидел во время службы. Иван Герасимович приезжал в Москву или на ярмарку со своим взрослым сыном Василием Ивановичем, которого называл Васенькой.

Из Пятигорска приезжали к нам два брата Зипаловы, из Перми — два брата Киселевы. Старший Киселев был всегда в мрачном настроении духа. Один из самых веселых покупателей был армянин из Ставрополя-Кавказского — Давыд Варфоломеевич

Попов. Казанский покупатель Савватей Савватеевич Савватеев, старик в очках, которые чаще были у него на лбу, чем перед глазами, имел привычку мять в руках кусочек теста, который всегда носил с собой.

Покупатель Фуфыкин явился однажды к нам на ярмарку весь выпачканный и пьяный и сообщил, что не может уплатить старого долга, сказав: “Торговали кирпичом и остались ни при чем”. Благодаря присяжному поверенному Меморскому, бывшему потом нижегородским головой, мы получили сполна состоящий за Фуфыкиным долг. Вообще, когда кто не желал совсем платить своих долгов, являлся к кредиторам плохо одетым, выпачканным и нередко пьяным. Так было и с Константином Васильевичем Епифановым из Новочеркасска, прекратившим свои платежи. Другие должники, не желавшие платить полным рублем, приглашали, как говорят купцы, на чашку чая, т.е. собирали своих кредиторов и просили о скидках и рассрочках долгов. Об одном неплательщике, армянине, дело которого слушалось в Московском коммерческом суде, мой отец рассказывал следующее. Армянин этот подписался на выданном им векселе по-армянски, и на суде переводчик перевел эту надпись, оказавшуюся такого содержания: “Когда хочу, тогда плачу, а кисея твоя г...”.

Покупали у нас также евреи из Одессы, Кишинева, Бердичева и других городов, татары и немцы-колонисты. Из Одессы покупали у нас, между прочим, евреи, торговавшие под фирмою “Гимельфарт и Фингерхут”. Кишиневские евреи-покупатели приезжали летом в Москву в своих длинных лапсердаках, надетых непосредственно сверх нижнего белья. В мою бытность в Кишиневе наш тамошний покупатель — старик еврей Шулим Перельмутер выказал ко мне большое внимание и любезность: его доверенный Рейтиг возил меня в коляске и показывал город; потом мы заехали к самому Перельмутеру, жившему в своей усадьбе, в простом деревянном домике, окруженном виноградниками, и где Перельмутер угощал меня вином своего приготовления и по моей просьбе дал мне попробовать мамалыгу (густая каша из кукурузы). Зятя Перельмутера не было в Кишиневе, но меня все же повезли к его молодой жене, даме с некоторыми претензиями, где меня, как видно, ждали, потому что был накрыт стол с разными угощениями и даже приготовлено шампанское. За столом прислуживали лакеи во фраках и белых галстуках.

Татарин Баязитов из Стерлитамака был без одной челюсти, чему он был обязан искусству какого-то дантиста на Ирбитской ярмарке. Однажды один из наших рабочих попросил у Баязитова на чай. Баязитов счел это за оскорбление, пошумел и, выпросив

себе кусок материи, успокоился. Баязитова хорошо знали на пароходах, ходящих по реке Белой. "Мы будем форсить", — говаривал он, заказывая себе стерлядку. Из Уфимской губернии Баязитов привозил на продажу в жестяных коробках липовый мед, который держал на ярмарке у нас в лавке, под лестницей. Вообще Баязитов отличался своей грубостью и назойливостью.

Самым последним нашим покупателем на ярмарке был Петр Иванович Батуев из Вятки; его покупкой заканчивалась у нас ярмарка.

В Нижнем познакомился я с фотографом-художником Андреем Осиповичем Карелиным, который имел фотографию (фотоателье. — *Н.Г.*) в своем доме, на Малой Покровке. Большая зала в его доме напоминала антикварный магазин. Тогда я был еще далек от идеи собирания старинных русских вещей; но художник Василий Васильевич Верещагин и Константин Егорович Маковский уже их покупали у Карелина. По фотографии Карелин сделал некоторые важные изобретения, но, увлекшись собиранием старинных и новых вещей, стал мало заниматься фотографическим делом; а между тем у него явился серьезный конкурент, фотограф Дмитриев, и постепенно фотографическое дело у Карелина стало падать, а у Дмитриева — развиваться. Дом свой на Малой Покровке Карелин прожил и стал жить по квартирам, где давал уроки рисования нижегородским барышням, писал недурные и очень схожие портреты и снимал фотографии. Во время ярмарки по вечерам можно было встретить Андрея Осиповича в Ярославском ряду у старьевщика, где он искал редкостей.

Мое знакомство с персиянами началось с покупок на ярмарке, по поручению отца, ковров для дома, которые мы покупали у Сафара Алиева в персидских рядах. В этих рядах до сих пор сохранились свои нравы и обычаи: в лавках, между мешками с фисташками, миндалем, рисом, драгантом, чернильными орешками, ящиками с сабзой и другими товарами, можно видеть персиян в их национальных костюмах, курящих кальян. Тут же можно наблюдать, как персидский Фигаро обреет голову краснобородому сыну Ирана. В караван-сарае пекут персидский хлеб "лаваш", в виде больших, круглых, плоских лепешек, которые, кроме своего прямого назначения, заменяют у персиян ложки и салфетки. Персия меня интересовала: я много читал о ней книг на русском, немецком и французском языках. Еще в Москве познакомился я с московским персидским вице-консулом и коммиссионером мирзой Нематулой Ашимовым, который знал по-русски и порядочно говорил по-французски. На ярмарке он останавливался в караван-сарае, где я его раз навестил и застал его сидящим на

диване, поджавши под себя ноги, в голубом шелковом засаленном халате и курящим кальян. У него и у торговца коврами Усейнова стал я приобретать разные персидские вещи: калямданы (пеналы), голябпаши (флаконы для розовой воды), качколи (чаши для воды, носимые дервишами), рубэндэ (платок, которым женщины закрывают себе лицо), щербетные ложки, ларцы, гребни, кривые кинжалы ферашей[40] и другие, преимущественно современные, вещи персидского искусства и быта.

(В 1877, 1878 и 1889 гг. шах Наср-Эддин был в Европе. Приезжал он и в Москву, где на балу у генерал-губернатора В.А.Долгорукова сказал, указывая пальцем на залитую всю бриллиантами Шаблыкину: "*Laide*" (Дурнушка. — *Н.Г.*), а о какой-то красивой даме выразился: *"Belle, comme les vers de Pouchkine"* (Прекрасна, как стихи Пушкина. — *Н.Г.*).

Р.Н.Гришин в своем письме ко мне от 2 октября 1887 г. писал: "В мою бытность в Астрахани, где я начал мою службу, мне приходилось не один раз бывать на балах персидского посланника и участвовать в загородных персидских торжествах; образованных персиян не удавалось видеть".)

В 1887 году приезжал в Москву из Темир-Хан-Шуры фотограф Роинов со своим "передвижным кавказским музеем". У Роинова купил я небольшую персидскую занавеску, вышитую шелками, серебром и золотом, XVII в., из дворца Нухинского хана, и три старинные персидские фаянсовые тарелки с изображениями: на одной — кисти руки, на другой — двух коз, на третьей — всадника. (Точь в точь такая же занавеска хранится в Московской Оружейной палате. Роинов рассказал мне, что спас проданную мне занавеску, которую собирался жечь один персиянин для получения выжиги[41].

На Нижегородской же ярмарке приобрел я большую китайскую занавеску, богато вышитую по красному русскому сукну разноцветными шелками и золотом. Вообще на Нижегородской ярмарке сделал я почин по собиранию предметов Востока, точно так же, как потом сделал почин по собиранию старинных русских вещей, купив там же серебряный жалованный ковш Яицкого войска.

В 1889 году, будучи с отцом на Всемирной выставке в Париже, я купил в Японском отделе много художественных предметов: ширмы шелковые, тканые и вышитые, представляющие с лицевой стороны четыре времени года, за шесть тысяч франков; другие ширмы с искусно сделанными из разных шелковых разноцветных материй фигурами по золоченому фону, изображающими сцены из японской жизни, за три тысячи франков; лаковую

этажерку (лучшую лаковую вещь, которую продавало японское правительство), за шесть тысяч франков, и другие японские вещи.

В то время, когда мой брат Сергей и я были на ярмарке, отец, а потом и брат Дмитрий заботились о своевременной высылке нам товара и ездили на фабрики Гюбнера, Циnделя и Прохорова, где торопили исполнять наши заказы. Вообще отец вел очень деятельную жизнь. Как человек уже пожилой, он ложился спать рано и вставал тоже рано; в театрах отец обыкновенно не досиживал до конца представления, а в ложах московского Большого театра, где имеются комнатки с диванами, обыкновенно засыпал во время итальянской оперы, несмотря на то, что очень ее любил. По утрам из всей нашей семьи вставал раньше всех отец. Перед тем как спуститься сверху в столовую пить кофей, в халате и туфлях, отец вызывал к себе повара Егора, которого пробирал за не так приготовленные накануне кушанья и заказывал завтрак и обед на текущий день. Повар Егор или, как мы его звали, Егор Петрович не пил, не курил и вообще готовил хорошо, притом был очень набожный; даже на кухне он держал Библию и в свободное время читал ее, для чего надевал очки. Егор любил употреблять кулинарные термины на французском языке, немилосердно коверкая его; даже кушанье, приготовленное по-русски, он иначе не называл как "а-ля-рюсь". (Французский язык вообще коверкают русские повара и трактирщики. Известный трактирщик Лопашев всегда предлагал П.В.Шумахеру кушанье, которое называл "бушеглазом", что означало по-французски "*bouché glacé*"; по словам Шумахера, это кушанье состояло из куска филейной говядины в густом соусе вроде столярного клея.) Повар был он довольно упрямый: когда отец говорил ему, что надо сделать так, Егор противоречил, возражал: "А по-моему — так".

Чаю отец не любил и пил по утрам кофей, чрезвычайно сладкий и слабый: в стакан клал кусков десять сахару, наливал немного кофею и кипятку, потом столько сливок, что стакан переполнялся; отец макал в кофей ломтик белого хлеба и таким образом пил. Отец любил красное вино и был большим его знатоком; шампанского не переносил. Сладкое варенье посыпал еще сахаром. За завтраком и обедом отцу, чтобы он не пачкал скатерти, клали под прибор клеенку темного цвета. Однажды у нас в первый раз обедал приехавший из Харькова некий Алчевский, которого посадили на место отца, но позабыли снять клеенку; гость так и просидел весь обед, ибо, кроме моих младших братьев, никто не обратил на это внимания.

К отцу в столовую каждое утро вызывался артельщик Михайло Хайлов, которому отец давал разные поручения; потом прихо-

дил приказчик Иван Иванович Челышков, и отец просматривал с ним остаток долгов за покупателями. Тому и другому нередко от отца доставалось. Как-то Хайлов, стоя у стола, за которым отец пил кофей, оперся руками о стол; тогда отец, не говоря ни слова, встал, взял стул и предложил ему сесть, чем, конечно, очень его сконфузил.

Нашего кассира Трещалина отец почему-то называл Пищалиным и вообще часто искажал фамилии. (Мастер искажать фамилии был служивший у нас в швейцарах Егор Акимович Касьянов. Например, Рошфора он иначе не называл, как Раствором. Как иногда русские люди искажают не только фамилии, но и самый смысл сказанного, могу указать на два случая. Мой брат Дмитрий послал своего служащего купить черные запонки; служащий вернулся и сказал, что "черных жаворонков" нет. В другой раз брат поручил тому же служащему швейцарского сыра; вернувшись, тот заявил, что не нашел "цыцарского мыла".) Отец был сильный брюнет, но с годами волосы на голове и бороде стали у него седеть; только одни брови, которые были чрезвычайно густые, остались черными. У отца были такие выразительные карие глаза, что от одного его взгляда дети моментально переставали реветь; взгляд отца действовал и на взрослых; говорил он всегда очень громко, все равно, было ли это дома, в гостях или на улице; даже за границей говорил на улице так громко, что прохожие оборачивались; речь у него была ясная и выразительная. Вот два его характерные выражения: об одном мужчине, у которого было много волос на голове, отец сказал, что "у него волос на три добрые драки"; об одном горьком пьянице отец выразился так: "Пьет запоем, да еще каждый день пьян".

Из столовой отец шел в контору и, проходя мимо девичьей, если замечал какой-нибудь беспорядок, то бранил горничных, причем употреблял выражения: "хуже пустого места". В конторе отец просматривал торговые книги, и тут обыкновенно не обходилось без замечаний конторщикам. Из конторы отец поднимался к себе наверх, одевался и ехал на одну из трех фабрик: к Гюбнеру под Девичье (А.Ф.Гюбнер жил на фабрике, где у него был сад. В саду было много цветов и стояла большая железная клетка, в которой летом сидело множество разнообразных певчих птичек. Впоследствии Гюбнер купил себе дом в Париже, в улице *Téhéran*, куда переехал вместе со своей семьей и где жил зимой. Летом Гюбнер жил на своей вилле близ Базеля, в Сизах, в чрезвычайно живописной местности), или к Цинделю в Кожевники (При Цинделевской фабрике был прекрасный фруктовый сад, за которым ухаживал сам старик Эмиль Эмильевич Циндель, основатель фабрики. Цин-

дель, как и Гюбнер, был эльзасец), или к Прохорову на Три-Горы, откуда возвращался частью пешком, в то время как экипаж следовал за ним шагом. После завтрака отец ехал в лавку, откуда приезжал домой к обеду. После обеда, если не было гостей, отец много отдыхал, а потом отправлялся в театр или в гости.

По четвергам у нас обыкновенно обедали несколько человек родных и знакомых. О родных и некоторых знакомых, бывших у нас, я уже говорил. Бывали еще врачи — Иван Карлович Монигетти, Юлий Иванович Вольф и Михаил Осипович Вивьен, драматург Константин Августович Тарновский, московский обер-полицмейстер А.А.Козлов, П.В.Шумахер, нотариус Петр Дмитриевич Перевощиков, Степан Степанович Стрекалов, маклер Александр Яковлевич Варлен и другие. Врач Императорских московских театров И.К.Монигетти, лечивший отца, принадлежал к числу малоразговорчивых людей; после него отца стал лечить Юлий Иванович Вольф, весьма деликатный и обстоятельный врач, подолгу расспрашивавший пациента и подолгу дававший советы. (Родной брат Альфонсины Ивановны Постниковой.) Совсем в другом роде был врач Михаил Осипович Вивьен, по специальности акушер, "*Accoucheur de la ville de Moscou*", как значилось у него на визитных карточках, бывший у нас лишь в качестве гостя. Более веселого, жизнерадостного человека я не встречал. Несмотря на свои почтенные года и седые волосы Михаил Осипович отличался замечательной подвижностью; танцевал он, в особенности мазурку, как никто. В жилах Вивьена текла французская кровь; хотя его предки (Вивьен-де Шатобрен) и были французы, но сам он, кроме русского, собственно не говорил ни на каком языке. Он был большой каламбурист и забавный шутник. Когда его спрашивали, где он останавливается в Париже, он отвечал: "В своей улице — рю Вивьен". В Биаррице он жил вместе с П.И.Гучковым, в пансионе г-жи Жилос. Вспоминая о жизни в этом пансионе, Вивьен говорил: "У мадам Жилос как нам жилось!". Из поездки в Марсель он только и вспоминал об одной большой бутылке коньяку, поданной в какой-то кофейне. Когда Михаил Осипович спрашивал меню какого-нибудь обеда, он обыкновенно скороговоркой отвечал: "Суп-щи, пироги-ватрушки, рыба-раки, говядина-телятина, пирожное-мороженое". Чай он называл брандахлыстом; зато вино, водки и ликеры так уважал, что нередко пил их не в меру. Наливая себе в стакан вино, Вивьен говорил:

"Rempli ton verre vide,
Bous tin verre plein
Et fais qu'il soit ni plein; ni vide"[42].

Михаил Осипович очень мило пел оперу, в которой мотивы были взяты главным образом из оперы "Марта", а слова — неизвестно откуда. Начало действий этой оперы происходит в Марьиной роще, и самоварщицы поют:

Чашки чисты,
Чай душистый,
Москворецкая вода,
Вы пожалуйте сюда,
Все честные господа.

Далее Вивьен пел: "Играет музыка принца Фридриха Карла полка, ка-ка, ка-ка-ка, ка-ка-ка". Последнее действие заканчивалось в полицейском участке: в заключение Михаил Осиповича пел: "Был, верно, пьян мосье Вивьян". Он также отлично читал наизусть "Майора" Федотова, "Грос-Фатера" и "Сенсации госпожи Курдюковой" Мятлева. "Сенсации" он читал так хорошо, что какая-то важная особа сказала ему: "Вы примирили меня с Мятлевым". О своей акушерской деятельности (Вивьен был полицейским врачом) он говорил, что другие врачи отправляют на тот свет, он же — на этот. На маскарад к Д.П.Боткину Михаил Осипович явился раз в костюме якобы баши-бузука: в красной феске, с ятаганом за поясом. К нам на вечер он приехал в домино и в кошачьей маске, причем так мяукал и фыркал, как настоящая кошка. Однажды в Париже, в театре Вивьен сидел в креслах; к нему стал обращаться с вопросами на английском языке сидящий с ним рядом англичанин, на что Вивьен все время отвечал: *"Oh yes!"* Должно быть, на последний вопрос Михаил Осипович ответил невпопад, потому что англичанин рассерженным тоном спросил: *"Meis, monsieur, parles vous anglais?"* (Но, месье, говорите ли вы по-английски? — *Н.Г.*)

Раз Вивьен ехал поздно ночью с моим братом Николаем из Кунцева в Москву. Подъезжая к спущенному шлагбауму близ Дорогомиловской заставы, Вивьен крикнул: "Сто-о-рож!" Но так как на зов никто не явился, Вивьен сказал: "Хоть бы одна рожа вышла". Вивьен один раз приезжал в Нижний на ярмарку и остановился у нас в лавке. На ярмарке он ходил в красной феске. Проходя как-то ночью мимо трактира Бубнова, где на балконе сидели арфистки, Вивьен вдруг громко запел: "Привет тебе, приют родимый!" О некрасивых лицах Михаил Осипович говорил: "У него (или у нее) лицо рылативное". Про одну монахиню он выразился так: "Была монашенка, а стала мамашенькой".

Вивьен уже под конец своей жизни женился на мулатке с острова св.Фомы. Свадьба состоялась у него на квартире, на Цветном бульваре. Венчал пастор Дикгоф. Вивьен был католик, а му-

латка — лютеранка. На свадьбе присутствовало очень мало приглашенных: московский виноторговец Алексей Иванович Арабажи, мой брат Дмитрий, я, да еще кто-то. После венчания был обед. Вивьен называл свою жену “фрабиш-фантазия” и летом жил с ней на даче в Перерве. Однажды я с братом Дмитрием навестили молодых в Перерве. Михаил Осипович шутил со своей мулаткой и расчесывал ее курчавые жесткие волосы щеткой из железной проволоки, вроде скребницы, какой чистят лошадей. Впоследствии, без ведома Михаила Осиповича, мулатка открыла в Москве прачечное заведение под вывеской: “Прачечная госпожи Вивьен”. Михаил Осипович распорядился снять эту вывеску.

В 1887 году М.О.Вивьен захворал и умер. Мой брат и я были на отпевании в костеле, что в Милютинском переулке.

(У М.О.Вивьена было два брата: архитектор (Вильгельм) и пианист. Племянник Михаила Осиповича дирижировал оркестром у Лентовского в Эрмитаже. На Воздвиженке находилась библиотека Вивьена, принадлежавшая другому племяннику Михаила Осиповича. В Петровском-Разумовском Михаил Осипович имел свои дачи, но они были заложены. В своей квартире на Цветном бульваре Вивьен сдавал внаймы комнаты клоунам из цирка Соломонского.)

Насколько много было естественного в Вивьене, настолько много напускного — в Константине Августиновиче Тарновском. Старик высокого роста, полный, совершенно лысый, с остроконечной бородкой, всегда более или менее эксцентрично одетый, в широких брюках, которые книзу суживались, Константин Августинович напоминал фран-цузского отставного военного времени Наполеона III. Если Тарновский не мог кого переспорить, то, во всяком случае, мог перекричать. Константину Августиновичу, порядком вравшему, мой отец говаривал: “Если и четверть того, что вы рассказываете, правда, и то хорошо”. Вивьен называл Константина Августиновича *Konstantin* и Паном Твардовским. Тарновский говорил Вивьену: “Ты из веры вышел”, на что последний отвечал: “Ошибаешься, мою мать вовсе не звали Верой”.

К.А.Тарновский был другом дома в семье графа А.А.Закревского[43]. Маркович[44] изобразил Константина Августиновича в своем романе “Четверть века назад”. Как графиня Аграфена Федоровна, так и ее дочь Лидия Арсеньевна Закревская не отличались целомудрием. Как-то графиня-мать спросила одного из обожателей ее дочери: “*Que-ce-qu'il y a eu entre vous deux?*” (Что произошло между вами? — *Н.Г.*). И получила в ответ: “*Rien, pas même de la batiste*” (Ничего, кроме глупости. — *Н.Г.*). Лидия Арсеньевна была красивая, несколько полная блондинка с голубыми глазами. (Мне пришлось видеть ее в Лионе, уже старушкой.) Пикулин расска-

зывал, что Лидии Арсеньевне понравился молодой часовщик, приходивший заводить часы в генерал-губернаторском доме. Полураздетая, лежа на постели, она ожидала прихода часовщика. Но вместо молодого, красивого — пришел уродливый старик. От Пикулина же я слышал, что актера Самарина, отличавшегося в молодости красотой, возили к Лидии Арсеньевне.)

Александр Александрович Козлов рассказывал много забавного о своей службе в Петербурге. Так, когда он был там градоначальником, однажды ему донесли, что на Васильевском острове у одной купчихи-вдовы бывают студенческие сходки. Козлов вызвал к себе эту купчиху и прикрикнул было на нее за то, что у нее собираются сходки: «Какие, батюшка, сходки! — завопила смущенная купчиха, — студенты — это мои "петушки"». И действительно, оказалось, что вдова только прикармливала студентов.

П.В.Шумахер любил проводить время в нашей семье. Бесподобный рассказчик, много видевший на своем веку, он бывал всегда желанным гостем. П.В.Шумахер был очень начитан; знал в совершенстве немецкий, французский и английский языки, на которых даже сочинял стихи; свободно читал малороссийские, польские и итальянские книги. Пользуясь книгами моего собрания, Шумахер при чтении делал карандашом на полях книг заметки, которые были часто остроумны и всегда интересны. Навещал и я Шумахера зимой, когда он жил у Н.Х.Кетчера, потом у Перфильевых на Тверской, в губернаторском доме, затем в Странноприимном доме[45] графа Шереметева, у Сухаревой башни; летом навещал его в "Забытой усадьбе", в Спасском, близ Нового Иерусалима, и в Кускове, в "Голландском домике".

У Н.Х.Кетчера Шумахеру не жилось. Недаром актер Вильде сказал Петру Васильевичу относительно его жилья у Кетчера:

Летами ты уж стар, да сердцем жив и молод;
Не след бы жить тебе, где мрак и смерти холод.

С Василием Степановичем и Прасковьей Федоровной Перфильевыми Шумахер очень сошелся, в особенности с последней. (У Прасковьи Федоровны в квартире имелся, можно сказать, маленький зверинец; между прочим, был белый какаду и обезьяна мартышка, которую звали Яшкой; этот Яшка много проказничал.) Но и у них он не был уверен, что может спокойно провести остаток своей жизни, ибо квартира, занимаемая ими, была казенная; возможно было и перемещение по службе Василия Степановича куда-нибудь вне Москвы; наконец, могли Перфильевы и умереть. Поэтому Шумахер чрезвычайно обрадовался, когда благодаря графу Сергею Дмитриевичу Шереметеву, он мог не только переехать в Странноприимный дом, но и поселиться там

в отдельной комнате, а не в одной из общих палат для призреваемых, и иметь отдельный стол.

В.С.Перфильеву по делам службы часто приходилось ездить по уездам Московской губернии. В Верее, в доме одного старообрядца, где ему была отведена квартира, на стене висел в золоченой раме написанный уставом лист следующего содержания:

"Аристотель книга говорит тако:
В. Что лучше злата?
О. Яхонт.
В. Что лучше яхонта?
О. Добродетель.
В. Что лучше добродетели?
О. Бог.
В. Что лучше бога?
О. Ничего.
В. Что злее тигра?
О. Аспид.
В. Что злее аспида?
О. Демон.
В. Что злее Демона?
О. Злая жена.
В. Что злее Демона?
О. Ничто.

Аще было все небо — бумага, все море — чернила, все звезды — перья, все ангелы — писцы, то и тогда не могли бы женского лукавства описать".

В.С.Перфильев был приятелем генерал-адъютанта Черевина, с которым бывал в разных ресторанах. Между прочим, Черевин прислал Василию Степановичу прейскурант новооткрывшегося в Петербурге трактира, вроде Тестова в Москве. В этом прейскуранте тминная водка была переведена по-французски: *"Eau de vie de Tmin"*, здешняя — "*d'ici*", была померанцевая — "*de Pomersnie blanche*".

"Забытая усадьба", где Шумахер прожил одно лето, до поздней осени была действительно забытая, ибо в ней не жило ни души, и все было запущено: барский дом, службы и парк. В этой усадьбе все было предоставлено в полное распоряжение Петра Васильевича. Близ усадьбы находилось имение глазного врача Алексея Николаевича Маклакова-Дергайкова. Шумахер в усадьбе жил анахоретом, сам готовил себе пищу; только иногда заглядывал к нему староста Андрей Иванов, который ездил в Москву, причем исполнял поручения Петра Васильевича. Крестьяне приносили Шумахеру кур, цыплят, молоко, масло, яйца, ягоды, грибы. В барском доме нашлась небольшая библиотека, состоявшая из старинных книг, разбором коих занялся Петр Васильевич.

Переехав в Странноприимный дом, Шумахер стал жить летом в Кускове, где по распоряжению графа С.Д.Шереметева ему отдали "Голландский домик"; завтрак и обед Шумахер получал от управляющего Кусковым — главного садовника немца Пича.

Шумахер по временам страдал от подагры, почему И.С.Тургенев называл его своим коллегой по литературе и подагре. Раз Шумахеру пришла в голову странная мысль: вымораживать подагру из своей ноги; он поехал на извозчике в сильный мороз, надев на больную ногу лишь один нитяной чулок. Лечил он свою ногу и копытной мазью Иванова. Универсальным же средством почти от всех болезней была у Шумахера баня. Живя в Спасском, он ездил в Новый Иерусалим, где мылся в бане у настоятеля монастыря и где так сильно парился, что раз паром вышибло оконную раму и служка чуть не вылетел из парильни. В Москве Шумахер посещал Сандуновские бани, куда отправлялся на весь день и где долго мылся и сильно парился. На полке Шумахер обыкновенно выпивал бутылку ледяного квасу прямо из горлышка. Парили его два банщика. Потом Петр Васильевич спал несколько часов в раздевальной. У себя в комнате Шумахер клал под голову сухой банный веник, когда отдыхал на диване. Шумахер воспел в стихах подагру и баню. В комнате у него всегда была чистота и все прибрано; во всем он был аккуратен. Зимой Шумахер любил заходить в кондитерскую "*Ciy*" на Тверской, где пил шоколад и ел пирожки с яблоками (*pomme en chemises*) и где над большой тучной его фигурой во время его еды барышни-продавщицы подсмеивались, переглядываясь между собой. Пить и есть Шумахер мог много. Случалось, что в один вечер он выпивал до девяти бутылок бургоского и не был пьян, а напротив - делался красноречивее. Если ставили перед Петром Васильевичем бутылку с коньяком или шартрезом, или с другим каким-нибудь крепким напитком, то он считал невежливым оставить бутылку невыпитой. Когда Шкотт говорил Шумахеру: "Вы пьяница", тот отвечал: "От пьяницы слышу". Блинов Шумахер съедал изрядное количество и ел их, разрывая пальцами, находя, что так они вкуснее. Курил он папиросы и сигары, но предпочитал курить табак в трубочке.

(П.В.Шумахер хотел вырезать на своем самоваре загадку: "У девушки-сиротки загорелося в середке, а у доброго молодца покапало с конца"; но медник отказался резать. У Шумахера видел я транспарант с печатной надписью: "Печатать дозволяется. Цензор такой-то". Шумахер рассказывал, что в молодости Грейг, будущий министр финансов, служил под его, Шумахера, начальством в каком-то департаменте и чинил ему гусиные перья (стальных перьев тогда еще не употребляли). "Мажет", — говорил

9 Зак. 380

Шумахер Грейгу и бросал перо, и Грейг опять принимался их чинить, пока не удовлетворял Шумахера.)

Степан Степанович Стрекалов, женатый на известной благотворительнице, кавалерственной даме Александре Николаевне, был во всех отношениях прекрасный человек, деликатный, приятный собеседник. Несмотря на свои преклонные лета, Степан Степанович любил хорошо покушать и выпить и поиграть в карты.

(А.Н.Стрекалова, урожденная княжна Касаткина-Ростовская, родилась в 1821 году, семнадцати лет вышла замуж за С.С.Стрекалова; умерла в 1904 году.)

П.Д.Перевощиков был сын известного астронома, а А.Я.Верлен — очень дельный маклер, через которого отец покупал миткаль.

Все вышеозначенные лица были более или менее постоянными посетителями наших четвергов. Бывали также у нас, а скорее приходили ко мне, цензор Митрофан Нилович Ремизов, Дмитрий Васильевич Каншин и Юрий Дмитриевич Филимонов[46].

М.Н.Ремизов, большой труженик, по окончании службы в цензуре стал одним из главных деятелей в журнале "Русская Мысль", в котором занимались переводами его жена и дочь. Сын Митрофана Ниловича, полковник, в настоящее время командир Самогитского полка.

Д.В.Каншин — устроитель дешевых столовых в Петербурге и Москве. В его столовой на Никитском бульваре, теперь уже не существующей, Дмитрий Васильевич угостил раз П.В.Шумахера и меня довольно вкусным обедом.

Археолог Юрий Дмитриевич Филимонов занимал должность хранителя Московской Оружейной палаты и хранителя христианских и русских древностей при Румянцевском музее. Будучи студентом, Юрий Дмитриевич описал собрание старинных вещей Карабанова, в котором было много подделок, чего тогда он еще не ведал. Карабановское собрание было приобретено Погодиным, а от него куплено для Московской Оружейной палаты. Юрий Дмитриевич был человек прямой: занимаясь в Оружейной палате, он, не стесняясь дворцовой прислуги, вслух ругал своего непосредственного начальника, называя его солдатом и дураком. Когда К.Т.Солдатенков отказался дать деньги на какое-то научное издание, то Филимонов ему в лицо сказал: "Вы не Козьма Медичи, а какой-нибудь Козьма-кучер". Иногда Юрия Дмитриевича можно было застать в гардеробной Румянцевского музея, где, сидя в вицмундире со звездой, он курил папиросы и беседовал со швейцарами солдатами. Как археолог, Юрий Дмитриевич был весьма опытный, и у него можно было многому научиться по части археологии. С Юрием Дмитриевичем я разбирал старин-

ные ткани и шитье в складе Оружейной палаты. Жил Филимонов в Кремле, у Спасских ворот, в домике рядом с гауптвахтой. В 1898 году 26 мая Юрий Дмитриевич умер в Сухуме.

В 1882 году я сделался членом Московского Английского клуба, где уже состояли членами мой отец и брат Николай, я стал бывать там на субботних обедах.

(Московский Английский клуб — старейший из московских клубов, вследствие того, что во время пожара 1812 года лишился всего архива, не знает ни дня, ни года своего основания. В напечатанном мною документе (см.: "Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И.Щукина", М.1899 Ч.5-я. С.227) "Определение Московской Полицмейстерской Канцелярии, 6 июня 1772 года" сказано, что Английский клуб содержали в этом году французы Петр Павлов Тюлье и Леопольд Годеин в Красном Селе, в доме графа Карла Ефимовича Сиверса. В архиве Министерства юстиции, в делах Каменного приказа, упоминается в Немецкой слободе, в Посланниковой улице, в доме Годеина, "Английский Клоб". В третьем номере "Московских Ведомостей" за 1783-й год тоже упоминается "Английский Клоб" в Немецкой слободе. В "Копии с дела о переводе Моск. Английского клуба в дом князя Ю.В.Долгорукова, 1790 года" (см.: "Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П.И.Щукина". М., 1901. Ч.8-я. С.427) приведен весь устав Английского клуба того времени. В 1793 году Английский клуб помещался в доме княгини Черкасской, между Никольскими и Ильинскими воротами. Следовательно, столетие его существования давно уже миновало. В 1802 году Английский клуб был открыт на Петровке, в доме князя Гагарина. (В этом доме теперь помещается Ново-Екатерининская больница.) С Петровки клуб перешел на Большую Дмитровку, в дом Муравьева (впоследствии Лицей Каткова, затем "Салон де Бартье"), а оттуда на Тверскую, в дом графа Разумовского (прежде дом писателя Хераскова), где он находится и теперь. Из всего вышесказанного видно, что Московский Английский клуб часто менял свое помещение. В пятой же части моего "Сборника стар. бумаг" (С.228) напечатано заявление 19-ти членов Английского клуба к старшинам этого клуба: "Обратиться с просьбою к Московскому Военному Генерал-Губернатору графу Закревскому, дабы он исходатайствовал оному Клубу Всемилостивейшее разрешение не называться долее Английским Клубом, а Московским Собранием".

У меня имеются: один билет Английского клуба, выданный на 1818-й год Николаю Ивановичу Тургеневу, и два билета того же клуба 1826 и 1827 г., подписанные старшиной-англичанином "*Thomas Pickeragill*". На всех этих билетах в орнаментальных рам-

ках напечатано: “Знак для входа в Аглинское Собрание на такой-то год”.

Между членами клуба было много военных генералов: Манзей (старшина), Дукмасов, Бискупский, А.А.Козлов, граф Олсуфьев, князь М.М.Голицын, граф В.Ф.Келлер и другие. В клубе же познакомился я с адмиралом Асланбеговым и с капитаном 1-го ранга Калогерасом, командиром клипера “Наездник”. На этом клипере совершил кругосветное плавание сын Петра Ивановича Бартенева — знакомый мне Иван Петрович.

В Английском клубе были старики-члены, которые обижались, если кто-нибудь садился, даже по незнанию, на кресла, на которых они привыкли сидеть много лет. Член клуба Иван Васильевич Чижов, напоминавший Фальстафа в “Виндзорских кумушках”, пил много шампанского, которое в виде пота выходило у него из безволосой головы. Старик Михаил Михайлович Похвиснев, приятель С.С.Стрекалова, по субботам нарочно садился на краю обеденного стола, с которого начинают обносить кушанья, и, любя мороженое, сваливал себе на тарелку громадную порцию, а пунш-гласе брал пять-шесть бокалов. Столетний Геннадий Владимирович Грудев, состоящий на государственной службе уже в 1812 году, ел с большим аппетитом. Когда официант спрашивал его: “Суп или щи?” — Геннадий Вадимирович отвечал: “Семь бед — один ответ; давай щей”. Отставной гвардии полковник Казаков, имени которого приют для дворян находится на Поварской, несмотря на то, что был слеп, приезжал на субботние обеды. За стулом Казакова всегда стоял его слуга и накладывал ему на тарелку кушанья; Казаков же сам, без посторонней помощи резал и ел. Князь Питер Волхонский, которому дома, вследствие запрещения врача, не давали ни водки, ни закусить, заезжал в Английский клуб, чтобы наскоро выпить рюмку водки и закусить, после чего отправлялся домой обедать. Богатый, но скупой Василий Иванович Якунчиков пил только яблочный квас, а вино лишь тогда, когда его угощали. Раз только, по случаю какого-то радостного события в его семье, Василий Иванович разошелся и спросил бутылку Донского, которым стал угощать своих знакомых. При этом мой отец иронически заметил Василию Ивановичу, что “мы не казаки, и по случаю такой семейной радости следовало бы выпить настоящего шампанского”. Анатолий Васильевич Каншин, с черной шелковой повязкой на одном глазу, известный любитель цыган, носивший прозвище “Цыганского Каншина”, со своим приятелем Николаем Николаевичем Дмитриевым пили исключительно дорогие вина. Дмитриев с пренебрежением относился к членам клуба, которые играли

в карты по небольшой ставке: “Перехватить с них какую-нибудь сотню рублей, — говорил он, — не стоит и мараться”. Когда Дмитриев проходил мимо хора певиц, певших иногда в клубе, то всегда с презрением показывал им язык.

Московский генерал-губернатор князь В.А.Долгоруков тоже посещал Английский клуб, где играл на бильярде с маркером или слушал русский хор А.З.Ивановой.

(Князь В.А.Долгоруков всегда присутствовал на предводительских балах. На один из этих балов явился молодой человек в красном фраке, что не понравилось князю, и полиция попросила красный фрак удалиться с бала. На балах у князя В.А.Долгорукова в генерал-губернаторском доме ужин подавали поздно, когда большая часть гостей уже разъедется. Князь спрашивал несколько раз во время бала: сколько остается гостей? и когда находил, что уехало достаточно, то приказывал подавать ужин. Одна из первых красавиц, фигурировавшая на тогдашних балах, была Марья Семеновна Пустовалова.)

Иногда я ходил с отцом по вторникам обедать в Купеческий клуб. В то время одним из членов этого клуба был товарищ прокурора Московского окружного суда граф Михаил Павлович Баранов, женатый на танцовщице петербургского балета — красивой А.Ф.Вергиной. Граф М.П.Баранов любил острить. Например, увидавши одного своего знакомого в шляпе с очень большими полями, он сказал ему: “Вы напоминаете мне Кочубея: его поля необозримы”. Однажды граф хотел сесть в купе вагона железной дороги, но был остановлен кондуктором, заявившим ему, что купе занято одним известным миллионером (евреем); граф ответил: “Я не брезглив”. Когда граф встречал в клубе Семена Ивановича Лямина, одевавшегося довольно эксцентрично, то начинал напевать на мотив “Венецианского карнавала”: “Се-мен И-ванов Ля-мин...”

Малый театр находился в апогее своей славы. В “Свадьбе Кречинского” отличались Шумский и Пров Михайлович Садовский; в “Заколдованном принце” был бесподобен Разсказов; прекрасно исполнял роль француза-гувернера в пьесе “Гувернер” Петров, а в “Ямщиках” старосту — старик Степанов. (В прежнее время Степанов, игравший в “Горе от ума” князя Тугоуховского, копировал известного князя Гагарина, который показывался на всех московских гуляньях в коричневом фраке и со звездой. Часто можно было видеть князя верхом во фраке и со звездой. В “Горе от ума” Степанов сделал сам себе парик из лисьего меха и надел звезду, снятую с военного чепрака: носить на сцене настоящую запрещали. Относительно разных театральных запрещений тогда и на Западе было не лучше, чем в России. Например, в

Австрии запрещали Мефистофелю надевать красное трико, потому что красные штаны носили австрийские генералы. В Риме, во время пап, балетные танцовщицы должны были носить трико зеленого цвета.) Никто не играл так хорошо свах и купчих, как Акимова, чиновников и лакеев — Никифоров. (Никифоров был мастер приготовлять столовую горчицу, которую дарил приятелям.) Даже незначительные роли исполнялись мастерски. Помню, в одном водевиле Живокини вынимал из своего кармана дырявый носовой платок и, обращаясь к публике, говорил: "У меня таких с полдюжины". В другом водевиле участвовали на сцене музыканты, которым Живокини должен был раздавать ноты, но нот была всего одна тетрадка; Живокини рвал тетрадку на клочки и эти клочки раздавал музыкантам.

В Большом театре еще давались маскарады, для чего сцену соединяли с зрительным залом. В одном из этих маскарадов оказался пьяный господин; блюститель порядка — пристав, увидевши его, строго обратился к нему со словами: "Я велю вас сейчас вывести". Пьяный, и без того искавший тщетно выхода из театра, с радостью воскликнул: "Сделайте милость, буду вам очень благодарен".

В былое время верхний и нижний Пресненские пруды соединялись между собою туннелем, находившимся под Пресненским мостом. В нижнем саду был выстроен театр, где Новиков содержал русскую оперу. У Новикова пела Кадмина, впоследствии кончив-шая жизнь самоубийством. И.С.Тургенев в своей повести "Клара Малич" изобразил Кадмину. На открытой сцене в нижнем Пресненском саду давались разнообразные представления и пели француженки.

В настоящее время восхищаются постановками пьес Московского Художественного театра. В 80-х годах, т.е. лет тридцать тому назад, в Москву приезжала Мейнингенская труппа, отличавшаяся так же, как и Художественный театр, отсутствием выдающихся актеров и актрис, но зато замечательная по сценическим постановкам. В последнем отношении мейнингенцы, пожалуй, даже превзошли Художественный театр. Например, в драматической трилогии Шиллера "Лагерь Валленштейна", "Пиколомини" и "Смерть Валленштейна" декорации, костюмы, мебель, вся обстановка до последнего стакана были археологически верны, чего нельзя сказать о Художественном театре, где, например, тоже в драматической трилогии гр.Ал.Толстого "Смерть Иоанна Грозного", "Царь Федор Иоаннович" и "Борис Годунов" замечались некоторые недочеты: на боярынях сарафаны были сшиты из русских материй конца XVIII и начала XIX в., а на боярах одежда вместо того, чтобы быть сделана из восточной или западной фа-

сонной бархатной парчи XVI и XVII вв., была из манчестера, аляповато расписанного красками; что касается до декораций, то их иногда ставили слишком близко к рампе, так что невольно бросалась в глаза их грубая техника.

В 80-х годах в Солодовниковском пассаже был театр, в котором процветала французская оперетка.

Летом 1883 года московскую публику весьма привлекали скороходы, бегавшие в саду "Эрмитаж" у Лентовского. Во время бега у одного скорохода лопнули штаны, так что было видно голое тело. Бегали также и женщины; при этом из толпы слышались громкие замечания: "Понатужься, блондинка!" и т.п. Ахенбах заставлял на бульварах мальчишек бегать вперегонки за деньги. В Нижегородской ярмарке (на месте, где бывают скачки) русский газетчик перегнал скорохода мистера Кинга.

В один прекрасный день поехал я с К.А.Тарновским по Рязанской железной дороге к инженеру Николаю Ивановичу Ильину, в имение Быково, раньше принадлежавшее графу Воронцову-Дашкову. Быково было продано Ильину всего за 125 тысяч рублей. В барском каменном доме было все оставлено: мебель, бронза, фарфор, библиотека и даже фамильные портреты и вина. Перед обедом мы вдвоем с Тарновским ходили в отлично устроенный винный подвал, где выбрали к обеду хорошего рейнвейна. В библиотеке оказалось собрание редких английских карикатур.

В 1882 году моя сестра Ольга вышла замуж за Александра Ивановича Иоста, который управлял имением А.А.Фета, а потом имениями Боткиных.

(А.А.Фет владел тремя имениями: Воробьевкой (Курской губернии, Щигровского уезда), Ольховаткой (той же губернии и того же уезда) и Грайворонкой (Воронежской губернии, Землянского уезда). По смерти А.А. и М.П.Фетов Ольховатка и Грайворонка перешли к их племяннице Ольге Васильевне Галаховой, а Воробьевка к племянникам Петру Дмитриевичу и Сергею Дмитриевичу Боткиным.)

Однажды навестил я Фетов в их имении Воробьевке. Они жили в каменном двухэтажном доме; при доме был прекрасный вековой парк, в котором протекала речка Тускарь. В Воробьевке на открытом воздухе созревали отличные персики-венусы, а фетовский повар приготовлял вкусную яблочную пастилу. Единственное неудобство было — громадное количество мух, какого я нигде не видывал: мухи летали целыми роями по комнатам, и от них чернели белые скатерти на столах; поэтому во время чая, завтрака или обеда деревенские мальчики стояли у стола и махали большими ветками.

В Воробьевке встретил я философа Владимира Сергеевича Соловьева[47], гостившего у Фетов, и вместе с ним вернулся в Москву. Из Воробьевки же А.А.Фет прислал моей сестре Ольге следующее стихотворение:

Спасибо Вам, мы вспоминаем
Ваш резвый смех, с умом живым,
Без Вас и май бы не был маем,
И старый парк бы был иным.
И не перила лишь пещрили
Вы разноцветной чередой,
А всю весну для нас увили
Вы лентой нежно-голубой.
Не только мы, - и чай "Колдунья"
Не раз вздохнет под седоком:
Зачем на мне не та летунья,
А этот неподъемный ком.
Adieu! счастливо оставаться, —
Июньский зной у нас настал,
И хоть и лень за дело взяться,
Но Gartenlaube к Вам послал.

В 1883 году мой отец вместе с моей сестрой купили у Василия Ивановича Лужина, сына бывшего московского обер-полицмейстера, имение Бессоновку, находившееся в Курской губернии, Белгородском уезде, в 7-ми верстах от железнодорожной станции Веселая Лопань. Вместе с А.И.Иостом ездил я совершать купчую в Курск. Там мы остановились в лучшей гостинице Монтрезора. Как большая часть русских гостиниц, так и эта оказалась довольно грязноватой. В Курске на главной площади смотрели мы русского Блондена, ходившего по канату, натянутому поперек площади на значительной высоте.

В Бессоновке находились барский дом с садом, с небольшим прудом, со службами, амбарами и скотным и птичьим дворами. Как в Малороссии — белели мазанки соседнего села. Местность вокруг Бессоновки преимущественно степная, черноземная; кое-где сохранились еще небольшие дубовые леса. Ближайшее от Бессоновки имение принадлежало генералу Озерову. В 12-ти верстах находилось имение поэта К.К.Случевского, а в 18-ти верстах — слобода Борисовка, некогда принадлежащая фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву. Теперь Борисовка принадлежит графу Александру Дмитриевичу Шереметеву. (Во время беспорядков 1905—1906 гг. Борисовка была разграблена и вся усадьба сожжена. Погиб в огне и домик Петра Великого.) Осенью из Борисовки тянулись мимо Бессоновки воза с яблоками. Барский дом в Бессоновке был куплен у Лужина вместе с мебелью: между про-

чим там находились два больших масляных портрета: один императора Петра Великого (копия с Натье), а другой — Николая I, подаренный самим императором обер-полицмейстеру Лужину. Эти портреты сестра подарила мне. В Бессоновке бывал я несколько раз, а также в Белогороде, где мы с Александром Ивановичем останавливались в грязных номерах Шепелева. В Белгороде сделал я с А.И.Иостом визит семейству Слатиных, в котором были две взрослые дочери; одна из них, более красивая, вышла потом замуж за москвича Владимира Владимировича Коншина. Сделали мы также визит председателю Белгородской земской управы — Говорухе-Отроку, очень почтенному старику. В Белгороде же мы ходили в клуб, где ели бекасов и пили шампанское. В клубе я познакомился с белгородским уездным исправником Павлом Александровичем Сивохиным и с несколькими артиллерийскими офицерами, батареи коих стояли в Белгороде.

В Бессоновке Иосты жили в то время только наездом, большую же часть года они проводили в Новотавложанке (тоже Белгородского уезда), где на берегу Северного Донца находился свеклосахарный завод Боткиных. Не раз гащивал я у Иостов и в Новотавложанке. Напротив Новотаволжанки находилось имение графа Гендрикова Напрасное, с барским домом и громадным парком. Из Новотаволжанки ездил я с Александром Ивановичем в ближайший город Волчанск и в некоторые имения: в Шебекино, принадлежавшее генералу Ребиндеру, где тоже был свеклосахарный завод и где имением управлял известный местный деятель Краинский; в Графское имение одного из графов Гендриковых, с барским домом, конским заводом и вековым дубовым лесом; в Тихий Хутор, купленный Д.П. Боткиным, с прекрасным барским домом на берегу реки Волчьей и с великолепным видом на окрестности. (Александр Иванович Иост, замечательный сельский хозяин, между прочим, развел в Бессоновке, Новотаволжанке и Тихом Хуторе виноград, который отлично созревал.)

В сырую погоду ездили мы, где возможно, песками, а где приходилось ехать черноземом, колеса экипажа сильно вязли и ехали с трудом. Раз поздней осенью, когда уже стемнело, мы сбились с дороги; пришлось зажечь фонарь и искать дорогу, которая оказалась перекопанной; в конце концов приехали к какой-то помещице, где были очень радушно приняты.

Ездил я с Александром Ивановичем также на свекловичные плантации и смотрел, как бабы выкапывали свеклу. Близ одной такой плантации находился хутор, мимо которого нам пришлось проезжать. Поравнявшись с домиком, вдруг увидели, к нашему удивлению, стоявшую на крылечке красивую молодую даму в

изящном модном наряде; странно было видеть это среди свекловичных плантаций; а дело оказалось очень просто — на хуторе жила мать этой дамы, приехавшей из Харькова ее навестить.

В 1881 году состоялась свадьба моей сестры Надежды, вышедшей за товарища прокурора Тульского окружного суда Александра Аристионовича Мясново. В этом же году брат Николай ушел из нашей фирмы и поступил директором в Даниловскую мануфактуру; из отцовкого дома он переехал на квартиру в дом Юлии Адальбертовны Воейковой, напротив храма Христа Спасителя. Отец по утрам стал навещать брата; но так как он приходил очень рано, когда брат еще спал, то, чтобы прекратить как-нибудь эти ранние посещения, брат придумал следующее: купил дамскую шляпу и повесил ее в передней; при виде этой шляпы отец, конечно, уходил, не тревожа брата.

В 1884 году женился мой брат Сергей на Лидии Григорьевне Кореневой, а в 1887 году вышла замуж моя сестра Антонина, за Алексея Ильича Лагодина. В 1889 году вышли замуж две мои двоюродные сестры: Елизавета Дмитриевна Боткина — за инженера путей сообщения Константина Густавовича Дункера, и Надежда Петровна Боткина — за художника Илью Семеновича Остроухова. В том же году скончались: моя тетка Софья Сергеевна Боткина, а вскоре за ней и ее муж Дмитрий Петрович; а затем умер в Ментоне дядя Сергей Петрович Боткин. (В 1869 году скончались три мои дяди: Иван, Николай и Василий Петровичи Боткины.)

В 1882 году отец купил дом князя Трубецкого в Большом Знаменском переулке, заплативши за него всего 160 тысяч рублей, причем одной земли при доме имелось более десятины. В 1883 году дом этот был сдан внаймы графу Клейнмихелю за шесть тысяч рублей в год; но граф в нем не жил, и дом простоял пустым целый год. В 1884 году дом нанял за ту же цену В.Д.Коншин; а в 1885 году 7 апреля в домовой церкви этого дома венчался Владимир Владимирович Коншин с Марьей Николаевной Слатиной, с которой я познакомился еще в Белгороде.

Мне пришлось дважды быть присяжным заседателем в Московском окружном суде: в 1886 и 1888 годах. Председательствовали на заседаниях суда обыкновенно Ринг и Рынкевич. Ринг говорил плавно и хорошо резюмировал дела. Был он одним из постоянных посетителей “Салона-де-Варьете”; потом Ринг вышел в отставку и стал заниматься адвокатурой. Рынкевич, суетливый и бойкий, любил обрывать слишком болтливых адвокатов. Зимой он ходил в летнем пальто и спал с открытым окном.

В память ярмарочных обедов у Никиты Егорова участники оных стали раз в месяц собираться обедать в “Славянском Базаре”, в

отдельной зале. Главный инициатор этих обедов был В.С.Перлов, который заботился, чтобы на них присутствовал также женский элемент. Василий Семенович был в своем роде Дон-Жуан, но малоразборчивый: красивая или некрасивая, молодая или старая, актриса или горничная — казались ему одинаково хороши.

Однажды вечером В.С.Перлов затащил меня к моему родственнику Воронину, которого я совсем не знал. Жил Воронин у Страстного монастыря, в доме, принадлежавшем раньше известному московскому гастроному Рахманову. Войдя в первую комнату, мы увидали Алексея Сергеевича Мазурина, дирижировавшего струнным оркестром вместо капельмейстера, тут же стоявшего. (А.С.Мазурин, известный любитель-фотограф, прекрасно снимавший.) В следующей комнате никого не было; затем, посередине небольшой комнаты, стоял круглый стол, и на нем — громадная корзина с фруктами; и в этой комнате не было ни души. Наконец, в последней комнате шла азартная игра: на столе лежали кучи кредитных билетов, сам Воронин держал банк, и было несколько человек гостей.

По праздникам В.С.Перлов любил устраивать у себя в доме, на 1-й Мещанской, завтраки, на которых присутствовали статские и военные. После завтрака кто-нибудь из гостей играл на фортепьяно или пел. В особенности отличался недурно игравший и певший племянник министра иностранных дел Гирс, о котором В.С.Перлов говорил, что"его дядя занимает пост министра, а он занимает деньги", намекая на привычку Гирса просить деньги взаймы. Гирс пел "Под душистою веткой сирени..." и другие романсы.

У В.С.Перлова было два брата. Иван Семенович, владелец образцовой фермы под Москвой, говорил лишь о бычках, курах, утках и других домашних животных. Толстопузый Николай Семенович напоминал барского кучера, постоянно рассказывал армянские анекдоты. Иван Семенович и Василий Семенович были холостые, а Николай Семенович женат на Марье Кузьминишне Гусачевой; он жил в одном доме с Василием Семеновичем, только в другой половине, и устраивал у себя обеды, на которые любил приглашать полицмейстеров, приставов и протодьяконов. Живя близ Сухаревской башни, Николай Семенович был всегдашним посетителем тамошнего воскресенского рынка, где покупал всевозможные вещи, старые и новые.

ДОПОЛНЕНИЕ К ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

Прежде чем получить потомственное почетное гражданство, мой отец был "портового города Ейска 1-й гильдии купец". Из

Ейска отец доставал себе свидетельство, обыкновенно на три года, в котором было напечатано, что он "уволен в разные города и селения Российской империи для собственных надобностей вперед на ..., то есть ..., а по прошествии срока явиться ему обратно; в противном случае поступлено с ним будет по законам".

У меня сохранилось три таких свидетельства: два — выданных из Ейской городской ратуши в 1854 и 1858 годах, и одно — выданное из Ейской городской думы в 1861 году.

Н.Х.Кетчер знал, что отец был ейским купцом, часто ему говорил: "Ну, ты, ейский!"

26 сентября 1856 года мой отец получил золотую медаль для ношения на Анненской ленте. В имеющейся у меня бумаге сказано: "Эйскому 1 гильдии купцу Ивану большому Васильеву Щукину. По засвидетельствованию моему о заслугах Ваших, Государь Император Всемилостивейше соизволил на пожалование Вам по случаю священного коронования золотую медаль для ношения на шее на Анненской ленте. О сей монаршей воле уведомляю вас, присовокупляя, что сказанная медаль будет доставлена к Вам впоследствии. Московский Военный Генерал-Губернатор, Генерал-Адъютант Граф Закревский".

Мой отец служил членом в Московском коммерческом суде и в 1868 году получил "за отлично усердную службу" в названном суде золотую медаль для ношения на шее на Владимирской ленте.

По этому случаю у меня имеется копия с бумаги московского губернатора Фон-Визина в Московский коммерческий суд следующего содержания: "Копия. 30 декабря. М.В.Д. Московского Губернатора. 17 декабря 1868 г. N 5500. Москва. В Московский Коммерческий Суд. Государь Император, по положению Комитета Г.г.Министров, в 8-й день минувшего ноября Всемилостивейше соизволил пожаловать, за отличную усердную службу, Членам Коммерческого Суда Московским 1-й гильдии купцам: Ивану Зологину, Ивану Щукину и Ивану Голубеву — золотые медали, для ношения на шее, на Владимирской ленте, а купцу Александру Алексееву — серебряную медаль, для ношения на шее, на Станиславской ленте.

О таковой Высочайшей воле, сообщенной в предложении Г.Московского Генерал Губернатора, от 15-го сего декабря за N 6461-м, имею честь уведомить Коммерческий Суд, с препровождением трех золотых и одной серебряной медалей, — для передачи по принадлежности, покорнейше прося распорядиться о взыскании с пожалованных лиц и внесении в здешнее Губернское Казначейство следующих в пользу увечных единовременных денег за золотые медали по сорока пяти рублей с каждого и сереб-

ряную — семь рублей пятьдесят копеек; с последующим же меня уведомить — о том, когда и за каким N будет выдана платежная квитанция в приеме денег в казначействе.

Подлинное подписал Московский Губернатор Фон Визин.

С подлинным верно. Секретарь Н.Кур...”

Обе отцовские медали с лентами у меня сохранились, и, как по всему видно, отец никогда их не носил: ленты совсем новые, нигде не потертые, без складок, и на медалях нет ни одной царапинки.

Служил также отец в учетном комитете Московской конторы Государственного банка.

Отец был одним из учредителей Московского Учетного банка (Московский Учетный банк был учрежден в 1870 году), Товарищества ситцевой мануфактуры Альберта Гюбнера и Трехгорного пивоваренного товарищества.

В 1856 году отец нанимал у Херодинова половину бельэтажа большого дома, при нем кухню, людскую, кладовую, погреб, сарай и конюшню на шесть стойл и еще одну комнату, находившуюся внизу флигеля, где жил сам Херодинов, — за 940 рублей в год. В 1858 году Херодинов сдал моему отцу внаймы этаж большого дома, за 250 рублей в год, причем в сохранившемся у меня условии сказано: “В означенной квартире Щукин желает соединить верх с низом, то есть сделать из нижнего в верхний этаж проход, то сие ему дозволяется, но только с тем, что по выезде Щукина из упомянутой квартиры он обязан тот проход беспрекословно заделать и привести в то состояние как ныне находится”.

Я очень хорошо помню, что из бельэтажа в нижний этаж была сделана деревянная винтовая лестница. Контору, прежде, находившуюся рядом с детской, перевели в нижний этаж, где поселился также наш бухгалтер Дмитрий Петрович Матвеев.

В бумагах отца я нашел черновик следующего прошения: “Его Сиятельству Г.Московскому Военному Генерал Губернатору Графу Арсению Андреевичу Закревскому Ейского первой гильдии купца Ивана Васильевича Щукина. Прошение. Жена моя Екатерина Петровна Щукина желает ехать за границу, в Германию, Швейцарию и Францию. А потому покорнейше прошу Ваше Сиятельство выдать жене моей паспорт. При сем имею честь представить вид свой, публикацию и свидетельство полиции о неимении препятствия к отъезду жены моей за границу. Москва апреля дня 1857. Щукин.

(В 1857 году моя мать ездила за границу вместе с моей теткой Марьей Петровной Боткиной, вышедшей замуж в августе того же года за А.А.Фета. Свадьба была в Париже; венчание происходило в русской посольской церкви. У жениха шафером был И.С.Тургенев, а у невесты ее братья: Василий, Николай и Дмитрий.)

В бумагах же отца нашел записи, писанные рукой матери, о рождении моих братьев, сестер и меня: “1850 года генваря 3-го родился сын Николай в 1 утра. Умер генваря 11-го 1851 года в 4 часа пополуночи.

Дочь Александра родилась 13-го февраля 1851 года в 1 ночи. Крещена в приходе Харитония в Огородниках.

Сын Николай родился 15 генваря 1852 года в 8 часов вечера. Крещен в приходе Харитония в Огородниках.

Сын Петр родился 18 февраля 1853 года в 12 часов утра. Крещен у Архидьякона Евпла на Мясницкой.

Сын Сергей родился 1854 года 27 июня в 1 ночи. Крещен в приходе Архидиякона Евпла на Мясницкой.

Сын Дмитрий родился 24 августа 1855 года в 2 часа ночи. Крещен в приходе Архидиякона Евпла на Мясницкой.

Дочь Надежда родилась 1858 года 27 июля. Крещена в приходе Архидиякона Евпла.

Дочь Антонина родилась 1862 года 25 апреля. Крещена в приходе Архидиякона Евпла на Мясницкой.

Дочь Ольга родилась 17-го октября 1863 года. Крещена в приходе Архидиякона Евпла на Мясницкой.

Сын Владимир родился 5-го ноября 1867 года. Крещен в приходе Успения на Покровке.

Сын Иван родился 23-го ноября 1869 года. Крещен в приходе Успения на Покровке”.

(Записи о рождении Владимира и Ивана сделаны рукой отца.)

Моя сестра Антонина послала П.В.Шумахеру яблочную пастилу, а он в ответ написал ей четверостишие:

Я стал бодрей смотреть в могилку,
Посолодел мой кислый дух:
Послали старцу вы пастилку —
Такую мягкую, как пух.

Анна Ефимовна Гучкова, дочь Ефима Федоровича, вышла замуж за Владимира Петровича Боткина в 1861 году. Отец ее умер 29 апреля 1859 г., на 55-м году своей жизни. Иван Федорович Гучков умер в апреле 1865 года, на 56-м году жизни.

По мысли Ефима Федоровича Гучкова, были основаны в Москве и Петербурге “Магазины русских изделий”, и Ефим Федорович, как основатель, был постоянным директором их.

Эти сведения о Гучковых, как и некоторые из предыдущих о них, взяты мною из редкой брошюры “Очерки торговой и общественной деятельности Мануфактур Советника, Почетного Гражданина и кавалера, бывшего Московского Городского Головы Е.Ф.Гучкова”, которую был так любезен прислать мне Московский городской голова Николай Иванович Гучков.

Приятели Н.Х.Кетчера в день его памяти, 12 октября, ежегодно собирались обедать в "Эрмитаже". Был и я на одном из этих обедов, получив от В.К.Вульферта следующее приглашение 10 октября 1890 года: "Глубокоуважаемый Петр Иванович, в пятницу, 12 октября, в день памяти Н.Х.Кетчера, мы, по обычаю, собираемся маленьким кружком в Эрмитаже, в 6 час. обедать. Надеюсь, что Вы не откажетесь быть с нами и помянуть доброе время и добрых людей за стаканом доброго вина. Ваш от души В.Вульферт. 10 окт."

На 27-й странице этой (3-ей) части "Воспоминаний" я говорил об отсутствии клозетов в Нижегородской ярмарке. В этом отношении в Москве, еще в недалеком прошлом, было не лучше. Вот что пишет Николай Петрович Вишняков в третьей части (стр.50) своих чрезвычайно интересных "Сведений о купеческом роде Вишняковых (с 1848—1854 г.)". (Это издание Н.П.Вишнякова напечатано лишь в количестве ста экземпляров, не предназначенных для продажи.)

"Отхожие места для взрослых мужчин были холодные, со стольчаками, часто в особых пристройках. Содержались они далеко не в образцовом порядке. Мне передавали трагикомический случай, что во время торжеств по случаю свадьбы Ивана Петровича сам новобрачный чуть не провалился в отхожем месте вследствие того, что под ним подломилась гнилая половая доска. Первый теплый ватерклозет с промывной водой был устроен уже в доме моей матери около 1860-го года. Это новшество удостоилось такого общего внимания, что его показывать водили гостей. Были, разумеется, между ними такие, которые находили это нововведение праздной и лишней затеей".

Когда я гащивал у Иостов в имении Боткиных Новотаволжанке, то не раз гулял в прекрасном парке с вековыми дубами, липами и другими деревьями соседнего имения графа Гендрикова Напрасное. Впоследствии имение это было продано Боткиным, и теперь парк вырублен до последнего дерева. Этой же печальной участи подвергся еще раньше вековой дубовой лес в имении Графском, находящемся недалеко от Новотаволжанки. В имении генерала Ребиндера Шебекине свеклосахарный завод в настоящее время так увеличен, что может считаться самым большим во всей России. В Шебекине же сделаны большие насаждения сосен в песчаных местах имения — до семисот десятин. Железнодорожная станция Веселая Лопань переименована в Долбино. В Бессоновке, в 80-х годах, служила в должности скотницы графиня Марья Александровна Девиер. Эта графиня приехала из села Дежевки Курской губернии, Тимского уезда, где ее родители были мелкие

землевладельцы. Графиня Девиер была еще молодая женщина и на вид совершенно простая крестьянка. Мне пришлось ее видеть в Бессоновке — она работала в маслобойне на сепараторе.

Михаил Михайлович Савостин был так любезен сообщить мне интересные сведения о покойных М.М.Зайцевском и Ю.В.Мерлине, которые целиком здесь привожу.

“Михаила Михайловича Зайцевского, — пишет мне М.М.Савостин, — я хорошо знал. Маленького роста, лысый, бритый, он был похож на Наполеона и сходством этим очень гордился. Карьера его началась службой при Большом театре, в качестве капельдинера при артистах. Как-то дирекция сделала аукцион старых костюмов и бутафорий; Зайцевский костюмы купил, вероятно, задаром, хорошо нажил, и это обстоятельство сделало его старьевщиком окончательно. Стал он ходить под Сухаревку; тогда было просто: бары посылали своих лакеев продавать вещи с рук. Как-то Зайцевский у Сухаревой увидал лакея, продающего редкие книги; купил их, узнал адрес владельца книг и приобрел очень дешево богатейшую библиотеку. Чудный человек попался Зайцевскому — жена Олимпиада Ивановна. Когда он женился, она была мастерицей; затем открыла собственное дело и была первой портнихой, шила на Закревских и всю тогдашнюю аристократию. Как любитель, Михаил Михайлович был оригинал и никому не показывал вещей. Даже жена и дети, из коих старший, Иван Михайлович, был присяжным поверенным, ничего не видали и познакомились с коллекцией после смерти Михаила Михайловича. Зайцевский, большой охотник играть в карты, как-то раз забыл дома ключи от флигеля, где хранились крупные вещи коллекции; он нарочно вернулся за ними в клуб. Во время коронации императора Александра III великие князья, иностранные принцы, наслышавшись о вещах Зайцевского, приезжали посмотреть их, но он нарочно с утра удирал куда-нибудь, чтобы ничего не показывать, и приезжающие для осмотра получали всегда от Олимпиады Ивановны ответ, что муж ушел утром и вернется домой ночью. Каждую неделю он объезжал по два раза торговцев и все рынки. Имел слабость, раз торгуя вещь, во что бы то ни стало ее купить. Все это знали и уже ни копейки не уступали, а некоторые следующий раз спрашивали больше. Зайцевский ругался, десяток раз возвращался, но намеченную вещь все-таки покупал. Раз я попросил его взять меня с собой при объезде рынков и торговцев. Это началось так: я зашел к нему; жил он в Хлебном переулке; от него мы взяли извозчика и поехали к Университету, к Горюнову, где купили икры. На Волхонке обошли всех часовщиков, посетили все мебельные лавки у Александровского сада;

в то время там попадались вещи. Затем поехали к Сухаревой, тоже обошли всех, елико возможно, закусили купленной икрой в трактире и поехали на Немецкий рынок, оттуда на Таганку, к Серпуховским и Калужским воротам и домой на Смоленский. Эти поездки он совершал почти каждый день. Коллекция была удивительная; было все: громадная библиотека — купил Готье; гравюры, в том числе английские, в красках, целыми папками. Миниатюрами были увешаны целые стены. Эмали — часть выхватил М.П.Боткин, часть — Д.А.Постников; теперь эти вещи Постниковские находятся в Музее Императора Александра III — проданы мною. Мебель, бронза, фарфор — русский и иностранный. Ковши и серебро куплены князем Л.С.Голицыным, Веригиным и Четвертинским. Только при теперешнем понятии можно оценить это сокровище. Вероятно, в Вашей коллекции есть много вещей от М.М. Лучшие же, как Боккаччио, ушли за границу. Дети ничего не знали и продавали лучшие майолики Гамбургерам по 15 р. Чтобы иметь деньги на покупку, Зайцевский потихоньку продавал иностранцам — Вертгеймеру, Давису и др. О Зайцевском расскажу следующий случай, похожий на анекдот. Все знали страсть Зайцевского во что бы то ни стало достать вещь, которая ему нравилась; страсть эту торговцы эксплуатировали, а любители любили дразнить какой-нибудь редкостью, зная, что подобной у Мих. Мих. нет. И.И.Горнунг дал Бакастову какие-то редкие две копейки Варшавского монетного двора и сказал: “Увидишь завтра Мишку, покажи монету и подразни его”. Бакастов встретил Зайцевского у Сухаревой на торгу и говорит: “Посмотри, М.М., какую вещь я нашел”. — “А, где взял? Продай!” — “Да разбирал я сегодня выручку на черной половине трактира и нашел монету в кассе”. Как Зайцевский ни приставал, чтобы продать ему монету, как ни ругался, говоря, что и нога его никогда в трактире не будет, но монету продать Бакастов не мог и вечером возвратил владельцу. В понедельник опять все собрались в трактире, смеялись над Зайцевским, который до самого вечера клянчил монету. Часов в одиннадцать появился Зайцевский и, наскоро поздоровавшись, прямо обратился к Бакастову: “Покажи монету!” Бакастов полез в кошелек, сделал испуганное лицо и сказал: “Ах, какая досада, проходил я сегодня мимо Сретенского монастыря, да, должно по ошибке, монету опустил в кружку”. — “Ну, прощай, — сказал Зайцевский, — мне некогда”. Прошел час, компания все еще сидела; как вдруг появляется Зайцевский, и ругаясь, налетает на Бакастова: “Что же ты врешь! Я сейчас был в монастыре, дал монаху три рубля, отпечатали кружку, но никакой монеты там нет”. Надо было слышать этот хохот,

10 Зак. 380

который поднялся, видеть всю суету и комическую фигуру Зайцевского, с руками, унизанными кольцами с камеями, и с такой же громадной булавкой. Зайцевский убежал, год не ходил к Бакастову, а потом, конечно, помирился.

Юрий Всеволодович Мерлин служил чиновником особых поручений при князе В.А.Долгорукове, в чине камергера, и пользовался большим влиянием. Думаю, что он давал деньги В.А. Только этим я могу объяснить его разорение. Покупал Мерлин много, преимущественно картины, которых у него было 400 шт.; было много у него разных камней, эмалей и т.п. Ковш Салтанова, купленный Гейне, шел из коллекции Мерлина. У него был кум, художник и реставратор картин, Федор Яковлевич Борзенко. (Ф.Я.Борзенко я тоже знавал и покупал у него гравюры. Он жил на Лубянской площади. — *П.Щ.*) Для того чтобы продать что-нибудь Мерлину, надо было заплатить 10% Борзенко. Покупал Мерлин только на книжку и исправно платил 6% за долг, но деньги (самый капитал) получались с трудом; их у него всегда был недостаток. Красавец собой и атлетического сложения, притом же колоссальной фигуры, он был обижен природой: не был настоящим мужчиной. Коллекция его в то время стоила 315000 р.; он сам мне показывал опись и цены. Затем он ее заложил Королеву, и там она пропала. Остатки ее попали Мараевой. Умер он где-то в Петербурге и, живя бедно, в номерах. Лакей и его жена лет двадцать служили ему верой и правдой, без жалования; денег у него никогда не было. Все время он им говорил, что он их осчастливит, и дал им конверт, строго наказав не вскрывать до его смерти и беречь как зеницу ока, обещая, что при соблюдении этих условий они будут счастливы. Представьте же себе положение бедняков, когда они нашли в конверте что-то вроде старой газеты. У них я купил грамоту Петра, данную какому-то полку, и грамоту трех патриархов, в том числе и Гермогена. Вещи эти находятся у Вас".

Талантливый литератор Михаил Осипович Гершензон по прочтении 3-й части моих "Воспоминаний", между прочим, написал мне следующее: "Шулим Перльмутер и его прикащик Рейтиг в Кишиневе — Господи, да я их вижу! Я родился и все детство провел в Кишиневе; бывало мать приведет меня в лавку набирать сукна на мундир (я был гимназистом), а она была у них почетной покупательницей; Рейтиг любезно хлопочет — и меня знает с пеленок, подойдет и сам Перльм, снисходительно расспросит меня об успехах в учении и похвалит. Я думаю, оба уже умерли. (Шулим Перльмутер умер, а бывший его доверенный Рейтиг жив и бывает в Москве. — *П.Щ.*) И еще другие: Риццони, сухощавого и сухого, я знал в Риме, обедал с ним в трактире, и после обеда он

на крылечке насвистывал как-то сиротливо и грустно. В Дергайкове я гостил у Вас.Маклакова, Митр. Павл.Щепкин был мне близок как родной и т.д."

От жизнерадостного и милого Владимира Алексеевича Гиляровского[48] получил я стихи, которые дают верную характеристику упомянутых в моих "Воспоминаниях" лиц, коих также знавал В.А.Гиляровский:

Я жизнь как будто повторил,
Когда прочел записки эти,
И лишь сейчас сообразил,
Как много пожил я на свете!
И вот теперь передо мной
Прошли друзья мои былые,
Знакомых позабытый рой
И собутыльники лихие!
Иван Иванович Красовский
Как ярко лысина блестит!...
Штанина с напуском — Тарновский,
Козьма Терентьич — важен вид!
Шумахер — вечно бесприютен...
Веселый Щепкин Митрофан
И Павел Павлович Малютин
Не раскрывающий карман...
Андрей Титов с его музеем
Чужое жадно пьет вино,
Чижов — потеет шампонеем,
В квартире Кетчера — темно.
Вот Николай Семеныч с пузом
У Барбатенки жадно ест,
Удивлены огромным грузом,
Сидят приятели окрест.
Вот Пров Садовский... Живокини...
Самарин, Ленский, Горбунов,
Куда ни глянь, — не сыщешь ныне
Таких титанов и орлов!
Вот Каншин с черною повязкой,
Козлов, Бискупский генерал...
Не перечесть... Но чудной сказкой
Мне каждый новый лист дышал...
Я знал одних, дружил с другими,
Былое вспомнить снова рад —
Воспоминаньями такими
Сердца усталые горят.
Я прочитал — и полн желаний,
Опять кипит избыток сил —
Ваш чудный рой воспоминаний
Мою мне юность повторил!

В недавно изданном Великим Князем Николаем Михайловичем первом томе "Петербургского Некрополя" я нашел, что тет-

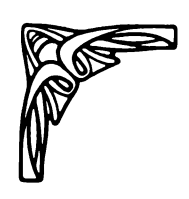
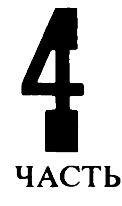
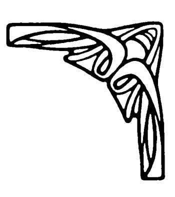
ка Александра Петровна Визигина умерла 7 марта 1892 года и похоронена на кладбище Новодевичьего монастыря, рядом с мужем, Н.М.Визигиным. На том же кладбище похоронен и дядя Сергей Петрович Боткин, скончавшийся в Ментоне 12 декабря 1889 года. Ростислав Николаевич Гришин похоронен на Смоленском православном кладбище. На памятнике написано, что он родился 13 марта 1831 года, а умер 12 ноября 1887 г.

От А.Мельгунова, из Лозанны, получил я письмо от 2/15 мая 1912 г., в котором он, между прочим, пишет о товарище прокурора Московского окружного суда графе Баранове: "Граф Баранов назывался Алексей Павлович, а не Михаил, мы с ним много дружили и ежедневно почти восседали в министерской ложе Московских Имп. Театров, по праву, дарованному матушке покойного графа. В последний раз мы были с ним, в той же ложе Большого театра, в воскресенье, рокового 1-го марта, смотрели балет "Конек-Горбунок" и видели, как в конце представления, *vis-à-vis*, в генерал-губернаторскую ложу, из первого ряда кресел партера, А.А.Козлов быстро направился к сидевшему там кн. В.А.Долгорукову, с депешею о кончине императора А.П. Нас чрезвычайно удивило столь позднее получение в Москве известия об этом. Тотчас же было сделано распоряжение о закрытии ресторанов, но мы уже успели поужинать в Татарском ресторане, в Петровских линиях, где, рядом с роковым известием, Баранов предсказал нам, что со сменою мин. двора гр.Адлерберга, он лишится привилегии на ложу. Так и вышло. Балерина Вергина — побочная дочь генер.-адъютанта Веригина".

М.О.Вивьен жил на Цветном бульваре, в доме Внукова. Брата Михаила Осиповича, архитектора, звали Вильгельмом, а другого брата, пианиста, — Эдуардом. Михаил Осипович поднес кому-то в подарок фарфоровую чашку, сказав: "*Je vous présente cette tasse, pourvu qu'elle ne casse*"[49].

После долгого промежутка времени, 3-го июня 1912 года, посетил я опять солдатенковское Кунцево и увидел, что многое там изменилось, и, к сожалению, должен сказать — к худшему. Видно, что нет настоящего хозяина. Парк содержится неопрятно: дорожки не расчищены, не подметены, аллеи так разрослись, что, того и гляди, каким-нибудь сучком выколешь себе глаза. Не так было при Козьме Терентьевиче Солдатенкове. Прежняя каменная Кунцевская церковь уже не существует; на ее месте возводится новая каменная, небольших размеров, вследствие чего въезд в парк завален строительными материалами и мусором. Дача, где мы жили, осталась по наружному виду без заметных изменений. Главный дом с бельведером стоит с заколоченными окнами и

дверями. В запущенном при доме саде сохранилась еще каменная баба с "Проклятого места". Колонна, увенчаная шифром императрицы Екатерины II, в лесах, так как реставрируется. Обе белые каменные дачи по бокам главного дома не изменились: одна из них, которая ближе к оранжереям, занята дачниками, а другая покуда пустует и ее ремонтируют. Оранжереи, по-видимому, в порядке. Деревянный "Чертов мост", перекинутый через овраг, в котором проложена дорога, ведущая к Москве-реке, — все еще существует. На Москве-реке что-то не видать купален, коих в прежнее время было несколько; теперь открыто раздеваются и купаются. Лес по берегу реки стал походить на девственный: так сильно все заросло. (Лип, дубов, сосен, берез и других деревьев гигантских размеров в Кунцеве еще множество.) Старинная, белого мрамора, прекрасная группа, изображающая "Похищение Прозерпины Плутоном" и подаренная Екатериной II Нарышкину, варварски изуродована: фигуры Плутона и Прозерпины сильно попорчены во многих местах, ноги Прозерпины отбиты, также отбиты некоторые барельефные части на белом мраморном пьедестале. (Эта группа находится на берегу Москвы-реки перед горой, на которой возвышается главный дом с бельведером.) Как жаль, что этот художественный и исторический памятник брошен на произвол судьбы! Находящаяся при спуске к Москве-реке белая каменная часовенка, с колодцем родниковой воды внутри, поддерживается: снаружи часовенки, на стене, висят несколько икон, и внутри, над колодцем, тоже иконы, перед коими теплются две лампадки. Беседка, находящаяся на горе, при спуске к часовенке, почему-то уничтожена. Пруд, у которого мы пускали в детстве фейерверки, все в том же виде. Боткинская дача все такая же, как я ее помню при жизни Дмитрия Петровича Боткина; она занята и содержится хорошо: главная терраса дачи убрана цветущими гортензиями и в саду много цветов. В бывшее солодовниковское Кунцево, а ныне принадлежащее Е.И.Смирновой, посторонних не пускают: ворота, ведущие туда, закрыты на замок. В былое время в Кунцеве часто можно было видеть художников, писавших с натуры масляными или водяными красками пейзажи. Не знаю, как теперь, но роскошная природа должна бы привлекать в Кунцево пейзажистов. За последние годы образовалось поблизости от Кунцева много дачных поселков; между прочим, по обе стороны шоссе, идущего от полотна Брестской железной дороги к деревне Мазилово, настроены дачки. Мазиловский пруд, в котором мы, дети, ловили корзинкой карасей, заметно уменьшился.

ЧАСТЬ

Отец мой весной и осенью ездил за границу. В этих поездках его сопровождали: я или брат г-жи Гюбнер Карл Карлович Аллан, а впоследствии мои сестры Надежда или Антонина, или брат Дмитрий. (Мой отец называл Аллана просто Карлом и говорил ему "ты", а за глаза звал его "пауком". Будучи косым, Аллан плохо видел, и когда наливал себе в стакан вино или воду (чаще первое), то лил всегда мимо.) Сборы отца в заграничное путешествие начинались приготовлением дорожной корзины с провизией. Повар Егор приносил в столовую блюда с окороком ветчины, ногой телятины, бычьим языком, рябчиками, цыплятами, солониной и т.д. Отец сам нарезывал куски, делал бутерброды и укладывал в корзину. Эта корзина была настолько велика, что в нее входило еще несколько бутылок красного вина и воды "*S-t Galmier*", бутылка вермута, банка с паюсной икрой, банка с вареньем, банка с черносливом, приборы и салфетки. За границей случалось, что из-за больших размеров корзины нас не пускали в вагон, и происходили препирательства с начальниками станций; но в конце концов все улаживалось. Бывало также, что на заграничных железных дорогах мы садились не в тот поезд или забывали свой багаж на пограничной таможне. Раз как-то мы ехали из Парижа в Лейпциг и ночью принуждены были выйти в Касселе, потому что поезд далее не шел, и только поутру мы могли продолжить путь; оказалось, что в Париже сели не в тот поезд, вследствие чего в Кассельском вокзале пришлось лечь спать на скамейках. Наш багаж иногда оставался на какой-нибудь пограничной таможне потому, что мы позабывали присутствовать при осмотре. Отец прекрасно считал, и кельнера, которые имеют обыкновение обсчитывать иностранцев, всегда им уличались. Так, в

Кенигсбергском вокзале один кельнер при сдаче денег хотел было его обсчитать; отец так раскричался, называя кельнера "шпицбуб", что хозяин буфета едва мог успокоить. В другой раз в Триенте, в гостинице, за "табль д'отом" присутствовало много австрийских офицеров местного гарнизона; при обношении блюда с волованом вышло так, что нам последним подали это блюдо, и, как нарочно, вся начинка волована оказалась уже разобранной; отец поднял при всех такой шум, что хозяин гостиницы стал его успокаивать; и так как дело было перед самым нашим отъездом на лошадях в Риву (на Гардское озеро), то хозяин, чтобы смягчить отца, дал нам в дорогу запас провизии. Беда, бывало, если где плохо или недостаточно кормили; даже дома, если экономка подавала чего-нибудь в малом количестве, отец выходил из себя и кричал: "Точно украла, что так мало подаешь".

Отец, живя подолгу в Париже, сам ходил в склад покупать минеральную воду "*S-t Galmier*", которую постоянно пил, и сам относил обратно пустые бутылки. (Воду "*S-t Galmier*" отец выписывал для себя в Москву ящиками.) Опасаясь, что в гостинице его письма не будут отправлены, отец сам носил их в почтовое отделение. Прежде чем идти обедать за "табль д'отом" в "*Grand Hôtel*" или в "*Hôtel Continental*", или в "*Hôtel du Louvre*", отец предварительно заходил в каждую из них и заставлял метрдотеля читать себе обеденное меню, и какой состав блюд приходился отцу более по вкусу — в ту гостиницу и шли обедать. Иногда обедали мы в "*Diner de Paris*", в пассаже "*Jouffroy*", где за пять франков давали обед с бутылкой обыкновенного или бутылкой лучшего вина.

Мы останавливались в Париже прежде в "*Hôtel de Bavière*", потом в "*Hôtel Rougemont*", затем в "*Hôtel de Bade*" и, наконец, в "*Hôtel des deux mondes*". О гостинице "*de Bavière*" я уже говорил. "*Hôtel Rougemont*", находившаяся в улице того же имени, принадлежала к числу миниатюрных парижских гостиниц, ибо в ней было всего несколько номеров. В нижнем этаже гостиницы помещался ресторан "*Rougemont*", того же хозяина, г-на Леви, где кормили очень хорошо. В "*Hôtel de Bade*", на Итальянском бульваре, как впоследствии и в "*Hôtel des deux mondes*" в *avenue de l'Opéra*, мы обедали изредка, потому что в этих гостиницах кормили посредственно. Но все же отец считал нужным иногда обедать в тех гостиницах, где мы жили. В "*Hôtel de Bade*" за "табль д'отом" отцу подавали всегда компот из чернослива, который он себе заказывал. Раз какой-то англичанин, сидевший за столом с отцом, увидя стоящую перед отцом компотницу с черносливом, не говоря ни слова, к удивлению отца, подвинул ее к себе и наложил в свою тарелку изрядную порцию.

В нашу бытность в Париже стали прокладывать улицу *avenue de l'Opéra*, строить на ней дома, и при нас открылась "*Hôtel des deux mondes*". Однажды в этой гостинице со мной произошел следующий случай. Возвратясь поздно ночью в гостиницу, я взял у дежурного консьержа подсвечник с зажженной свечой, так как все огни были уже потушены. Когда я поднялся по лестнице в верхний этаж, где жил, свеча от дуновения ветра погасла, и я очутился впотьмах. Как некурящий, я не имею обыкновения носить при себе спички, вследствие чего принужден был в лабиринте коридоров ощупью более часа искать обратного пути к консьержу, чтобы снова не только зажечь свечу, но и запастись спичками.

В Париже ходили мы завтракать в разные рестораны: к *Magny (rue Mazet)*, славившемуся в особенности бургонскими винами (ресторан *Magny* более не существует); к *Maire*'у (бульвар *S-t Denis*), где специальностями были следующие кушанья: *canard sous presse* (утка под соусом), *pomme bonne femme* (яблоко, печеное в сливочном масле), персики и груши *à la Condé* (с рисом) и красное вино из собственного виноградника *Charbonnier*, а также отличные французские белые вина. (*Canard sous presse* — жареная руанская утка подается на металлическом блюде, нагреваемом спиртовою лампочкой; и приносится серебряный пресс с краном. Все мягкие части утки срезаются, так что остается почти один скелет; мягкие куски кладутся на горячее металлическое блюдо, а скелет кладут в пресс, который сильно завинчивают, отчего дробятся все косточки, выжимается весь сок из них, и образуется вкусный густой соус, которым из крана пресса поливают срезанные мягкие куски утки.)

Особенно часто завтракали мы в ресторане "*Nöel-Peters*", в пассаже *des Princes*. Напротив этого ресторана, в том же пассаже, уже много лет видишь, как рабочие в холстинных блузах выделывают на токарных станках трубки для курения из морской пенки. Иногда завтракали мы также в самом большом "Бульоне" Даваля, что в улице *Montesquieu*. Каждую пятницу почти во всех парижских ресторанах давали *bouillabaisse*, до которого отец да и я были охотники.

В Париже каждый вечер я куда-нибудь ходил: то в театр, то в кафе-шантан, то в цирк; отец же возвращался после обеда в гостиницу и ложился рано спать. В театре "*Palais-Royal*" играли тогда замечательные комики и прехорошенькие актрисы. В театре "*Bouffes-Parisiens*" подвизались две очаровательные актрисы: брюнетка Жюдик и блондинка Тео. Жюдик отличалась в особенности в оперетке "*La timbale d'argent*" ("Серебряные литавры". — *Н.Г.*), в которой играла тирольку, а Тио — в оперетке "*Geneviève de Brabant*" ("Женевец из Брабанта". — *Н.Г.*). Мужской костюм во-

обще плохо идет к женщинам; но относительно Тео нельзя было этого сказать в "*Geneviève de Brabant*", где она в рыцарских доспехах была обворожительна. (Оперетка появилась в первый раз в Париже во время революции 1848 года, в театре "*Folirs Nouvelles*", который основал *Hervè* на месте теперешнего театра "*Dejazet*".) Одновременно с "*Geneviève de Brabant*", в каком-то другом парижском театре давали пьесу "*Geneviève de Brébant*". ("*Brébant*" на монмартровском бульваре был в то время одним из первых ресторанов в Париже.) В театре "*Vaudeville*" смотрел я "*La dame aux camélias*" ("Дама с камелиями". — *Н.Г.*) с Талландиерой (*Tallandiera*). Лучшей исполнительницы роли Маргариты Готье я никогда не видел. По смерти этой талантливой актрисы мне случилось быть в "*Hôtel Drouot*" на выставке ее вещей, предназначенных для аукционной продажи. В театре "*Gymnase*" я любовался игрой блондинки креолки *Blanche Pierson*, а в "*Comédie Française*" — Софьей *Croizette*, родившейся в Петербурге, где ее мать была танцовщицей на императорской сцене. Сарру Бернар я смотрел в пьесе Пароди "*Rome vincue*". Актрису Аумée видел в роли булочницы в оперетке "*La boulangère a des écus*" ("Булочница при деньгах". — *Н.Г.*). Как и подобает опереточной булочнице, г-жа *Aymée* являлась на сцену в белом кружевном с лентами коротком платье, с кружевным фонтажем на голове, в бриллиантах и жемчугах. (В начале 70-х годов мне удалось увидеть на сцене престарелую *Virginie Déjazet* (1797—1875), воспетую Беранже, в пользу которой давали спектакль уже не помню в каком из парижских театров.) В "*Opéra Comique*" я был за несколько дней до ужасного пожара, унесшего столько жертв. В заключение скажу о парижских театрах, что из множества виденных мною пьес редкая обходилась без того, чтобы в ней не пили и не ели. Помню, что в пьесе, взятой из романа Эмиля Золя "*L'Assommoir*" ("Западня". — *Н.Г.*), подавали баранье жиго, от которого запах распространялся по всему театру. (Кстати сказать, Эмиль Золя много пользовался для своего романа "*L'Assommoir*" замечательной книгой "*Le Sublime ou le travailleur comme il est en 1870 et ce qu'il peut être par D.P. (Denis Poulot*)[1], изданной в 1870 году.) Вообще, если, например, подавали на сцене жареную курицу, то курица была настоящая, а не картонная; если давали шампанское, то шампанское было тоже настоящее, а не какой-нибудь лимонад. Заглядывал я также в бальные заведения. В одном из них подвизались: танцор с прозвищем "*Cerf-volant*" ("Жук-рогач". — *Н.Г.*) и танцовщица с прозвищем "*Grille d'égout*" ("Сточная решетка". — *Н.Г.*). Об одной тогдашней плясунье так писали в журнале "*Vie parisienne*": *"Danse le quadrille comme personne, avec des aperçus de dessous merveilleux:*

bas orange, jarretieres cerise, pantalon de crêpe de chine noir"[2]. Однажды москвича Ивана Михайловича Ушакова, бывшего первый раз в Париже, повел я показать бал Валантино (в улице *Saint-Honoré*). Едва успели мы войти в большую и высокую залу, как неожиданно подбежала к нам какая-то танцовщица и в один миг ловким взмахом своей ноги подбросила шляпу-цилиндр с головы Ушакова до самого потолка, так что Ушаков от удивления разинул рот.

В моей памяти сохранились: старинная кофейня "*Café des Pierrots*", в *avenue Victoria*, все стены которой были увешаны масляными картинами, изображавшими различные сцены из жизни Пьерро, от рождения до смерти; известный кабачок "*Mère Moreau*", на набережной Сены, где продавали разные фрукты, настоянные на водке; и пряничная ярмарка на *Place du Trône* (теперь *Place de la Nation*), где продавали между прочим пряничную женскую фигуру, которую называли Верой Засулич[3]. Впоследствии эту весеннюю ярмарку перещеголяла другая, летняя, в *Neuilly*. Бесконечно длинная *avenue de Neuilly*, с ярмарочными бараками по обеим сторонам, была залита огнями; толкотня, гам, музыка, свист, хохот, стрельба в тирах; кокотки в бальных туалетах кружились на каруселях, сидя в непристойных позах на лошадках, слонах, свиньях, сатирах, или летели с криком и визгом на тележках с "русских гор".

Уезжая из Парижа, отец брал с собой в дорогу опять свою корзину с разной провизией и, кроме того, заказывал у одного из *rôtisseur*'ов, которые жарят на вертеле разную живность, большую курицу.

В Париже ходили мы в гости к Леонтию Викторовичу Варанго, который любил хорошо покушать и был мастер разрезывать мясо и живность. Жил он с женой и маленькими сыновьями не помню на какой улице. Отец Леонтия Викторовича, скупой старик Виктор Иванович, живший постоянно в *Chantilly*, всегда приезжал в Париж, когда мой отец бывал там. Отец Варанго, с немного искривленным от паралича лицом, обладал еще лучшим, чем его сын, аппетитом. Леонтий Викторович приходил в свой клуб ("*Cercle de Commerce*", на бульваре *Poissonnière*) нарочно первым к завтраку, говоря, что иначе съедят "лучшие кусочки". После завтрака он играл в клубе в домино, потом отправлялся гулять и к вечеру заходил на короткое время в свою комиссионерскую контору, в улице *d'Enghien*, 12. (В этот клуб ходили также и мой отец и я. Бывали мы с отцом еще в другом клубе "*Cercle de la Presse*", на Итальянском бульваре, где нас принимали членами на время нашего пребывания в Париже. "*Cercle de la Presse*" напоминал отчасти игорный дом, ибо в нем имелась отдельная комната, в которой постоянно шла большая игра в "баккара" (кар-

точная азартная игра. — *Н.Г.*)). При случае Леонтий Викторович был не прочь похвастаться или даже солгать. Раз пришел он к моему отцу утром в гостиницу и, как бы утомленный, опустился на диван. На вопрос отца, что с ним, Варанго сказал, что утром он продал кому-то товару на двести тысяч франков и очень устал. Отец, конечно, не поверил столь значительной продаже в одно утро, отлично зная дела Леонтия Викторовича и его привычку хвастаться. По смерти моего отца дела Л.В.Варанго совсем расстроились, и он остался нам должен.

(Когда мы жили еще в Милютинском переулке, помню, мой отец ходил покупать для Виктора Ивановича Варанго разные русские вещи и брал меня с собой. На Сретенке, в лавке татарина Макаева, торговавшего шалями, тармаламой и разными старыми вещами, отец купил для Варанго две бронзовые небольшие модели царь-колокола и царь-пушки; на Кузнецком мосту, у Дациаро, купил для него коллекцию прекрасно исполненных и раскрашенных литографий, изображавших русские войска времени императора Николая I; были куплены для Варанго и русские лубочные картинки: "Как мыши кота погребают", "Гусар, на саблю опирясь, в глубокой горести стоял", "Куда ты, ангел мой, стремишься на тот погибельный Кавказ" и другие. В благодарность за подаренное моим отцом собрание русских вещей В.И.Варанго прислал из Парижа отцу несколько деревянных коробочек собственной работы, сделанных на токарном станке.)

Впоследствии стали мы также бывать у богатого армянина Николая Егоровича Питоева, снимавшего квартиру на бульваре *Malesherbes*. Питоев со своим братом был участником в крупных рыбных промыслах на устье Куры (Божий промысел), но жил не на Кавказе, а в Париже, вместе с женой. Питоевы были люди очень радушные и милые. У меня сохранилось письмо Н.Е.Питоева (теперь уже умершего), от 15/3 декабря 1890 года, из Парижа, в котором он, между прочим, пишет мне: "На днях должна получиться в Москве по почте на имя покойного Ивана Васильевича паюсная мешочная икра с наших промыслов, покорнейше прошу принять и кушать на здоровье".

У отца в Париже был еще приятель Савва Григорьевич Овденко, служивший в комиссионерском доме *Trilha et Arbry*, в улице *du Sentier*. С.Г.Овденко, пожилых лет, был женат на француженке, тоже немолодой, но веселого нрава, которую звали мадам Анаис. Жили Овденко прежде на улице Лаваль, а потом в авеню Фрошо, где занимали очень маленькую квартиру. Одно лето они провели в Марли, откуда привезли старинный фламандский гобелен и кое-какую мебель, принадлежавшую будто бы мадам

Дюбарри. Этим гобеленом была обита в авеню Фрошо их маленькая столовая в одно окно, настолько маленькая, что блюдо нельзя было обнести вокруг стола. Жила чета Овденко весьма скромно, имея одну прислугу, старушку кухарку Франсуазу, и не позволяя себе никаких излишеств. Все, что оставалось в дорожной корзине отца из провизии: язык, икра, варенье и т.д. — отдавалось Овденкам, с благодарностью ими принималось и с аппетитом съедалось. У Овденки встречали мы: старичка художника, нормандца Бальмо, написавшего пастелью совсем непохожий портрет моей сестры Антонины; старика Смирнова, торговавшего в Париже картинами, и притом картинами исключительно пейзажиста Ионкина; Сергея Михайловича Третьякова, архитектора Адольфа Эрнестовича Эрихсона и еще некоторых знакомых русских, приезжавших в Париж.

Заходил в Париже к моему отцу его приятель, врач светлейшей княгини Юрьевской — Алексей Андреевич Любимов.

Однажды встретились мы в Париже с дядей Сергеем Петровичем Боткиным и с ним, на бульваре *des Capucines*, в "*Salle des Capucines*", слушали фонограф, тогда только что появившийся.

На скачки Лоншан я ездил обыкновенно в дилижансе, за пять франков туда и обратно. Там же видел известную *lady Blackword*, приезжавшую в Россию и написавшую книгу "*Le roman d'une américan en Russie*" ("Американец в России" - *Н.Г.*), наделавшую в свое время довольно шума.

Познакомился я в Париже с художником *Miralles*'ом, мастерская которого находилась на бульваре Клиши. Мираллес был родом испанец и писал очень хорошо; единственный недостаток его живописи состоял в том, что человеческие фигуры выходили у него большею частью слишком длинными. Мираллес написал для меня несколько масляных картин.

По воскресеньям ходили мы с отцом в русскую церковь, в рю Дарю. За богослужением обыкновенно присутствовали: наш посол князь Орлов с черной повязкой на левом глазу, художник-маринист А.П.Боголюбов и красивая госпожа Бенардаки. Из церкви мы шли завтракать в Елисейские поля, в ресторан "*Ledoyen*".

Раз осенью отправились мы с отцом в *Sceaux*, в садоводство Тибо-Кетлера, где, по поручению моей матери, купили партию кустов камелий и где Кетлер угощал нас превосходным виноградом. Виноградная лоза росла по ограде сада, и каждая гроздь заключена в мешочек из прозрачной материи.

У моего отца печень была не в порядке, и потому врачи посылали его на воды: поначалу в Карлсбад, а затем в Виши. (От болезни глаз отец лечился в Париже у Панаса (*Panas*), жившего в

улице *du Général Foy*, а в Москве — у Алексея Николаевича Маклакова, жившего на Тверской, в глазной больнице.)

В Карлсбаде жили мы на частной квартире, а завтракать и обедать ходили в ресторан Пупа, где кормили *kurgemäss* и где часто подавали форели и мучные пирожные, скоро приедавшиеся. С отцом я много ходил пешком по окрестностям Карлсбада. Пользовал отца карлсбадский врач Шне, недурно говоривший по-русски и, как врач, бывший не хуже и не лучше других водяных врачей.

В Виши ездили мы из Парижа. Еще за несколько станций до Виши в наш поезд садились выезжавшие навстречу комиссионеры и заговаривали с пассажирами, которым назойливо предлагали каждый свою гостиницу. В Виши мы останавливались сперва в гостинице "*Bonnet*", а когда она закрылась, стали останавливаться в "*Hôtel des Ambassadeurs*". Отец пил воду из источника *Hôpital*, для чего вставал раньше всех и по обыкновению шумел, находя, что вода для умывания недостаточно холодная. (Отец любил умываться ледяной водой.) За лечением отца следил врач *Souligoux*, живший на своей вилле "*Thérapia*". В Виши приезжали иногда больные, имевшие совершенно желтый цвет лица, но по мере того как они пили воды, эта желтизна бледнела. Как у госпожи *Bonnet*, так и в "*Hôtel des Ambassadeurs*" кормили хорошо и часто давали морковь-каротель, жаренную в сливочном масле (*carottes de Vichy*). Между тем как в Карлсбаде пьющим воды строго запрещалось есть свежие фрукты и сырые овощи, в Виши беспрепятственно ели землянику, персики, салат и т.д. В Виши мы с отцом много гуляли по прекрасному парку, где цвели белые акации, наполняя воздух своим ароматом, а также гуляли по берегу реки *Allier*, которая в жаркое время частью высыхала. В гостинице "*Bonnet*" мы познакомились с премилыми старичками, датчанами, мужем и женой *Bodenhoff*. Муж был камергером, гофмейстером и старшим лесничим при датском дворе. Боденгофы жили обыкновенно в Дании, в Эгелунде, близ Фредансборга, и между мной и старушкой Боденгоф потом завязалась переписка. Между прочим, она прислала мне масляную картину собственной работы и при этом написала 17 декабря 1887 года следующее: *"Endeich habe ich das kleine Gemälde fertig, dass Ihnen einen freundlichen Gruss bringt von Seeland in Dänemark-Die Gegend um Fredensburg-dessen Park im Hintergrund an der Esrum-See — Das Schloss nur angedeutet, ligt da ganz zur rechten Hand. Der Kaiser von Russl. u Pr. Waldemar fischen in dem kleinen Fahrzeug! Nein Mann hatte viel zu thun, u. viel Glück mit den Jagden (Treibjagd.) Der Kaiser hat viel Wield geschossen, mehrmals gesagt: "C'était une chasse magnifique" — jedesmal bei der Tafel ein Glas mit Bodenhoff getrunchen u. ihm d. St. Anna um den Hals geschenkt. Wir*

waren noch alla da zum Abschied u. jetzt ist's hier wieder still — u. ruhig!"[4]

Из Виши ездил я один в Тьер, старинный городок, жители которого занимаются производством ножей, бритв, ножниц и других стальных вещей. Также съездил я один в *Clermont-Ferrand* и в двух километрах находящийся от него *Royat*.

Осенью отец любил ездить в Биарриц; один раз был и я с ним там. В Биаррице отец снимал квартиру в старом порте и нанимал кухарку. Часто он ходил сам на рынок и выбирал сам провизию. Одной рыночной торговке отец шутя обещал подарить кашемировую шаль, поэтому рыночные торговки прозвали отца "*monsieur Cachemire*", и стоило ему показаться на рынке, как горластые торговки начинали кричать:"*Monsieur Cachemire, monsieur Cachemire!*" Помню, раз на террасе нашей квартиры был накрыт стол, и на блюде лежал кусок ростбифа; вдруг, откуда ни возьмись, вбежала на террасу большая собака, схватила ростбиф и была такова. Помню еще, что близ нашей квартиры находилась небольшая площадь с колодцем, куда приходили женщины за водой, и что в саду, отделенном от этой площади оградой, сидел попугай, который пел: "*Au clair de la lune, mon ami Pierrot*" ("О, лунный свет, мой друг Пьерро" — *Н.Г.*) и т.д. В Биаррице ели мы отличных лангустов и лесную продолговатую землянику. Сопровождал я также отца в Ниццу и Италию. Это было осенью. Из Ниццы сделал я экскурсию в *Cannes и Grasse*. Вокруг последнего города разводят много жасмина, который в это время цвел, отчего по всему городу распространялось благоухание. *Grasse* — родина Оноре Фрагонара (Фрагонар родился в Грассе 5 апреля 1732 года), и у одного тамошнего жителя, *Malvillan*, видел я четыре больших прекрасных панно этого художника, писанных масляными красками, по заказу Мадам Дюбарри, для ее замка в *Louveciennes*; но они ей не понравились, и она от них отказалась. Эти четыре панно были следующими: "*L'escalade*", "*La poursuite*", "*Les confidences*" и "*Le couronnement*". Они были привезены Фрагонаром в *Grasse* в 1790 году и проданы им в 1791 г. за 3600 ливров, вместе с другими его произведениями, двоюродному брату *Maubert*'у, у которого Фрагонар нашел себе приют. Дом *Maubert*'а, вместе с четырьмя панно, перешел впоследствии к *Malvillan*'у. Следовательно, я видел и четыре панно, и дом, в котором некогда жил их создатель. Несколько лет назад *Malvillan* продал все четыре панно в Англию, *Pierpont Morgan'у*, и тем лишил Грасс самой интересной из своих достопримечательностей.

В Генуе, в гостинице "Изота", отец спросил за "табль д'отом" такую большую фиаску "Кианти", что сколько мы вдвоем из нее

ни пили, никак не могли осушить. Окна нашей комнаты в гостинице выходили в пассаж, в котором всю ночь так свистали, что я не мог заснуть. (Мне вспоминается слышанный от В.С.Абакумова и Николая Михайловича Федюкина рассказ, как в старину пили московские купцы. Московский городской голова Михаил Леонтьевич Королев, Алексей Иванович Хлудов, Павел и Дмитрий Петровичи Сорокоумовские, Иван Иванович Рогожин, Василий Гаврилович Куликов и Николай Иванович Каулин ходили обыкновенно пить шампанское в винный погребок Богатырева, близ Биржи, на Карунинской площади. Прежде всего Королев ставил на стол свою шляпу-цилиндр, затем начинали пить и пили до тех пор, пока шляпа не наполнялась пробками от шампанского; тогда только кончали и расходились.)

В Риме попали мы в ненастную погоду: целую неделю шел дождь, часто ливший как из ведра, и было довольно свежо. Ежедневно видались с дядей Михаилом Петровичем Боткиным, жившим вместе с художником Сергеем Петровичем Постниковым. В *via Sistina* зашли мы в старый дом, где находилась студия Михаила Петровича, потолок которой в дождливое время протекал, и тогда на пол ставили тазы. Когда мы вошли в студию, то увидали голого исхудалого старика-натурщика, дрожавшего всем телом от холода и гревшегося у железной переносной печи. С Боткиным и Постниковым мы ходили в тратторию "Медио", где вместе с ними столовались два брата Сведомские, Катербинский, Семирадский, Риццони и другие художники. Стол у Медио был домашний, и некоторые кушанья превосходны, а именно: барашек на вертеле, зелень "брокули" (вроде цветной капусты) (правильно: брокколи. — *Н.Г.*) и пироги с яблоками. За столом у Медио пили отличное белое вино "Орвието". Потом от Медио отправились пить кофе в кафе "Греко". В настоящее время академик М.П.Боткин — почетный член Императорской Петербургской Академии художеств. Из семьи Петра Кононовича Боткина вышло несколько даровитых людей; самые выдающиеся из них: писатель Василий Петрович (родился в 1810 г.), медик Сергей Петрович (родился в 1832 г.) и художник Михаил Петрович — самый младший сын Петра Кононовича от второго брака (родился 26 июля 1839 г.). Михаил Петрович обладает драгоценнейшим собранием старинных художественных вещей. Надо иметь много познаний, терпения и любви, чтобы собрать то, что собрано Михаилом Петровичем. Это собрание находится в Петербурге, на Васильевском острове, в доме М.П.Боткина. Отчасти можно познакомиться с собранием и по роскошному изданию, напечатанному Михаилом Петровичем в 1911 году в Петербурге, у Голике и Вильборга. Михаил Пет-

рович собирал в продолжение 50-ти лет; в особенности приобрел он много вещей в Италии, где подолгу жил. Древний мир прекрасно представлен в боткинском собрании греческими расписными вазами, терракотовыми статуэтками, масками, светильниками, мраморными барельефами, слезницами, золотыми и другими вещами; старинные картины работы замечательных итальянских мастеров; коллекция итальянской майолики XV, XVI и XVII вв. состоит из лучших образцов этого искусства; художественная резьба по дереву принадлежит к эпохе Итальянского Возрождения; между старинной бронзой имеются акваманили XIII в.[5] и более сорока дверных молотков (стукальцев); работы из слоновой кости, начиная с VI в.; итальянские кожаные изделия XV и XVI вв. Боткинская коллекция золотых византийских перегородочных эмалей, вывезенных из Грузии, Сванетии и Афона, — единственная в мире, как по количеству, так и по разнообразию изображений. Есть также вещи из старинной выемчатой эмали. В собрании русской финифти (эмали) находится, между прочим, замечательный серебряный с позолотой наугольник от Евангелия, с расписной финифтью, с изображением евангелиста Луки, работы усольца-иконописца. Есть и несколько, так редко теперь попадающихся, серебряных сасанидских вещей. Много у Михаила Петровича этюдов и эскизов художника А.А.Иванова, с которым он издал в 1880 году книгу "Александр Андреевич Иванов, его жизнь и переписка". Немало картин написал и сам Михаил Петрович, преимущественно религиозного содержания.

В Неаполь приехали мы ночью, легли спать и заснули под звуки серенады уличных артистов, которые по обыкновению поют под окнами гостиниц. Путеводителем по Неаполю и его окрестностям служил нам высокий худощавый бритый старик, с седыми бакенбардами, ходивший всегда в цилиндре и напоминавший англичанина. Он был русский, и его звали Андреем (*André*). Много лет назад, будучи еще крепостным, он был вывезен своим барином в Италию и остался там навсегда.

Однажды осенью поехали вместе за границу: мой отец, Дмитрий Петрович, Софья Сергеевна, Елизавета Дмитриевна и Павел Петрович Боткины, художник Н.Е.Рачков и я. В Варшаве на вокзале Павел Петрович зазевался и не заметил, как у него вытащили бумажник с 800 рублями; только уже когда мы ехали по Австрии, Павел Петрович хватился его и так расстроился, что, несмотря на то, что Дмитрий Петрович возмещал его потерю, и невзирая на все просьбы продолжать с нами путешествие, вернулся один из Вены в Москву; мы же поехали дальше. Были в Венеции, Милане и на Итальянских озерах.

Не могу теперь вспомнить, в каком году мой отец, Л.В.Варанго и я были вместе в Брюсселе, где смотрели в одном из театров, как новинку, оперетку "*La fille de Madame Angot*" ("Дочь мадам Анго". — *Н.Г.*), имевшую громадный успех и которую давали сперва в Брюсселе, а затем уже в Париже. Возвратясь из театра в "*Grand Hôtel*", где мы стояли в одном номере все втроем, Леонтий Викторович не переставал напевать арии из "*Madame Angot*". Потом, будучи в Ницце, я ездил в Виллафранку осматривать стоявшее на рейде военно-учебное судно Северо-Американских штатов "Франклин" и, возвращаясь оттуда в Ниццу в чудесный апрельский вечер, встретил компанию молодых людей, которые хором пели арию из "*Madame Angot*": "*Quand on conspire, quand sana frayeur, on peût se dire conspirateur*"[6] и т.д.

Я также позабыл, когда именно был с отцом в Мюнхене, где посетил ныне не существующую пивную "*Bock-Keller*", куда меня отец нарочно повел, чтобы показать находившуюся там картину юмористического содержания; например: баварский солдат хочет поцеловать молодую служанку, руки которой заняты кружками с пивом и которая, увертываясь от поцелуя, невольно проливает часть пива; или как большая собака крадет гирлянду сосисок и т.д. Из Мюнхена мы отправились в Триент, где в гостинице за "табль д'отом" произошел эпизод с волованом, о чем я уже говорил. Из Триента в экипаже поехали на Гардское озеро, в Риву, откуда на пароходе прибыли в Верону. В гостинице (в Вероне) дали нам очень плохой обед, так что отец раскричался. Прошлись мы по шумному пахучему зеленому рынку на площади *Erbe* и по тихой малолюдной площади del Signori. Показывали нам также дом, в котором будто бы жила Юлия, героиня шекспировской трагедии "Ромео и Юлия". Съездили в сад "*Gusti*", в котором растут гигантские кипарисы, из коих некоторым насчитывается по триста лет. Чудный вечер провели, сидя на площади Виктора Эммануила, против арены. Веронские жители, с которыми пришлось нам говорить, жаловались на плохие дела и вспоминали время, когда в городе стоял большой австрийский гарнизон и жило много богатых австрийских офицеров. Из Вероны по железной дороге поехали мы в Бергамо. Дорогой в Брешии купили такой прекрасный виноград, какого я никогда не едал. В Бергамо кормили нас еще хуже, чем в Вероне, вследствие чего отец выходил из себя. Погуляв по узким, со старинными домами, бергамским улицам, пустились дальше, на Комское озеро, в Лекко. В этом городке, получившем известность по классическому роману Манцони "Обрученные" ("*I promessi sposi*"), мы наняли маленький пароход, принадлежавший миланским шелкопрядильщикам,

11 Зак. 380

братьям Гавацци. Экипаж парохода состоял из капитана и матроса. Прежде чем отправиться в путь, мы запаслись в Лекко ветчиной, колбасой, сыром, хлебом, вином и виноградом, которыми позавтракали во время дороги и угостили капитана и матроса. Пароход доставил нас в *Bellagio*. Там в гостинице нам отвели две комнаты, выходившие прямо на озеро. В саду гостиницы росло много кустов особого рода оливок, цветы коих пахли персиками. На противоположном берегу озера посетили виллу "Карлоту". Затем с Комского озера отправились в Милан. Жили там в небольшой гостинице "*Rebecchino*", славившейся кухней и винами. У Ребекино мы обедали, а завтракали в "*Caffe Biffi*", что в прекрасной галерее Виктора Эммануила. Театр "*Scala*" был закрыт, и мы ходили слушать оперу в маленький театр "*Radegonda*", находившийся в улице того же имени.

Весной 1884 года я один отправился из Парижа на Пиренейский полуостров. Вечером 12 апреля н/ст. выехал из Парижа, через Бордо и Ирун, в Мадрид. От испанской границы наш поезд сопровождали, как это водится по всей Испании, два жандарма с ружьями. В Мадрид прибыл я 14-го числа утром. На улицах было очень оживленно: встречалось множество элегантных экипажей с отличными лошадьми; на тротуарах толпились мужчины в своих оригинальных плащах; женщины были преимущественно в кружевных мантильях на головах; омнибусы и вагоны конно-железной дороги везли мулы; на *Puetra del Sol* крики разных продавцов не умолкали не только весь день, но и всю ночь. Из Мадрида отправился я 16-го утром в Лиссабон. В вагоне познакомился с импресарио *Schürmann*'ом, болтливым и хвастливым молодым человеком. В нашем же поезде ехала молодая принцесса Ольденбургская, также в Лиссабон, чтобы оттуда отправиться на остров Мадейру. На одной станции продавали так называемые сладкие лимоны, совершенно безвкусные и пресные, но кожа коих имеет чрезвычайно нежный запах.

Лиссабон сам по себе показался мне малоинтересным. На улицах встречались все некрасивые женщины, из них многие были с усами. Хотя французы и говорят: "Les *Portugais sont toujours gais*" ("Португальцы всегда веселы". — *Н.Г.*), но я этого не заметил. Из Лиссабона ездил на лошадях в находящееся в 27-ми километрах от него местечко Синтру. С горы, на которой возвышается "*Castello da Pena*", панорама восхитительная: видишь окружающие замок горы, то покрытые густым лесом, то совершенно голые, дикие, каменистые; вдали — поля, селения, океан и широкое устье реки Тэхо. В Синтре видел я в полном цвету целую рощу камелий; гортензии образуют плетни; пальмы, олеандры, магнолии, родо-

дендроны, азалии, розаны, араукарии растут во множестве; громадные деревья частью покрыты мхом и плющом; тень и прохлада царствуют в самый сильный зной, а воздух напоен ароматом роз и апельсиновых цветов. Я сорвал фиалку (*violette de Parme*) и положил ее в свою записную книжку, и запах фиалки держался в книжке несколько месяцев. (На Юге запах цветов, овощей и фруктов много сильнее, чем на Севере. Стоит только вспомнить итальянские или испанские зеленые рынки, где овощи, цветы и фрукты пахнут гораздо интенсивнее, нежели у нас, в северной России.) В Синтре остановился в гостинице "*Lawrence*", где жилось как в своей семье; притом молоденькая хозяйская дочь была так мила и хороша, что не хотелось уезжать. 18-го апреля вечером оставил я Лиссабон и после многократных пересадок из одного поезда в другой 19-го ночью приехал в Кордову, где пробыл до 11 часов утра 20-го. В Кордове осмотрел знаменитый собор, имеющий 850 (раньше было, как говорят, 1418) разноцветных мраморных и гранитных колонн и сохранивший свой прежний характер мавританской мечети. В Севилью приехал я 20-го числа, в 3 часа дня, и успел еще попасть на бой быков, начавшийся в 4 часа. Каменный без крыши цирк, вмещающий одиннадцать тысяч человек, был битком набит зрителями. Говор толпы, свист, хлопанье в ладоши, крики продавцов воды, апельсинов, бисквитов, креветок и клешней крабов — все сливалось в ужасный гам. Истые испанки, которые обыкновенно ходят в черной одежде (у испанок принято ежедневно ходить в церковь в черной одежде) и на голове носят черную кружевную мантилью, на бой быков, как и в театр, являются в светлых платьях и в белых кружевных мантильях; все они имели на висках акрошкеры, а на головах и на корсажах — живые цветы. В Андалузии даже простого класса женщины носят в своей прическе розу, камелию или другой цветок. Между андалузскими женщинами много красивых, встречаются и блондинки. В бою быков принимали участие знаменитые эспады (матадоры. — *Н.Г.*) Лагардихо и Фраскуэло, и когда один из них с замечательной ловкостью и грацией закалывал шпагой быка, то зрители приходили в такой неистовый восторг, что мужчины бросали на арену сигары, апельсины, шляпы и т.д., а дамы — цветы и записочки. Сидевший рядом со мной на каменной ступеньке испанец так разошелся, что в один миг снял с себя сюртук и бросил его на арену. Ночью того же дня пошел я на ярмарку. Ночь была чудная: теплая и звездная. Гирлянды разноцветных бумажных зажженных фонариков висели поперек улицы над шумной толпой народа, двигавшейся по направлению к площади, где происходила ярмарка; от апельсиновых деревьев, которыми заса-

жены все сады и площади Севильи, сильно пахло флердоранжем. Главная особенность ярмарки заключалась в том, что зажиточные жители города устраивают на ярмарочной площади палатки, которые меблируют, и в этих палатках, совсем открытых с одной стороны для взоров публики, принимают знакомых, играют на рояле, танцуют, и все это делают, нисколько не стесняясь посторонних зрителей. На ярмарке же торгуют разными вещами и, между прочим, испанскими ножами — навахами (*navaja*). По случаю ярмарки и боя быков все гостиницы в Севилье были так переполнены приезжими, что мне отвели комнату в каком-то частном доме на площади *San Salvador*. В комнату нужно было проходить через посудную лавку и подниматься по узкой темной деревянной лестнице в верхний этаж. Комната оказалась с двумя кроватями, на одной из коих лежал чемодан и другие вещи неизвестного мне путешественника. Несмотря на то, что комната была относительно большая и имела два окна, выходившие на площадь, на которой цвели апельсиновые деревья, я чрезвычайно обрадовался, когда к вечеру мне дали в самой гостинице хотя и темную каморку без окна, но все же отдельную.

Раз я заблудился в Севилье и не мог найти своей гостиницы. Первый встречный испанец, к которому я обратился, вывел меня из затруднения и довел до гостиницы. Вообще испанцы очень любезны. Испанец не закурит папиросы или сигары, не предложив прежде ее вам. Мне случалось ехать в дилижансе; рядом со мной сидел простой крестьянин; дорогой он вынул из мешка колбасу и хлеб, но перед тем как приняться за еду, предложил закусить мне.

В Севилье познакомился я с бароном Буалло из Пизы, который жил в одной гостинице со мной. С ним ходил я в какой-то кафешантан смотреть испанские танцы. Танцующих на столах испанок видеть мне не пришлось. Днем 23-го апреля выехал я из Севильи в Кадикс, куда прибыл вечером того же дня. С одной башни, находящейся в центре города, открывается интересная панорама: город имеет вид острова белых домов, и этот остров, омываемый океаном, соединен с материком лишь длинной узкой полосой земли, по которой проложена железная дорога.

Кадикс, с своими башнями, плоскими крышами и узенькими, полными тени улицами, напоминает арабский город. В самом городе невольно бросалось в глаза большое количество башмачных заведений. В Кадиксе я в первый раз слышал заунывную монотонную песню ночного сторожа (*sereno*), ходившего взад и вперед по длинной улице, на которой я жил; не давали мне заснуть эти то приближавшиеся, то удалявшиеся звуки пения “серено”, но еще больше тревожили ночью кусавшие меня москиты. В

Кадиксе купил я, по рекомендации одного испанца, с которым познакомился в дороге, бутылку замечательного хереса за 12 песет. (Город Херес (*Jeres de la Frontera*) находится от Кадикса в часовом расстоянии по железной дороге.)

25 апреля рано утром оставил я Кадикс, чтобы вечером попасть в Малагу. Спустившись с диких скалистых гор, вдруг вступаешь в богатую вегу Малаги. Направо и налево тянутся сады апельсиновых и лимонных деревьев; там и сям виднеются пальмы, гранатовые и фиговые деревья, серебристые тополя и белые акации. Миновав хорошенький городок Алору (*Alora*), проехали рисовые плантации и рощи высоких эвкалиптовых деревьев; затем показались виноградники и, наконец, город Малага и Средиземное море. В гостинице за “табль д'отом” давали хорошее местное вино, хотя и сладкое. В Малаге, как в Лионе, я увидал баска с небольшим стадом коз, которых он доил на улице и молоко тут же продавал. В Малаге же посетил две усадьбы (*hacienda*), принадлежавшие двум тамошним богачам. Сады этих усадеб отличались тропической роскошью. На вольном воздухе росли громадные пальмы и бамбуки, бананы, кофейные кусты и т.п.; в этих усадьбах разводили ананасы. Большие лиловые гроздья “бугданвилласа” (*bougainvillas*) украшали веранды усадеб. Из Малаги сделал я экскурсию в город Ронду, который находится в шести часах езды в дилижансе от железнодорожной станции “*Gobantes*” (линия Малага-Кордова). Наш дилижанс везли пять пар длинноухих мулов и сопровождали, по обыкновению, два жандарма с ружьями. Кучер похлопывал своим длинным бичом, и мулы, звеня бубенчиками, то быстро взбирались на гору, то спускались с нее, а мальчик, сидевший рядом с кучером, на поворотах дороги играл на трубе. Ронда расположена на двух плоских возвышенностях, образованных скалами. Между этими двумя возвышенностями находится долина речки Тэхо. Обе части города соединены между собою каменным мостом, с которого видишь внизу, под ногами, в ужасной глубине названную долину. Бывает, что, когда внизу в долине идет дождь, наверху в городе ясная погода. Температура в городе обыкновенно весьма свежая. В Ронде все окна домов имели толстые железные решетки; ночные сторожа ходили с фонарями и рогатинами и так же, как и в Кадиксе, пели часы времени, состояние погоды и т.д.

Между жительницами Ронды много красивых блондинок. Лучшая гостиница в городе называлась “*Grand Hôtel Rondeno*”, но в действительности оказалась очень небольшою; притом кормили в ней отвратительно плохо, несмотря на то, что на поданной мне карточке (сохранившейся у меня) было напечатано: *“Cocina inglesa,*

francesa y espanola" ("Кухня английская, французская и испанская.") (В больших городах Испании кормили еще сносно, но в маленьких и на железнодорожных станциях — из рук вон скверно. Испанская кухня вообще нехороша, потому что готовят на плохом, дешевом оливковом масле. Шоколад пьют без сахара. Недурно в Испании красное вино "*Valdepenas*". О хересе и малаге я уже говорил. В Мадриде, в апреле месяце, давали в гостинице отличную лесную землянику. В Андалузии народ ест много чесноку.)

В гостинице "*Rondeno*" жил городской прокурор (*el Fiscal de la audiencia de Ronda*), с которым я познакомился за обедом; после он повел меня в кофейню, где угостил кофеем. В Гренаде пробыл я всего сутки (29 апреля), ибо погода стояла дождливая; останавливался там в гостинице "*Wachington Irving*", что рядом с Альгамброй, и вечер провел в театре Изабеллы Католической (*Isabel de Catôlica*). Из Гренады вернулся опять в Мадрид, не доезжая коего, поезд остановился в Аранхуэсе, более памятном по крылатому слову Доминго из шиллеровского "Дон Карлоса": "*Die schönen Tage in Aranjuez Sind nun zu Ende...*"[7] — чем из географии. Аранхуэс славится своей спаржей: в наш поезд понасело много мадридских жителей с большими пучками прекрасной, крупной спаржи.

Из Мадрида ездил я в Толедо, где смотрел собор и фабрику холодного оружия и где от множества нищих не было прохода. Из Мадрида же отправился в Барселону, мимо Сарагоссы. Жалею, что не заехал в этот интересный в художественном и историческом отношениях город, который в 1808 и 1809 годах так мужественно защищался от французов, потому что, как говорит легенда, покровительница Сарагоссы — *Virgen del Pilar* — не хотела быть француженкой, а хотела быть капитаном арагонской армии ("*Elle ne voulait pas être française, elle voulait être capitain de l'armée aragonaise.*") В Барселону ехал я в купе 1-го класса, в вагоне, не имевшем сообщения с соседними вагонами; вместе со мной сидел какой-то испанец. Во время хода поезда из соседнего вагона послышались звуки гитары и кастаньет; мой спутник-испанец, недолго думая, вылез из окна наружу, пошел по узкой доске вдоль вагона, по которой ходят кондуктора, и влез в окно вагона, откуда слышалась музыка. В Барселоне, в театре "*Liceo*", слушал не помню какую оперу. Театр прекрасно выстроен, на пять тысяч зрителей, и каждая ложа имеет отдельную комнату. Через *Cerbère*, Тулузу и Бордо я воротился 24/6 мая опять в Париж.

Весной 1886 года, находясь с отцом в Париже, я ездил один в Лондон на неделю. Выехавши 3/15 апреля в 10,5 часов утра из Парижа, я был в 9-м часу вечера того же дня в Лондоне. Переезд через Ламанш я совершил из Кале в Дувр при благоприятной

погоде. Мой билет был взят до лондонской станции "*Ludgate-Hill*", в нескольких десятках шагов от которой находится гостиница "*Royal Hôtel*" (у Темзы, близ моста *Blackfriars*), где я остановился. В "*Royal Hôtel*" было 400 номеров. (В самой большой тогдашней лондонской гостинице "*Metropole*" считалось 900). За 15 шиллингов (7,5 руб.) в день я имел комнату с прислугой и освещением, с завтраком от 7-ми до 11-ти часов утра, состоявшим из чая или кофея с разным мясом и яйцами, и с обедом за "табль д'отом" (без вина) в 6 или 7,5 часов вечера. В гостинице были свои пожарные, напоминавшие французских *pompiers*, и во всех коридорах имелись пожарные кишки и ведра. Чтобы преодолеть громадные лондонские расстояния, мне пришлось ездить и по подземной железной дороге, и в омнибусах, и в кэбах. В архитектурном отношении Лондон мало представлял привлекательного: дома преимущественно однообразные, кирпичные, неоштукатуренные и часто сильно закопченные. Особенно высоких домов я не встречал, если не считать 13-этажный дом в Вест-Энде, близ *Hyde*-парка, который показывали как редкость. Но ни в каком городе я не видал таких обширных парков, как в Лондоне, и особенность коих — стада пасущихся овец. По утрам в *Hyde*-парке можно было насчитать до тысячи скачущих на лошадях мужчин, амазонок и даже маленьких детей; позднее все это сменялось вереницами элегантных экипажей. Вообще, чтобы иметь понятие о лондонской езде, надо было видеть скопление ломовых (высоко нагруженных разными кладями), омнибусов, кэбов и разных других экипажей на бойких улицах, как, например, близ станции "*Charing-Cross*"; при-том, благодаря распорядительности полисменов, разъезд совершался в полном порядке. (Экипажи в Англии устроены так, что колеса не выходят наружу и поэтому не задевают другие экипажи.) *Piccadilly, Regent's Old Bond, Oxford* и некоторые другие *streets* (улицы), где лучшие магазины, кишели элегантными леди, между которыми было много красивых; многие из них были в плюшевых юбках. На *Smithfield-Market* видел типичных мясных торговцев в белых длиннополых холщовых сюртуках. В *Hyde*-парке видел мальчиков в шляпах-цилиндрах из известного *Eton-College's* и английских кавалергардов (*horse-guards*), казармы коих находятся близ того же *Hyde*-парка; в Тауре видел я часового, который ходил взад и вперед перед будкой, имея в руке вместо оружия трость. Встречались мне на улицах нищие в поношенных цилиндрах, мужчины и женщины из Армии Спасения (*The Salvation Army*), унтер-офицеры — вербовщики в красных мундирах и в круглых шапочках без козырька, одетых набекрень, и банды фальшивых негров-музыкантов. 7/19 апреля, в памят-

ный день смерти лорда Биконсфильда[8], множество мужчин и дам имели на груди и на шляпах желтый цветок, *primrose* (примула. — Н.Г.); даже лошади и собаки были украшены любимым цветком покойного лорда. В магазинах дамского платья были выставлены ленты и материи желтого цвета *primrose*, у ювелиров — эмалевые цветы *primrose*. В Вестминстерском аббатстве статую Биконсфильда убрали цветами *primrose*. Как во Франции *violette de Parme* (фиалка Пармская. — *Н.Г.*) — политический цветок бонапартистов, так в Англии *primrose* — политический цветок консерваторов. Цветок английской либеральной партии — белая роза.

Английский стол мне понравился, в особенности мясные блюда. В одной из первых старинных лондонских таверн, у Симсона на Странде, за полкроны (2,5 шиллинга, т.е. по нашему за 1 руб. 25 коп.) можно было есть разного мяса сколько угодно, причем мясо резалось при вас поваром, и к мясу давали еще зелень, вареную по-английски в одной воде. В так называемой *grillroom*, имеющейся в каждом ресторане, вы сами выбираете себе кусок сырого мяса, который при вас же жарится на рашпере. В апреле в Лондоне сезон для рыбки *whitebait*, вроде нашего снетка. В Англии в первый раз попробывал я особый род ревеня, который видом похож на спаржу, а вареный напоминает вкусом крыжовник. Ревень подают в виде компота или в пудинге. Красное бордоское вино (“Claret”) англичане пьют холодным. Пиво и портер пьют из оловянных пинт. Ресторан *Holborn*’а, открытый в начале 80-х годов XIX ст. и считавшийся тогда первым во всей Англии, отличался чрезвычайно роскошной отделкой, хотя в немного тяжеловатом вкусе: в залах колонны были из темного мрамора, стены обиты красным шелковым плюшем и гобеленами, лепные вызолоченные потолки освещались и днем электрическими лампочками.

Один из служащих в конторе фирмы “Петра Боткина Сыновей”, Александр Павлович Поляков, показал мне ночную жизнь кутящей лондонской молодежи. Мы пошли с ним в театр “Альгамбру”, напоминавший мне парижские *folles-bergère*, но в больших размерах. В “Альгамбре” я увидал много красивых, нарядных дам полусвета, державших себя весьма сдержанно. После окончания представления отправились мы ужинать в ближайший ресторан, который стал быстро наполняться кавалерами и дамами, большею частью уже виденными нами в “Альгамбре”. Дамы, державшие себя в театре сдержанно, в ресторане оживились, стали развязнее; вино делало свое дело, и чем дальше, тем становилось шумнее. Сидевший за соседним столом англичанин так разошелся, что начал бить посуду, швыряя под стол тарелки, стаканы, бокалы и даже блюда с кушаньями. Старичок Василий Васи-

льевич Швецов, бывший в Лондоне главным представителем той же фирмы "Петра Боткина Сыновей" и успевший обангличаниться, пригласил меня к себе на обед. Жил он близ Лондона, в Кингстоне, куда я поехал по железной дороге. В Кингстоне Швецов занимал отдельный дом, состоявший из нескольких этажей, но в каждом этаже было не более одной комнаты. Почему-то Швецов счел нужным угостить меня якобы русским обедом, со щами и поросенком; обед вышел весьма неудачный.

Скажу кое-что о лондонских музеях и театрах. В Кенсингтонском художественно-промышленном музее не налюбуешься мебелью, фарфором, миниатюрами, табакерками и другими вещами XVIII ст. Британский музей замечателен своим собранием античных предметов, редких книг и рукописей и устройством своей библиотеки. Как англичане относятся к своим знаменитостям, видно уже из того, что в Британском музее вывешены в рамках под стеклом два клочка бумаги; на одном рукой Нельсона[9] набросан эскиз сражения при Абукире, на другом — собственноручно Веллингтоном[10] написанный перед сражением при Ватерлоо перечень английских войск. В Национальной галерее познакомился я с прекрасными картинами английской школы. Кстати замечу, что большая часть масляных картин — под стеклами. Заглянул я также в галерею Густава Доре, где собрана большая коллекция масляных картин, акварелей и рисунков пером и карандашом этого замечательного иллюстратора книг XIX века. Побывал также в Музее восковых фигур госпожи *Tussaud* и в Хрустальном дворце, выстроенном для первой Всемирной выставки 1851 года. Посетил театры: "*Liceum*", "*Prince's*", "*Savoy*" и "*Gaiety*". Во всех театрах было не душно; освещались они электрическими лампочками; широкие кресла обиты шелковым плюшем; декорации, костюмы, актеры и актрисы не оставляли желать лучшего. Англичане в театрах по обыкновению были во фраках и белых галстуках, англичанки — декольтированные, в бальных платьях и бальных башмаках. Странным показалось мне, что во время антрактов разносили мороженое и кофей, театральные программы в виде тетрадочек с довольно изящными хромолитографированными картинками на обложках. За программы и сбережение платья платы не полагалось. В театре за кресло я платил 10,5 шиллингов (т.е. 5 руб. 25 коп.). Так как в Лондоне по праздникам все закрыто — магазины, рестораны, театры и даже музеи — то я отправился в воскресенье 6/18 апреля за город (за двухколесный экипаж в одну лошадь, взятый мною на целый день, я заплатил одну гинею, т.е. 21 шиллинг); посетил *Hampton-Court*, Ричмонд и Кью. В *Hampton-Court* чудеснейший парк и старинный замок. В парке

видел я 117-тилетнюю виноградную лозу, которая в хороший год дает до 2500 гроздей винограда. В парке же мой гид-немец завел меня в так называемый "лабиринт", состоящий из спиралью проложенной дорожки, по обеим сторонам которой растет высокий густой кустарник; из этого "лабиринта" мог я выйти только с помощью гида. (Такие "лабиринты" когда-то устраивали и наши помещики в своих парках.) В замке видел я собрание портретов любовниц Карла II. Через живописный Ричмонд, к сожалению, только проехал, не останавливаясь, ибо стоял туман и моросил дождь. В оранжереях ботанического сада Кью я любовался причудливыми цветами орхидей и гигантскими пальмами. Знаменитая же *victoria regia* цветет только в августе, потому я видел лишь несколько громадных, с загнутыми краями, листьев, плавающих на поверхности бассейна.

Утром в Великую пятницу оставил я Лондон, чтобы встретить русскую Пасху с моим отцом в Париже.

На Фоминой неделе того же 1886 года вместе с Виктором Николаевичем Кириковым сделал я небольшую экскурсию из Парижа в Тур, Амбуаз (*Amboise*), Шантелу (*Chanteloup*), Шенонсо (*Chenenceaux*), Блуа и Шамбор. В замке Амбуаз родился и умер Карл VIII. Этот замок служил также резиденцией пленному Абдель-Кадеру в 1848—1852 гг. В Шантелу жил в ссылке министр Людовика XV — герцог *Choiseul*, но от времени последнего уцелела только китайская пагода. Красивый замок Шенонсо выстроен посреди русла реки Шер. Франциск I подарил этот замок Диане де Пуатье, которая поручила его украсить знаменитому архитектору *Philibert Delorme*'у. Замок Шанонсо несколько раз менял своих владельцев; в то время как я был там, он принадлежал госпоже Пелуз. В замке Блуа был убит герцог Гиз и умерла Екатерина Медичи. Великолепный замок Шамбор выстроен при Франциске I.

Весной 1890 года, оставив отца с моей сестрой Надеждой в Виши, я поехал в Лион, а оттуда в Италию: в Сиену, Неаполь и Палермо. В Неаполе остановился в "*Grand Hôtel*", откуда, взяв гида Иосифа Сорбо, ездил с ним на лошадях в Геркуланум, Помпею, Кастелламаре, Сорренто и Позитано. Переночевав в Позитано в "*Hôtel du Paradis*", мы на большой гребной лодке доплыли до Амальфи. (Береговая дорога из Позитано в Амальфи в то время еще не существовала.) В Амальфи, позавтракав в гостинице "*Cappuccini*", бывшей прежде монастырем, взяли опять лошадей, которые довезли нас до Салерно. Из Салерно по железной дороге, заехав на короткое время в Пестум, вернулись в Неаполь. В этот раз купил я в Неаполе у художника *Vincenso Caprile* картину,

писаную масляными красками, изображающую вид Позитано с моря ("*Positano da mare*") и еще несколько масляных картин, писаных другими неаполитанскими художниками. Из Неаполя сделал я экскурсию в Палермо на пароходе общества "Флорио и Рубатино". Море было спокойно, но, к сожалению, пароход не отличался опрятностью, и ночью блохи не давали спать. В Палермо остановился в гостинице "*Trinacria*", находящейся на набережной, с видом на гору Пеллегрино. (В Палермо попробовал я очень вкусное пирожное *la Cassata*.) Сезон кончился, и поэтому гостиница была почти пустая. В Палермо становилось уже душно (был май), вследствие чего, осмотрев собор в *Monreale* и виллу "Таску" с ее роскошной тропической растительностью, я вернулся тем же путем в Неаполь. Пароход, по обыкновению, к набережной не пристал. Едва успел я выйти из лодки на берег, как на мой чемодан накинулось несколько "лаццарони" (шалопай, бездельник. - *Н.Г.*) и произошла свалка; я уже опасался за участь своего чемодана, как вдруг более сильный, высокий "лаццарони" вырвал его из рук других и, высоко держа над головой, торжественно понес его в "*Grand Hôtel*". Из Неаполя я вернулся через Марсель опять в Виши, к своим.

Вспоминаю, как после всех этих путешествий было приятно возвращаться к отцу в Париж или в Виши. С каким удовольствием я с ним беседовал, рассказывая о виденном, и как заботливо относился он ко мне! Эти свидания с отцом, после моих экскурсий за границей, я никогда не забуду. Отцовская любовь казалась мне всегда более осмысленной, чем материнская, да и другой, более искренней, более бескорыстной — я никогда не знавал.

Скажу еще о некоторых моих родных и знакомых. По возвращении в 1878 году из-за границы в Москву, я стал часто встречаться с моим двоюродным братом Николаем Ивановичем Боткиным, сыном покойного дяди Ивана Петровича; Николай Иванович в то время только что вернулся с Турецкой войны, где служил в армии Наследника. Н.И.Боткин был красивый гусарский офицер, интересовавшийся живописью и сам недурно рисовавший. С годами наши встречи стали все реже. Впоследствии я узнал, что Николай Иванович женился на дочери Николая Петровича Пастухова из Ярославля. (12 апреля 1912 года Н.И.Боткин умер в Москве.)

Другой мой двоюродный брат со стороны отца, Валентин Николаевич Щукин, сын дяди Николая Васильевича, служил в Московском учетном банке, совершил подлог, за что был сослан в Сибирь, где и умер. После Валентина Николаевича осталась в Москве молодая красивая жена. Ее можно было встретить в теат-

рах, в цирке, в “Салон-де-Варьете” и в других местах развлечений. Она имела поклонников, отличалась мягкостью характера и после смерти мужа, как я слышал, вышла замуж за какого-то помещика и уехала с ним в провинцию.

У моей тетки Софьи Сергеевны Боткиной, урожденной Мазуриной, были две сестры: Анна Сергеевна Алексеева и Варвара Сергеевна Прохорова. Мужа Анны Сергеевны я немного помню: он любил выпить и картавил, букву “г” произносил как “к”, например, вместо “гадалка” — говорил “каталка”, или: “она отлично катает на камнях” — вместо “гадает”. (Один мой знакомый произносил букву “л” как “р”; говорил “рожа” — вместо “ложа”. “Какая у вас рожа” — вместо “какая у вас ложа”.) Муж Варвары Сергеевны — Алексей Яковлевич Прохоров был известный московский фабрикант. Кроме двух сестер у Софьи Сергеевны было четыре брата: Митрофан, Николай, Константин и Алексей. Двух младших братьев Мазуриных я знавал еще в детстве, когда они гимназистами приезжали к нам в Кунцево, и мы звали их тогда Костей и Алешей. Старший Мазурин, Митрофан Сергеевич, как глава Реутовской мануфактуры имел значительное состояние; Николай и Константин Сергеевичи были тоже люди с хорошими средствами. Митрофан Сергеевич часто ездил за границу и обыкновенно в сопровождении весельчака и пьяницы Павла Михайловича Гусева, над которым проделывал все, что вздумается. Например, однажды Митрофан Сергеевич отправил Гусева, не знавшего кроме русского никаких других языков, из Марселя на парусном судне в Кронштадт; судно шло очень долго, но Гусев не унывал: подружился с капитаном и пил вместе с ним вино. Относительно заграничных путешествий Гусев рассказывал лишь — где, что и сколько выпили. (Когда мы жили в Милютинском переулке, а затем в Колпачном, то мои родители приглашали П.М.Гусева к себе на большие обеды. Во время этих обедов он обыкновенно напивался и ложился потом спать в отцовском кабинете на кожаный диван, а мы ему мешали; он сердился и называл брата Николая и меня “выборгскими болванами”. Вообще Гусев находился всегда при богатых и тароватых людях; так, одно время он состоял при Николае Петровиче Боткине.) В Турине М.С.Мазурин сошелся с красивой итальянской балериной, на которой потом женился. Звали ее Лаурой Яковлевной. Под старость она стала некрасивая, злая и скупая. Сам Митрофан Сергеевич, довольно тучный, был подвержен спячке; иногда, даже стоя и разговаривая, он вдруг засыпал. У Митрофана Сергеевича и Лауры Яковлевны были две дочери: Надежда и Мария и сын Константин. Надежда Митрофановна, красивая, итальянского типа, и талант-

ливая пианистка, вышла замуж за виолончелиста Брандукова. В 1911-м году она скончалась в Швейцарии. Марья Митрофановна была замужем за сыном известного мехового торговца Петра Павловича Сорокоумовского, но скоро овдовела: муж ее, перебирая у себя в лавке в Нижегородской ярмарке меха, заразился сибирской язвой и умер. Марья Митрофановна вышла вторично замуж за Струкова. Николая Сергеевича Мазурина я знал мало. Он жил с француженкой и тоже часто ездил за границу. Под конец жизни Николай Сергеевич поселился в Москве, где купил себе дом на Тверской, рядом с домом гражданского губернатора. Третий брат, Константин Сергеевич, холостой, очень ученый, страдавший одышкой, прежде много путешествовал за границей, а потом поселился в Москве. У него было замечательное собрание древних греческих ваз, старинной итальянской майолики, русских старинных, преимущественно церковных, вещей и других предметов. Еще при жизни Константин Сергеевич продал мне свою хотя небольшую, но редкую коллекцию русских старинных вещей. Все состояние Константин Сергеевич завещал своему камердинеру. Камердинер уступил самые лучшие вещи из коллекции Михаилу Петровичу Боткину, благодаря которому быстро утверждено было завещание покойного. Отдавая Михаилу Петровичу ценные майолики, камердинер говорил, что из них не стал бы даже есть каши. Младший брат, Алексей Сергеевич, переживший всех своих сестер и братьев, менее состоятельный, был женат на актрисе Ильинской, но скоро с ней разошелся. Одно время он управлял в Москве, на Бронной, домами своего приятеля, драматурга Виктора Александровича Крылова.

У моих родственников я встречал Ивана Ильича Маслова, который управлял Московской удельной конторой[11] и занимал в доме, принадлежащем этому ведомству на Пречистенском бульваре, прекрасную громадную квартиру. У И.И.Маслова останавливались И.С.Тургенев[12] и М.Д.Скобелев[13], когда они приезжали в Москву. И.И.Маслов был скучнейший человек. По смерти его М.Д.Скобелев стал останавливаться в гостинице “Дюссо”. В ночь на 29 июня 1882 года Скобелев, находясь в Москве, был найден в номере гостиницы “Англия” на Петровке — голым, связанным и мертвым. Из гостиницы “Англия” тело его привезли в гостиницу “Дюссо”. Из следствия узнали, что в роковой вечер Скобелев был у Лентовского, в саду “Эрмитаж”, откуда поехал в гостиницу “Англия” в обществе сомнительных женщин; они, по его приказу, связали его и секли. Потом одну из этих женщин, толстую немку, посещавшую сад “Эрмитаж”, прозвали “Скобелевой могилой”.

(В моем собрании имеются подаренные мне бывшим Туркес-

танским генерал-губернатором Н.И.Гродековым[14] бумаги М.Д.Скобелева, относящиеся в особенности до Ахал-Текинской экспедиции, и несколько записных книжек Михаила Дмитриевича, которые он называл "мерзавками". Генерал-лейтенант Л.Н.Скобелев подарил мне Георгиевский крест Михаила Дмитриевича, который он носил в Турецкую кампанию[15], и красный с синим карандаш, которым Михаил Дмитриевич писал во время осады Геок-Тепе[16], От бывшего начальника Московской удельной конторы И.А.Новикова я получил кокарду с фуражки Скобелева.)

Вспоминается мне еще один знакомый — Джемс Иванович Эдельштейн, бывавший у нас на вечерах в Лопухинском переулке, приезжавший также на Нижегородскую ярмарку и обедавший там в нашей компании. Джемс Иванович был родом из Ганновера; юность провел в Англии, где дядя его, Джон Симон, имел торговлю мануфактурным товаром и потом передал ее Джемсу Ивановичу. Английский дом "Самсон Лепок" открыл ему кредит до двухсот тысяч рублей. Приехав в Москву, Джемс Иванович открыл торговлю в компании с Яковом Васильевичем Тароватым; но, проторговавшись, поступил в Москве в суконное дело Торнтона. Свою квартиру Джемс Иванович содержал в образцовом порядке и, имея отличную кухарку, угощал приятелей вкусными обедами. По случаю сахарной болезни сам он в еде и питье был очень воздержан. Маленького роста, еврейского типа, тщательно выбритый, чрезвычайно чистоплотный, Джемс Иванович возмущался, когда видел какую-нибудь неопрятность. Раз за границей он затеял в ресторане скандал, увидев, что обер-кельнер провел салфеткой по своим усам. Отправляясь за границу, Джемс Иванович питался дорогой взятыми из дому бутербродами, потому что брезговал есть в станционных буфетах. Под конец жизни он пристрастился к собиранию старины и имел хорошую коллекцию фарфора, бронзы и картин. Он был также большой охотник до женщин, за которыми любил гоняться.

С Петром Ивановичем Бартеневым я встретился в первый раз еще до своего отъезда за границу, в Чертковской библиотеке, когда ходил туда читать "Письмовник" Курганова. По возвращении в Москву я ближе познакомился с этим замечательным человеком, отличающимся приветливостью, живым оригинальным умом, чрезвычайной начитанностью и редкой памятью. Едва ли кто-нибудь знает так хорошо русскую историю XVIII и XIX ст., как П.И.Бартенев. Бывал я у него в его уютном домике на Ермолаевской Садовой[17], а также встречался с ним в Московском Английском клубе по субботам. Принимал он меня у себя с искренним радушием, и беседы с ним были всегда интересны.

В Московском Английском клубе познакомился я с историком Дмитрием Ивановичем Иловайским[18], по учебникам которого когда-то учился. В последнее время стали нападать на его учебники; не знаю, мне они нравились, когда я учился по ним. Не так давно слушал я лекцию Дмитрия Ивановича об осаде поляками в 1611 году Смоленска и защите его М.Б.Шеиным, читал его исторические статьи в издаваемом им журнале "Кремль", беседовал с ним; Дмитрий Иванович и говорит, и пишет всегда ясно и толково. Несмотря на свои преклонные годы (Д.И. родился в 1832 году), он все еще очень бодрый и в своем рыжем парике смотрится гораздо моложе своих лет; до сих пор отлично ездит верхом, и в чем я мог лично убедиться во время экскурсии Московского Военно-Исторического общества на Бородинское поле.

Так как я заговорил об историках, то считаю уместным вспомнить здесь о покойном Сергее Михайловиче Соловьеве[19], которого хотя лично и не знал, но о котором слышал от близкого знакомого. С.М.Соловьев происходил из духовного звания, что впоследствии сын его, Всеволод, замалчивал и даже пытался произвести свой род от какого-то малороссийского дворянина Соловейчака. Сергей Михайлович рассказывал, что в молодости отправился он как-то смотреть невесту; при входе в ее квартиру на него бросилась собака. Обиженный Сергей Михайлович немедленно вернулся домой, сказав, что после такого невежества не может быть и речи о сватовстве. Однажды у себя дома Сергей Михайлович, увидав на сыне Всеволоде белый жилет, сказал: "Белые жилеты носят только дураки"; сын в ответ указал отцу на присутствовавшего тут же Павла Алексеевича Писемского (сына писателя), бывшего тоже в белом жилете. "Господин Писемский в гостях", — нашелся ответить Сергей Михайлович. Раз один мой знакомый жаловался Сергею Михайловичу на нервное расстройство; С.М.Соловьев ответил: "Против нервов прекрасна березовая каша". Сергей Михайлович читал лекции в Московском университете монотонно, тихо, с полузакрытыми глазами, так что многие студенты засыпали. Однажды, читая о Петре Великом, он вдруг возвысил голос, приводя слова Петра: "Проснитесь! Что вы спите!" Дремавшие студенты невольно встрепенулись.

Посещал Московский Английский клуб член Московского окружного суда Алексей Алексеевич Зилов, высокий, видный мужчина, сильно плешивый, с длинными бакенбардами. Он был женат и имел детей, но это не мешало ему вести разгульную жизнь. Зилов с радостью присоединялся к нашей компании и стал также присутствовать на наших ежемесячных обедах в "Славянском Ба-

заре” в память Нижегородской ярмарки. Влюбившись в одну датчанку, певшую у Яра в хоре Мартини, он начал еще больше кутить и швырять деньги. В конце концов Зилов кончил свою жизнь весьма печально; зимой, во время ночной загородной прогулки в сильную стужу, будучи пьян, он отморозил себе руки и ноги и, положенный в больницу, скоро умер от заражения крови.

Со смертью В.С.Перлова прекратились и наши обеды в “Славянском Базаре”. В числе дам, посещавших эти обеды, бывали: пассия А.А.Зилова и хорошо певшая и игравшая на рояле немка Вейер, из того же хора Мартини. После обеда иногда устраивались танцы, в которых принимал участие и Зилов.

В 80-х годах я познакомился с Алексеем Васильевичем Орешниковым[20], одним из хранителей Исторического музея в Москве. Началось это знакомство с того, что я принес в Исторический музей к А.В.Орешникову, как к сведущему нумизмату, несколько монет для определения. Потом я стал видеться с А.В.Орешниковым в “Сибирском подворье”, на Варварке, где он имел комиссионерскую контору по продаже кожевенного товара, а также стал бывать у него в доме на Садовой, у церкви Ильи Пророка. А.В.Орешников был центром, где собирались тогда известные московские нумизматы: Андрей Николаевич Ленивов, Иосиф Иванович Горнунг, Павел Васильевич Зубов, Михаил Провович Садовский, Александр Андреевич Карзинкин и Владимир Константинович Трутовский. В семье Алексея Васильевича провел я не один приятный вечер. Через А.В.Орешникова я купил у Чудновского (из Киева) коллекцию древних римских монет. Сделался я также членом Московского Нумизматического общества и стал бывать на заседаниях этого общества, обыкновенно происходивших по вечерам в Московском Археологическом обществе, на Берсеневке.

По рекомендации П.В.Шумахера навестил я старую оперную певицу, пользовавшуюся когда-то известностью, Дарью Михайловну Леонову, жившую на Бронной; она показала мне много интересных японских вещей, вывезенных ею из Японии, где она пела у микадо (титул японского императора. — *Н.Г.*).

Японские вещи я продолжал покупать в Париже, преимущественно через японца Сува. Он же был посредником при покупке мною вещей на Всемирной Парижской выставке 1889 года в Японском отделе. Сува жил в Пасси, был женат на француженке и знал отлично французский язык. У Бинга, в *rue Bleue*, я купил несколько старинных японских кимоно, причем просмотрел их у него около 800 штук.

Я уже говорил о покупке мною у фотографа Роинова, приезжавшего в Москву из Темир-Хан-Шуры, старинных персидских

вещей. В Москве же, у итальянца Тинелли, купил я современный персидский темно-красный бархатный ковер, вышитый серебром и золотом, который впоследствии подарил моей старшей сестре, живущей в Лейпциге. Тинелли отличался развязностью и болтливостью; в нанимаемой им небольшой квартире, на Малой Никитской, не было вещи, которой бы он не продавал. "*Je vent tout, jusqu'à ma chemise*"[21], — говорил мне Тинелли.

В Москве я продолжал собирать книги, которые покупал в книжных магазинах Глазунова, Готье и Ланга, а также у букинистов. У Глазунова служил в приказчиках Петр Петрович Жаринов, отличавшийся способностью отыскивать редкие книги. На Никольской, в так называемом "Проломе", где церковь Троицы в Полях, и не доходя Проломных ворот, ютятся и теперь, как и прежде, лавочки букинистов, но самых типичных букинистов, торговавших в этом "Проломе", уже нет. Я говорю о Платоне Львовиче Байкове и Афанасии Афанасьевиче Астапове. Первый давным-давно умер, а второй уже несколько лет как ликвидировал свое дело и нашел себе пристанище в книжной лавке Фадеева на Моховой.

Лавочка Байкова находилась ближе к Никольской и, будучи темной, освещалась и днем сильно коптившей керосиновой лампой, висевшей на потолке. Старик Байков, с большим горбатым носом, в пенсне, страшно ругался, когда узнавал, что продешевил какую-нибудь книгу. Так, однажды он продал старинную рукописную книгу сказок Боккаччио, современную автору, писанную на пергамене, с миниатюрами, за 800 рублей коллекционеру Мих.Мих.Зайцевскому, а последний ее кому-то перепродал за несколько тысяч рублей. Байков долго не мог забыть этой продажи и бранил и проклинал Зайцевского на чем свет стоит. Байков, кроме книжной торговли, занимался продажей серебра, фарфора, мебели и других вещей, которые скупал по домам. (После смерти М.М.Зайцевского я купил у его сына, Ивана Михайловича, присяжного поверенного, веер пятидесятых годов XIX ст. с живописью французского художника *A.Soldé*.)

Лавочка А.А.Астапова находилась ближе к Проломным воротам, а сам он жил рядом с лавочкой, в миниатюрном помещении, которое так было заставлено полками и шкафами с книгами, что в нем едва можно было повернуться. А.А.Астапов, небольшого роста, горбатый, сам страстный любитель книг, хорошо знал многих русских библиофилов, о которых любил рассказывать. Андрей Александрович Титов купил у Астапова богатое собрание рукописей покойного профессора Осипа Максимовича Бодянского. Но не одни редкие книги и рукописи встречались у Астапова,

12 Зак. 380

попадались иногда и другие вещи. Помню, я видел у него прекрасный портрет, писанный масляными красками, масона и писателя Николая Ивановича Новикова. Мой брат Дмитрий долго не мог уговорить Астапова продать ему прелестную пастель XVIII в., работы Франсуа Буше[22], и изображающую погрудный портрет молодой женщины. Интересно проследить Одиссею этой пастели: как она, написанная Буше для фаворитки Людовика XV и своей ученицы - маркизы Помпадур, попадает из Парижа в скромную лавочку букиниста в Москве. От маркизы Помпадур пастель перешла к ее брату, маркизу *de Marigny*, а после его смерти была продана в Париже с аукциона; потом находилась в Берлине, у художника-гравера Даниила Ходовецкого; на гравюре Ходовецкого "*Cabinet d'un peintre*", представляющей его кабинет, изображена именно эта пастель висящей на стене; затем пастель попала в Берлин на аукцион, а из Берлина — к кому-то в Россию, и в конце концов, к Астапову. Наконец, моему брату удалось купить ее у Астапова за сто рублей и за ящик с сотней рижских сигарет. У А.А.Астапова же были два прекрасных бюстика из белого бисквитного фарфора, изображающие императора Александра I и императрицу Елизавету Алексеевну; в настоящее время Астапов пожертвовал их в Музей 1812 года, и они находятся пока в складе этого Музея, в Потешном Дворце.

Неказисты были эти холодные, неотапливаемые книжные лавочки в "Проломе", но коллекционерам они были дороги, так как иногда они находили там редчайшие вещи. На Никольской, близ Греческого монастыря, под воротами, у букиниста, торговавшего книгами и лубочными картинками, я купил однажды за пять рублей "Народные русские легенды" А.Н.Афанасьева, считающиеся библиографической редкостью. На воскресный торг у Сухаревой башни аккуратно ходили некоторые из моих знакомых и приятелей: И.Е.Забелин, В.К.Вульферт, М.О.Вивьен и др. Я же бывал изредка, и если бывал, то всегда заходил к торговавшему там в лавке глухонемому букинисту, с которым приходилось объясняться с помощью писания на аспидной доске. М.О.Вивьен купил однажды у Сухаревой за бесценок карандашный рисунок П.Соколова, изображающий три детские головки, и продал его мне. Этот рисунок увидал у меня С.С.Стрекалов и попросил уступить ему: оказалось, на рисунке были изображены сам С.С.Стрекалов и его братья в детстве. Взамен соколовского рисунка Стрекалов прислал мне первый и самый интересный из четырех томов сочинения *B.Laborde*'a "*Choix de chansons mises en musique*" ("Избранные песни переложенные на музыку". — *Н.Г.*), с гравюрами *Moreau le Jeune* (изд. 1773 г.). Случалось, что я находил редкие книги у букинистов

и на Красной площади, во время "Вербы". Раз на Смоленском рынке, в здании, где преимущественно торгуют мясом, я купил у букиниста несколько томов сочинений "*Restif de la Bretonne*'а" с гравированными картинками *Binet.*

С парижским книгопродавцем и издателем *Conquet,* в улице Друо, 5, а по смерти *Conquet* — с преемником его дела *L.Carteret* я завязал постоянные отношения и стал выписывать французские книги и изредка давал переплетать их у первых парижских переплетчиков. Переплетать книги в Париже обходилось слишком дорого, поэтому более простые переплеты делал мне в Москве Большаков, имевший переплетную мастерскую на Мясницкой в Кривом переулке. Из Берлина выписывал я себе немецкие книги, прежде через *Behr*'а, магазин которого был "Под Липами", а потом стал выписывать через *Nicolaische Buchhandlung,* что в *Dorotheenstrasse,* 75. (*Nicolaische Buchhandlung* в Берлине основана еще в 1713-м году Фридрихом *Nicolai.*) В 80-х годах XIX ст. во Франции вошло в моду книги, изданные на хорошей бумаге и с широкими полями, давать художникам, которые иллюстрировали их акварельными рисунками. Таких книг с акварелями *A.Raubaudi, Lynch*'а и *Galice*'а купил я у *Carteret* несколько.

Читая книги о старинном польском быте, я заинтересовался ткаными кушаками (пасами), которые носили поляки. (Впоследствии я познакомился в Париже с сыном поэта Адама Мицкевича — Владиславом, у которого купил несколько редких книг о Польше. В.Мицкевич был симпатичный старик и жил в Париже, в улице *Guénégaud,* 7.) Как нарочно, к нам в лавку на Шуйское подворье пришел ризничный костела, что в Милютинском переулке, и предложил мне купить несколько слуцких кушаков. Это послужило началом моему собранию пасов, и некоторое время этот ризничный был моим главным поставщиком их. Он сам получал кушаки и ксендзовские ризы из них от своего отца, ксендза где-то в Ковенской губернии.

Потом я стал приобретать кушаки у польских антикваров Больцевича и Малинского в Варшаве и у других торговцев. Таким образом, постепенно у меня образовалось большое собрание кушаков — литовских, польских и русских. Вообще кушаки у поляков были в старину в большом употреблении: носили их магнаты и вся шляхта; кушаки были широкие, длинные, шелковые и шелковые, затканные серебром и золотом, сплошь или частью, вследствие чего и назывались они литыми и полулитыми. Были кушаки свадебные, пасхальные, траурные и другие; к концам кушаков пришивалась шелковая, серебряная или золотая бахрома. Было в обычае жертвовать кушаки в костелы, где из них шились церков-

ные облачения и ризы ксендзам. В Польше мастерские, в которых ткались кушаки, назывались *persiarnia* или *pasiarnia* (от польского слова *pas* — кушак.) Первая такая мастерская пасов была основана в Несвиже, в XVIII веке, князем Михаилом Казимиром Радзивиллом; на концах кушаков этой мастерской вытканa польская надпись: "*Wnieswiezu*". Затем, в 1760 году, была основана мастерская в Слуцке тем же князем Радзивиллом, и управлялась она Иоганном Мажарским, а по смерти последнего — сыном его Лео Мажарским. На концах слуцких кушаков вытканы или польские, или латинские, или русские надписи: "*Sluck*", "*Ioannes Madzarski*", "*Leo Madzarski*", "*Me fecit Sluciae*", "Лео Мажарский в граде Слуцке". Иоганн Мажарский был венгерского происхождения. Отец его попал в плен к туркам, и Иоганн Мажарский вырос в Стамбуле и научился там ткацкому делу. К князю М.К.Радзивиллу явился Иоганн Мажарский и предложил свои услуги: делать кушаки, золотую и серебряную парчу и шелковые ковры с серебряными и золотыми нитками. В то время князь Радзивилл был своего рода меценатом на Литве, поощрявшим искусство и промышленность. Сохранился договор, заключенный 29 января 1758 года, между князем М.К.Радзивиллом и Иоганном Мажарским. Как этот договор, так и другие сохранившиеся того же времени договоры между Радзивиллом и Мажарским, подписаны Иоганном Мажарским на армянском языке. Из чего следует, что Иоганн Мажарский не умел писать по-польски. Этот факт объясняется тем, что, живя в малолетстве в Стамбуле, Иоганн Мажарский учился только у армянского священника и у армянского учителя. Первые станки для тканья кушаков были привезены Мажарским из Стамбула тайно и частями; потом, уже в Слуцке, он их усовершенствовал. В XVIII веке в Кракове работали кушаки три известные ткацкие мастерские (*Chmielowski, Pucilowski и Maslowski*); в Гродно основал в 1765 году ткацкую кушаков Тизенгауз, в Данциге работал кушаки Беш, и т.д.

У меня имеются еще кушаки, на концах коих вытканы надписи: "*Paschalis*" или изображение пасхального агнеца; надпись "*Kobylki*" или изображение лошади. На одном кушаке из моего собрания вытканы: литовская "погонь" и шифр польского короля Станислава Августа.

В 1807 году Лео Мажарский оставил ткацкую мастерскую, и она опять перешла в управление Радзивилла и продолжала работать до 1844 года. У запорожских казаков кушаки были еще длиннее, чем у поляков. Чтобы опоясаться таким кушаком, запорожец обыкновенно привязывал к чему-нибудь один конец кушака, а другой конец наматывал на себя вокруг талии. В Слуцке работали

в старину не одни кушаки, но и парчовые ткани ("бить" или "ляма"), чешуйчатых и других рисунков, совершенно однородные с кушаками, из которых шились дамские платья.

Будучи в 1889 году в Париже, я познакомился там на Всемирной выставке с известными ювелирами Бабстом и Фализом и заказал им сначала одну миниатюру, писанную эмалевыми красками на золотой пластинке, а потом, в пару к ней, другую. Первая миниатюра была сделана эмальером *Grand'homme*'ом с акварели *Gustave Moreau*, изображавшей "Пери"; а вторая — тем же эмальером и с акварели того же художника и представляла аллегорическое изображение "Химеры". Обе эти миниатюры, стоившие каждая 2500 франков, вышли превосходно и украсили потом мою картинную галерею.

В Москве я заказал Овчинникову серебряную чернильницу и канделябр. Для чернильницы моделью послужил рисунок чернильницы Марии Антуанетты, а для канделябра — эскиз Жермена (*Germain*), одного из знаменитых серебряных дел мастеров конца XVII и начала XVIII в. Чернильница была сделана из золоченого матового серебра, на доске из королевского дерева, а канделябр — из серебра, тоже с матовой позолотой. Фализу я послал в Париж фотографию с канделябра, и он его похвалил. "*Ils* (т.е. канделябры) *font bon effet*, — писал он мне, — *et échappent ainsi à la banalité des pièces qu'on voit dans les boutiques et les salons. J'en fair mon sincère compliment à M.Ovtchinnikoff et vous prie de voiloir bien le lui dire. Peût-être la base aurait elle pu se mieux rapporter au style* des *branches — c'est un peu mou, mais je ne dis cela que pour dire quelque chose*"[23].

Пришлось мне также в Москве заказывать мебель двум столярам. Оба были старики. Один из них поляк, Хилькевич, имел столярную мастерскую на Арбатской площади; ему я заказал кровать и шкаф с резьбой, в стиле Людовика XVI. К сожалению, Хилькевич оказался не совсем добросовестным: деньги забрал вперед, а работал мало; заказанных мною вещей он так и не сделал, и пришлось уже судом получать их от него, далеко не оконченными. Перед тем Хилькевич сделал прекрасные резные дубовые двери в столовой Д.П.Боткина в его доме на Покровке. Неоконченные Хилькевичем кровать и шкаф я подарил сестре моей Ольге, у которой в деревне их удачно отделали свои столяры. Другой столяр, русский, по фамилии Фламандский, торговал мебелью на Большой Никитской; он был из крепостных и когда-то работал на графа А.А.Закревского. Фламандский имел весьма представительный вид и вследствие хромоты ходил всегда с палкой. Ему я заказал кровать, шифоньерку, комод и несколько кресел и стульев из полированного розового, королевского, амаран-

тового, палисандрового и других дерев, в стиле Людовика XVI; он все хорошо исполнил.

Об ужасной кончине императора Александра II 1 марта 1881 года я узнал в тот же день поздно ночью от брата Николая, который в то время еще жил в доме отца и занимал комнату рядом с моей. Помню, я уже спал, когда брат приехал из ресторана "Эрмитаж", разбудил меня и сообщил о случившемся. После чего я уже не мог заснуть.

В 1883 году, во время коронации императора Александра III, я смотрел из Английского клуба въезд государя в Москву; на дворе клуба была устроена деревянная эстрада для членов и их гостей. Присутствовало множество дам, девиц и детей, в светлых нарядных туалетах. Погода стояла великолепная. Клуб представлял редкую оживленную картину, так как в обыкновенное время он доступен только для мужчин. Перед началом въезда публика гуляла в саду и залах клуба. Гостям было предложено от клуба угощение: кофей, чай, шоколад, печенье, фрукты, конфеты. Многие завтракали в клубе. (В коронацию императора Николая II я смотрел въезд также из Английского клуба.)

В 1882 году для Всероссийской промышленной выставки, на Ходынском поле, выстроили превосходное громадное круглое здание из железа и стекла. Были выстроены еще отдельные павильоны. В этом же здании в 1893 году французы устроили свою выставку. К сожалению, впоследствии это здание было разобрано и отправлено в Нижегородскую ярмарку для устройства в нем в 1896 году тоже Всероссийской выставки. Таким образом, Москва лишилась прекрасного постоянного выставочного здания, которое могло бы служить для будущих выставок. Недешево обошлись разборка, перевозка и опять постановка выставочного здания близ ярмарки. После закрытия Нижегородской выставки дальнейшая судьба здания была печальна: долгое время оно стояло пустым, с разбитыми стеклами и в конце концов было продано за бесценок. Между прочим, часть выставочного здания купила транспортная контора "Надежда" и устроила из него склады на ярмарке, на Сибирской пристани.

(В России первая выставка отечественной промышленности была в 1829-м году в Петербурге, вторая — в 1831-м году в Москве, в Кремлевском Дворце. У меня имеются каталоги той и другой выставки, а также акварельный рисунок и лубочная картинка Московской выставки 1831 года. На акварели изображен вестибюль Кремлевского Дворца, где выставлены самовары, железные косы, проволока, сабельные клинки, ткацкие станки и другие вещи. Вдали изображена лестница, разделенная перегородкой на

две половины: по одной половине публика поднимается наверх, по другой — спускается вниз. На лубочной картинке представлено посещение выставки 2 ноября 1831 года императором Николаем I, императрицей и наследником со свитой; длиннобородые купцы с медалями на шеях стоят за прилавками, на коих разложены разные ткани, и один из купцов подносит императрице или шаль, или шарф — что именно, трудно разобрать.)

В 1887 году я потерял одного из лучших моих друзей — Ростислава Николаевича Гришина, с которым находился с 1872 года в постоянной переписке и который, после моего возвращения в 1878 году из-за границы, не раз гостил в нашем доме в Москве и посещал нас в Нижегородской ярмарке. О смерти Гришина я узнал совершенно неожиданно из "Нового времени". Потом Петр Федорович Обломков сообщил мне в своем письме от 22 ноября 1887 года о последних днях жизни моего милого Ростислава Николаевича.

"Смерть Ростислава Николаевича, — писал мне Обломков, — и для меня была большою неожиданностью: 25-го октября я его видел полного сил и здоровья, а в четверг 12-го Н.[оября] узнал о его смерти. В воскресенье 8-го Н.[оября] он хоронил своего приятеля Нелисова, в понедельник был еще в Ученом Комитете, но вечером почувствовал себя немного нездоровым; во вторник пригласил уже доктора, а ночью он чувствовал себя так худо, как писал своему другу Александру Дмитриевичу Дмитриеву, что если он еще проведет такую ночь, то умрет. А.Д. привез к нему другого доктора, который нашел положение его безнадежным и остался у него все время до 5 ч. утра, облегчая его страдания, а в 6 ч. утра Ростислава Николаевича не стало; умер он от паралича сердца. Вот те подробности, которые я слышал от А.Д.Дмитриева почти все время болезни бывшего у Ростислава Николаевича.

В воскресенье 15-го его похоронили на Смоленском кладбище. Покойный рассказывал мне о Вас и как он гостил у Вас в Москве.

Мне очень приятно, что Вы обратились ко мне и тем доказали, что вспомнили Вашего старого учителя".

В 1889 году много говорили о трагической смерти австрийского кронпринца Рудольфа и его возлюбленной, 18-летней девицы Марии Вечеры. У меня сохранилось несколько фотографических портретов этой несчастной девушки, а также фотографический снимок с креста, поставленного на ее могиле. На пьедестале креста вырезана надпись: *"Mary Frelin v Vetsera geb. 19 März 1871, gest. 30 Jänner 1889. Wie eine Blume sproset der Mensch auf wird gebrochen. Joh. 14. 2"*[24].

Впоследствии в Величке на соляных копях мне показывали шелковый плащ, в котором кронпринц Рудольф спускался в шах-

ты, а в Тунисе я встретил в гостинице, в которой остановился, эрцгерцогиню Стефанию, бывшую супругу кронпринца Рудольфа, прибывшую на своей яхте. Эрцгерцогиня приходила обедать в общую залу гостиницы и садилась со своей свитой за отдельный стол, поблизости от моего стола; говорила она неприятным крикливым голосом на чистейшем венском наречии. Через несколько дней после того я ехал из Сук-эль-абры в Алжир и на одной железнодорожной станции опять услыхал крикливый голос эрцгерцогини, которая требовала для себя и своей свиты отдельное помещение в вагоне (эрцгерцогиня путешествовала инкогнито).

Наш дом в Лопухинском переулке постепенно пустел: брат Николай стал жить в отдельной квартире; сестра Надежда уехала в Тулу, на место служения своего мужа; сестра Ольга переселилась в Новотаволжанку; брат Сергей поселился с молодой женой на Волхонке, в доме Ю.А.Воейковой, а затем переехал в дом отца, в Большом Знаменском переулке; сестра Антонина, вышедши замуж, хотя и осталась в Москве, но тоже перебралась на квартиру в дом отца, в Большой Знаменский переулок.

Настал 1890-й год — самый тяжелый в моей жизни. В этом году отец привел в порядок могилу своего отца, находящуюся в Москве, на кладбище Покровского монастыря, где погребено большинство моих родных. Памятник на могилу моего дедушки был вновь сделан в мастерской архитектора Кампиони (на Большой Дмитровке) и поставлен на место прежнего, с возобновленной надписью: “Под сим камнем погребено тело раба Божия московского купца Василия Петровича Щукина, скончавшегося в 1836 года 24-го Апреля пополудни 2 часа. Житие его было 80 лет. Тезоименитство его Апреля 12 дня”.

Осенью отец стал прихварывать. Незадолго до смерти ему было не совсем хорошо, но этому нездоровью особенного значения никто из нас не придавал. В субботу 1 декабря отец жаловался на недомогание, а в воскресенье 2 декабря, во время обеда, он вдруг почувствовал себя дурно; из столовой отец поднялся наверх, в кабинет; скоро началась агония, и наш добрый отец скончался в присутствии матери, братьев Сергея (с женой), Дмитрия, Владимира, Ивана, меня и сестры Антонины с мужем. Брат Николай, приехавший ночью, уже не застал отца в живых. Еще позднее приехали сестры Надежда из Тулы и Ольга из Новотаволжанки со своими мужьями. Отец умер от грудной жабы, на 73-м году своей жизни. (Отец родился 17 января 1817 года.) Начались обычные панихиды и приготовления к похоронам. Швейцар Егор Акимович и повар Егор Петрович, которым часто от отца доставалось, сами попросили, чтобы им позволили читать у гроба отца

Псалтырь, что, конечно, им разрешили, и они по очереди стали читать.

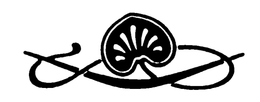
5 декабря состоялись похороны в приходской церкви Воскресения Христова на Остоженке. За отпеванием присутствовали: почетный опекун генерал-лейтенант А.А.Козлов, городской голова Н.А. Алексеев, гласные Думы, выборные купеческого общества, члены московского Учетного банка, родные и много знакомых. Было множество венков, между прочим, от К.Т.Солдатенкова — "В память 52-х летней дружбы". (Отец подружился с К.Т.Солдатенковым еще до своей женитьбы. Оба жили в Москве, в Таганке, и квартира отца состояла всего из двух комнат: в одной стояли кровать и конторка, а в другой – два ткацких станка, на коих работалась кисея.) От церкви Воскресения Христова до Покровского монастыря гроб отца несли на руках рабочие Чижовской артели, по собственному желанию. Похоронили отца около самой монастырской церкви.

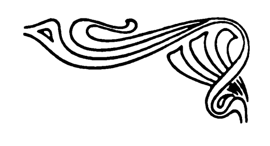
Итак, не стало нашего дорогого отца. Потеря для меня была тяжелая: после его смерти я чувствовал себя осиротевшим.

Недолго жили мы все вместе в отцовском доме в Лопухинском переулке: мать переехала на квартиру в дом Кузьмина, на Большой Никитской, брат Дмитрий — на Волхонку, в дом Ю.А.Воейковой, младшие братья Владимир и Иван со своей старушкой Эммой Карловной — в Дегтярный переулок, в дом Шишкова. Я сам остался в отцовском доме дольше всех, покуда не отделал купленного мною дома в Москве, на Большой Пресне, в Малой Грузинской улице.

ДОПОЛНЕНИЕ К ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ

К моим путешествиям в Португалии и Лондоне добавлю следующее. В Лиссабоне был я в театре "Сан-Карло", где видел королевское семейство. В Лондоне смотрел японскую деревню, которую показывали в каком-то большом здании. Японцев в этой деревне было изрядное количество, с женщинами и детьми, и они занимались разными ремеслами, а также играли на сцене. Заходил я в Лондоне в магазин известного фабриканта духов Аткинсона в *Old-Bond Street* и купил там духи "*Tea Rose*" и "*Frangipanne*". Дочь Марьи Семеновны Пустоваловой, миловидная блондинка, но уступавшая матери в красоте, — просила меня купить для нее духов у Аткинсона, что я исполнил.





ЧАСТЬ

Осмотрев в Москве несколько домов, которые продавались, я остановился на доме статского советника Ильи Лазаревича Серебрякова на Большой Пресне, по Малой Грузинской улице[1]. И.Л.Серебряков, из грузин, был преподавателем грузинского языка в Лазаревском Институте Восточных языков. Он был женат на дочери московского ювелира Махалова. Свое владение на Малой Грузинской улице Серебряков продал мне за сорок тысяч рублей (вместе с купчей оно мне обошлось более 44 тысяч); после этой продажи он скоро уехал на Кавказ, где занялся лесным хозяйством и где умер.

Все владение занимало площадь в 2022 квадратных сажени, и в нем находилось два деревянных дома, из коих один был немного побольше, каждый с садом, двое железных решетчатых ворот, сторожка при меньшем доме и задний двор с полуразвалившимися деревянными службами. Маленький дом был выстроен еще до 1812 года и в этот достопамятный год не горел.

(К истории этого владения покойным архитектором Алексеем Александровичем Мартыновым была написана следующая заметка: "Когда Грузинский царь Вахтанг Леонович от смут внутренних и напастей внешних искал убежище в России, Петр I пожаловал ему в 1724 г. вне Москвы на Пресне реке двор бывшего Рязанского архиерея с принадлежащими к нему землями, а на строение служителям свиты его, вместо квартир и дворов, пожаловано денег 10000 руб. (Дела Моск.Упр.Благочин., вязка 74, год 1748, N 2316. В Арх.Мин.Юстиции Очерк истории церкви и прихода Св.Великомученика Георгия, что в Грузинах, Моск.Епарх.-Вед., год 1872, стр.45. — *П.Щ.*) Таким образом основалась здесь

Грузинская слободка, т.е. Грузины; жители ее были прихожанами или к Покрову в Кудрине, или к Никольской церкви на Новом Ваганькове, так как Георгиевской церкви в Грузинах еще не существовало, которая построена в 1799 г. московским купцом Симеоном Прокопиевым Васильевым. В настоящее время место, пожалованное вне Москвы, вошло внутрь Москвы, и по вправкам оказывается, что дом Петра Ивановича Щукина в Малой Грузинской улице значился в 1793 году (Указатель Москвы 1793 г., часть 1, стр.170. — *П.Щ.*) за Грузинским князем Леоном Меоновичем, гвардии подпоручиком; в 1803 году — за сыном его, коллежским советником, князем Яковом Леоновичем (Планы в Архиве Моск.Гор.Управы. — *П.Щ.*); в 1852 году это владение переходит к сыновьям его, князьям Якову и Сергею Яковлевичам; в 1875 г. владеет этим домом статский советник Илья Лазаревич Серебряков. (И.Л.Серебряков купил землю у тайного советника князя Сергея Яковлевича Грузинского в 1875 году. — *П.Щ.*) В настоящее время владение это принадлежит пот. поч. гражд. Петру Ивановичу Щукину. (П.И.Щукин купил землю у И.Л.Серебрякова в 1891 году. — *П.Щ.*) Принимая в соображение старинных владельцев этой местности, есть основание предполагать, что земля эта и была пожалована Петром I царю Вахтангу Леоновичу, родоначальнику князей Грузинских".)

От покойного Г.В.Грудева я слышал, что в 1812-м году в этом доме стоял какой-то французский генерал. Большой дом был выстроен князем Сергеем Яковлевичем Грузинским. Этот, частью двухэтажный, дом снимал у Серебрякова Иван Карлович Бергенгрин со своей женой Татьяной Алексеевной (урожденной Андреевой), которые остались и моими жильцами до смерти самого Ивана Карловича. В мой дом я не сразу переехал, а занялся его ремонтом, отделкой и постройкой на заднем дворе каменного двухэтажного дома для моих служащих, деревянной конюшни с каретным сараем для моего жильца (большого любителя лошадей), дровяного сарая, ледника, водокачки и подвалов. Архитектором пригласил я Бориса Викторовича Фрейденберга, австрийца по происхождению. В моем доме отбили всю старую штукатурку, весь сруб тщательно осмотрели, заменили, где следовало, новыми бревнами и вновь оштукатурили. Большую часть простых сосновых дверей заменил я дубовыми, которые сделал мне немец Василий Карлович Шуберт, имевший свою мастерскую на Тверской, близ церкви Василия Кесарийского. Замки, дверные приборы и кухонную плиту заказал я немцу же, старику Шмейлю, мастерская которого находилась на Канаве, близ Комиссариата. Декоративную живопись поручил саксонцу Отто Августовичу

Леве. Часть мебели была мною заказана в Москве, у В.К.Шуберта, а часть куплена или заказана в Париже, у известных фабрикантов. Прежнюю деревянную открытую летнюю террасу я сломал и выстроил взамен ее каменную зимнюю, с подвальным водяным отоплением. На этой террасе я устроил нечто вроде зимнего сада, а летом она служила столовой. Леве искусно расписал масляными красками потолок террасы в персидском стиле, а стены выкрасил в коричневый цвет. Парадный фасад дома, выходивший на Малую Грузинскую, был оставлен без изменения: с каменной террасой без крыши и с железной, в стиле *Empire*, решеткой; с этой террасы каменная лестница спускалась в палисадник. Дом был небольшой, но уютный: столовая с дубовой мебелью в стиле Возрождения, со стульями, обитыми кордуанской кожей, сделанной по моему заказу в Париже; гостиная с резной ореховой мебелью в стиле Людовика XV, обитой шелковой материей кремового цвета с пестрыми букетами — фабрики Сапожникова; потолок гостиной был расписан в том же стиле, а стены ее оклеены золотистыми обоями. В кабинете находились большие книжные шкафы и мягкая мебель, обитая коричневого цвета кожей, купленной у моего квартиранта И.К.Бергенгрина. (И.К.Бергенгрин торговал в Москве, на Шуйском подворье, заграничными отделанными кожами и резиновыми калошами.) Маленькая спальня предназначалась для меня, а большая — для приезжих. Последняя была выдержана в стиле Людовика XVI: потолок расписан, а стены обиты голубой полосатой шелковой материей; большая часть мебели была сделана в Париже, из лимонного с красным деревьев и с разными гирляндами роз из пальмового дерева; верхняя часть умывального стола и верхние доски ночных столиков были из алжирского оникса. Кухня находилась в верхнем этаже, куда вела лестница из рифленого железа. Весь дом был одноэтажный, и только кухня, выходившая на задний дворик, помещалась во втором этаже, благодаря чему кухонный чад не проходил в жилые помещения; притом в кухне была устроена такая сильная тяга, что, по словам подрядчика печника Цветкова, «"Московский Листок" мог вылетать в трубу"».

Повар Егор Петрович после смерти отца остался у меня и попрежнему в свободное время читал в кухне Библию, и так как он был отцом многочисленного семейства, то тратил изрядное количество мяса, муки, сахару, свечей и других продуктов.

Растительность в бывшем владении Серебрякова оказалась довольно разнообразной; в особенности много было лип, росли также тополя, белые и красные березы, вязы, ясени, дубы, клены, ели, черемуха, пихты, лиственницы, акации, яблони, груши, рябина,

вербы, сирень, дикий жасмин, туи, татарская жимолость, боярышник. Из окон моего кабинета и спальни видел я весной цветущие яблони и грушевые деревья, а также в розовых цветах штамбовые черешни. (Эти черешни подарил мне мой зять А.И.Иост.) Летом аллеи лип покрывались густою листвою. В саду выстроил я каменную оранжерею, с теплым и холодным отделениями, обращенную рамами на юг. Зимой с мороза приятно было войти в эту оранжерею, когда цвели ландыши, гиацинты, лакфиоли, розы, сирень и другие цветы. На заднем дворе в водокачке устроен был мной артезианский колодец и проведена вода в мой дом, который стал я освещать электричеством, для чего поставил динамоэлектрическую машину в подвале, под каменной террасой. Впоследствии эту машину перевел я в водокачку, где поставил паровик и вертикальный паровой двигатель, занимавший мало места, так что нанятый мной механик днем качал воду в бак, а вечером освещал мой дом и большой электрический фонарь, повешенный в саду на высоком столбе, близ проезжей дороги, ведущей на задний двор.

С переездом на Малую Грузинскую мое собрание старинных вещей все более и более увеличивалось. Недостаток места и небезопасность хранения вещей, в случае пожара, в деревянном доме — невольно заставили меня подумать о постройке теплого каменного дома, вследствие чего я опять обратился к архитектору Б.В.Фрейденбергу и по его проекту и под его руководством начал строить в мае 1892 года музей специально для старинных вещей. Проект музея был в 1892-м году на архитектурной выставке в Петербурге, и на него обратил внимание император Александр III и расспрашивал о музее. Рисунок музея появился в первый раз в том же 1892-м году в английском журнале "*Anual Architectural Review*" с надписью: "*Private Museum and Library for M.Stchukin, Moscow, B.Freudenberg, Architect Moscou*"[2]. Уже потом в "Зодчем" было помещено краткое описание музея с рисунком и чертежами.

В конце января 1892 года состоялась свадьба моего двоюродного брата Петра Дмитриевича Боткина, женившегося на дочери Михаила Павловича Малютина — Софье. 2-го февраля я уехал в Вену, где встретился с молодыми П.Д. и С.М.Боткиными. В Вене купил я у антикваров, братьев *Egger*'ов, два старинных польских ковра, затканных шелком, серебром и золотом. Из Вены отправился в Ниццу, где опять встретился с Боткиными и провел с ними и с жившим там доктором Алексеем Андреевичем Любимовым, Павлом Павловичем Малютиным и Павлом Павловичем Ворониным — карнавал. А.А.Любимов состоял при светлейшей кня-

гине Юрьевской, жившей, смотря по сезону, то в Париже, то в Люцерне, то в Биаррице, то в Ницце. Богач Павел Павлович Малютин, будучи совсем больным, доживал свои последние дни; обыкновенно весьма скупой, ездивший в России по железным дорогам только в третьем классе и носивший зимой старую баранью шубу, мех которой во многих местах был протерт до мздры, Павел Павлович стал теперь щедрее: угощал нас обедами и дорогими винами. С Боткиными и Любимовым был я на *veglione* (маскарад) в Муниципальном театре, куда иначе не пускали, как в костюме или домино цвета белого с серо-голубым (*blanc et mauve*). Дамам за лучшие костюмы давали штандарты, разукрашенные лентами. С маскарада Любимов повел меня ужинать в ресторан, где кавалеры и дамы порядком подвыпили: становились на стулья или даже влезали на столы и говорили спичи. Во время "битвы цветов" на *Promenade des Anglas* Боткины катались вместе со мной в коляске и бросали цветы. С ними же, Малютиным и Ворониным ездил я в Больё есть лягушек. А.А.Любимов был живого, веселого нрава, и жаль, что он умер еще в молодых годах. В Ницце было с ним мое последнее свидание: после мне не случалось встречаться с Любимовым, хотя я и не переставал переписываться с ним. Он все приглашал меня в Ниццу на карнавал, описывая приготовления к нему и какие будут участвовать в карнавальном шествии колесницы, которые он называл "шарами" (от французского слова *char*). 31-го декабря 1897 года я получил от Любимова телеграмму из Ниццы: *"De tout coeur félicite et souhaite bonheur et prosperité. Depuis trous mois gravement malade. Garde le lit, Legère amelioration"*[3]. А 14-го января 1898 года он умер в Ницце. С П.П.Малютиным мне тоже пришлось видеться в Ницце последний раз, так как вскоре после моего отъезда оттуда он скончался. (Странно, что П.П.Малютин просил меня подарить ему домино, которое я надевал на *veglione*. Что я и сделал.)

Распростившись с Любимовым, Боткиными, Малютиным и Ворониным, 18-го февраля я отправился в Марсель. Там посетил знакомого мне талантливого пейзажиста *Décanis*'а, имевшего свое ателье в Старом порте, *Quai du Canal*. Уже прежде я купил у него картину, а в этот раз заказал ему другую. У Деканиса познакомился я с не менее талантливым пейзажистом *Olive*'ом, у которого купил три картины: "Вид Старого порта в Марселе", "Море близ Марселя" и "Вид Виллафранского рейда".

Давно я мечтал побывать в Африке. И вот 20-го февраля сел на пароход "*Général-Chanzy*", отправлявшийся в Алжир. Это был тот самый пароход, который в ночь с 9-го на 10-е февраля 1910 года, на пути из Марселя в Алжир, во время страшной бури раз-

бился о скалы северного берега Минорки, и из всей команды и пассажиров спасся лишь один человек.

Вышли мы из Марселя в хорошую погоду, море было спокойно, но потом началась качка, и я захворал морской болезнью; только утром 21-го февраля, когда вдали показался африканский берег, мне стало легче, а как только я сошел на берег, морская болезнь моя совсем прошла. Остановился я в Алжире в "*Hôtel de la Régence*", находящейся на площади *du Gouvernement*, на которой стоит конная статуя герцога Орлеанского. Вечером пошел в арабские бани, где, как и в других городах Алжирии, одно и то же помещение служит для мужчин и женщин, только в разные часы. (В Алжире арабские бани были открыты для мужчин с 6-ти часов вечера до 12-ти часов утра, а для женщин — с 12-ти утра до 6-ти вечера.) В банях довольно темно, и раздеваться приходится на полу, на разложенных тюфяках; мебели нет никакой. Мыл меня негр на голом каменном полу.

Заглянул я в лабиринт темных узких улиц Козбы, так живо описанной *Pierre*'ом *Loti* в его рассказе "*Les trois dames de la Casbah*" ("Три дамы из Казбы". — *Н.Г.*). На улицах Алжира встречались арабы в бурнусах и женщины-мусульманки в белых широких шароварах и с закрытыми лицами. Побывал я также в ботаническом саду (*Jardin d'Essai*), где прошелся по аллеям исполинских платанов, диких смоковниц, пальм, фикусов и бамбуков. Посмотрел в театре на *veglione*. Сцена была соединена со зрительной залой, и бродило несколько масок в черном домино. После Ниццы алжирский *veglione* показался мне мизерным, и я поспешил уйти.

Из Алжира по железной дороге отправился в Блиду, где прожил два дня. Прежде Блида славилась апельсинами, мандаринами и лимонами, а теперь в этом отношении первенствует находящийся в 30-ти километрах от Алжира Бу-Фарик. (Бу-Фарик прежде был очень лихорадочным местом, но после насаждения эвкалиптовых дерев оно стало здоровее. В Австралии, родине эвкалиптовых дерев, не знают малярии.) Внутри города видел я улицу Башмачников; видел арабов, ткущих бурнусы; на рынке арабы продавали овощи, апельсины, хлеб и другие продукты. Мимо вековой рощи оливковых дерев ездил за город к "Ручью обезьян", но последних не видал: как ни свистал мой возница, но обезьяны не показывались из лесу и к ручью не приходили.

По железной дороге доехал до Медеи. В Медее остановился в гостинице, которую содержал старик, бывший повар Мак-Магона, и в ней столовались офицеры местного гарнизона. В маленьких гостиницах Алжирии во время обеда ножей и вилок не меняли, и стопка тарелок стояла перед каждым прибором. Так было и

в Медее. За обедом хозяин гостиницы в поварском костюме то уходил в кухню, то подходил к столовавшимся, спрашивая их, довольны ли они обедом.

Потом отправился я в контору дилижансов, поддерживающих сообщение между Медеей и Гордаей, и взял себе билет до оазиса Лагуат — одно место на империале[4] позади кучера, где было всего три места. В конторе я спросил, будут ли у меня попутчики, и мне сказали, что со мной поедет "шелковый бурнус" ("*burnous de soue*") из Гардаи, т.е. богатый арабский купец. Дилижанс отходил в 11 ч. ночи. Когда я пришел, чтобы занять свое место в дилижансе, то увидел моего спутника, араба из Мзаба, действительно в шелковом белом бурнусе и с корзинкой из альфы. (Альфа — жесткая трава, растущая пучками в Алжирии и в особенности в большом количестве на высоких сплошных возвышенностях провинции Оран. Альфу едят верблюды и из нее делают корзинки, а в Англии — писчую бумагу.)

Дилижанс, который везла четверка сильных лошадей, тронулся. Мой спутник оказался человеком молчаливым, к тому же, кроме арабского языка, он никакого другого не знал; попробовал я говорить с ним с помощью имевшегося у меня французско-арабского словаря, но безуспешно. Дорогой он вынимал из своей корзинки лепешки и финики, которые ел и которыми угощал и меня. Я же угощал его кофеем в караван-сараях, где мы останавливались для перемены лошадей. Ехали мы в дилижансе всю ночь, горами, покрытыми кедрами, дубами, алеппскими пиниями и другими деревьями. Ярко светили месяц и звезды; спать приходилось сидя, и так как ночь была свежая, то в двух пальто, резиновых калошах и барашковой шапке мне было только что так. Ночью где-то меняли лошадей. Рано утром приехали в Багари, где опять переменили лошадей и где были встречены крикливыми негритенками, приглашавшими нас в видневшееся вдали местечко Богар посмотреть на девиц из племени *Ouled-Naïl*, которые поют, танцуют *la dans du ventre* (танец живота. — *Н.Г.*), а главным образом занимаются проституцией. Эти дамы, встречающиеся во многих оазисах Алжирии, одеты в пестрые наряды, с обнаженными плечами и ногами, носят на себе много украшений: браслеты на руках и ногах, громадные серьги в ушах, на головах тяжелые сооружения сахарской куаферы, на груди — аграфы и на шее — ожерелье из золотых французских монет. В иных ожерельях золотых монет бывает иногда на две, на три тысячи франков, и из-за них арабы нередко убивают и грабят этих дам полусвета алжирских оазисов.

Во время продолжительной и утомительной езды в дилижансе

ободряющим образом действует кофей. Простые арабские кофейни довольно примитивны: посреди кофейни стоит бочка с водой, из которой берут воду для кофея; нет ни столов, ни стульев; арабы сидят на глинобитном полу, покрытом циновками. Кофей приготовляется отдельно для каждой чашки в маленьком медном кофейнике. Этих кофейников имеется большое количество в каждой кофейне. Самый кофей с гущей и чрезвычайно сладкий. От Медеи до Лагуаты ехали мы, считая с остановками, с 11 часов ночи 26-го февраля до 3-х часов дня 29-го. 27-го февраля, около 8-ми часов вечера, приехали в караван-сарай *Guelt-es-Stel*, где ужинали. За ужином присутствовал французский подполковник, которому какой-то каид (начальник племени) поднес блюдо с "кускусом". ("Кускус" приготавливается из пшеничной муки с очень пряным соусом и кусками баранины. У арабов, обитателей оазисов, главная пища — "кускус" и финики.) Подполковник угостил и нас.

Караван-сараи в Алжирии представляют из себя род укреплений, и в прежнее время, когда не был еще умиротворен край, служили для защиты от внезапных нападений арабов; поэтому снаружи видишь одни стены с бойницами и ворота, а окна выходили во внутрь двора. Эти караван-сараи принадлежали правительству и отдаются в аренду содержателям почтовых станций. В караван-сараях можно получить порядочные завтрак, обед или ужин, имеются вина, ликеры и даже шампанское, разные консервы и минеральные воды, только нет льду. После ужина, умывшись, лег я спать не раздеваясь, потому что рано утром надо было снова пускаться в путь. Утро наступило холодное. Подкрепившись и согревшись стаканом черного кофея с белым ситным хлебом, я взобрался опять на свое место в дилижансе. Внутри дилижанса сидели шесть арабов, на каждом из коих для тепла было по нескольку бурнусов. Когда мы выехали из караван-сарая, было еще темно и светили звезды. Дорогой попадались арабы, закутанные в бурнусы и сидящие около пылающих костров, окруженные верблюдами. Днем в одном караван-сарае за завтраком давали дикую спаржу, очень тонкую и имеющую горьковатый вкус.

Проехали Джельфу и к вечеру 28-го были в *Aïn-el-Ibel* (по-арабски "Колодец Верблюдов"), где содержатель караван-сарая угостил меня, как редкостью, прекрасными яблоками, которые росли у него в саду. В *Aïn-el-Ibel* ночевали и до рассвета тронулись в путь. В Сиди-Маклу за завтраком дали мне перепелку. Перед въездом в оазис Лагуат пришлось, по случаю глубоких песков, всем вылезать из дилижанса и помогать лошадям его тащить.

Вообще при переезде из Медеи в Гардаю, где приходится ехать тяжелой дорогой, впрягают дополнительных лошадей, называемых *cheveaux de renfort* (лошадь подкрепления. — *Н.Г.*). Иногда попадались фургоны с товаром, и каждый такой фургон везли 20 или даже более лошадей, так трудна дорога. Дорогой встречались также караваны: на верблюдах в паланкинах сидели женщины, а подростки арабы в изношенных, оборванных бурнусах предлагали пучки дикой спаржи. Изредка вдали чернели палатки кочевников. Красивую картину представляли арабы-всадники, часто на белых конях; видел я, как они соскакивали с коней, становились на колени и, не стесняясь посторонних, начинали молиться, причем вместо воды брали в руки песок. (Мусульмане обыкновенно молятся пять раз в день: при восходе солнца, в 12 часов дня, в 3 часа дня, при закате солнца и при наступлении ночи.) Под вечер в темноте случалось, что дорогу перебегал шакал. Дорогой же незаметно кусали блохи, оставляя следы на белье в виде множества мелких кровяных пятен. Остался у меня в памяти кучер по имени *Riquet*, который нас вез в дилижансе от Медеи до Лагуаты. Средних лет, здоровенный, грубоватый, в блузе и берете, Рике отлично правил лошадьми. Любил он также выпить и пользовался большим расположением у хозяек караван-сараев, так как исполнял разные их поручения, за что они всегда его угощали, в особенности вином.

В Лагуате я остановился в единственной тогдашней гостинице "*Hôtel des touristes*", всего с тремя комнатами для редких приезжих. В этом городке Северной Сахары прожил я три дня. Столовался в кофейне, находившейся при гостинице. Между разными блюдами давали дикие трюфели белого цвета, не особенно вкусные. Прислуживавший за столом негр, подавая трюфели, то и дело повторял слово "терфес", что по-арабски значит "трюфель". Одновременно со мной обедал французский капитан с лицом оранжевого цвета, приехавший из Тонкина и схвативший там желтую лихорадку. Содержатель гостиницы, побывавший, кажется, во всех частях света, был ко мне очень внимателен и любезен; по моей просьбе, он приказал кухарке-негритянке приготовить кускус; затем показал мне достопримечательности Лагуата. С ним сделал я визит баши-аге, при доме которого находился сад с финиковыми пальмами и другими фруктовыми деревьями (сад баши-аги представлял печальный вид: почти полное отсутствие травы, почва сухая и глинистая, перекопанная оросительными канавами; о дорожках не было и помину); зашли в кофейню с миниатюрным садом, где застали нескольких солдат и выпили по стакану пива; заглянули в еврейский квартал, население коего носит

такой же костюм, как и арабы-мусульмане, и отличаются от последних лишь своим еврейским типом; посмотрели, как на улицах арабы жарили на углях саранчу, которую тут же ели, и как арабские женщины мыли белье не руками, а ногами. (По дороге в Лагуат мы встретили густо сидящую на большом пространстве земли саранчу, пожирающую траву.)

Европейское население Лагуата состояло главным образом из солдат, для коих выстроены казармы в виде длинных одноэтажных домов. Город окружают сады, в которых преобладают, как во всех оазисах Алжирии и Тунисии, финиковые пальмы; растут также оливковые, лимонные, апельсиновые, персиковые, грушевые, абрикосовые, фиговые и гранатовые деревья, виноградная лоза и разная зелень, в особенности много луку. (Финиковая пальма достигает в Лагуате громадной вышины и требует, чтобы ее крона купалась в лучах солнца, а корни — в воде, притом плоды ее созревают лишь при известной сухости воздуха.) Невольно вспоминается характеристика африканских оазисов, сделанная Плинием Старшим[5]: "Под громадной пальмой растет оливковое дерево, под ним фиговое дерево, под фиговым пунический виноград, под виноградом сеются плоды, и все они питаются чужой тенью".

Содержатель гостиницы повел меня на песчаные дюны, лежащие вне оазиса. Вечерело. Вереницы верблюдов тянулись на водопой. Вспомнилось мне древнее сравнение Сахары со шкурой барса: желтый фон шкуры — это пустыня, черные пятна на ней — оазисы.

Перед отъездом из Лагуата купил я себе коричневый бурнус из верблюжьей шерсти. Из Лагуата той же дорогой, в дилижансе, пустился я в обратный путь в Медею. На этот раз моим спутником был молодой веселый француз, коммивояжер. Ехал также в дилижансе маркитант квартировавшего в Лагуате батальона с молодой красивой женой, за которой всю дорогу волочился коммивояжер, между тем как муж ее пьянствовал.

Из Медеи вернулся я в Алжир, а оттуда отправился по железной дороге в Тизи-Узу (в Кабилию), куда приехал вечером и где остановился в маленькой опрятной гостинице. В столовой гостиницы стояла в углу большая корзина с чрезвычайно крупными и сладкими апельсинами. Мне подали прекрасный обед, а на десерт — местные миндаль и сушеные винные ягоды. Апельсинов же можно было брать из корзинки сколько угодно. Автор прекрасного обеда — молодой повар, узнавши, что я из Москвы, явился в столовую и сообщил, что он работал еще недавно в московском ресторане "Эрмитаж", у Оливье, в доказательство чего показал мне много обеденных меню этого ресторана.

Рано утром, взяв парную коляску, я поехал в *Fort-National*, который находился в центре Кабилии. Во время пути я несколько раз выходил из коляски и поднимался в расположенные по сторонам дороги на горах кабильские деревни, напоминающие аулы на Кавказе или деревни в Боснии. В кабильских хижинах — из камня, с черепичными крышами, без окон — люди живут вместе с животными; отдельных комнат нет, только более высокий глинобитный пол отделяет первых от последних. Дома с окнами встречаются лишь у разбогатевших кабилов. Вообще кабилы грязны и неопрятны: все ходят одинаково нищенски одетыми. Главное производство в стране — оливковое масло, но так как у кабилов нет желания единения в работе, то каждый делает масло лишь для себя. Укрепления *Fort-National* расположены на горе; вдали виднеются более высокие горы. Гарнизон состоит из батальона зуавов[6]. В *Fort-National* купил я несколько серебряных ювелирных вещей грубой кабильской работы. Вечером вернулся опять в Тизи-Узу, откуда по железной дороге отправился в город Бужи, а оттуда в дилижансе — в Сетиф. (От Бужи до Сетифа 113 километров, которые дилижанс делает с остановками в 12 часов.)

Выехали из Бужи еще до рассвета, когда в гостинице все спали, и потому кофей пришлось пить на первой остановке, во время перемены лошадей. Поначалу ехали берегом моря, мимо садов, из коих сильно пахло флердоранжем; потом дорога пошла лесом; затем — ущельем Шабет-ель-Акра (по-арабски — "Ущелье Смерти"), где дорога проложена французами между гигантскими скалами. При входе в ущелье на одном камне высечена надпись: "*Ponts et chaussés Sétif Châbet-el-Akhra. Travaux exécutés 1853-1870*"[7]. При выходе из ущелья сделана на камне же другая надпись: *"Les premier soldars qui passèrent sur ces rives furent des tirailleurs, commandés par M. le commandant Desmaisons, 7 Avril 1864"*[8].

Переночевав в Сатифе, по железной дороге поехал я в Константину (древнеримская *Cirta*). Этот город, выстроенный на высокой скале, образует полуостров, омываемый речкой Руммелем, и представляет из себя естественную крепость, взятие которой дорого обошлось французам. Как большая часть алжирских городов, Константина состоит из европейского, арабского и еврейского кварталов; в последнем я видел таких красивых еврейских детей и девиц, как нигде. В Константине был в арабских банях, таких же, как в Алжире.

По железной дороге сделал экскурсию в Бискру, где пробыл недолго, потому что из пустыни задул удушливый ветер и отравил пребывание в этом оазисе. При таком ветре нечего было и

думать пускаться в Уэд-Рир, погибающие оазисы которого, благодаря устройству французами артезианских колодцев, опять ожили, и куда до Тугурта можно было ехать в дилижансе. В Бискре посетил деревню, населенную неграми, и улицу, обитаемую девицами из племени *Ouled-Naïl*.

На обратном пути из Бискры остановился я ночевать в Батне, чтобы оттуда рано утром на лошадях съездить в Ламбессу (древнеримская *Lambaesis*) и Тимгад (древнеримский *Thamugade*). (Батна по-арабски значит "бивуак". От Батны до Ламбессы 11 километров.) В Ламбессе в настоящее время тюрьма (*pénitencier*), а в конце царствования императора Траяна[9] туда был переведен из Тебессы III-й легион Августа (*legio teria Augusta*) и при Адриане[10] выстроен лагерь, остатки которого еще сохранились. (При Наполеоне III[11] в Ламбессу ссылали политических преступников. Ламбесская тюрьма и часть города Батны выстроены из прекрасных камней, взятых из развалин Ламбессы. Заключенные этой тюрьмы строили железнодорожную линию от Батны до Бискры. Они же работали на раскопках в Ламбессе и Тимгаде.) В стенах древнеримского Преториума собраны статуи, барельефы и в особенности много предметов с эпиграфическим текстом, касающимся третьего легиона, по которому, т.е. по тексту, можно прочесть всю историю и все устройство этого легиона. В Преториуме имеются также кирпичи, сделанные солдатами третьего легиона, с клеймом: *leg III Aug* (т.е. *legio III Augista*). К сожалению, само здание Преториума без крыши и доступно холоду, дождю, снегу, ветру и солнцу. В 1893 году в Преториуме было всего выставлено предметов 507 номеров.

Из Ламбесы поехал посмотреть развалины находящегося в 27 километрах от нее города Тимгады. Как видно из надписи на триумфарной арке этого города, он был основан в царствование Траяна легатом пропретором (наместником провинции. — *Н.Г.*) Люцием Мунацием Галлом, в сотом году (после Р.Хр.) и выстроен солдатами третьего легиона. Тимгад давал рекрутов для этого легиона, составлявшего всю тогдашнюю оккупационную армию Африки. (Римская армия в Африке состояла из легиона и нескольких вспомогательных когорт, всего около 27000 человек. Гарнизоны были только в Карфагене и на границах. Между тем в Африке бывали и восстания туземцев, но римляне умели их подавлять. Притом Рим владел не только Алжирией и Тунисией, но и Марокко, и Триполитанией. Французы же, несмотря на то, что владеют лишь двумя первыми, должны содержать, по крайней мере, вдвое больше войска. Третий легион участвовал также в осаде Иерусалима Титом в 79 году после Р.Хр.) Сам же город

имел исключительно гражданское население. В мою бытность в Тимгаде я видел там открытые: триумфальную арку, публичные латрины[12], форум[13], лавки, курию[14], трибуну для ораторов, храм Победы, театр, бани, храм Юпитера Капитолийского, рынок, христианскую базилику и византийскую крепость.

На постройку этих зданий были употреблены разные ценные сорта мрамора. Что касается до камня, то он встречается в трех видах: голубой и белый известняк и песчаник. Форум, как видно по сохранившимся на плитах игральным столам, служил также для игр. На одном таком столе сохранилась следующая вырезанная надпись: *"Venari, lavari, ludere, ridere, occ vivere"*, т.е.: "Охотиться, купаться, играть, смеяться — это есть жизнь".

Арабы из-под полы своих бурнусов показывали и предлагали мне купить древние светильники, монеты и т.д.. Таким образом расхищаются древние мелкие вещи. Уследить за хищением трудно, хотя для охраны в Тимгаде было разбито несколько палаток и стояли часовые зуавы. Закусив на развалинах взятой с собою провизией, я пустился тем же путем мимо Ламбессы обратно в Батну.

Из Батны по железной дороге заезжал в Тебессу, древнюю римскую *Theveste*. Как в Батне, Ламбессе и Тимгаде, так и в Тебессе — первыми хранителями найденных древностей и археологами были французские военные и полковые священники. (Генерал *Brunon*, полковник *Carbussua*, генерал *Creully*, капитан *Farges*, полковник *Foy*, майор (*commandant*) *Leroux*, майор *Delamare*, капитан *Moll*, майор *Payen*, подполковник *Plaefair*, капитан *Ragot* и капитан *Toussaint*.) Например, в Тебессе в кавалерийских казармах показывают замечательный мозаичный пол бывших римских бань, а в так называемом Храме Минервы тебесский священник устроил музей местных древностей.

Ни в какой стране римских владений не находили столько мозаичных полов, как в Северной Африке, но и нигде не обходились с меньшим уважением к этим драгоценным произведениям римского искусства, чем в Алжирии. Многие из этих мозаик, благодаря небрежности, погибли навсегда или сильно попорчены. В особенности много мозаичных полов открыли в термах и частных домах богатых римлян.

В сущности, неизвестно, кому был посвящен этот храм. Храмом Минервы назвали его потому, что приняли орлов, украшающих карниз храма, за сов. Орлы же дали другим повод называть его храмом Юпитера. В храме последовательно помещались: мыльная фабрика, бюро инженерного ведомства, мусульманский суд, питейный дом, военный клуб, тюрьма, церковь и, наконец, музей.

Из Тебессы отправился я по железной дороге в Тунис. Во время пути туда познакомился с директором ламбесской тюрьмы, военным врачом из *Géryville*'я, и с одним коммивояжером. В Тунис мы прибыли ночью. На беду две лучшие тунисские гостиницы оказались переполненными приезжими, и нам пришлось довольно долго в сопровождении негра искать себе пристанище и бродить в плохо освещенных улицах города. Директор тюрьмы и врач нашли себе приют в маленькой гостинице, а я с коммивояжером поместился в невзрачных меблированных комнатах, которые содержала какая-то мальтийская женщина. Помню, что моя комната выходила на плоскую крышу. Впрочем, на другой же день мы перешли в прекрасную "*Hôtel de Paris*", где освободилось несколько номеров. Во всех комнатах этой гостиницы были белые мраморные полы. В "*Hôtel de Paris* " также остановилась прибывшая на своей яхте эрцгерцогиня Стефания, о которой я уже имел случай говорить в 4-й части "Воспоминаний".

В Тунисе прожил я три дня. На улицах города встречались безобразно толстые еврейки в своих неприличных костюмах (в белых панталонах), тунисские мусульманки в белых бурнусах и с лицом, закрытым черным платком, тунисцы в широких шароварах, в фесках или чалмах и зуавы в своей живописной форме. Среди улиц шли ослы и верблюды с разными поклажами. В крытом базаре (по-арабски — "сук") торговали оружием, шитьем, розовым маслом и разными другими товарами. Взяв из гостиницы проводника-тунисца, поехал я в ландо в окрестности города. (Мой проводник сначала сидел рядом со мной в экипаже, но потом, вследствие того, что он засыпал и падал на меня, я пересадил его к кучеру на козлы, где ему поневоле, чтобы не упасть с козел, пришлось держаться бодрее.) Перед тем осмотрел бейский дворец в Бордо с его прекрасным музеем. Увидал я загородный бейский дворец "*la Marsa*" (дворец "*la Marsa*" видел я только снаружи, так как, по случаю пребывания в нем бея, внутрь не пускали), Сиди-бу-Саид, собор *S-t Louis*, музей, основанный кардиналом *Lavigerie* и устроенный отцом *Delattre*'ом, состоящий из богатых коллекций, относящихся до пунического, римского и христианского Карфагена, древние карфагенские военный и коммерческий порты и тунисский порт *Goulette*.

Мое желание было пробраться внутрь Тунисии, но я не располагал временем, ибо хотелось еще видеть в Алжирии провинцию Оран, да и надо было спешить в Москву, чтобы начать стройку каменного дома для старинных вещей; притом в мою бытность в Тунисе тамошние пути сообщения оставляли желать многого: не были еще проложены железные дороги, как теперь. В Тунисии

манил меня священный город Кайруан и оазисы Джерида: *Tozeur, Nefta, El-Oodeane* и *El-Hamma*, откуда получаются лучшие сорта фиников. В особенности тянуло меня взглянуть на развалины когда-то цветущих римских городов: *Thugga (Dougga)*, *Thysdrus (El-Djem)*, *Sufetula (Sbeïtla)* и др. Недаром говорит Гастон Буассье[15]: "Это римская цивилизация, развалины которой триумфируют в Африке: нельзя сделать шага, чтобы их не встретить. В продолжение нашей экскурсии мы нашли Рим всюду". (Арабы справедливо называют европейцев, внесших в Африку культуру, "руми", т.е. потомками древних римлян.)

14 веков назад римляне были хозяевами в Северной Африке и оставили красноречивые следы своего хозяйства. Африка была главной житницей Рима. (Рим получал из Африки главным образом хлебное зерно, оливковое масло, вино, лошадей и мрамор.) Где теперь пустыня — во время римлян, благодаря орошению, было плодородие. Видны еще остатки римских плотин, каналов, водопроводов, цистерн. Древние римляне были замечательными колонизаторами и умели управлять: посылали в Африку проконсула со свитой и прокураторов, которые заведовали императорскими имениями. Ренан[16] говорил, что на свете только три истории первостепенной важности: греческая история, история Израиля и история Рима. Буассье добавил, что Греция научила нас искусству, Израиль дал нам религию, а у римлян мы учимся, как управлять народами.

Замечательные постройки в Африке сделаны или за счет городов (*pecunia publika*), или каким-нибудь благодарным гражданином. Например, Марий Квадрат[17] выстроил удивительный театр в Туге (*Thugga*) в благодарность за то, что сограждане назвали его священником императора. Богатые римляне давали народные праздники, угощения, даровой театр; строили храмы, бани, мосты, триумфальные арки, театры, амфитеатры, украшая их колоннами, барельефами, мозаиками и статуями, притом строили не для тщеславия, но для воздействия на покоренных жителей. После падения Римской империи пришли вандалы, потом византийцы, затем арабы. Вандалы только разрушали, византийцы разрушали римские постройки и возводили крепости и базилики; арабы разрушали и римские, и византийские постройки и строили мечети. И несмотря на все разрушения, произведенные вандалами, византийцами и арабами, в Северной Африке осталось до сих пор столько замечательного для интересующихся древнеримским искусством.

В Тунисе получил я печальное известие о кончине в Ницце Павла Павловича Малютина.

Чтобы ехать в провинцию Оран, отправился я по железной дороге в Алжир. Дорогой остановился в Сук-ель-Арбе (по-арабски — "Рынок Среды"), предполагая оттуда посетить Табарку. Ночью, выйдя на станцию Сук-ель-Арба, я увидал, что улицы залиты водой и что арабы на своих спинах переносят европейцев. Я последовал примеру последних, т.е. сел на спину одного араба, который, приподняв свой бурнус и идя по колено в воде, донес меня до примитивной гостиницы, где в отведенной мне комнате были выбиты все оконные стекла, отчего немилосердно дуло. Утолив кое-как свой голод, лег я в сырую постель, но от холода и уличного гама не мог заснуть. Слышно было, как ослы шлепали по воде, как кричали их погонщики, как в арабских кухнях что-то жарили и как шли неумолкаемые разговоры болтливых проголодавшихся арабов.

Дело в том, что у арабов в это время был пост (Рамадан), когда мусульмане от восхода до заката солнца не пьют, не едят и не курят; зато всю ночь бывают открыты кофейни, кухни, съестные и табачные лавки. В городах обыкновенно пушечный выстрел с казбы возвещает правоверным, что можно пить, есть и курить.

На другое утро ехать в Табарку, вследствие наводнения, оказалось невозможным, и я отправился прямо в Алжир. Из Алжира выехал по Оранской железной дороге в городок *Perrégaux*. Между Алжиром и Ораном ходит вагон-ресторан. Дорогой, во время остановки на одной станции, наш поезд встретился с поездом, переполненным зуавами. Повар нашего вагона-ресторана вышел было посмотреть на них, как был встречен криками зуавов, которые шутя как бы заказывали ему разные блюда: "*Un filet aux pommrs*, — кричали они, — *un beefsteak, un filet de sole, une omlette au jambon*", и т.д.

Население *Perrégaux* состоит главным образом из испанцев. Как будто находишься в каком-нибудь городе Андалузии: на улицах видишь испанцев, головы которых повязаны пестрыми фулярными платками, слышишь испанскую речь.

Из *Perrégaux* уже по узкоколейной железной дороге отправился я на юг Оранской провинции. Дорогой заехал в город Маскару, бывшую столицу Абд-ель-Кадера, а оттуда в Сайду.

В Сайде остановился в гостинице "*de la Paix*", которую содержал маркиз Ель-Кантара. Все комнаты гостиницы были заняты, и мне отвели комнату в каком-то частном доме. В Сайде стоял батальон иностранного легиона, и офицеры его столовались в гостинице, некоторые даже со своими семьями. Перед закатом солнца пошел я погулять по Сайде. Воздух был напоен ароматическим пряным запахом, происходившим от топки печей лантис-

ком, туей и другими смолистыми деревьями. Встречались солдаты иностранного легиона во французской форме, и странно было слушать их разговоры на немецком языке.

Рано утром тронулся поезд из Сайды по направлению к поселку Аин-Сэфра. Так как на станциях не было буфетов, то хозяин гостиницы дал мне в дорогу корзинку из альфы с провизией: кабаньим мясом, сыром, хлебом, вином, минеральной водой, апельсинами и сушеными фруктами. Дорога постепенно поднималась на сплошную возвышенность, покрытую альфой, которую эксплуатировало Франко-Алжирское общество. *В Ain-el-Hadjar*, мимо коего мы проезжали, у общества большие склады этой травы.

После *Ain-el-Hadjar*'а начинаются укрепленные железнодорожные станции с блиндированными башнями. Ель-Крейдер — большая укрепленная станция с гарнизоном: всюду видишь военных. Сейчас после Крейдера проехали мы поперек "шота" — большого, летом высыхающего соленого озера, которое на солнце блестит как снежная равнина. Близ станции *Méchéria* выстроены казармы на 2000 солдат.

Аин-Сэфра (по-арабски "Желтый Источник") была тогда конечной станцией Франко-Алжирской железной дороги и находилась у длинной линии дюн светло-желтого песка, имевшей вид невысокого горного хребта. За этим хребтом синели более высокие горы. (В октябре 1904 года в Аин-Сэфре было наводнение, во время которого утонула Изабелла Эбергардт, автор интересной книги "Тень Ислама" (переведенной с французского). И.Эбергардт, русская по происхождению, а по религии магометанка, вышла замуж за араба, французского подданного.) В Аин-Сэфре, где находится арабская деревня, стояли: батальон иностранного легиона, эскадрон спаисов и артиллерия. Гражданское европейское население состояло из кабатчиков и лавочников, преимущественно испанцев. В гостинице для приезжих было всего две комнаты, в одной из коих жил старичок-француз, натуралист. По приезде сделал я визит полковнику, коменданту Аин-Сэфры, и попросил у него разрешения съездить в оазис Тиут. Чтобы ехать туда, я не нашел в Аин-Сэфре другого экипажа, кроме двухколесной тележки, в которую мой возница испанец укрепил венский стул. Дорога в Тиут оказалась мерзейшей: экипаж прыгал по камням, и от толчков легко можно было откусить себе язык. В начале оазиса находятся скалы, на которых вырезаны любопытные линейные рисунки, относящиеся к весьма древнему времени и представляющие людей и зверей (между последними — слон).

Из Аин-Сэфры отправился я в обратный путь. Доехав до

Perrégaux, свернул в Тлемсен, куда приехал 5-го апреля, в день Светлого Христова Воскресенья. (Тлемсен остался мне памятен еще по следующему случаю. В Москве, у портного Жоржа (*Gorge*) на Тверской, была хорошенькая дочка, посещавшая мой музей. Потом (в 1900 году) она представила мне своего жениха, капитана 2-го полка африканских стрелков Луи Альфреда *Courtois*, с которым после свадьбы уехала в Тлемсен, где квартировал его эскадрон. Вскоре из Тлемсена капитан *Courtois* прислал мне письмо с новогодним поздравлением. Впоследствии я получил извещение о смерти капитана *Courtois*, последовавшей в Марселе 11 апреля 1904 года.)

Осмотрев замечательные тлемсенские мечети, по железной дороге поехал я в Сиди-бель-Аббес. Правильно распланированный, с хорошими гостиницами, казармами 1-го полка иностранного легиона, театром и т.д., Сиди-бель-Аббес делает впечатление большого города. В гостинице дали мне хорошую высокую комнату. Улицы и площади засажены тенистыми платанами. В предместьях города живет много испанцев. Вечером пошел я в театр, где труппа из Мостаганема давала "Трубадура"; пели и играли мостаганемские артисты весьма плохо. Оркестр, всего из пяти человек, играл не лучше. Публика состояла почти из одних солдат иностранного легиона.

От Сиди-бель-Аббеса недалеко до столицы Оранской провинции. 7-го апреля прибыл я в Оран, где увидал Средиземное море и живописную гавань с выстроенным на высокой горе фортом *Santa-Kruz*. В гавани невольно бросалось в глаза множество вывесок на испанском языке. Там же были выстроены большие склады льду, доставляемого на кораблях из Норвегии. В здании префектуры полюбовался я на роскошную парадную лестницу из местного оникса разных цветов; едва ли где можно встретить подобную лестницу. Гостиница, где я остановился в Оране, оказалась прекрасной и самой лучшей из всех алжирских и тунисских.

Из Орана поехал по железной дороге до станции Бу-Медфа, где нанял экипаж в *Hammam R'irha*. (От станции Бу-Медфа до *Hammam R'irha* 14 километров.) В это прекрасное местечко, известное своими минеральными водами, приехал я, когда уже совсем стемнело, и потому только на другой день мог его рассмотреть.

Hammam R'irha было известно еще римлянам. (В царствование Тиверия[18] на месте, где теперь заведение минеральных вод, существовал римский город *Aguae-Calidae*.) Французское военное начальство выстроило в 1841 году в *Hammam R'irha* госпиталь, а в 1877 г. оно отдало минеральные воды в аренду на 90 лет лионцу Альфреду Арлес-Дюфуру.

Климат в *Hammam R'irha* отличный: в январе на открытом воздухе цветут розы. Гостиница, выстроенная Арлес-Дюфуром, со всеми удобствами; поблизости от нее — лес пиний. В *Hammam R'irha* жил одну зиму покойный великий князь Георгий Александрович.

10-го апреля я вернулся в Алжир, а 13-го на том же пароходе, на котором прибыл в Африку, т.е. на "*Général-Chanzy*", отправился в Марсель. На этот раз море было спокойно и погода прекрасная.

Прожив два дня в Марселе, затем четыре дня в Париже, через Вену поехал я во Львов, куда попал во время национального праздника в память Костюшки: днем смотрел за городом, как поляки и польки возили на гору тачки с песком, а вечером был в театре, где давали патриотическую пьесу, в которой фигурировал Костюшка и русские войска побеждались польскими. В еврейской медярне попробовал старого польского меду, чрезвычайно сладкого и крепкого; такой же мед пил я, когда был в Кракове. (В медярнях пьют и продают только один мед.) Осмотрел также во Львове музей графов Оссолинских.

Из Львова, через Казатин, приехал я в первый раз в Киев. На улицах встречалось множество богомольцев и богомолок с котомками. Гостиница, в которой я остановился, оказалась плохой и дорогой. Купленное мною в кондитерской Балабухи, на Крещатике, сухое киевское варенье тоже мне не понравилось: куда лучше было оно в Москве, в когда-то существовавшей на Никольской кондитерской Савицкого. Разочарованный Киевом, вернулся я 25-го апреля в Москву.

По моему возвращению из Киева началась стройка моего музея и расчеты с некоторыми подрядчиками, производившими у меня разные постройки. Между прочим, с подрядчиком-штукатуром Пигасием Ивановичем Кононовым, желавшим получить с меня больше, чем следовало; расчет затянулся, и дело впоследствии дошло до суда. Я взял себе в адвокаты Сергея Макаровича Владимирского, а со стороны Кононова был присяжный поверенный Николай Владимирович Соколов. Суд заседал у меня на террасе; были вызваны свидетели, и священник привел их к присяге. После проверки по натуре произведенных Кононовым штукатурных работ оказалось, что он в счету где написал лишнее, а где поставил несообразные с работой цены, и ему пришлось сделать мне со счета значительную скидку. (П.И.Кононов взыскивал с меня 1777 рублей 49 копеек, а получил в 1894 году всего 803 рубля 80 коп. + % — 72 руб. 80 коп.)

Постройку музея начал я в мае 1892 года, а окончил ее в сен-

тябре 1893 года. (Летом 1892 года я ездил раз с архитектором Б.В.Фрейденбергом, а другой раз с художником О.А.Леве в Ярославль (с последним ездил еще и в Ростов-Ярославский); Фрейденберг и Леве зарисовали в тамошних церквах некоторые детали, коими воспользовались при постройке музея.) Двухэтажное здание музея выстроено из красного кирпича, со сводами, цоколь оштукатурен портландским цементом в виде граней. При кладке здания все каменные украшения тесались из кирпича или мячковского камня, как это делалось в старину. В кокошнике главного фасада вставлено большое барельефное изображение единорога, сделанное из радомского песчаника; из такого же песчаника сделан над балконом бокового фасада меньший барельеф, представляющий птицу Сирина. Для большой подвески на крыльце моделью послужила подвеска в церкви Иоанна Предтечи в Ярославле. На фризах и в ширинках вставлены пестрые рельефные изразцы, заказанные по рисункам Фрейденберга на заводе Матвея Сидорова Кузнецова. В кокошнике, вокруг барельефа, облицовку сделали из разноцветного эмальерованного кирпича. Шатровые кровли крыльца и башни главного входа покрыли зеленой поливной черепицей с полосатыми, желтого, красного и зеленого цвета поливными же жгутами по краям; купол и все остальные крыши покрыли шашками из листового железа зеленого и красного цвета. (Полива уже через год стала с черепиц слезать, так она была непрочно сделана на заводе М.С.Кузнецова.) Балкон бокового фасада скопировали с балкона в доме бояр Романовых, что в Москве, на Варварке. Наружная лестница, ведущая во второй этаж, где помещаются музейная зала и библиотечная комната, сделана из красного финляндского гранита; внутренняя лестница, ведущая во второй этаж, из зеленовато-серого эстляндского мрамора. Двухстворчатая решетчатая дверь перед наружной лестницей и решетка на внутренней лестнице — из кованого железа, расписанного оранжевой, красной, голубой и зеленой красками и золотом. Моделью для двери послужила старинная дверь, имеющаяся в моем собрании, а для решетки — решетка, находящаяся в Николо-Мокринской церкви в Ярославле.

В музейной зале сводчатый потолок образует девять восьмигранных куполов, поддерживаемых четырьмя чугунными расписными колоннами. Длина залы 21 арш.[19], ширина — 18; высота от пола до центра куполов — 10 арш. Куполы расписаны по бирюзовому и желтому фонам разводами со стилизованными листьями и цветами, белой, желтой, голубой, зеленой и красной красками; а по углам куполов написаны коричневой и темно-желтой красками: грифоны, китоврас и птицы Сирин и Алконост.

Стены залы выкрашены темно-оранжевой краской. Зала в два света: с каждой стороны шесть больших окон, закрываемых железными ставнями. Подоконники сделаны из зеленовато-серого эстляндского мрамора, а пол мозаичный (*terrazzo*). В залу ведет двухстворчатая железная расписная дверь, украшенная бронзовыми, золочеными, рельефными, прорезными двуглавыми орлами, львами и единорогами в кружках. (Подобные двери встречаются в старинных русских церквах.) Сводчатый потолок библиотеки расписан наподобие небесного свода — синей краской с золотыми солнцем и звездами и серебряным полумесяцем. (В старину на Руси любили расписывать потолки в виде ночного небесного свода. По русским песням, и сказочный терем Соловья Будимировича был расписан подобным же образом:

Хорошо в тереме наукрашено:
На небе солнце, в тереме солнце;
На небе месяц, в тереме месяц;
На небе звезды, в тереме звезды;
На небе заря, в тереме заря;
И вся красота поднебесная.)

Стены библиотеки выкрашены в коричневый цвет. В своде пропустили, как это делалось в старину, две железные связи. В углу сложили печку из русских изразцов начала XVIII века, покрытых белой и синей поливой, с изображением людей, зверей, птиц и цветов. Входную дверь в библиотеку навесили дубовую, одностворчатую, глухую; вокруг нее сделали скульптурный наличник светло-кофейного цвета на золотом фоне, подобный наличнику в монастыре Саввы-Сторожевского. Другую дверь, из библиотеки, наполовину стеклянную, сделали выходящую на балкон бокового фасада. В четырех окнах — подоконники из красного итальянского мрамора. Пол постлан паркетный.

Своды входа во второй этаж расписали по светло-желтому фону темно-желтой, зеленой, голубой, красной и коричневой красками, наподобие родословного древа, с медальонами в орнаментальных, золотых с серебром, рамках; в рамках нарисованы Петровские двуглавые орлы, гербы Петербурга, Москвы, уездных городов Московской губернии и гербы других губерний. Двуглавые орлы и рамки заимствованы из жалованной грамоты, данной в 1710 году Петром Великим Якову Брюсу и находящейся в моем собрании. Стены выкрашены в светло-оранжевый цвет. Расписной каменный столб поддерживает своды входа верхнего этажа. Пол на площадке сделан из белых мраморных кругов с мозаичными четырехугольниками между ними. (Эти мраморные круги получаются при выделке в Москве мраморных умывальников.)

Своды входа в нижний этаж выкрашены светло-желтой краской, с каймами из разводов, со стилизованными цветами и листьями, писанными розовой, красной, голубой, зеленой и темно-желтой краской. Стены расписаны в виде серых камней. Расписной каменный столб поддерживает своды нижнего входа. Пол сделан из мраморных кругов с мозаикой, как и в верхнем этаже входа, на площадке второго этажа.

Внизу, направо от входной двери, в низкой комнате своды и стены расписаны по светло-желтому фону разводами со стилизованными цветам и листьями. Своды над пятью окнами и над дверью расписаны по голубому фону золотыми разводами, с птицами, цветами и листьями. Рисунок амбразур взяли со старинного расписного деревянного кузова. В углу поставили печку из изразцов конца XVIII века, Мусин-Пушкинского завода, покрытых белой и зеленой поливой, с изображением людей и животных и с различными надписями: "Весело играю всегда", "Сие мне угодно", "Заяц дики", "Знаю место свое", "Крепко караулю", и т.п. По стенам этой комнаты поставлены дубовые резные лавки. Паркетный пол настлан на горячий асфальт. Комнаты, не входящие в состав музейного помещения, предназначил я для жилья. Здание музея могло освещаться электричеством, которое тогда переводили из моего дома, так как бывшая у меня электрическая машина была недостаточно сильна, чтобы освещать одновременно и дом, и музей. В подвале музея находится духовая печь, которая отапливается пятичетвертовыми еловыми дровами и нагревает все здание. Две печи, сложенные из старинных изразцов, также можно топить.

Кирпичная кладка музея производилась подрядчиком Николаем Ивановичем Султановым, а малярые и живописные работы исполнял О.А.Леве. Все стены и потолки в музейных помещениях покрашены масляной матовой, так называемой восковой, краской. Скульптурные работы производились А.С.Козловым. Железную решетчатую дверь перед наружной лестницей и решетку на внутренней лестнице делали в Петербурге, в мастерской Е.А.Вебера. Чугунные колонны отливались на соседнем с музеем заводе Морица Пальма. Железные двери, ставни, замки, дверные и оконные приборы делал славный мастер А.Шмейль; дубовые двери, оконные рамы, шкафы, витрины, столы и стулья — из мастерской В.К.Шуберта.

Оба мои младшие братья, Владимир и Иван, поступившие в Московский университет, недолго оставались в Москве после смерти отца и переехали в 1893-м году на жительство в Париж, взявши с собой свою старушку Эмму Карловну. Брат Владимир

был горбатый от рождения, и его еще при жизни отца посылали лечиться в Галле, к профессору Фолькману. В Галле Владимир жил с Эммой Карловной. Лечение у Фолькмана мало принесло пользы, и брат опять вернулся в Москву. Еще маленький он любил заниматься дома починкой часов и разных других вещей. Поступивши в университет, на медицинский факультет, он стал усердно заниматься науками. Вместе с братом Иваном Владимир собирал русские гравировальные портреты, которые перед отъездом в Париж они подарили мне. (Между этими портретами есть редчайший — герцога Эрнеста Иоганна Бирона, гравированный Иваном Соколовым. Брат Иван написал от этом портрете брошюру "Бирон в гравюре Ив. Соколова. Страничка из истории русской иконографии", изданную в 1893 году в Москве П.П.Шибановым.)

О совместной жизни этих двух братьев в Париже я знаю мало. Мне рассказывали про Владимира, что, живя в Париже, он захотел непременно познакомиться с красивой актрисой *Cécile Sorel*, игравшей в одном из парижских театров. Будучи в этом театре, он послал ей во время антракта через театрального служителя свою визитную карточку с приглашением на ужин с приложением банковского билета в тысячу франков. Г-жа Сорель приглашение приняла.

За границей Владимир подружился с Федором Ефимовичем и Ольгой Кирилловной Гучковыми и бывал с ними в Биаррице. Вообще он был очень задушевный человек и в особенности любил брата Ивана, с которым вместе рос, и старушку Эмму Карловну, ходившую за ним с самого его детства. Недолго пришлось брату Владимиру пожить за границей; здоровье его было плохое. В Биаррице он захворал, а 30 августа 1895 года умер в Париже, на 28-м году своей жизни, от туберкулезного воспаления мозга. Тело его было привезено в Москву и похоронено на кладбище Покровского монастыря. Эмма Карловна вернулась в Москву, а брат Иван остался жить в Париже.

По средам стали ко мне ходить мои братья и родители, а по воскресеньям собирались мы у брата Дмитрия к завтраку. Из общих приятелей, бывших у меня и у брата Дмитрия, назову В.К.Вульферта и В.С.Абакумова, о которых я уже говорил в третьей части "Воспоминаний". Владимир Карлович Вульферт был живой и любезный собеседник, знавший хорошо французский и немецкий языки и сам писавший в русских журналах. Вульферт любил шампанское, которое было ему запрещено по причине развившейся у него сахарной болезни; но он все же не переставал его пить, и от этой болезни умер 28 апреля 1906 года в Москве.

В.С.Абакумов был более серьезного нрава и несколько раздражителен, но тоже интересный собеседник.

К брату Дмитрию приходил на воскресные завтраки Н.С.Мосолов, о котором я тоже говорил в третьей части "Воспоминаний". Николай Семенович, одинокий, очень богатый, отличался скупостью. Об этой скупости у его приятелей В.К.Вульферта и В.С.Абакумова было несколько рассказов.

Однажды Н.С.Мосолов пригласил к себе вечером в гости Вульферта и Абакумова, и когда они к нему пришли, то Николай Семенович спросил их, чем угощать: вином или чаем? Приятели сказали, что предпочитают вино. Мосолов вышел из комнаты и по возвращении объявил, что, к сожалению, угостить их вином не может, потому что находившийся по соседству магазин Генералова уже заперт. (Н.С.Мосолов жил тогда в своем доме на Большой Лубянке.) Делать было нечего: пришлось удовольствоваться чаем. Посидев некоторое время, Вульферт и Абакумов отправились домой. Каково же было их удивление, когда, выйдя на улицу, они увидали магазин Генералова отпертым и ярко освещенным. В другой раз Мосолов пригласил Вульферта и Абакумова приехать к нотариусу подписать в качестве свидетелей духовное завещание, обещав угостить их после завтраком в Большой Московской гостинице. В назначенное время Вульферт и Абакумов приехали к нотариусу, где застали Мосолова и подписали завещание. Как только они это сделали, Николай Семенович сказал: "Господа, извините, я не могу с вами завтракать, так как должен сейчас же ехать по делу".

Кто-то из приятелей Мосолова хотел прийти к нему пообедать, но он поспешил предупредить, сказавши, что у него на обед всего полрябчика. Однажды Н.С.Мосолов, уходя после завтрака от брата Дмитрия вместе с Вульфертом, заметил: "Как хорошо, что Дмитрий Иванович устроил у себя по воскресеньям завтраки!" — "А ты бы, — ответил Вульферт, — устроил у себя завтраки по четвергам!" Мосолов промолчал.

Абакумов познакомил меня со своим родственником, очень почтенным и милым стариком архитектором Алексеем Александровичем Мартыновым[20], который также стал у меня обедать по средам. На своем веку Алексей Александрович много видел. Вместе с Иваном Михайловичем Снегиревым[21] Мартынов издал несколько прекрасных книг по археологии и истории. Мартынов, между прочим, рассказывал, что Снегирев не любил, когда ему помогали снимать или надевать верхнюю одежду; и чтобы отучить это делать, он обыкновенно предупреждал, говоря: "Разорвете". Мартынов передавал один эпизод, случившийся с ним в

детстве. Однажды летом, играя на дворе и имея на себе белые канифасовые панталоны, он хотел перепрыгнуть через помойную яму; но это ему не удалось, и он упал в нее, откуда был вытащен нянькой; нянька порядком его отшлепала, и это наказание показалось Мартынову тем более чувствительным, что она била по мокрому.

Мартынов еще рассказывал, что, будучи в Шверине, он был приглашен великим герцогом, которому поднес свои издания, во дворец на бал, где герцог представил ему офицера, говорившего по-русски. Этот офицер, по словам Мартынова, действительно знал по-русски, но не умел делать правильных ударений; например, говоря “замóк” вместо “зáмок”, или: “посмотрите, какая идет красави́ца”.

Жил А.А.Мартынов между Знаменкой и Воздвиженкой, в Ваганьковском переулке, в двухэтажном домике, принадлежащем Флорищевой пустыни, у своей дочери Сабуровой. Мартынов хорошо разбирал русские старинные рукописи. У меня он взял для разбора приобретенный мною сундук со столбцами Алябьевского архива; между этими столбцами Мартынов нашел несколько интересных: столбец 1689 года, подписанный любимцем царевны Софьи Алексеевны — князем Василием Васильевичем Голицыным, и столбцы 1691 и 1692-го годов, относительно ссыльных князей Алексея и Василия Васильевичей Голицыных.

Когда я познакомился с Мартыновым, он был еще бодр, несмотря на свои преклонные годы; но затем старость начала быстро брать свое: Алексей Алексеевич стал глохнуть и плохо видеть; за обедом, обыкновенно словоохотливый, он сидел уже грустным и молчаливым. Наконец он совсем перестал бывать у меня и в 1895-м году умер.

Еще до моего переезда на Малую Грузинскую ко мне в Лопухинской переулок неожиданно явился известный художник Василий Васильевич Верещагин[22], с которым я не был знаком. Дело в том, что он тогда замышлял писать картины из эпохи 1812 года и от кого-то узнал, что у меня имеются литографии с рисунков полковника из корпуса Нея — Фавр-де-Фора и художника Адама, находившегося при корпусе вице-короля Итальянского Евгения. Верещагину желательно было познакомиться с этими литографиями. Поэтому он был у меня несколько раз и просил дать ему на дом эти литографии, но я не дал. Потом я его долгое время не видал. Наконец, когда был выстроен и совсем устроен мой музей, Василий Васильевич явился и был от него в восторге; хвалил мою энергию, сравнивая ее с американской. В 1894 году он уехал в Сольвычегодск, откуда мне прислал несколько писем.

25 мая он писал: “Обещали мне достать хорошую печку выпуклых изразцов, не знаю достанут ли. Коли да, то вышлю Вам с наложным платежом. Я кончил мою барку и завтра выйду в Северную Двину, по которой стану смотреть старину. Пока написал входные врата в Строгановский Сольвычегодский собор — преинтересные! Лидия Васильевна шлет Вам поклон”. (Лидия Васильевна — жена В.В.Верещагина.) Затем получил я от Василия Васильевича письмо от 2 июня из Белой Слуды, на Двине, следующего содержания: “Вот какое обстоятельство: в местечке Белой Слуде на Север.Двине есть 2 деревянные церкви 1620—1640 годов; первая, поменьше, переделана внутри, но вторая, немного покосившаяся, цела, иконостас тот же, что был поставлен строителями. Зато у этой открылась кое-где на крыше береста и обвалился окружавший с трех сторон портик-паперть. Желательно исправить обе церкви, т.е. подвести каменный фундамент, починить крышу, восстановить портик-паперть и главное возвратить все образа и украшения, взятые в новую каменную церковь (ужасную!). Причт, не довольствуясь тем, что сломал недавно покривившуюся высокую, стройную деревянную колокольню, просил уже позволения архиерея сломать всю эту старину, как безобразие, но тот, настроенный мною, спасибо ему, не дозволил. Думаю, что мы могли бы сделать все нужные поправки и починки тихо, разумно, толково: не прибегая ни к подписке, ни к огласке, от которой, пожалуй, толка не будет. Не захотите ли Вы быть восстановителем этих церквей? Даже колокольню можно снова поставить, так как сторожка, выстроенная из части леса, еще очень крепкого, цела, да и вся постройка хорошо в памяти у всех. На поправку церквей, думаю, потребуется примерно 2000 руб., да на колокольню 1000. Пожалуй, можно обойтись без последней, но без фундаментов нельзя — упадет все, подправленное же простоит еще доброе столетие. Все то, что в Вашем превосходном собрании частями собрано как материал, здесь на месте у себя дома. Вот причина, почему я к Вам и обращаюсь, сдается, что Вы должны сочувствовать делу? Что за прелестные вещи, украшения здесь в постройках! Напр., все крыши оканчиваются не просто досками, а так, а чешуя на крышах деревянная же, а капители колонн, если они не прототип каменных? (В.В.Верещагин сделал на письме два рисунка, вроде городков с закруглениями. — ***П.Щ.***) Колонны есть прелестные, прямо тесаные топором. Здесь я жалею о том, что старьевщики, офени[23] вырывают ежегодно из домов и церквей все что подревнее и поценнее. Один крестьянин, напр., хвастал, что московские скупщики старых вещей дали ему по 3 руб. за черенок к ножам и вилкам, украшенный 4-мя краска-

ми эмали! Я утешил его тем, что в Москве платил за них по 20 руб. Очень интересны старые церкви и иконостасы. Вспоминая чисто американскую энергию, с которою вы в 5 лет собрали вещи и выстроили музей, я думаю, что Вы не откажетесь помочь делу реставрации древности? Сделаем все ладно, толково и хозяйственно, через того же попа, который будет уж за себя стараться. Лидия Васильевна, едущая со мной на барке, вместе с малюткой, кланяется Вам. Она прислушивается к песням и кое-что уже положили на музыку".

Вернувшись с Северной Двины в Москву, В.В.Верещагин написал мне 16 августа следующее: "Вы, вероятно, теперь в Нижнем, почему я откладываю удовольствие еще раз посмотреть Ваши коллекции до сентября, когда, должно быть, Вы будете в Москве? Представьте себе, о чем сожалею? — О том, что музей Ваш готов и что нельзя пустить в дело колонны, найденные мною в одной деревянной церкви — они как нельзя более подходили бы! Это образцы той оригинальной русской архитектуры, которая развивалась более или менее правильно при царях до Петра; была осмеяна, оплевана и задушена этим последним. Я набрал на полотно немало остатков прошлого, от которых так и веет родною стариною - как-нибудь покажу Вам все это."

Это письмо было переслано мне в Нижний, по возвращении откуда я опять получил от Верещагина письмо от 20 сентября. "Все собираюсь в Ваш чудесный музей, — писал мне Василий Васильевич, — и таки соберусь наконец. Нет ли у Вас в виду молодого человека с брюшком, для фигуры Наполеона I-го?" Молодого человека для позирования Наполеона I у меня не нашлось.

Вскоре после письма от 20 сентября Верещагин пришел ко мне завтракать и много рассказывал о своем путешествии по Северной Двине, как его барку принимали за торговое судно и как бабы спрашивали его, почем сахар, чай и разные другие товары, и как он не мог их убедить в том, что он не торговец, а путешественник.

27 сентября Верещагин опять написал мне письмо: "Настаиваю на том, что Вам, в таком отдалении от центра города, немыслимо ограничиваться брик-а-браком. Не слушайте тупиц рутинистов, желающих окунуть и Вас в рутину... Я видел много светлых разумных примеров того, что советую. В Америке, где, как Вам известно, инициативы много, а рутины мало. — Что мы за парии: что возможно там — невозможно у нас? *Walker*, богатый водочный заводчик в Балтиморе, конечно, не спрашивал мнения наших б.... (простите за выражение), когда устраивал свой чудес-

ный музей; в этом собрании Вы можете пройти в картинную галерею не иначе, как осмотревши предварительно несколько зал образцов всестороннего приложения искусства, так называемого прикладного искусства, и впечатление получается полное, законченное. Я искренне порадовался, когда узнал, что наш Третьяков начал собирать образа, и высказал ему это; еще более порадовался бы, если бы преддверием его галереи служило всестороннее собрание прикладного искусства... Именно в виду того, что у Вас уже есть, Ваше собрание может быть поучительнее Третьяковского, если Вы проведете развитие родного искусства от грубейшего орнамента до изображения в живописи и скульптуре родных людей природы и истории их. Советую Вам построить еще один дом, на месте теперешней неизящной оранжереи, и непременно соединить его крытым ходом с теперешним музеем. Этот крытый ход даст возможность обойтись в новом здании без много берущих места подъезда и прихожих и посвятить весь низ отделу образов, распятий, фигур из дерева и кости, также аллегорических картин, как соединительной ветви ствола — всего музея прикладного искусства — с листьями и цветами — свободным искусством в виде картин и статуй, расставленных и развешенных в изящно задрапированной галерее верхнего этажа. Повторю: собрание, составленное по такой разумной мысли, будет целою наглядною школою родного искусства... Может быть, Вы иного мнения — тогда, конечно, я Вам не буду и заикаться об этом. Японщину, китайщину и проч. какая есть, продайте или выменяйте!"

23 октября снова получил я письмо от Верещагина, в котором он писал: "Продолжая разговор наш, скажу Вам, что лет 10 тому назад говорил бывшему директору Имп. Эрмитажа, что напрасно они к произведениям чистого искусства не добавляют прикладного, и получил в ответ: "Нет места!" Что же Вы думаете: за последнее посещение Петербурга нашел, что внизу отведено значительное помещение под предметы прикладного искусства — перетащен Царскосельский музей, помещена коллекция Базилевского и проч. К стыду их, только русский отдел очень мал и плох".

К себе Василий Васильевич меня никогда не приглашал; слышал я только, что он жил за Серпуховской заставой, близ деревни Верхние Котлы, где выстроил себе на горе дом с мастерской и огородил его высоким забором. После последнего посещения Верещагиным моего музея продолжительное время я его не видал и ничего о нем не слыхал. Как вдруг получил от него письмо, в котором он мне сообщал, что у него почти готова серия картин, относящихся до Отечественной войны 1812 года, и что он просит

меня уведомить его, согласен ли я буду их купить, и, в случае моего согласия, он пригласил меня приехать к нему их посмотреть. Далее Верещагин писал, что при покупке мною этих картин он ставит непременным условием, чтобы с ним был заключен нотариальный договор, по которому он получает известную сумму денег вперед, а остальные деньги после того, как картины будут показаны в Европе и Америке, т.е. через 2—3 года. На это письмо я ответил Верещагину, что недостаточно интересуюсь современными картинами, относящимися до 1812 года, чтобы их покупать. Не знаю почему, Василий Васильевич обиделся этим ответом и написал мне настолько резкое письмо, что заставил меня послать ему письмо, в котором я написал, что никогда не искал его знакомства и буду очень рад, если он оставит меня в покое своими предложениями разных гешефтов. После этого я получил от Верещагина лаконичную телеграмму в одно слово и без подписи: “Аминь”. Так закончилось мое знакомство с этим талантливым, но, к сожалению, навязчивым художником. Незадолго до отъезда В.В.Верещагина в Порт-Артур я встретил его в Охотном ряду, где он покупал рябчиков в лавке Лобачева.

Более счастливыми были мои знакомства с другими русскими художниками. Художник Митрофанов, маленького роста, горбатый, жил на Большой Пресне, в доме недалеко от Бирюковских бань, где имел на дворе мастерскую. В этой мастерской видел я написанный им хороший масляный портрет нашего бывшего покупателя из Красноярска, ныне покойного, Николая Герасимовича Гадалова, и начатую картину, изображавшую Иоанна Грозного у колдуньи. У меня Митрофанов писал масляными красками этюд кинжала для этой картины. Только странно мне показалось, что для кинжала Грозного Митрофанов выбрал моделью имеющийся у меня старинный, сильно изогнутой формы, персидский кинжал. Как я ни объяснял Митрофанову, что персидский кинжал едва ли носил Иоанн Грозный, он все же изобразил его с этим кинжалом. Художник Василий Иванович Суриков[24] писал у меня на дворе зимой этюд масляными красками со старинной серебряной стопы, и так как у него мерзли руки, то он часто прибегал в комнаты, чтобы согреться. Затем Суриков писал у меня в доме этюд ковра для своей картины “Стенька Разин”, и моделью служил малоазийский ковер XVII в. из моего собрания.

Художник Аполлинарий Михайлович Васнецов[25] срисовывал для своих картин постройки, изображенные на имеющихся у меня планах Москвы XVII века, а его брат, художник Виктор Михайлович, прислал ко мне молодого человека Виктора Дмитриевича Замирайло, который прекрасно скопировал акварелью много за-

ставок из принадлежащих мне древних русских рукописных книг. Одну заглавную заставку, срисованную у меня В.Д.Замирайло из синодика Крутицкого архиерейского дома, В.М.Васнецов целиком применил для росписи обеда, данного во время коронации императора Николая II в Кремлевском дворце.

Художник В.А.Серов[26] копировал акварелью для занавеса Дягилевского театра в Париже старинные персидские миниатюры из моего собрания.

Продолжал я быть в сношениях и с некоторыми французскими художниками: *Jean Béraud, Viktor Gilbert*'ом, *G.Clairin*'ом, *Pierre Carrier-Belleuse*'ом, *Helleu, Léon Comerre*'ом и др. Между прочим, *Carrier-Belleuse* сделал мне предложение написать громадную картину для французской выставки, бывшей в Москве в 1893 году. Вот что писал он мне по поводу этой картины 17 октября 1890 года из Парижа: "*Je voudrais éxécuter pour l'Exposition Français de Moscou une oeuvre importante et nouvelle qui serait en même temps qu'üne vétitable oeuvre d'art une attraction de haut goût pour les visiteurs. Je ferais un grand Tableau qui représenterait toutes les Célébrités de Paris groupées sur le grand escalier de l'Opéra un soir de première représentation. Au premier plan routes nos jolies parisiennes, nos grandes actrices, nos chanteuses et nos danseuses célèbres, en grande toilette,puis nos artistes, nos littérateurs, nos savants, nos hommes politiques les plus en vue, le Président de la République, ect. etc., en un mot, tout ce que Paris et la France compte d'illustrations en tout genre. Il me semble, que ce Tableau résumerait à lui seul tout l'Exposition fraçaise à Moscou, ce serait comme l'image vivante du cerveau de la France, de tout ce qui lui fait honneur. Il est bien entendu que chaque personnage serait peint d'après nature et d'une grande ressemblance. Cette toile qui mesurerait anviron 15 métres de largeur sur 10 métres de hauteur serait exposée sous forme de Diorama dans un local spécial et aménagé de façon à donner au public l'illusion même de la réalité. Si je n'abuse pas de votre temps, voulez-vous, Monsieur, être assez aimable pour me dire si vous connaissez dans votre Ville une ou plusieurs personnes susceptibles de me commander ce beau travail pour lequel il me faudrait une somme de quarate mille francs (4000 frcs.). (Pour exécuter en si peu de temps un tableau aussi important, les frais seraint assez considérables.). Vous me connaissez suffisamment, je pense, pour être assuré à l'avance que je donnerais tous mes soins et tout mon talent pour mener à bien cette oeuvre. Je pense que le bâtiment nécessaire pour l'Expisition de mon tableau pourra coûter environ vingt mille francs (2000 fr.), ce qui fera une somme totale de soisante mille francs (6000 fr.). Il est évident qu'en faisant payer l'entrée au publie on aura bien vite retrouvé et dépassé l'argent dépensé et l'on restera propriétaire d'une oeuvre qui pourra être exposée dans le monde entier*".[27] (Охотников заказать эту картину

Carrier-Belleuse'у не нашлось.) (*P.Carrier-Belleuse* написал для меня пастелью несколько балетных танцовщиц, а *L.Comerre* — масляными красками одну балетную танцовщицу.)

Специальностью *Helleu* было гравирование портретов с натуры алмазом на медных досках, которые потом отпечатывались на бумаге. Гравюра, сделанная таким способом, у французов называется *pointe-sèche*. Когда я был в Париже у *Helleu*, то видел, как он гравировал алмазом, причем постоянно жаловался, что рука устает от этой работы. Писал *Helleu* также масляными красками и пастелью; в моем собрании имеются его работы всех трех родов, т.е. алмазом, кистью и цветными карандашами. (В Париже у *Helleu* я был несколько раз в 1898 году. После моего последнего посещения этого художника я совершенно неожиданно получил от него записку о трагической смерти его маленькой дочери: *"En rentrant ce soir*, — писал мне *Helleu*, — *Je trouvé ma petit fille morte ecrasée par une voiture*"[28].)

Свое собрание старинных вещей я не переставал пополнять, покупая их в Москве, в Нижнем Новгороде и в Нижегородской ярмарке. В Москве покупал у антикваров П.М.Иванова, С.Т.Большакова, И.Л.Силина, М.П.Вострякова, братьев Соловьевых, Ф.В.Веркмейстера, Я.И.Черномордика, Фрумкина, Когана и др.

Петр Маркович Иванов имел магазин в Леонтьевском переулке, а впоследствии переехал в Чернышевский. У него попадались хорошие старинные вещи, но сбывал он и поддельные, исполненные по его заказу или же своего собственного изделия. Так, помню, продавал П.М.Иванов ожерелье, будто бы принадлежавшее Наталье Кирилловне Нарышкиной.

Сергей Тихонович Большаков, о котором я уже говорил в 3-й части "Воспоминаний", принадлежал к самым типичным антикварам, каких я знавал. Ходил он обыкновенно в черном поношенном сюртуке, который носил, как он сам говорил, уже 25 лет. Сергея Тихоновича, несмотря на его почтенные годы, часто можно было встретить на улице с тяжелым мешком, перекинутым через плечо, в котором он нес какие-нибудь вещи. У С.Т.Большакова, как и у его родственника К.Т.Солдатенкова, вместе с коим он служил в молельне на Мясницкой, была привычка говорить в нос, причем Сергей Тихонович закрывал глаза, что отлично копировал Дмитрий Васильевич Григорович. При продаже вещей Сергей Тихонович имел обыкновение говорить что-нибудь лестное своему покупателю; например, если И.Е.Забелин торговал у Сергея Тихоновича какую-либо вещь, то последний говорил: "Вчера упоминалось ваше святое имечко", на что Иван Егорович шутя отвечал: "За лесть прибавлю рубль".

У Ивана Лукича Силина, бывшего иконописца, можно было найти замечательные старинные иконы. Павел Михайлович Третьяков был одним из его покупателей.

Матвей Петрович Востряков знал толк в древних русских рукописях, и у него я купил несколько редчайших рукописных книг, между ними Псалтырь толковую преподобного Максима Грека, писанную в 1522 году сотрудниками Максима — Михаилом Медоварцовым и Селиваном-иноком. За эту Псалтырь я заплатил М.П.Вострякову три тысячи рублей.

Яков Исаевич Черномордик торговал прежде на Арбате, откуда потом перешел в Леонтьевский переулок. (Главным местом антикварной торговли в Москве был прежде Арбат, а впоследствии сделался Леонтьевский переулок.) Главным покупателем у него был князь Лев Сергеевич Голицын. Между интересными старинными вещами у Черномордика встречались и такие, как, например, сушеная клешня омара, которую он продавал как редкость. В Леонтьевском переулке Черномордика как-то обокрали, и он рассказывал, что воры были "официальные", желая сказать "профессиональные". Самого Якова Исаевича редко можно было застать в магазине, а заменявшая его жена никогда не знала цен вещам, и если я заходил в магазин, то она мне только говорила: "Ничего не было замечательного".

У коллекционера князя Льва Сергеевича Голицына, большого знатока старинных вещей и в особенности старинного фарфора, не было, кажется, вещи, которую он не продал бы; все зависело от цены. Немало прекрасных вещей купил я у него, но главными его покупателями были известные антиквары братья Гамбургеры из Амстердама. У кн.Л.С.Голицына я, между прочим, купил следующие вещи: серебряную вызолоченную братину супруги царя Василия Ивановича Шуйского с надписью: "Братина государыни царицы и великие княгини Елены Петровны", серебряный тазик, принадлежавший княгине Ирине Григорьевне, жене князя Ивана Юрьевича Трубецкого, взятого в плен шведами под Нарвой в 1700 году, и серебряный стакан с гравированными на нем Василием Андреевым, учеником Афанасия Трухменского, библейскими сценами.

Князь Л.С.Голицын снимал в Москве дом князя Четвертинского, на Поварской. Кроме нескольких небольших комнат, в этом доме была большая зала, в которой висел на стене гобеленовый ковер с изображением Теньеровской кермессы, принадлежавший князю Четвертинскому. Казалось, что дом был выстроен для этого гобелена. В кабинете у князя Л.С.Голицына находилось много разных редких старинных вещей, а подвальная комната была на-

полнена ценным старинным фарфором. Ездил князь Лев Сергеевич и в Нижегородскую ярмарку, где торговал своими собственными вещами и при случае покупал старинные вещи. Раз у торгующей на ярмарке разными старинными вещами Е.П.Маслениковой мне случилось, так сказать, перед самым носом князя Льва Сергеевича купить редкий ковш Яицкого войска, пожалованный императрицей Елизаветой Петровной. Приди я несколькими минутами позже, ковш купил бы князь.

Андрей Александрович Титов[29], познакомившись на ярмарке с князем Л.С.Голицыным, стал часто заходить к нему в лавку, чтобы выпить у него шампанского. Эти посещения Титова в конце концов так надоели князю, что он, в надежде избавиться от них, послал Титову дюжину бутылок шампанского; но А.А.Титов и после этого подарка не переставал ходить в лавку к князю и всякий раз пить там шампанское.

В Нижегородской ярмарке старьевщики ютились преимущественно в Ярославском ряду. С.Т.Большаков и М.П.Востряков торговали старопечатными церковными книгами рядом с трактиром Бубнова. В Пряничном ряду, где продают дешевые городецкие пряники, похожие вкусом и видом на мыло, было несколько иконных торговцев. Привозили на ярмарку старинные вещи также офени, татары, армяне и евреи. На шоссе близ Ярославского ряда торговала и торгует до сих пор Елизавета Петровна Масленикова из Ярославля, типичная старушка, вдова, родная сестра покойного Николая Петровича Пастухова. В прежнее время лавка Е.П.Маслениковой состояла из двух отделений: мануфактурного и разного старья; теперь мануфактурное отделение закрыто. Елизавета Петровна во время ярмарки продает и покупает пух, меха, шелковые сарафаны, парчовые душегрейки, серебро, золотые вещи, жемчуг, бриллианты и т.д. Нищим, которые то и дело заходят к ней в лавку, Елизавета Петровна дает всегда по копейке каждому. В Ярославском ряду я бывал ежедневно. Покупал там вещи у старика-еврея Липского, который постоянно ходил в собольей шапке, по всей вероятности, для того, чтобы предохранить ее от моли.

У Николая Федоровича Дубровина из Ярославля, торгующего иконами и старопечатными книгами, и между прочими интересными вещами я купил серебряную чеканную братину с вырезанной на ней надписью: “Братина боярина князя Юрьевы жены Яншеевича Сулошева княгини Марфы Михайловны”. Позднее я нашел у А.О.Карелина серебряную чеканную крышку от этой братины.

Другой ярославец, старик, часовщик Борисов, часто пьяный,

имел в Ярославском ряду лишь одну витрину с разными мелкими вещами. Однажды у Борисова я купил серебряный четырехугольный ящичек XVIII века, с наружными черневыми изображениями на всех шести сторонах ящичка планов сибирских городов: Тобольска, Тюмени, Тары, Туринска, Томска и Енисейска, а внутри ящичка, под слюдой, миниатюрный портрет Сибирского губернатора Дениса Ивановича Чичерина. Впоследствии купил я несколько подобных же серебряных с чернью ящичков с портретами Д.И.Чичерина, а также серебряные с чернью чарки китайского типа и стаканы в стиле Людовика XV с гербами и шифрами этого губернатора. На одном имеющемся у меня серебряном стакане с чернью и позолотой вырезана следующая характерная надпись: "Сеи стакан из отеческого милосердия пожалован сыну Дмитрию на именина 1776 году сентября 21 дня: господином Сибирским губернатором и кавалером Денисом Ивановичем Чичериным в Тобольске".

В лавках Ярославского ряда уже много лет торгуют два крестьянина из Городца (Нижегородской губернии): черноволосый простоватый Потап Степанович Кузнецов и рыжеволосый плутоватый Михаил Аникиевич Косарев. Оба они в былое время скупали вещи на Севере, в особенности в Вологодской и Архангельской губерниях, и привозили в Нижегородскую ярмарку. Впоследствии П.С.Кузнецов и М.А.Косарев стали ездить в Москву и Петербург, а последний даже в Берлин и Париж — сбывать там русские кружева, шелковые сарафаны, парчу и т.д. П.С.Кузнецов, наживши деньги, купил себе буксирный пароход, который стал сдавать в аренду. Немало я перекупил у этих городецких крестьян старинных деревянных предметов крестьянского быта, сарафанов, кокошников, церковной утвари, священнических облачений и т.п.

Но моим главным поставщиком все же оставался фотограф Андрей Осипович Карелин, о котором я уже упоминал в 3-й части "Воспоминаний". А.О.Карелин приобретал вещи большею частью у нижегородских жителей, но у трех из них, как он ни ухаживал за ними, никак не мог достать интересовавших меня вещей, а именно: у Архангельского — серебряный жалованный Петром Великим ковш, у Кутлубицкого — жалованную императором Павлом I генерал-адъютанту И.О.Кутлубицкому золотую табакерку с портретом императора, и у отца пианистки Веры Ивановны Скрябиной, присяжного поверенного Исаковича — фарфоровую саксонскую тарелку с изображением двуглавого орла и Андреевского креста.

В лавке С.Т.Большакова часто собирались приезжавшие на ярмарку старообрядцы. Посещал на ярмарке Сергея Тихоновича также

нижегородский священник Александр Васильевич Кармазинский, из церкви Воскресения Христова, что на Яриле. Во время ярмарки Кармазинский вел прения со старообрядцами в старом ярмарочном соборе. У Кармазинского купил я рукописный Хронограф XVII в., отчасти касающийся истории Нижнего Новгорода.

В 1892 году, в самом начале ярмарки, разразилась в Нижнем холера. В то время Нижегородским губернатором был Николай Михайлович Баранов, благодаря энергичной деятельности которого начавшаяся было паника быстро улеглась. На ярмарке открыли бараки для холерных. На Волге был устроен плавучий госпиталь, куда буксирные пароходы возили заболевших холерой на приспособленных для этого лодках. Когда же не хватило для больных места в бараках и госпитале, то Николай Михайлович немедленно распорядился отдать губернаторский дворец в Кремле под госпиталь. С его разрешения наша фирма вместе с мануфактурами Гюбнера, Цинделя и Даниловской устроили близ старого ярмарочного собора кухню для нас, наших служащих и служащих означенных мануфактур. Мой брат Сергей ездил к Н.М.Баранову просить дозволения устроить на свой счет кухню для наших служащих. Поваров выписали из Москвы; за провизией посылали утром в город на базар одного из приказчиков с артельщиком; за кухней наблюдал приглашенный нами врач. Для питья стали прибавлять в кипяченую воду красное вино, что у нас делается и до сих пор. (Захварывали холерой большею частию после питья сырой воды.) Впоследствии на ярмарочных площадях были поставлены для общего употребления баки с кипяченой водой, смешанной с красным вином.

Сначала при появлении холеры было как-то жутко; всюду пахло карболкой, часто встречались на улицах холерные, которых несли на носилках или везли на извозчиках; но потом попривыкли и стали относиться к этой болезни хладнокровнее. Брат Сергей и я наняли было в городе бывшую квартиру художника Константина Егоровича Маковского, но недолго в ней прожили: хозяева, должно быть, из опасения, что мы занесем с ярмарки холеру, попросили нас освободить квартиру. Нечего было делать: мы пересе-лились в Нижний Базар, в Биржевую гостиницу.

С Николаем Михайловичем Барановым, бывшим Нижегородским губернатором с 1883 года, я ближе познакомился только в 1895 году; перед тем я встречался с ним на обедах, которые давало ему ярмарочное купечество, причем знакомство наше ограничивалось лишь несколькими приветственными словами и рукопожатиями. Собственно познакомил меня с Н.М.Барановым его друг, Дмитрий Васильевич Григорович, гостивший у него и жив-

ший во время ярмарки 1895 года в главном доме. У Баранова я был с визитом и подарил ему свои издания. Затем я получил от него следующее, у меня сохранившееся, письменное приглашение: "Многоуважаемый Петр Иванович. Не сделаете ли честь моему солдатскому обеду пожаловать сегодня в 4,5 (в пиджаке). Обещали быть Д.В.Григорович и С.Т.Морозов. Сердечно Ваш Н.Баранов. 17-го Авг. Четверг".

Солдатский обед оказался весьма порядочным. Только странно, что на пирожное подали поднос с мармеладом разных сортов. За обедом присутствовали: Д.В.Григорович, нижегородский вице-губернатор Фредерикс, нижегородский полицмейстер князь Михаил Викторович Волконский и председатель ярмарочного комитета С.Т.Морозов. (С князем М.В.Волконским я был знаком еще в Москве, где он был полицмейстером.) Кроме Фредерикса, все остальные были мне уже знакомы. Во время обеда Николай Михайлович много рассказывал и не давал другим говорить. Наконец, говорливый Григорович не вытерпел и перебил Николая Михайловича, сказав: "Душенька, вы уже достаточно говорили, позвольте теперь и мне кое-что рассказать".

Летом 1893 года я предпринял путешествие в Петрозаводск. 1-го июля выехал из Москвы в Тверь, где осмотрел замечательный историко-археологический музей, помещавшийся тогда в одной из больших зал мужской гимназии и, можно сказать, созданный председателем Тверской казенной палаты Августом Казимировичем Жизневским. Я редко встречал такого неутомимого и настойчивого собирателя, как Август Казимирович. По его поручению подчиненные ему чиновники собирали древности во всей Тверской губернии. У какой-то барыни в Твери была серебряная коробочка, покрытая расписной финифтью, русской работы конца XVII века; Жизневский ухаживал двадцать лет за этой коробочкой, пока барыня не пожертвовала ее в Тверской музей. Будучи холостым и уже на склоне жизни, Август Казимирович большую часть своих небольших средств тратил на свое любимое детище — Тверской музей. Настоящим блестящим состоянием Тверской музей всецело обязан этому замечательному и бескорыстному деятелю. (Тверской музей теперь помещается в западной части императорского дворца. В 1893-м году я пожертвовал через А.К.Жизневского в этот музей икону Тверских чудотворцев, записанную, как мне сообщил в письме от 2-го августа 1893 года Жизневский, по описи под N 7403-м. В брошюре "Тверской музей и его приобретения в 1893 годе" (Тверь, 1894) так описана эта икона: "Икона Тверских Чудотворцев Св. Вел. Князя Михаила Благоверного и Святителя Арсения, во весь рост, между ними

Тверской Кремль и в нем пятиглавый собор. Кремль изображен с башнями; в одной из них Владимирские ворота, в которые ведет мост; вверху в облаках иконное изображение Вознесения Христова с Апостолами. Икона в 7 верш. с выемкою, покрытою узорчатою, вызолоченною басмою. Обложена икона крашеною холстиною. От Петра Ивановича Щукина. г.Москва (N 7403)". В моем музее Август Казимирович был дважды.)

Кроме старины, Жизневский очень любил цветы: когда я был у него, то видел на письменном столе вазы с роскошными букетами. Вечер в Твери я провел с Жизневским, гуляя по набережной Волги, где выстроен ряд прекрасных домов по повелению императрицы Екатерины II-й после большого пожара, бывшего в 1763-м году. Распростившись с Августом Казимировичем, я сел на пароход, отходивший в Рыбинск. В Кимрах верхнюю палубу нашего парохода нагрузили дамскими ботинками и мужскими штиблетами. 3-го июля с утра до вечера я пробыл в Угличе, где остановился в довольно грязной гостинице, так как лучшей тогда не было. В Угличе осмотрел несколько старинных церквей, в том числе церковь "Димитрия на крови" и дворец царевича Димитрия, незначительное строение из красного кирпича, реставрированное покойным Николаем Владимировичем Султановым. Музей, помещающийся в этом дворце, после замечательного Тверского мало представлял интереса.

4-го июля прибыл я в Рыбинск и застал еще там ярмарку, где торговал иконами и книгами в миниатюрной лавочке мой знакомый, Николай Федорович Дубровин из Ярославля. Встретил я также на ярмарке татарина, помощника муллы из Костромы, у которого на Нижегородской ярмарке я купил за десять рублей фарфоровую севрскую тарелку 1785 года, украшенную живописью (цветами) *micaud* и позолотой *vincent*. На ярмарку в Рыбинск этот татарин приехал для продажи кумыса и никаких старинных вещей с собой не привез.

Из Рыбинска по Шексне я отправился в Череповец, где провел два дня, 5-го и 6-го июля. В череповецкой гостинице кормили так плохо, что я стал ходить обедать в местный клуб. О Череповце осталась у меня в памяти главная улица, называемая "Воскресенским проспектом", на котором самый большой магазин принадлежал нашему покупателю Ивану Дмитриевичу Свешникову. В моей записной книжке 1893 года я нашел следующие записи, списанные мною с вывесок на Воскресенском проспекте: "Штатский и духовный портной", "Продажа табаку, сигар и папирос на вынос", "Продажа обуви кожаной и прюнелевой".

Из Череповца на пароходе, на котором меня угостили пре-

красной нагулистой стерлядью из Шексны (в то время на Шексне пароходы отапливали еще дровами и не отравляли рыбу нефтью, как теперь) добрался я до Горицкого монастыря; оттуда на телеге приехал в город Кириллов, находящийся от него в семи верстах. (В Кириллове я нашел в одной колониальной лавке прекрасное старое французское красное вино, которого купил в дорогу несколько бутылок.)

В Кириллове посетил знаменитый Кирилло-Белозерский монастырь, в котором мало сохранилось старинных вещей. В ризнице кое-что еще есть из драгоценных вкладов Иоанна Грозного; старинное же оружие все увезено в Новгородский музей. Монастырский архив, подобно архиву Спасо-Прилуцкого монастыря и многим другим монастырским архивам, совсем исчез. Несколько лет назад клочки архива Кирилло-Белозерского монастыря продавались в Москве, у антикварных книжных торговцев. У них купил и я несколько документов XVII века этого монастыря, которые напечатал в своем "Сборнике старинных бумаг".

7-го июля на телеге выехал я из Кириллова в Белозерск, находящийся в 38-ми верстах от первого, и куда приехал к вечеру. В Белозерске видел озеро, имеющее 60 верст в длину и 40 в ширину, в котором ловят знаменитых снетков. Церковь Успения о пяти куполах и с голосниками в сводах — самая древняя в городе.

8-го июля рано утром пустился я далее в путь на пароходе по Белозерскому каналу, по которому пароходы ходят чрезвычайно медленно, так как при более быстром ходе от волнения, производимого пароходными колесами, берега могут осыпаться; да и в каналах бывает часто тесно от скопления барж, о которые пароходы то и дело трутся. Наш пароход, как и все канальные, был небольшой, но с буфетом, одной общей и несколькими отдельными каютами. Немногочисленные пассажиры состояли из инженеров путей сообщений, хозяев баржей и их приказчиков. Последние, т.е. хозяева и приказчики, обыкновенно переходили с парохода на свои баржи, когда пароход шел вплотную с последними, что случалось нередко.

На пароходе познакомился я с очень милым путейцем, Иоакимом Самуиловичем Каннегисером, жившим в Девятинах и заведовавшим работами по исправлению шлюзовой части реки Вытегры. С ним коротали мы время до Девятин, где он распростился со мной.

Между прочим, на нашем пароходе на Белозерском канале случился казус: буфетчик напился пьян, запер буфет и спрыгнул на берег; прошло некоторое время, покуда его отыскали и снова водворили на пароходе. (На берегу канала я видел каменный обелиск с прибитым в верхней части металлическим золоченым литым дву-

главым орлом; в нижней части обелиска прибита медная доска с надписью: "Белозерский канал сооружен повелением Государя Императора Николая Павловича в 1846 году". На Мариинской водной системе все казенные дома были белые, каменные, украшенные черными чугунными литыми двуглавыми орлами.)

Из Белозерского канала вошли в реку Ковжу с ее живописными, лесистыми берегами. Пароход останавливался у шлюзов, у лесопильных заводов, где на пристанях иногда показывались дамы с детьми. Нищие подплывали к нашему пароходу на лодках. По бечевнику тянули баржи лошади или люди. (На Мариинской водной системе, в разных ее частях, применяется и лошадиная, и людская тяга, и туэрная[30], и буксирная. Для лошадей и людей устроены по каналу и рекам бечевники, почти всегда неисправные.) Встречались старинные расписные трешкоты, переполненные мужиками. Трешкоты — плоские деревянные суда, длиною в 40 фут., шириною — 30, глубиною — 6, для перевоза небольших тяжестей и пассажиров по Ладожскому каналу и Мариинской системе; чаще ходят бечевою. Эти трешкоты тоже шли бечевою.

Рано утром 9-го июля у шлюза Св. Николая я оставил пароход и на телеге поехал в Вытегру. Не доезжая этого города, я остановился в Вытегорском погосте, чтобы полюбоваться на замечательную старинную деревянную церковь. Первый раз увидал я церковь характерной олонецкой архитектуры — с 22-мя луковичными куполами. Как не прийти в восторг от такой красоты! Внутри церкви деревянный иконостас, весь в старинных иконах, без резной позолоты, производил приятное впечатление. Из расспросов у церковнослужителей оказалось, что эту церковь хранят в том виде, как она была в старину, благодаря покойному великому князю Сергею Александровичу, который посетил ее во время своего путешествия на Север и выразил желание, чтобы в ней ничего не изменяли.

В Вытегре я остановился недолго, потому что смотреть там было нечего. В этом городе помню отведенную мне грязную комнату над трактиром и ужасную ругань на улице, долетавшую до моих ушей; ругались такими отборными словами, каких я никогда не слыхал. Поэтому я очень обрадовался, когда сел на пароход, отходящий в село Вознесенье на Свири. По реке Вытегре и Онежскому каналу дошли до Свири. На Вознесенской пристани я немедленно пересел на большой пароход "Неву". Был уже вечер (10-го июля). С парохода я наблюдал воскресную жизнь на пристани. На реке сновало множество лодок с гребцами, состоявшими исключительно из баб. Около часу ночи 11-го июля "Нева" отошла в Петрозаводск, куда мы прибыли 11-го июля в 8-м часу утра и где я остановился в гостинице, содержавшейся немцем. В

Петрозаводском музее познакомился с его хранителем, окружным лесничим Александром Карловичем Гинтером, и условился ехать вместе с ним к водопаду Кивачу. Выехали мы из Петрозаводска в тарантасе. Дорога все время была отличная, по интересной местности, с изобилием вод и лесов. На пути к водопаду, находящемуся в 60-ти верстах от Петрозаводска, встречаются три большие озера: Укшезеро, Кончезеро и Пертозеро. Говорят, что на Кончезере 365 островов; все они расположены вдоль озера и носят имена святых; только один остров лег поперек, и за это прозвали его Дурак.

Проехали мы села Соломенское и Шую. В последнем — красивая старинная деревянная церковь с десятью луковичными куполами. В этой церкви сохранился еще старинный выносной слюдяной фонарь, который А.К.Гинтер хотел взять в Петрозаводский музей. Крестьянские избы попадались часто двухэтажные, крытые тесом, красивой архитектуры, с резными оконными наличниками и крышными подзорами.

Заезжали мы также на Кончезерские Марциальные воды, где сохранилась еще маленькая деревянная церковь времен Петра Великого. (У меня имеется карандашный рисунок 1797 года, изображающий "Вид Олонецкого дворецкого рудника при водах Марциальны".) В лесу встретили старика лесничего, убившего в своей жизни множество медведей. К Кивачу приехали поздно ночью. Нам отвели чистую избу с деревянными столом и лавками. Закусив отличным копченым сигом, взятым из дому Гинтером, и выпив бутылку красного вина, купленного мною в Кириллове, усталые, мы легли на лавки и заснули богатырским сном.

Утром, полюбовавшись на водопад и зайдя в часовенку с образами Кирика и Улиты, пустились мы в обратный путь и быстро доехали до Петрозаводска. Вечером 13-го июля я был на пароходе "Нева", который отходил в Петербург, а 14-го утром вошли в Свирь.

Стоявшая все время хорошая погода неожиданно резко изменилась: подул сильный ветер и пошел дождь. На Свири мы встретили килевый пароход, шедший с Ладожского озера, который предупредил нас сигналами, что озеро неспокойно. Все же мы вышли из Свири в озеро, но поднялись такие волны, что нашу плоскодонную "Неву" стало бросать, как щепку, и наш капитан Саблин благоразумно повернул назад. (Саблин, отставной капитан 2-го ранга, носил флотскую форму.) Мы снова вошли в Свирь и стали на якорь посреди реки, против селения Сермаксы, вдали от пристани.

И вот началось наше сиденье на пароходе в ожидании перемены погоды. Завывал ветер, моросил дождь, и стало холодно. Нас, пассажиров 1-го класса, было немного; между прочим, один мо-

лодой флотский офицер, занимавшийся промерами в Онежском озере и спешивший в Петербург. К пристани почему-то мы не подходили, и "Нева" продолжала стоять посреди реки. Так как были слышны свистки канального парохода, отходившего из Сермаксы в Петербург, то мы упросили капитана отправить нас на баркасе к пристани. Баркас спустили, и пассажиры, спешившие в Петербург, в том числе и я, сели в него. Между тем порывистый ветер не переставал дуть, и дождь все усиливался. На беду многие из пассажиров на баркасе открыли зонтики, отчего стало парусить и относить баркас в сторону. В конце концов мы попали в камыши, где наш тяжелый баркас сел на мель и никак не мог с нее сняться. Свиставший канальный пароход ушел перед нашим носом в Петербург. С "Невы" увидали наше критическое положение и выслали за нами лодку, которая перевезла нас обратно на пароход. Нашу промокшую одежду высушили в машинном отделении, а мы подкрепили себя вином в столовой. К вечеру "Нева" снялась с якоря и подошла к пристани. Дождь не переставал лить, небо было серое, и грустно смотрели избы Сермаксы. Печальное настроение усиливалось еще тем, что на лодках откуда-то доставляли в Сермаксу гробы с покойниками. (В Петербурге в это время гостила холера.) Некоторые из пассажиров уселись за карты — обычное русское развлечение. Провизию почти всю съели; впрочем, к ужину буфетчик раздобыл у рыбаков свежей лососины. Флотский офицер, спешивший в Петербург, уехал туда на почтовых, а мы, остальные, на другое утро (15-го июля) пересели на канальный пароход.

В Новой Ладоге имели продолжительную остановку и ходили в лавки, где покупали разных съестных припасов, потому что на пароходе кормили плохо.

16-го утром пришли в Петербург и увидали нашу "Неву", стоявшую у набережной: воспользовавшись затишьем на Ладожском озере, она проскочила и пришла раньше нас.

Из холерного Петербурга я поспешил уехать в Псков. В первый раз приехал я в этот город и совершенно случайно встретился там с преподавателем местного кадетского корпуса — протоиереем Александром Кузьмичом Березским, благодаря любезности которого познакомился с типичной тамошней церковной каменной архитектурой. Осмотрев Спасо-Мирожский монастырь, насколько в то время это было возможно (знаменитые фрески Спасо-Мирожского собора, вследствие стоявших в нем лесов, к сожалению, трудно было разглядеть), а также Поганкинские палаты снаружи (потому что внутри они были еще заняты интендантским складом), оставил я Псков и заехал на два дня (17 и 18

июля), тоже в первый раз, в Ригу; здесь посетил исторический музей (*Dommuseum*), помещавшийся в бывшем монастырском соборе (*Domkloster*), где видел, между прочим, собрание старинных вывесок, которых, к сожалению, в наших русских музеях почти не имеется. Например, как было бы интересно собрать московские вывески первой половины XIX столетия, не говоря уже о вывесках более старого времени.

В доме "Черноголовых" (*Schwarzhäuptarhaus*) показывали мне драгоценнейшее художественное серебро XVI и XVII столетий. Из Риги вернулся я в Москву.

В начале лета 1894 года ездил я в Архангельск. Из Москвы по железной дороге доехал до Вологды, где остановился в гостинице, которая помещалась в одном доме с окружным судом, почему в столовой гостиницы можно было встретить лиц судебного ведомства и адвокатов. Во время обеда подошел ко мне еще относительно молодой человек, с густой шевелюрой, и отрекомендовался Аполлоном Андреевичем Карелиным, сыном Андрея Осиповича Карелина из Нижнего Новгорода. Об этом А.А.Карелине я слышал, что он, будучи еще гимназистом, расклеивал в Нижнем Новгороде прокламации и впоследствии за политическую неблагонадежность был сослан в Яренск, а оттуда переведен в Вологду. (Другой сын А.О.Карелина — Андрей Андреевич, художник.) Чрезвычайно способный, Аполлон Андреевич занимался адвокатурой и писал в журналах статьи по экономическим вопросам. В Вологде он считался лучшим адвокатом.

Познакомился я также со смотрителем Дворянского собрания. С ним я побывал в Спасо-Прилуцком монастыре и у одного кузнеца Селантия, у которого попадались иногда старинные вещи.

В Дворянском собрании присутствовал я на вечере, где какой-то приезжий демонстрировал фонограф.

Из Вологды на пароходе Кострова отправился по рекам Вологде, Сухоне и Северной Двине в Архангельск. Пароход имел каюты, порядочный буфет и освещался электричеством. Пароходные обычаи и порядки отличались своеобразностью. Так, всякий раз перед отвалом парохода от пристани, капитан, матросы и пассажиры снимали шапки и крестились. С пассажиров верхней палубы, состоявших преимущественно из крестьян-богомольцев, отправляющихся в Соловки, брали за проезд ничтожную плату, но зато они обязаны были таскать на пароход дрова, склады коих находились на берегу. В случае мелководья и при большом скоплении пассажиров, для облегчения парохода пассажиров верхней палубы без церемоний ссаживали на берег, и они шли пешком до тех пор, пока фарватер не делался более глубоким. На возврат-

ном пути из Архангельска я видел, как на Северной Двине около пятисот мужиков и баб, спущенных с нашего парохода на берег, вследствие мелководья, шли пешком довольно долго, пока не стало глубже; между тем каютные пассажиры преспокойно сидели на пароходе.

Наш пароход часто останавливался на пристанях городов, сел, деревень или же просто у берега, где брали дрова для топки. В богатом селе Шуйском, на Сухоне, пассажиры заходили в крестьянские избы, просторные и опрятные. Женщины в этом селе носили еще старинные головные уборы, а в ушах некоторых я видел серьги XVII и XVIII столетия.

Потом мы останавливались в Тотьме, Брусенце, Березовой слободе, Бобровском, Опоке, Устюге, Ускорье; затем, в заштатном городке Красноборске на пристань вышли власти и чуть не все население — поглазеть на пароход. (Красноборск был мне уже известен тем, что оттуда городецкие крестьяне Косарев и Кузнецов привозили много деревянных расписных ковшей, ендов[31], бураков[32], прялок, гребней для чески льна и т.п.)

После Красноборска остановка была близ богатого села Черевкова, где мы встретили торговое судно, стоявшее у берега. На судне были устроены прилавки и полки, как в настоящей лавке, и имелись всевозможные товары: чай, кофей, сахар, пряники, конфеты, мыло, духи, ленты, платки, ситец, кисея, шелковые и шерстяные материи и т.д. Ходило такое судно на парусах или на веслах, смотря по погоде. Теперь торговых судов нет. В прежнее время такое судно с открытием навигации отправлялось из Великого Устюга по Северной Двине к Архангельску, останавливаясь для продажи у сел и деревень. Лучшими покупателями считалось сельское духовенство, которое запасалось разными товарами на весь год. К концу навигации судно приходило в Архангельск, расторговавшись обыкновенно вчистую. В Архангельске судно продавалось на слом, а хозяин его с выручкой возвращался на последнем пароходе в Великий Устюг, чтобы на следующее лето заняться тем же.

После Черевкова останавливались мы в Верхней и Нижней Тотьме и Конецгорье. Не доходя пристани Березника, наш пароход сел на мель, и мы просидели на ней часов шесть; просидели бы и дольше, если бы мимо шедший пароход (тоже Кострова) не снял нас. Следующие остановки до Архангельска были в Звозе, Сии и Усть-Пинеге. (По берегам Северной Двины кое-где виднелись еще сохранившиеся характерные деревянные церкви XVII века.)

Ближе к Архангельску Северная Двина становится все шире и

красивее. Наконец, мы пришли в Архангельск. Я остановился в лучшей гостинице "Троицкой", где мне дали сносную комнату. В столовой гостиницы играл орган, а за столами сидели несколько мужчин — из ссыльных. Попробовал я любимое архангельское кушанье — треску с яйцами, которое мне не понравилось. Главная улица города, именуемая Троицким проспектом, растянулась на несколько верст, и лучшие дома на ней принадлежали немцам.

Достопримечательностей в Архангельске мало. Зашел я в собор, где соборный ключарь показал мне ризницу. Видел бревенчатый домик Петра Великого, перенесенный в Архангельск из Новодвинской крепости и состоящий из пяти совсем пустых комнат, и памятник Ломоносову, работы Мартоса[33]; прошелся по Александровскому саду, разведенному в 1820-м году; съездил на остров Соломбалу, куда отправлялся на пароходе, а вернулся через мост по реке Кузнечихе, соединяющей Соломбалу с Архангельском. На Саломбальском рейде стоял наш крейсер "Вестник". Вечером выкупался в купальне на Северной Двине и потом пошел в клубный театр, где давали какую-то оперетку.

В мою бытность в Архангельске, т.е. в первых числах июня, ночей не было, так как солнце не заходило. Все-таки мне показалось странным, что, когда я вышел в полночь из клуба, было совершенно светло и на горизонте видно солнце. Возвратясь в первом часу ночи в гостиницу, я лег в постель при игре на полу комнаты солнечных лучей, которые уже начали припекать.

Хотел было я поехать в Соловецкий монастырь, но, взойдя на отправлявшийся туда пароход, весь провонявший рыбой, и имея в виду морскую болезнь, я предпочел отказаться от этого путешествия и пустился в обратный путь на пароходе Булычева, который вез около пятисот мужиков и баб, возвращавшихся из Соловков. Каютных пассажиров было немного: старичок-священник из Сольвычегодска, какой-то учитель из Архангельска и несколько эмансипированных девиц — поповских дочерей. Каждый палубный пассажир, ехавший из Соловков, что-нибудь вез оттуда: или образок с изображением преподобных Зосимы и Савватия, или лубочную картинку с видом Соловецкого монастыря, или крестик, или какую другую вещь, сделанную соловецкими монахами. (На имеющейся у меня деревянной большой ложке написано: "Соловецкого монастыря пустынных трудов ложка 1844 года".) От этих, хотя и грошовых изделий, но продаваемых в громадном количестве, Соловецкий монастырь получал хорошие барыши.

На Северной Двине встретили мы небольшой казенный пароход, везший Иоанна Кронштадтского[34] на родину.

По пути остановился я в Сольвычегодске и Великом Устюге. Чтобы добраться до первого, надо было ехать от пристани Ускорья 22 версты болотистой местностью, по убийственной дороге, состоящей из поперек положенных березовых стволов, которые при езде поднимались и опускались, точно фортепианные клавиши.

Еще перед выездом из Ускорья произошел случай, который мог бы печально кончиться для меня и для старика-священника, ехавшего также в Сольвычегодск и приглашенного мною к себе в телегу, запряженную тройкой. Дело в том, что едва мы сели и ямщик не успел еще как следует подобрать вожжи, как лошади неожиданно дернули и понеслись с дороги в сторону. Насилу их сдержали.

Мигом примчались мы в Сольвычегодск, где я остановился на почтовом дворе, а священник ушел к себе домой. Было раннее утро, и я, усталый и разбитый от бешеной и тряской езды, собирался прилечь на старый диван, стоявший в комнате для приезжих, как вдруг увидал ползающих по дивану клопов. Пришлось сесть на стул и ждать пробуждения городской жизни.

Вспомнил я, что у нас в Сольвычегодске есть покупатели — братья Инкины. К ним я и отправился; они любезно меня приняли, и на следующую ночь я уже спал на пуховике в отдельной комнате, смежной с их лавкой.

В Сольвычегодске я подробно осмотрел собор, в кладовой которого увидал множество больших скульптурных деревянных фигур, изображающих Иисуса Христа в терновом венце, Николая Чудотворца, Жен Мироносиц и др. Потом, в кладовой Великоустюжского собора, я тоже видел большое количество подобных фигур. Эти фигуры отбирались архиереями из церквей Вологодской епархии.

В старину меценатами Солвычегодска были Строгановы. При них процветали там искусства и мастерства: зодчество, иконопись, финифтяное и черневое дело, в чем можно убедиться по сохранившимся собору и предметам внутри его. (В Сольвычегодске до сих пор находят в земле старинные медные пуговицы с разноцветной финифтью.)

Испытав ужасную дорогу в Сольвычегодск, на обратном пути в Ускорье я приказал ямщику ехать потише. Опять сел я на пароход и уже без всяких приключений добрался до Великого Устюга, где нашел себе приют в меблированных комнатах. Относительно пропитания здесь было весьма плохо; так, чтобы получить какое-нибудь, хотя бы самое простое кушанье, приходилось ждать нескончаемо долго: пока сходят на рынок, пока приготовят — проходили часы. Никаких трактиров, не говоря уже о ресторанах, в

Устюге не существовало, да, кажется, нет и теперь. Смотреть в городе, кроме старинных церквей, также ничего не нашлось. Когда-то Великий Устюг славился своими серебряными с чернью изделиями, но я, как их ни искал, не мог ничего найти. Мне говорили, что последний хороший мастер черневых вещей несколько лет как умер и унес с собой в могилу секрет своего мастерства. (Несколько лет назад я купил масляную картину (в 15 арш. длины и в 1 арш. ширины), представляющую вид Великого Устюга, со следующей надписью: "Город Устюг Великий прежде область бывшая Вологодского наместничества. Писал сей город устюжанин Василий Березин в 1895 году в Устюге Великом".)

Из Великого Устюга через Вологду возвратился я опять в Москву. Вспомнился мне рассказ боцмана с крейсера "Вестник" о мизерности русских городов Севера, слышанный мною во время переправы на пароходе через Волгу со станции "Вологда" в Ярославль. Боцман ехал в отпуск из Архангельска. "Что за города на Севере, — говорил он, — только одно название, что город. Пришли мы в Колу, где во всем городе не могли найти черного хлеба. Остались мы там зимовать; к празднику Пасхи могли собрать всего 22 яйца, а экипаж на "Вестнике" 170 человек. Яйца раздали между офицерами и унтер-офицерами, и то не всем, а матросам ничего не досталось".

В 1895 году вышли мои две первые книжки: одна под заглавием "Краткое описание Щукинского Музея", другая — "Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П.И.Щукина". Краткое описание печатал я в Москве, в типографии Мамонтова, в количестве 200 экземпляров, а "Опись рукописей" — в типографии Снегиревой, в том же количестве. Эти книжки я послал, между прочим, Ивану Егоровичу Забелину и в ответ получил от него следующее напутственное письмо от 28 декабря 1895 года: "Глубокоуважаемый Петр Иванович! Приношу Вам искреннюю благодарность за Ваш любезнейший подарок: Описание Вашего драгоценного Музея и Опись Ваших рукописей, которые с большим любопытством просматриваю и восхищаюсь собранным Вами драгоценным материалом. Дай Бог Вам здоровья. Да здравствует Ваша энергия и да послужит она образцом для всех собирателей по всем отделам любительской охоты. Важно собрать, но еще важнее увековечить собрание достойным описанием и печатным обнародованием его разнообразного состава. Это неуклонно и пойдет на пользу науки, хотя бы собрание по разным случайностям исчезло или разбросалось в разные стороны. Вот и в настоящем случае: по обстоятельствам я и доселе не мог попасть в Ваш Музей; по правде сказать, меня не особенно привлекает один только осмотр сокро-

вища, одно только воззрение на него, потому что главным образом я люблю вникать в содержимое, а это и возможно только относительно Вашего Музея, при посредстве Ваших изданных Опи-саний[35], из которых я гораздо явственнее представляю себе богатое содержание Вашего Музея. Повторяю неоднократно, что оно приводит меня в восторг. Одни письма о 12 годе — сущая красота Вашего собрания. А вся громада любопытных памятников — ее не осилишь и в книге, а при осмотре все-таки не поймешь настоящей научной ценности собранного. Итак, от души радуюсь Вашему Детищу и особенно тому, что Вы его так любите и к празднику Рождества нарядили в такой привлекательный костюм. Будьте здоровы. Поздравляю Вас с наступающим Новым годом. 28 декабря 95 г. Ив.Забелин".

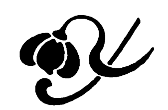
Мое знакомство с И.Е.Забелиным относится к очень давнему времени: когда мы жили еще в Колпачном переулке, он бывал у моего отца. Возвратясь в 1878 году из-за границы, я часто встречал Ивана Егоровича у моего дяди П.Л.Пикулина. Затем, после смерти последнего, мне пришлось редко видаться с ним. Наконец, с открытием моего музея наши отношения с Иваном Егоровичем снова возобновились; с передачей же в 1905 году моего музея Императорскому Историческому Музею — они сделались дружескими. Бывал у меня Иван Егорович вместе с А.В.Орешниковым, а я навещал его в Истори-ческом музее. Иван Егорович заметно старел, стал плохо ходить, но голова его работала попрежнему, и он продолжал интересоваться русской стариной. В Москве он принимал меня в своем кабинете, заваленном книгами и бумагами, или в гостиной, сидя в валенках. Летом навещал я его в Царицыне, где он жил в "Воздушном саду", на своей даче, и где угощал меня земляникой из своего сада. Сколько помню, Иван Егорович всегда был добрым и приветливым человеком, которого все любили и уважали. Мне рассказывали, что нынешнее лето забелинская дача была сдана каким-то двум молодым людям, которые в мае месяце заняли ее и привезли с собой два автомобиля. Соседям показалось подозрительным, что у этих молодых людей не было никакой прислуги и что у них ничего не готовили, а питались они одними закусками. Иногда к ним приезжали дамы. Дали знать в полицию. И что же? Оказалось, что молодые люди принадлежали к воровской шайке.

ДОПОЛНЕНИЕ К ПЯТОЙ ЧАСТИ

В 1894 году приехал в Москву мой знакомый парижский ювелир Л.Фализ. Перед своим приездом в Москву он писал мне из Петербурга 9/21 марта следующее: "*Je n'ai pas oublié Monsieur votre*

visite à ma Maison en 1889 et celle que vous m'avez faite encore depuis — et comme je viens pour la première fois en Russie, je voudrais vous aller rendre cette visite à mon tour. Je suis tenu à S-t Petersbourg pour quelques jours encore y étant appelé pour des commandes de la Cour impériale — mais dès que je serai libre j'irai à Moscou. Vous m'obligeriez bien en m'indiquant par un mot à l'hôtel de l'Europe — si vous croyez utile que j'emporte avec moi les bijoux et les pierreries que j'ai apportées ici. Je sais quelle riche société forme à Moscou le grand Commerce, qui y est plus puissant qu'à Petersbourg, mais encore faut-il y être introduit et présenté et c'est la première fois gue je mets les pieds dans votre ville. Ayez done la bonté, Monsieur, de me conseiller ou de me patronner. J'aurai également à voir S.A.I. le Grand Due Serge — qui est venu chez moi à Paris et le Prince Jousoupoff. Vous serait-il possible de me dire si celui ci est actuellement à Moscou?"[36]

В конце 90-х годов были куплены мною в Париже у Дюран-Рюэля[37] шесть масляных картин, относящихся до Алжирии и Тунисии. Три из них писаны ориенталистом *Dinet*, живущим большую часть года в Алжире. (В последнее время *Dinet* жил в Бу-Саде.) Одна из них, имеющая 2 арш. 9 верш. длины и 1 арш. 10 в. ширины, представляет сцену из арабской поэмы "Антар" и называется "Месть детей Антара". (За эту картину я заплатил 5000 франков.) На верблюде везут посаженный верхом скелет Антара в сопровождении арабов, несущих на пиках людские головы; бегущая собака увешана награбленными золотыми вещами; вдали — пылающее селение. На другой картине изображен ночной праздник в оазисе Лагуате. В саду, у стволов пальм, сидят женщины племени *Ouled Naïl*; перед ними горит множество свечей, воткнутых в песок; одна женщина танцует; на заднем плане видны мужчины арабы; на переднем — несколько арабов, из них один бьет в бубен, другой курит папиросу. Содержание третьей картины следующее: в окрестностях оазиса Лагуата вокруг пылающего костра сидят и лежат закутанные в бурнусы арабы; один играет на флейте перед танцующей змеей; на заднем плане синеются холмы с пучками травы альфы; на переднем — большое деревянное глубокое блюдо, на каком обыкновенно приготавливают "кускус". Картина *V.Huguet* изображает караван, переходящий в брод речку *el-Outaia*, близ Бискры: один верблюд с паланкином; арабы верхом на белых конях и несколько пеших арабов, идущих приподнявши бурнусы. Картина Сюреды изображает крытый рынок (сук) в Тунисе, а картина *Baillet* — улицу в Кайруане. Об Алжире и Тунисии я собрал также много французских книг.



КОММЕНТАРИИ

К части I

[1] Церковь Риз Положения за Калужскими воротами на ул. акад. Петровского.

[2] Дом Херодинова на Мясницкой ул. в приходе Архидьякона Евпла в Милютинском пер., ныне ул.Мархлевского, д.14.

[3] Д.А.Ровинский (1824-1895) – известный юрист, коллекционер, издатель и исследователь гравюр. Основные труды: "Русские народные картинки" (СПб., 1881);"Подробный словарь русских гравированных портретов" (СПб.,1895);"Полное собрание гравюр Рембрандта со всеми разницами в отпечатках" (СПб.,1890).

[4] Шамиль (1797—1871) — знаменитый объединитель горцев Дагестана и Чечни в борьбе за независимость, был взят в плен в августе 1859 г.

[5] П.Л.Пикулин (1822—1885) — адъюнкт терапевтического отделения госпитальной клиники при Московском университете. Служил до 1857 г. сначала врачом в Екатерининской больнице, потом в госпитальной клинике; известный диагност. В 1856—1859 гг. редактировал журнал "Садоводство". Написал книгу "Учение о размягчении головного и спинного мозга" (М.,1848).

[6] В.А.Долгоруков (1810—1891) — князь, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Государственного совета (1881), Московский генерал-губернатор (1865—1891).

[7] К.Т.Солдатенков (1818—1901) — купец-миллионер, известный деятель купеческих сословных учреждений, один из крупнейших русских меценатов. Торговал хлопчатобумажной пряжей и ситцами, пайщик торгово-промышленных фирм Никольской мануфактуры и др. Более полувека финансировал "солдатенковскую" книгоиздательскую фир-му.

[8] Имеется в виду Польское восстание за независимость 1863—1864 гг.

[9] А.А.Фет (Шеншин) (1820—1892) — выдающийся русский поэт. Сборники его стихов - "Лирический пантеон" (1840), "Вечерние огни"(1883—1891). Известен как переводчик Горация, Овидия, Гёте и других древних и новых поэтов. Впервые перевел на русский язык трактат А.Шопенгауэра "Мир как воля и представление" (1881). Автор мемуаров "Мои воспоминания" (1890), "Ранние годы моей жизни" (1893). Многие его стихи положены на музыку.

[10] Алексеевский женский монастырь на Верхней Красносельской ул., ныне Верхняя Красносельская, д.17 и 2-ой Красносельский пер., д.5-7.

[11] Купеческий клуб на ул. М.Дмитровка, ныне ул. Чехова, д.6.

[12] Н.Х.Кетчер (1809—1886) — русский писатель-переводчик. Окончил Медико-хирургическую Академию в 1828 г. Литературную деятельность начал в конце 20-х гг. XIX в. Переводчик Ф.Шиллера, Э.Т.А.Гофмана, У.Шекспира и др. В 1831 г. вошел в кружок своих друзей А.И.Герцена и Н.П.Огарева. В 40-е гг. сотрудничал в "Отечественных записках". В 50—60-е гг., после отъезда Герцена за границу, перешел на буржуазно-либеральные позиции. Совместно с А.Д.Голохвастовым подготовил первое собрание сочинений В.Г.Белинского (1859—1862).

[13] Австро-итало-французская война 1859 г. окончилась поражением Австрии. Сражение при Палестро произошло 30—31 мая 1859 г., при Мадженте — 4 июня 1859 г., при Сольферино — 24 июня 1859 г.

[14] В.И.Солдатенков — племянник К.Т.Солдатенкова, которому последний завещал все свое состояние.

[15] С.Г.Строганов (1794—1882) — граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, член Государственного совета; отличился в Бородинском сражении, в 1854—1855 гг. участвовал в Севастопольской кампании, в 1859—1860 гг. был Московским военным генерал-губернатором; имел богатейшую коллекцию русских монет.

[16] Скопцы — люди, подвергшиеся операции оскопления, последователи учения, возводящего ее на степень нравственной обязанности. До сих пор в точности неизвестно, где появились первые евнухи. В христианском мире первый случай оскопления известен в III в.: знаменитый христианский богослов из Александрии Ориген оскопил себя во избежание соблазна, за что лишен был священства. Первый скопец в России — пришелец монах Андриан при святом равноапостольном кн. Владимире (1001).

[17] У Щукина ошибочно: Иван Егорович. Правильно: Раев Василий Егорович (1807—1870), исторический живописец, пейзажист и мозаичист. Начальное художественное образование получил в Арзамасской рисовальной школе А.Ступина и продолжил его в Академии художеств Санкт-Петербурга. В 1840 г. получил звание неклассного художника в Риме. Сверх занятий живописью изучал в 1847—1848 гг. мозаичное производство. В 1851 г. был признан академиком. В последние годы своей жизни занимался живописью в византийском стиле, в котором расписал образную в доме К.Т.Солдатенкова. В Русском музее в Петербурге находятся две его картины: "Вид на Рим с Монте-Марио" (1845) и "Блаженный Алипий, иконописец печерский" (1848).

[18] По тексту имеется в виду 29 июля (Петров день).

[19] Д.П.Боткин (1829—1889) — сын П.К.Боткина (1781—1853), с 1870 г., после смерти В.П.Боткина, возглавлял фирму вместе с братом П.П.Боткиным (1831—1907). Известный коллекционер западноевропейской реалистической живописи XIX в., владелец собрания рисунков, акварелей и ценной библиотеки. Председатель Московского общества любителей художеств (1877—1889). После его смерти сын Петр стал одним из руководителей фирмы. Коллекция, поделенная между двумя сыновьями, Петром и Сергеем, частично была распродана. Свою долю наследства Сергей Дмитриевич увез в Париж, где он постоянно жил с 1896 г. Петр Дмитриевич продолжал собирательство, и в 1903 г. его

коллекция насчитывала 130 полотен. Некоторые картины из собрания Д.П.Боткина ныне находятся в Музее изобразительных искусств им. А.С.Пушкина в Москве.

[20] П.П.Боткин (1831—1907) — сын П.К.Боткина, коммерции советник, гласный Московской городской Думы, в 1870—1880 гг. член Московской купеческой управы, Московского биржевого комитета. Управлял фирмой "Боткина Петра сыновья" совместно с братом Д.П.Боткиным, а после его смерти — с племянником Петром Дмитриевичем и зятьями Н.И.Гучковым и художником И.С.Остроуховым.

[21] В.Д.Коншин — потомственный почетный гражданин, коммерции советник. Был женат на сестре Павла Михайловича Третьякова Елизавете. Являлся компаньоном Третьяковых по торговому делу. "Товарищество П. и С.Третьяковых и В.Коншин" вело торговлю полотном и владело (с 1866 г.) льноткацкой и льнопрядильной фабриками в Костроме.

[22] Ф.И.Буслаев (1818—1897) — русский филолог и искусствовед, академик Петербургской Академии наук (1860). Автор трудов в области славяно-русского языкознания, древнерусской литературы, устного народного творчества и древнерусского изобразительного искусства.

[23] А.А.Морозов (1839—1882) — потомственный почетный гражданин, директор правления Тверской мануфактуры. Московский домовладелец. Перешел в Единоверие. Похоронен во Всехсвятском единоверческом монастыре.

[24] Мамура, или поленика – ягода, род растений семейства розовоцветных, разновидность малины.

[25] "Наш вход благослови, Господь. Наш выход — равным образом" *(нем.). —Л.М.*

[26] Рекреационный двор — двор для отдыха.

[27] "Приди, запри каморку и оставь все стенания вдали от нас. Будь замком и засовом. Прими под свое крыло своих овечек" *(нем.). — Л.М.*

[28] "Я устал, успокойся, закрой глаза; Отец, позволь твоим глазам быть над моей постелью" *(нем.). — Л.М.*

[29] "Приди господь Иисус, будь нашим гостем и благослови то, что даровано нам. Слава Богу за еду и питье" *(нем.). — Л.М.*

[30] Верста — русская путевая мера, равная 500 саженей или 1066,79 м.

[31] "Большой болван" *(нем.). — Л.М.*

[32] Ретирады — здесь: туалеты.

[33] Приманцы — местные жители (диалект.)

[34] Ф.Ф.Лесгафт (1833—1884) — химик, писатель, педагог. Окончил в 1852 г. Петербургское коммерческое училище, а в 1857 г. — физико-математический факультет Петербургского университета со степенью кандидата естественных наук. С 1867 г. преподавал химию в Николаевском инженерном училище Санкт-Петербурга. Автор труда: "Товароведение сырых продуктов и мануфактурных изделий" (СПб., 1866, 1875); перевел многотомную "Химическую технологию" Боллея и др.

[35] Швальня — здесь: портняжная мастерская.

[36] "Ах, почему, почему овца так глупа, так глупа" *(нем.). — Л.М.*

[37] "Когда я бываю в Морском корпусе..." *(франц.). — Г.Н.*

[38] Рангоуты (на судах): совокупность деревянных брусьев, стальных труб, предназначенных для постановки парусов, для подъема сигналов, для подъемных приспособлений и т.п.

[39] Фрегат — военный парусный трехмачтовый корабль.

[40] Корвет — старинное трехмачтовое военное судно.

[41] Клипер — быстроходное трехмачтовое парусное судно.

[42] А.И.Клиндер (? — 1854) — академик живописи. Окончил Дерптский университет. В 1841 г. получил звание академика живописи за картину "Крестьянин, играющий на балалайке".

[43] С.П.Боткин (1832—1889) — сын П.К.Боткина, выдающийся русский врач-клиницист, академик (1872). Из двенадцати его детей от двух браков трое сыновей стали известными врачами, а двое — дипломатами.

[44] Е.В.Пеликан (1824—1884) — врач, профессор Медико-хирургической Академии. В 1845 г. окончил медицинский факультет Московского университета. В 1847 г. защитил докторскую диссертацию

[45] И.М.Сеченов (1829—1905) — русский естествоиспытатель — материалист, основоположник отечественной физиологической школы и естественно-научного направления в психологии. Почетный академик Петербургской Академии наук (1904), член-корреспондент (1869).

[46] Н.А.Белоголовый (1834—1895) — один из лучших врачей своего времени. Окончил Московский университет в 1855 г. Лечил Н.А.Некрасова, М.Е.Салтыкова-Щедрина, Г.З.Елисеева, И.С.Тургенева. Со студенческой скамьи был в тесной дружбе с П.С.Боткиным и написал его биографию.

[47] В.А.Крылов (1838—1906) — русский драматург. Окончил Петербургскую инженерную Академию (1859). Автор 125 драм и комедий. Наиболее известные: "К мировому", "Земцы", "Горе-Злосчастье", "Семья", "В глуши Сибири", "Острова жизни", "Девичий переполох". В 1865 г. писал под псевдонимом Виктора Александрова.

[48] В.И.Костомаров (1817—1885) — русский и украинский историк, писатель. С 1846 г. профессор Киевского, а с 1859 по 1862 г. — Петербургского университетов. Автор многочисленных работ.

[49] М.Я.Китара (1825—1880) — заслуженный профессор и почетный член Московского университета. Окончил курс в Казанском университете, в 1845 г. получил степень магистра зоологии, а в 1848 г. — степень доктора естественных наук. По приглашению Московского купеческого общества принял место инспектора в Московской практической Академии коммерческих наук. В 1860 г. получил от Вольного экономического общества золотую медаль за изобретенный им способ простого и дешевого изготовления консервов. Автор труда "Русская печь, как средство к приготовлению консервов" (1859, 1865). В 1879 г. переехал в Петербург.

[50] А.И.Ходнев (1818—1883) — химик. Образование получил в педагогическом институте и по окончании его был командирован за границу. Вернувшись в Россию, защитил магистрскую диссертацию по химии "Состав студенистых растительных веществ и их физиологическое назначение" (СПб., 1846) До 1855 г. был профессором химии в Харьковском университете, где получил степень доктора физики и химии и напечатал "Курс физиологической химии" (1847). Был членом Вольного экономического общества, многих ученых комитетов, в том числе — Военно-технического комитета при Главном интендантском правлении.

[51] о.Коневец, на нем расположен Коневский (Конезецкий) монастырь (Ленинградская обл.).

[52] г.Кексгольм — с 1948 г. г.Приозерск Ленинградской обл.

[53] В.Я.Стоюнин (1826—1888) — известный педагог, писатель. В 1846 г. поступил в Петербургский университет и в 1850 г. окончил его со степе-

нью кандидата. С 1852 по 1871 г. работал учителем русского языка в 3-й гимназии Санкт-Петербурга. Написал книгу "Высший курс русской грамматики" (1885). В начале 1870-х гг. был инспектором Московского Николаевского сиротского института. В 1879 г. вместе с женой открыл свою гимназию. В 1892 г. его педагогические труды были опубликованы отдельной книгой.

[54] П.Е.Басистов (1823—1882) — педагог, писатель. В 1843 г. окончил философский факультет Московского университета. Преподавал русский язык и словесность в 1-й классической гимназии, Александровском и Николаевском институтах. Все написанное им относится к области критики и педагогики. Из всех его педагогических сочинений наибольшее значение имела "Хрестоматия для употребления при первоначальном преподавании русского языка" (Курс 1 и 2; переиздавалась 17 раз.)

[55] Чижовское подворье выстроено в 1852 г. в Богоявленском пер. Москвы.

[56] Чертковская библиотека находилась на углу Фуркасовского пер. и Мясницкой ул., д.7.

[57] П.И.Бартенев (1829—1912) — русский историк, археограф, библиограф. Основал исторический журнал "Русский архив"(1863). Опубликовал большое количество архивных документов XVIII—XIX вв. по общественно-политической и военной истории, а также истории культуры России.

[58] Плис - французский бумажный бархат, иногда — бумажный ворс по льняной основе.

[59] Прюнель - французская тонкая плотная ткань для изготовления верха обуви.

[60] Английский клуб на ул.Тверской, д.21.

[61] Н.П.Боткин (1813—1869) — сын П.К.Боткина, дружил с Н.В.Гоголем и Н.А.Некрасовым, близко знал русских художников, живших в Риме.

[62] К.Е.Маковский (1839—1915) — известный русский живописец, действительный член Петербургской Академии художеств (1898), член-учредитель Товарищества художественных выставок. Известные картины: "Балаганы на Адмиралтейской площади" (1869), "Портрет О.А.Петрова (1870), "Возвращение священного ковра из Мекки в Каир" (1876), "Поцелуйный обряд" (1895) и др. Имел квартиру в Нижнем Новгороде.

[63] В.П.Боткин (1811—1869) — сын П.К.Боткина, публицист, участник кружка Станке-вича. Совмещал службу в семейной фирме с литературным творчеством. В 1838-1839 гг. активно сотрудничал в журнале "Московский наблюдатель" В.Г.Белинского, во второй половине 40-х гг. — в "Отечественных записках", а позднее — в "Современнике", где появились в 1847 г. "Письма об Испании" — главное и наиболее яркое произведение Боткина, содержащее суждения о политике, экономике, культуре и истории не только Испании, но и других стран.

[64] М.П.Боткин (1839—1914) — сын П.К.Боткина, художник и искусствовед, академик живописи, автор картин на исторические и библейские сюжеты. Член русских и зарубежных археологических обществ, был директором музея Общества поощрения художеств. В 1880 г. издал книгу "А.А.Иванов, его жизнь и переписка", собрал множество эскизов и этюдов к картине "Явление Христа народу". Большая часть его собрания находится в Эрмитаже. Участвовал в коммерческой деятельности: был одним из директоров Товарищества Ново-Таволжанского свеклосахарного завода Боткиных и пароходного общества "Кавказ и Меркурий",

председателем правления первого Российского страхового общества, членом Петербургского Международного коммерческого банка и пр.

65 С.П.Постников (1838—1880) — художник. Обучался в училище живописи, ваяния и зодчества в Москве, в 1855 г. перешел в Академию художеств. В 1859 г. получил звание неклассного художника и на собственный счет поехал в Рим. По возвращении в 1864 г. выставил картины "Прощание Гектора с Андромахой" и "Вакханку с тамбурином", за которые был признан академиком исторической живописи.

66 И.Е.Забелин (1820—1908) — русский историк, археолог, почетный член Академии наук (1907). В 1859—1876 гг. работал в Археологической комиссии в Петербурге, в 1879—1888 гг. был председателем Общества истории древностей российских при Московском университете. Один из главных организаторов и фактический руководитель Исторического музея в Москве. Автор трудов и издатель документов по истории быта русского народа XVI—XVIII вв. и истории Москвы.

67 "Это попугай, который разговаривает" *(франц.). — Г.Н.*

68 Гостиница, которую содержал отец К.Эренбурга в Выборге.

69 Парк барона Николаи.

70 Эспланада — пустое, незастроенное место между крепостью и городом.

71 Портерная — пивная. Портер — английское, крепкое черное пиво особой варки.

72 "Всеобщего немецкого музыкального союза и Вагнеровского общества". ***(нем.) — Л.М.***

73 П.В.Шумахер (1817—1891) — датчанин по происхождению, писатель. По окончании Петербурского коммерческого училища поступил чиновником "для письма" к Якобсону. В 1835 г. отправился с ним в Сибирь и стал служить в канцелярии Сибирского генерал-губернатора графа А.Н.Муравьева, который поручил ему написать историю Сибирского края. Так появились "Оборона Камчатки и Восточной Сибири против англо-французов в 1854—1855 годах" (1878), "К истории приобретения Амура", "Наши сношения с Китаем 1848—1860 гг. по неизданным источникам" (1878), "Первые русские поселения на Сибирском Востоке" (1879). Жил в Нижнем Новгороде, потом в Москве у Кетчера. В 1887 г. переселился в Шереметевскую богадельню, где и скончался.

74 Н.Н.Коншин (1833—1918) — купец 1-й гильдии г.Серпухова, возглавлял "Товарищество мануфактур Н.Н.Коншина в г.Серпухове" В 1882 г. род Коншиных был возведен в потомственное дворянство.

75 И.С.Остроухов (1858—1929) — русский живописец и художественный деятель, коллекционер. Передвижник (1891), член Союза русских художников (1903), действительный член Петербургской Академии художеств (1906). Лучшие работы — пейзажи, изображающие природу средней полосы России: "Золотая осень" (1886-1887), "Первая зелень" (1887-1888), "Сиверко" (1890). Друг и советчик П.М.Третьякова. Собрал собственную значительную коллекцию русской иконописи и живописи новейшего времени (в 1918 г. национализирована, после смерти передана в Третьяковскую галерею).

76 А.А.Мартынов (1820—1895) — московский краевед. Им изданы: "Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества" (1851—1857; вместе со Снегиревым), "Русские достопамятности" (1862—1865;

описание монастырей и церквей), “Знаменский монастырь и палата бояр Романовых” (1861; текст Снегирева), “Москва. Подробное историческое и археологическое описание города” (1865,1875; текст Снегирева), “Название московских улиц и переулков с историческими объяснениями” (1881), “Подмосковная старина. Описание различных подмосковных сел, монастырей и церквей” (1889) и др. Альбомы собранных Мартыновым рисунков хранились в библиотеке Московского Археологического общества.

[77] Лавка С.Т.Большакова была на Старой площади, у Ильинских ворот.

[78] Кровная месть по-корсикански.

К части II

[1] “Купите, купите страшно милой шерсть, шелк, жакет или королевскую тафту, все, что вам всегда по душе” *(нем.). — Л.М.*

[2] “Никто не был таким довольным вдовцом, как рыцарь Синяя Борода” *(нем.). — Л.М.*

[3] Имеется в виду русско-турецкая война 1877—1878 гг.

[4] “Мой Лев” — “вол” (глупец), игра слов *(нем.). — Л.М.*

[5] Рудольф Вирхов (1821—1902) — немецкий ученый и политический деятель. Окончил медицинский институт в Берлине в 1843 г. В 1847 г. стал доцентом Берлинского университета, в 1849 г. занял кафедру патологической анатомии в Вюрцбургском университете. В 1856 г. возвратился в Берлин и стал директором Института патологии и профессором Берлинского университета. Наряду с этим занимался антропологией, археологией (участвовал в раскопках Г.Шлимана) и этнографией. Автор более 1000 работ.

[6] Фридрих Шпильгаген (1829 — начало XX в.) — известный немецкий писатель. Его первый роман “Загадочная натура” (1860) выдержал более 20 изданий. Романы Шпильгагена переведены на русский язык: “Два поколения” (1863), “Один в поле не воин” (1866), “Между молотом и наковальней” (1868), “Про что пела ласточка” (1872) и др.

[7] Отто Уле (1820—1876) — немецкий писатель, автор популярных естественно-научных сочинений. На русский язык переведен “Учебник физики в вопросах и ответах” (вышел в 1897 г.).

[8] Эдуард Ласкер (1829—1884) — немецкий политический деятель. В 1848 г. вступил в студенческий легион и сражался в Вене на баррикадах. В 1867 г. был выбран в Рейхстаг и оставался его депутатом бессменно до конца жизни. Обладал ораторским талантом, замечательной эрудицией. Написал много статей.

[9] *Эрнст Энгель.* “Современный немецкий кризис”. *Герман Швабе.* “Берлин и его развитие. Городской ежегодник народного хозяйства и статистики” (1872,1873 и 1874 гг.), “Юго-западный Берлин и центральная железная дорога” (1873) *(нем.). — Л.М.*

[10] ”Воспоминания из жизни русского генерал-лейтенанта Иоганна фон Бламберга (по его дневникам 1811—1871 гг.)”

[11] Герман Людвиг Фердинанд Гельмгольц (1821—1971) — немецкий физик, математик, физиолог и психолог. Учился в Военно-медицинском институте в Берлине. С 1843 г. — военный врач в Потсдаме. Профессор физиологии университетов в Кенигсберге (1849), Бонне (1855),

Гейдельберге (1858). С 1871 г. — профессор физики в Берлинском университете, с 1888 г. — директор Физико-технического института в Берлине.

[12] Имеется в виду франко-прусская война 1870—1871 гг.

[13] "Шагай весело, шагай весело, туз бубен, мой длинный мундир на трех пуговицах, маршируй, маршируй" *(франц.). — Г.Н.*

[14] Фуляр — шелковая ткань полотняного переплетения из некрученых нитей, придающих ткани особую мягкость. Встречается гладким, но чаще набивным. Первоначально шел на носовые платки, позднее — на летние дамские платья.

[15] "Вечерняя заря, вот ее час! Идут солдаты, идут солдаты, опять придут в квартал" *(франц.). — Г.Н.*

[16] "Полночь, христиане, — это час торжества, в который Бог-сын снисходит к нам, чтобы искупить первородный грех и умерить гнев Бога-отца" *(франц.). — Г.Н.*

[17] "Мадам, труден только первый шаг" *(франц.). — Г.Н.*

[18] "Вот тот, кто убивает мышей и крыс, вот торговец, убивающий крыс" *(франц.). — Г.Н.*

[19] Цедры, цитроны — растение рода цитрусовых, возделывается для получения плодов. Цитрон — кустарник или небольшое дерево высотой до 3 м. Родина — Индия и Южный Китай, в диком виде неизвестен.

[20] Жан Жак Руссо (1712—1778) — французский философ, писатель, композитор. В литературе стал одним из основоположников сентиментализма. Его известные романы: "Юлия, или Новая Элоиза" (1761), "Эмиль, или О воспитании" (1762).

[21] Глетчер — ледник.

[22] "В продолжение осады Парижа (1871) крупные крысы продавались за 12 франков часть, маленькие мыши — 12 и 15 франков дюжина, собаки и кошки — 25 франков, что касается кроликов, счастливцы доставали за 60 и 80 франков. Сливочное масло, совсем несвежее, стоило 40 франков за фунт (500 г.). Что касается овощей, я видел плативших за маленький белый кочан капусты 8,5 франка" *(франц.). — Г.Н.*

[23] "Бедняга доктор Нейрет, у которого вы лечили ваш ревматизм, сделался почти слепым, возможно, это следствие алкоголя. Я видел вчера здесь мистера Даргана-старшего. Мистер Георг Дамбман, который сочетается браком завтра, не знает даже адреса Шульца. Последнее письмо получил от него из Оклахомы, но тогда мистер Шульц просто путешествовал" *(франц.). — Г.Н.*

[24] "Вы должны знать, что мы имеем ф... в порту Мак-Магон. Это не слишком мало. У нас действительно республика, награда по заслугам за наше благоразумие" *(франц.). — Г.Н.*

[25] "Я удивлен вашим предвидением, что я стану фабрикантом (Галлей стал фабрикантом по черной материи). И хорошо, я не поставил в письме еще точку, но если мои дела покинет успех, я откажусь от большой коробки Р.Д.В. Таким образом, мой дорогой и старинный компаньон по ткани, я хочу употребить все мои усилия, чтобы отыскать коробку Р.Д.В. Вы знаете, что мистер Фридландер покинул фирму, в которой мистер Вейгерт стал управляющим; эта подлость (простите мне это выражение) становится жестокой или глупой" *(франц.). — Г.Н.*

[26] "Шасселей немного больше знают туристы. Если этому городу и есть чем гордиться, то это умением хорошо кормить" *(франц.). — Г.Н.*

[27] "Великан нового города" *(франц.). — Г.Н.*

[28] Дворянский клуб на Б.Дмитровке, д.1, ныне Пушкинская ул.

[29] Немецкий клуб на ул. Софийке, д.1, ныне Пушечная ул.

[30] "И это возбуждает везде большой энтузиазм. Они исполняются каждую неделю в субботу вечером" *(франц). — Г.Н.*

[31] "Барабаны, горны, музыканты впереди — вот как проходит вечерняя заря. Её не видели в течение двух десятков лет. Старые парижане почувствовали себя помолодевшими. Возобновление этого ритуала пользовалось большим успехом" *(фран.). — Г.Н.*

[32] "Королевская площадь Людовика Великого, затем Федерации, Равенства, Бонапарта, Наполеона, и вновь площадь Людовика Великого" *(франц.). — Г.Н.*

[33] Праздник Богоявления:"Я не могу, мои дорогие родители, с наилучшими пожеланиями домашним, не откликнуться с величайшей готовностью на любезное приглашение моего дяди, пожелавшего отпраздновать семейный праздник Богоявления 6 числа этого месяца в своем сельском доме. Впрочем, я привязан всем своим сердцем к маленькому празднику Богоявления; я уверен теперь, эти господа прибудут толпой к воротам замка и бросятся на шею моему дяде и моей тете, чтобы поцеловать их в холодные носы, и, расточая им комплименты и наилучшие пожелания, подойдут к хорошо сервированному столу и будут оспаривать друг у друга королевские бобы. А в это время обед начинается: вот блюда, которые следуют одно за другим, вот вина, которые льются рекой, вот музыка, оживленная спором, который сливается с шумом вилок." *(франц.). — Г.Н.*

[34] Сулари пишет своему дяде Couet (бывшему нотариусу, владельцу, живущему доходами в Иригну) об урагане в Лионе: "Я много размышлял о буре 29-го, опустошившей ваши виноградные сады; к несчастью, возмещение, которое вам было назначено, весьма незначительно. Все общественные округа опустошены; у нас был здесь конец (хвост) урагана в виде сухого вихря; он вырвал с корнем 17 деревьев в Перраше и сбросил омнибус в Рону" *(франц.). — Г.Н.*

[35] "Прекрасны дни, в Лионе прошедшие. Вы вспоминаете вашу катушку Румкорфа N113, которую вы мне купили в Париже? Наших друзей Муриса, Штернбауера, Зальцмана, Бишофа, Турнейзена уже нет на этом свете. Я хотел бы быть на их месте" *(франц.) — Г.Н.*

[36] "Теперь я пойду есть мой бифштекс" *(франц.). — Г.Н.*

[37] "Моя жена не хочет спать со мной, если я не куплю новую шляпу" *(франц.). — Г.Н.*

[38] "Фирма Севена и Барраля все еще существует в доме наследников Барраля и Эйгеншенка, на улице Лафонт, 6." "Торговая фирма Варбурга, имевшая свой магазин в доме Казати, уже год как не существует" *(франц.). — Г.Н.*

[39] "Мои дорогие родители, моя теща, вернувшаяся из Биуси, привезла нам хорошую маленькую курочку с хохолком, которая должна снести много яиц на Рождество; она совсем молоденькая, совсем ручная и клюет прямо из рук. Мы ее назвали Нахалкой. Если она сможет доставить вам удовольствие, заберите ее от нас с первым, кто приедет в Лион. Мы отправим ее на нашу дачу с еще большим удовольствием, так как мы не хотим ее ни убивать, ни держать ее в комнате, где нет воз-

можности ей клевать зерно. Кроме того, она мне поручила сказать моей тете, что она выплатит ей жалование за ее милые манеры и ее связи... свежими яйцами. До свидания, мои дорогие родители. Обнимаю вас крепко. Сулари" *(франц.). — Г.Н.*

К части III

[1] Лавка Щукиных была на Шуйском подворье в Юшковом пер., ныне Никольский пер.

[2] Дом в Б.Знаменском пер., в котором впоследствии жил С.И.Щукин и где находился его музей (ныне ул.Грицевецкая, д.8).

[3] М.А.Хлудов — сын А.И.Хлудова, купца, известного собирателя древнерусских рукописей и книг. Его коллекция насчитывала в 1872 г. 361 рукопись.

[4] М.Г.Черняев (1828—1898) — русский военный и общественный деятель, генерал-лейтенант (1882). Участвовал в Крымской и Кавказской войнах. С 1873 по 1878 г. совместно с Р.А.Фадеевым издавал в Петербурге газету "Русский мир". В 1882—1884 гг. Туркестанский генерал-губернатор. С 1886 г. в отставке.

[5] Голицынский музей на ул.Волхонке, д.14.

[6] Б.Н.Чичерин (1828—1904) — историк, философ, теоретик государства и права. Профессор Московского университета (1861—1868), с 1893 г. почетный член Петербургской Академии наук. В 1882—1883 гг.- московский городской голова. Жил в доме кн. С.М.Голицына на ул.Волхонке, д.14.

[7] Каталог книг библиотеки князя Михаила Голицына, изданный с примечаниями К.Гинзбурга (М., 1866).

[8] Детруа (Жан-Франсуа де Труа) (1679—1752) — французский живописец. В 1708 г. был принят в члены Французской Академии, в 1719 г. стал профессором, в 1737 г. получил титул королевского секретаря, в 1738 г. назначен директором Французской Академии в Риме. По заказу Людовика XIV им были изготовлены для воспроизведения в коврах Гобеленовской мануфактуры 7 картонов, изображающих эпизоды из истории Эсфири, и столько же — с сюжетами из легенд об Язоне.

[9] Мария-Антуанетта (1755—1793) — королева Франции, младшая дочь императора Франца I и Марии Терезии. Жена Людовика XVI.

[10] "Указатель некоторых приобретенных книг, извлеченных из памятной книжки князя Михаила Александровича Голицына.

1845

Толкование священных правил Фенелона Пара... 1697. Экземпляр с гербами Якова II, короля Англии, заплатил 500 франков.

1855

(Коллекция любителя в Москве)

Сочинение Галлота 2 т. в лист, с гербами мадам Помпадур (Этот любитель, полагаю за него уступить посредством обмена книги более или менее любовные, которые у меня могут быть в библиотеке. Я ему отправил "Орлеанскую деву" с рисунками. Париж. Дидо, год III и "Песни" Беранже (Париж, 1828, рисунки черные и цветные, взамен которых я получил два прекрасных тома Галлота).

(Штаргард): Повеление ордена золотого руна (Анвер Платан, около 1500). Экземпляр на тонком пергамене (велене), очень хороший, 38 Th. 25 gr.

Квинт Курций Альда. 1520. Экземпляр с гербами Франциска 1. Заплатил 450 франков.

Амадие Галь, 26 томов. (Лион.Б.Риго. 1575—1581. Париж, Кл. Готьер, 1573, Париж. Робине. 1613). Экземпляр с гербами графа Хоум. Заплатил 500 франков. (Венте Гироу)

(Послан в Берлин принцу Александру Лобанову).

Подражание французскому. Эльсеф 1655. Заплатил 72 Th.

(Библиотека господина Всеволожского в Москве:) Цицерон. Письма Брута в Рим. Свейнхеум и Паннарт. 1470. Хороший экземпляр, с большими полями. 120 рублей. (Буковскому в Москву) Всецелебное лекарство Фр.Иох.Балбюса де Жанна. 1460. Хороший экземпляр, но должен быть светлый и переплетен. 62 рубля.

Квантилиан — Рим, 1570. Первое издание древнего автора, 50 р. (Послан господину Лобанову:) Роман о розе (переведенный) ...

Молине Лион. Балсарив, 1503, в 4 том расписанный. 33 Th. 10gr.

1856

(Л.Потьер) Цицерон, издания Альда 1503-1523. 8 т. 7 том., черный с золотом список, древний экземпляр, полной сохранности. 800 франков" ***(франц.). — Г.Н.***

[11] Боткинская картинная галерея в Москве на ул.Покровке.

[12] Ходовецкий Даниил (1726—1801) — немецкий график и живописец. По происхождению поляк, с 1743 г. учился и жил в Берлине. Особенно много работал как иллюстратор, разработав тип миниатюрно тонкого офорта.

[13] Ропс Филисиен (1833—1898) — бельгийский график и живописец. С 1865 г. жил во Франции. Мастер литографии и офорта; много экспериментировал в области цветной графики. Автор политических и бытовых карикатур и иллюстраций.

[14] Гаварни (псевдоним Шевалье Ипполита-Гильома-Сульписа) (1804—1866) — французский рисовальщик и литограф. Его работы, изображающие облик и нравы парижан, высоко ценились современниками за остроумный выбор сюжетов, верную передачу характеров и выразительность.

[15] Пьер-Луи Греведон (1782—1860), прозванный Анри — французский живописец и литограф, ученик Реньо. Сначала писал исторические картины и сцены народного быта, затем посвятил себя исключительно рисованию на камне портретов известных лиц и современных ему знаменитостей. Литографии Греведона появялись преимущественно в виде серий и пользовались в 30-х гг. XIX в. большим успехом. Из отдельных листов хороши портреты драматической актрисы Марс, певиц Малибран и Зонтаг, короля Людовика-Филиппа, королевы Марии-Амалии. В молодости провел некоторое время в Санкт-Петербурге и с 1861 г. носил титул академика Санкт-Петербургской Академии художеств.

[16] Вильям Гогарт (1697—1764) — знаменитый английский рисовальщик, гравер и живописец. В 1757 г. получил титул придворного живописца. Три тома его гравированных произведений с оригинальных досок, ретушированных Титом, изданы в Лондоне в 1820—1822 гг. В своих работах Гогарт осмеивал пороки современного ему общества.

[17] Пьер-Энбер Древе-младший (1697—1739) — сын и ученик П.Древе-старшего, превзошедший своего отца талантом. Один из самых ярких мастеров гравюры периода расцвета этого искусства во Франции. Им

исполнено 33 эстампа. Наиболее выдающиеся работы — портреты Басюэта, Людовика XIV во весь рост, Самюэля Бернара де-Котта, гравюры "Адам и Ева", "Благовещение" и др. В последние годы своей жизни страдал умственным расстройством.

[18] Н.С.Мосолов (1846— ?) — гравер-аквафортист, коллекционер, гравировал копии с рисунков и офортов Рембрандта. Им гравировано 362 эстампа. В 1872 г. признан академиком. Основу его коллекции заложил дед, а отец составил превосходную коллекцию офортов Рембрандта, которую пополнял сын. Все свое собрание Н.С.Мосолов завещал Румянцевскому музею: 158 рисунков голландских художников XVII в.; 371 офорт Рембрандта; 218 — А.ван Остаде, а также гравюры голландских офортистов — всего 1922 листа; 1500 гравюр западноевропейских граверов XIX в. и ряд картин.

[19] Н.В.Баснин (1843—1918) — московский адвокат, коллекционер. Вместе с коллекцией унаследовал от отца и страсть к собирательству. Коллекция Баснина состояла из 14000 гравюр, 130 рисунков и 150 книг. После его смерти вдова передала все собрание в Румянцевский музей, в 1924 г. вошедший в состав Музея изящных искусств (ныне ГМИИ им.-А.С.Пушкина).

[20] И.М.Остроглазов (1838—1892) — юрист, библиограф, коллекционер. Окончил юридический факультет Московского университета. Был председателем Тульского окружного суда. Его труды: "По поводу некоторых юридических вопросов, разрешенных московскою палатою" (1872); "Книжные редкости" (1891, 1892 гг.); "История одной редкой и замечательной книги" (1892).

[21] Н.П.Рогожин — купец, собиратель книжных редкостей и рукописей. Имел в Москве огромную библиотеку (около 20 000 томов), которую передал сыну, Рогожину В.Н. (1859—1909), с условием, что книги и рукописи будут иметь общий штамп.

[22] В.К.Вульферт (1844—1906) — писатель. На службе состоял с 1866 г. В 1880 г. сотрудник газеты "Русский вестник", где печатал свои рассказы. В 1892 г. был мировым судьей.

[23] А.И.Станкевич (1856—1922) — историк. С 1869 по 1877 г. учился в частной гимназии Фр.Креймона в Москве. В 1882 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета со степенью кандидата. В 1882-1886 гг. работал в Московском Главном архиве МИД. С 1887 по 1914 г. работал библиотекарем в Российском Историческом музее.

[24] К.А.Тарновский (1826—1892) — драматург, писатель, переводчик. Перевел 150 пьес. Автор романов: "Призрак", "Лесной бродяга", "Нена-Саиб" и др.

[25] Ф.А.Гучков (ум. в 1856 г.) — фабрикант, старообрядец по Преображенскому кладбищу, ставшему общероссийским центром беспоповщины. По преданию, когда около 1840 г. над преображенцами нависла угроза правительственного разгрома, Ф.А.Гучкову был передан общиной на хранение сундук с деньгами и ценностями на общую сумму 12 млн. рублей. Они и легли в основу богатства рода Гучковых.

[26] Н.И.Гучков (1860—1935) — сын Ивана Федоровича, был одним из директоров чаеторговой фирмы "Петра Боткина сыновья" и товарищества Новотаволжанского свеклосахарного завода Боткиных, член "Торгового дома Гучкова Е.Ф. и сыновья". Московский городской голова в 1905—1912 гг. Умер в Париже.

[27] А.И.Гучков (1862—1936) — сын Ивана Федоровича, либеральный общественный деятель. Организатор и лидер партии октябристов. В 1910—1911 гг. председатель III Государственной Думы. Во время первой мировой войны — председатель Центрального военно-промышленного комитета и член Особого совещания по обороне. После Февральской революции — военный и морской министр в первом составе Временного правительства. После Октябрьской революции эмигрировал.

[28] Дисконт — уступка, скидка при получении по векселю денег до срока.

[29] Ксавье де Монтепен (1824—1902) — французский писатель. Его романы изобиловали убийствами, отравлениями, подменой детей и другими потрясающими катастрофами.

[30] Д.В.Григорович (1822—1900) — писатель. Учился в Инженерном училище и Академии художеств в Санкт-Петербурге (1836—1840). Служил в Дирекции императорских театров. Наиболее значительные произведения — повести "Деревня" (1846), "Антон-Горемыка" (1847), "Капельмейстер Сусликов" (1848), "Похождения Накатова" (1849), "Свистулькин" (1855), "Гуттаперчевый мальчик" (1883); романы: "Проселочные дороги" (1852), "Рыбаки" (1853), "Переселенцы" (1855—1856).

[31] А.В.Станкевич (1822—1912) — писатель, биограф Т.Н.Грановского. Литературные произведения: "Ипохондрик" (1848), "Фомушка" (1849), "Воспоминания о Грановском" (1855), "Вечерние визиты" (1856), "Из переписки двух барышень" (1857), "Тимофей Николаевич Грановский. Биографический очерк" (1869).

[32] А.Н.Маклаков (1838—1895) — профессор глазных болезней в Московском университете. Окончил курс медицинских наук в Москве в 1864 г., получил степень доктора медицины. Служил при глазной клинике Московского университета ассистентом, а затем занял там же кафедру офтальмологии. Автор многих научных трудов.

[33] К.Д.Кавелин (1818—1885) — русский историк, правовед и социолог, буржуазно-либералный публицист. В 1839 г. окончил юридический факультет Московского университета. В 1857—1861 гг. профессор Петербургского университета. В 1840-е гг. увлекся идеями западников, был близок Т.Н.Грановскому, А.И.Герцену. Известные работы: "Взгляд на юридический быт Древней Руси" (1847), "Краткий взгляд на русскую историю" (1887), "Мысли и заметки о русской истории" (1866) и др.

[34] Дом на ул. Мясницкой, 37 принадлежал К.Т.Солдатенкову с 1857 по 1901 г. После революции в нем был санаторий, во время Великой Отечественной войны — Ставка Верховного Главнокомандующего, потом — приемная Министра обороны СССР.

[35] Московский Румянцевский музей на ул.Моховой (ныне Российская Государственная библиотека).

[36] А.А.Риццони (1836—1902) — русский художник, окончил Академию художеств. В 1857 г. был удостоен малой серебряной медали за картину "Корчма" и большой серебряной медали — за картину "Итальянский шарманщик в корчме". В 1866 г. получил звание академика Санкт-Петербургской Академии художеств. Его картины хранятся в Эрмитаже и Третьяковской галерее.

[37] И.С.Аксаков (1823—1886) — известный русский писатель, публицистов 1842 г. окончил курс Училища правоведения и поступил на служ-

бу в Сенат, в 1852 г. вышел в отставку и посвятил себя журналистике.

[38] М.П.Щепкин (род. в 1832) — публицист и общественный деятель. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Известен как выдающийся деятель московского городского общественного управления, в котором принимал участие в течение 30 лет. В 1866—1871 гг. — профессор политической экономии в Петровской земледельческой Академии. Автор капитального труда "Общественное хозяйство города Москвы", в 4 томах, (1888,1890,1893,1901); оставил много переводов.

[39] Л.Ф.Лагорио (1826—1905) — художник-пейзажист, сын итальянца. Учился в Санкт-Петербургской Академии художеств. В 1847 и 1848 гг. получил от академии малую и большую серебряные медали. В 1849 г. был удостоен малой золотой медали за "Вид в окрестностях Выборга". В 1860 г. получил звание профессора. Его известные картины: "Фонтан Аннибала в Роккади-Папа", "Каподи-Монте в Соренто", "Понтийская охота" и др.

[40] Ферраши — коверщики (араб.) — так называются на Востоке служители в знатных домах, в чью обязанность входит содержание в порядке и чистоте половых ковров, матов, циновок, а также покрывал, которыми застилают диваны, софы и тахты.

[41] Выжига — вещь прожженная, прокаленная, очищенная огнем; чистое серебро, оставшееся после сожжения пряденного и тканого серебра.

[42] "Наполняю свой пустой стакан, Пью свой полный стакан И делаю так, чтобы он был Ни полный, ни пустой" *(франц.). — Г.Н.*

[43] А.А.Закревский (1783—1865) — граф, русский военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (1829), генерал-адъютант (1848). Участвовал в военных действиях русской армии в 1805—1814 гг. С 1823 г. Финляндский генерал-губернатор. В 1826 г. был членом Верховного уголовного суда по делу декабристов. В 1828—1831 гг. — министр внутренних дел. С 1848 по 1859 г. — Московский генерал-губернатор.

[44] Б.М.Маркович (1822—1884) — поляк, писатель, окончил Ришельевский лицей. В 1848—1853 гг. был чиновником по особым поручениям при Московском генерал-губернаторе, затем служил в канцелярии Министерства внутренних дел и Министерства народного просвещения. Напечатал обширную трилогию "Четверть века назад" в "Русском Вестнике" (1878).

[45] Имеется в виду Странноприимный дом гр.Шереметьева в Москве, открытый в 1810 г. на Б.Сухаревской, д.3 (ныне Сухаревская пл).

[46] Ю.Д.Филимонов (1828—1898) — русский археолог и историк искусства. Окончил Московский университет. Автор трудов: "Описание памятников древности церковного и гражданского быта из русского музея П.Ф.Карабанова" (1848), "Симон Ушаков и современная ему эпоха русской иконописи" (1873) и др.

[47] В.С.Соловьев (1853—1900) — русский религиозный философ и поэт, публицист. Оказал большое влияние на русский идеализм и символизм.

[48] В.А.Гиляровский (1853—1935) — русский писатель, талантливый бытописец. В его произведениях отражена бурная, богатая событиями, встречами и приключениями жизнь самого автора. Его известные книги: "Трущобные люди" (1887), "Москва и Москвичи" (1926), "Мои скитания" (1928), "Люди театра" (опубл. в 1941), "Москва газетная" (опубл. в 1960) и др.

[49] "Я дарю вам чашку, примите меры, чтобы она не разбилась" *(франц).* — *Г.Н.*

К части IV

[1] *Денис Пуло.* "Высочество или работник, как он был в 1870 году и как он может быть." *(франц.). — Г.Н.*

[2] Об одной тогдашней плясунье так писали в журнале "Жизнь парижан": "Танцует кадриль как никто, с дивными взглядами из-под ресниц; чулки оранжевые, подвязки вишневые, панталоны крепдешиновые" *(франц.). — Г.Н.*

[3] В.Н.Засулич (1849—1919) — деятель русского революционного движения. В 1867 г. в Москве окончила пансион и выдержала экзамен на учительницу. В 1868 г. переехала в Петербург и приняла участие в революционных кружках. В 1869—1871 гг. находилась в заключении по делу Нечаева, затем — в ссылке. 24 января 1878 г. стреляла в петербургского градоначальника Ф.Ф.Трепова. Член народной группы киевских "бун-тарей" (1875), "Черного передела" (1879), "Освобождения труда" (1883). В 1900 г. вошла в состав редакций "Искры" и "Зари". В 1917 г. — член меньшевистской группы "Единство". Октябрьскую революцию встретила враждебно.

[4] "Наконец, у меня готова маленькая картина — мой дружеский привет Вам из Зееланда — местность в Дании около Фрэденсбурга; парк на дальнем плане возле Эзрум-Зее — замок только обозначен, расположен по правую руку. Император России и принц Вальдемар ловят рыбу в маленькой лодке. Мой муж много потрудился и был удачлив на охоте. Император застрелил много дичи и, выпивая за столом бокал с Боденгофом, которому подарил св.Анну на шее, повторял: "Это была великолепная охота." Мы все еще здесь, и здесь опять тихо и спокойно!" *(нем.). — Л.М.*

[5] Акваманил, соврем. аквамарин — полудрагаценный зеленоватый камень, разновидность берилла. Под именем настоящего или восточного аквамарина идут в торговле также зеленые и голубые разновидности топаза.

[6] "Если бы сговориться, если бы без страха, можно выдать себя за заговорщика" *(франц.). — Г.Н.*

[7] "Прекрасные дни в Аранхуане кончились" *(франц). — Г.Н.*

[8] Бенджамин Дизраэли, лорд Биконсфильд (1804—1881) — английский государственный деятель и писатель. Сын литератора Исаака Дизраэли. В 1837 г. избран в Парламент. В 1848 г. стал лидером партии тори. В 1874—1880 гг. возглавлял консервативное правительство, в 1880 г. ушел в отставку. В 1876 г. ему был присвоен титул лорда Биконсфильда. Его сочинения: "Вивиан Грей" (1826-1827), "Контарини Флеминг" (1832),"Генриетта Темпль" (1837), "Конингсби, или Молодое поколение" (1844), "Танкред, или Новый крестовый поход" (1847) и др.

[9] Горацио Нельсон (1758—1805) — виконт, известный английский адмирал. В сражении при Абукире (деревня в Нижнем Египте) в 1798 г. уничтожил французский флот и отрезал Наполеону с его войском обратный путь во Францию, не потеряв в этом сражении ни одного судна.

[10] Веллингтон (правильно: Уэллингтон) Артур Уэсли (1769—1852) — английский полководец, государственный деятель, дипломат. Учился в

аристократическом колледже в Итоне, затем в военной школе в Анжу (Франция). Начал военную карьеру в Нидерландах во время антифранцузского военного похода 1794—1795 гг. В 1808—1813 гг. командовал войсками в войне против Наполеонов Франции на Пиренейском п-ове (в 1809 г. за победу при Талавере получил титул герцога Уэллингтонского). В 1815 г. командовал одной из союзных армий в сражении при Ватерлоо 6/18 июня. Участвовал в работе Венского конгресса 1814—1815 гг. В 1815—1818 гг. возглавлял оккупационные войска во Франции.

[11] Московская Удельная Контора на Пречистенском бульваре, д.12 (ныне Гоголевский бульвар).

[12] И.С.Тургенев (1818—1883) — знаменитый русский писатель.

[13] М.Д.Скобелев (1843—1882) — русский военный деятель, генерал от инфантерии (1881). Окончил Академию Генерального штаба (1868). Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. командовал Кавказской казачьей бригадой при штурме Плевны в июле—августе 1877 г. В 1878—1880 гг. командовал корпусом. В 1880—1881 гг. руководил 2-й Ахалтекинской экспедицией.

[14] Н.И.Гродеков (1843—1914) — военный деятель, генерал от инфантерии, военный губернатор Сыр-Дарьинской (1883—1893) и генерал-губернатор Приамурской (1898—1902) и Туркестанской (1906—1908) областей, исследователь Средней Азии.

[15] Имеется в виду русско-турецкая война 1877—1878 гг.

[16] В 1880—1881 гг. М.Д.Скобелев руководил 2-й Ахалтекинской экспедицией и штурмом крепости Геок-Тепе 12/26 января 1881г.

[17] П.И.Бартенев жил на ул.Ермолаевской-Садовой, д.175 (ныне ул. Жолтовского); дом не сохранился.

[18] Д.И.Иловайский (1832—1920) — русский историк. Автор широко распространенных до революции учебников по всеобщей и русской истории для средней школы.

[19] С.М.Соловьев (1820—1879) — знаменитый историк, академик. В 1842 г. окончил Московский университет. В 1845 г. блестяще защитил магистерскую диссертацию, в 1847 г. получил степень доктора русской истории, в 1872 — академика. Автор "Истории России" в 29 томах.

[20] А.В.Орешников (1855—1933) — историк, археолог, нумизмат, главный хранитель Российского Исторического музея (1887), член-корреспондент АН СССР (1928), член многих научных обществ.

[21] "Я продаю все, даже свою рубашку" *(франц.). — Г.Н.*

[22] Франсуа Буше (1703—1770) — французский художник. В 1723 г. получил академическую премию за картину "Евил-mородях, сын и наследник Навуходоносора, освобождающий из оков царя Иоахима". В 1731 г. был принят в Академию, в 1732 г. написал "Венеру, заказывающую Вулкану вооружение для Энея". В 1734 г. был удостоен звания академика за картину "Рено и Армида". В 1837 г. назначен профессором Академии. Его произведения: "Рождение Венеры" (1740), "Эпическая Поэзия" (1741) и др. Писал декорации для театров. Пользовался покровительством маркизы Помпадур.

[23] "Они (канделябры) хорошо исполнены и скрывают таким образом часть пошлости, которая была в их мастерской и в высшем обществе. Я сделал искренний комплимент месье Овчинникову и прошу вас передать ему мои наилучшие пожелания. Может быть, основание могло более сходствовать стилю — это немного изнеженное, но я говорил это не для того, чтобы сказать что-нибудь" *(франц.). — Г.Н.*

[24] "Мария Вечера родилась 19 марта 1871 г., умерла 30 января 1889 г. Подобна цветку — он выходит и опадает; убегает, как тень, и не останавливается". Иов.14,2 *(франц.). — Г.Н.*

К части V

[1] Музей "Российских древностей" П.И.Щукина на ул. Малая Грузинская, д.15. Сейчас в этом здании находится Государственный биологический музей им.К.А.Тимирязева.

[2] В английском журнале "Ежегодное архитектурное обозрение" с надписью "Частный музей и библиотека М.Щукина, Москва, архитектор Б.Фрейденберг, Москва" *(англ.). — Г.Н.*

[3] "От всего сердца поздравляю и желаю счастья и благополучия. Уже три месяца серьезно болен. Лежу в постели и улучшений мало" *(франц.). — Г.Н.*

[4] Империал — второй этаж с сиденьями для пассажиров в дилижансах, омнибусах.

[5] Плиний Старший (23—79 гг. н.э.) — римский писатель и ученый. Автор энциклопедического труда "Естественная история", в 27 книгах.

[6] Зуавы — части легкой пехоты во французских колониальных войсках, комплектовавшиеся командованием главным образом из жителей Северной Африки и добровольцев-французов.

[7] "Мосты и насыпные дороги Сетиф Шабет-аль-Акра. Крепостные работы сделаны 1853-1870 гг." *(франц.). — Г.Н.*

[8] "Первые солдаты, которые перешли эти яростные реки, свирепые стрелки под началь-ством майора Дисмасона, 7 апреля 1864" *(франц). — Г.Н.*

[9] Траян — римский император (98—117).

[10] Адриан Публий Элий (76—138) — римский император (117—138).

[11] Наполеон III (1808—1873) — французский император (1852—1870).

[12] Публичные латрины — туалеты.

[13] Форум — площадь в Древнем Риме, на которой происходили народные собрания, устраивались ярмарки и вершился суд.

[14] Курия — здание, в котором собирался Сенат в Древнем Риме или провинциальный городской сенат в Римской империи.

[15] Гастон Буасье (1823—1908) — французский историк античности, член Французской Академии (1876). В 1861—1906 гг. — профессор "Коллеж де Франс", в 1865—1899 гг. — Высшей нормальной школы. Автор фундаментальных работ по истории римского общества, языческой религии, христианства.

[16] Жозеф-Эрнст Ренан (1823—1892) — французский филолог и историк. Автор книг: "Жизнь Иисуса", "Конец античного мира" и др.

[17] Марий Квадрат (155—86 до н.э.) — известный римский полководец и политический деятель, в 119 г. до н.э. был избран в народные трибуны. В 109 г. до н.э. с войском консула Цицелия Метеллы явился в Африку для войны с Югуртой.

[18] Правильно: Тиберий — римский император (14—37 г.)

[19] Аршин — устаревшая мира длины, в России вошла в употребление с XVI в. Аршин = 16 вершкам или 71,12 см.

[20] А.А.Мартынов (1820—1895) — архитектор и археолог. Речь идет о его книге "Название московских улиц и переулков с историческими разъяснениями" (М.,1881. Изд.2).

[21] И.М.Снегирев (1793—1868) — профессор Московского университета, известный знаток московских древностей. Автор книг: "Русские простонародные праздники и суеверные обряды" (М.,1837—1839), "Новый сборник русских пословиц" (М.,1857), "Памятники московской древности" (М.,1842—1845) и др.

[22] В.В.Верещагин (1842—1904) — русский живописец-баталист. Объединял свои картины в тематические серии: "Туркестанская серия" (1871—1874), "Балканская серия" (1877—1880), "Отечественная война 1812 г." (1887—1904).

[23] Офеня или афеня — ходебщик, коробейник, мелочный торговец — разносчик.

[24] В.И.Суриков (1848—1916) — русский исторический живописец. Выпускник (1869—1875), и действительный член (1893) Петербургской Академии художеств. Член Товарищества передвижных художественных выставок с 1881 г.

[25] А.М.Васнецов (1856—1933) — русский живописец и график. Член Товарищества перед-вижников (1899), один из организаторов Союза русских художников (1903), академик Петербургской Академии художеств (1900). В 1901—1918 гг. руководил пейзажным классом Московского училища ваяния и зодчества. С 1890-х гг. обратился к историческому пейзажу и создал большое число архитектурных пейзажей древней Москвы, сочетающих археологическую точность с большой поэтичностью.

[26] В.А.Серов (1865—1912) — известный русский живописец, портретист. Ученик И.Е.Репина, учился в Петербургской Академии художеств (1880—1885). С 1894 г. — член Товарищества передвижников. С начала 1890-х гг. портрет стал основным жанром в его творчестве. Большое место в позднем творчестве Серова занимает историческая живопись. В последние годы жизни создал несколько вариантов картин на сюжеты из античной мифологии.

[27] "Я хочу исполнить для французской выставки в Москве значительное произведение, которое могло бы быть одновременно и настоящим произведением искусства, и развлечением для посетителей с хорошим вкусом. Я сделаю большую картину, впервые представляющую всех знаменитостей Парижа на большой лестнице Оперы вечером. На первом плане все наши симпатичные парижанки; наши великие актрисы, наши певицы и наши знаменитые танцовщицы в великолепных туалетах; потом артисты, наши литераторы, наши ученые, видные политики, Президент республики и т.д.— одним словом, все, кого Париж и Франция считают знаменитостями во всех областях. Мне кажется, что эта картина одна подытожит всю французскую экспозицию в Москве, она была бы картиной жизни высших слоев Франции, всех тех, кто сделал ее знаменитой. Конечно, каждый персонаж будет нарисован с натуры с возможным сходством. Это полотно, размером приблизительно 15 метров в длину и 10 метров в высоту, будет представлено в виде диорамы в специальном месте и устроено таким образом, чтобы создать у публики ощущение реальности. Если я не злоупотребляю вашим временем, с вашей стороны, месье, было бы большой любезностью мне сказать, знаете ли вы в вашем городе одного или нескольких человек, способных сделать мне заказ на эту большую работу стоимостью в 40 000 франков. (Для исполнения ее так мало времени, картина столь значительная, что и расходы будут также значительные). Вы меня достаточно знаете, я думаю, что

приложу все мои старания и весь мой талант, чтобы довести до конца эту работу. Думаю, что здание, необходимое для выставки моей картины, может стоить около 20 000 франков, так что общая сумма составит 60 000 франков. Совершенно очевидно, что, взымая плату за вход с публики, можно очень быстро вернуть эту сумму, получить прибыль и остаться владельцем произведения, которое может выставляться во всем мире" *(франц.). — Г.Н.*

[28] "Наступил этот вечер, - писал мне Хелли, - я нашел мою маленькую дочь мертвой, раздавленной каретой" *(франц.). — Г.Н.*

[29] А.А.Титов (1844—1911) — археолог, этнограф, антиквар, писатель. В 1880-х гг. занимался реставрацией Ростовского кремля, основал Ростовский (в Ярославской губ.) музей церковных древностей. Собрал 4 500 рукописей. Издал книги: "Ростовский у. Ярославской губ. Историко-археологическое и статистическое описание", "Сведения о кустарных промыслах в Ростовском у." и др.

[30] Туэрная тяга использовалась при движении судна против течения. При туэрном пароходстве на дне реки или канала прокладывали цепь, наматывающуюся на два барабана, помещенные на судне и приводимые в движение паровой машиной.

[31] Ендова — настольный сосуд для разлива вина, пива, меда и других напитков, известный с времен Древней Руси. Назначение сосуда обусловило его приземистую форму, мягкие, округлые очертания, наличие широкого горла и носика (рыльца). Делались из дерева или металла. Большие ендовы вмещали до ведра жидкости.

[32] Бурак — посуда, изготовляемая из цельных листов бересты для сыпучих продуктов.

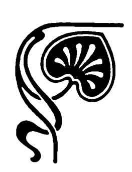
[33] И.П.Мартос (ок.1754—1835) — русский скульптор. Известен как мастер монументально-декоративной скульптуры. Им выполнены: памятник Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому на Красной площади в Москве, статуя "Актеон" для фонтанов Петергофа, памятник М.Ломоносову в Холмогорах и др.

[34] Иоанн Кронштадтский (в миру — Сергеев И.И.) (1829—1908) — священник Кронштадтского собора, почетный член "Союза русского народа". Среди верующих имел репутацию провидца.

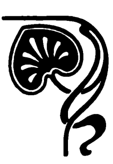
[35] Имеются в виду издания П.И.Щукина. Всего им было издано 13 сборников в 45 книгах.

[36] "Я не могу забыть, месье, ваш визит в мой дом в 1889 г. и то, что вы для меня сделали после; и когда я приехал первый раз в Россию, я хотел в свою очередь нанести вам визит. Я задержался в Санкт-Петербурге на насколько дней, был вызван для заказа в Императорский Двор, но как только освободился, вернулся в Москву. Вы мне оказали хорошую услугу, указав отель "Европа". Полагаете ли вы целесообразным, что я увожу драгоценные камни и вещи, которые привозил сюда? Я знаю, какие богатые круги определяют в Москве большую коммерцию, и они могущественнее, чем в Петербурге, но ведь меня еще нужно ввести в общество и представить по приезде в ваш город. Не будете ли вы так любезны, месье, давать мне советы или меня опекать? Я одинаково хотел увидеть Его Императорское Высочество Великого Князя Сергея (Александровича), который приезжал ко мне в Париж, и принца Юсупова. Можете ли вы мне сказать, когда они действительно будут в Москве?" *(франц.). — Г.Н.*

[37] Поль Дюран-Рюэль (1831—1922) — антиквар, владелец картинной галереи и фирмы по продаже произведений искусства в Париже.



О СЕМЬЕ ЩУКИНЫХ



Род Щукиных происходит из г.Боровска Калужской губернии. Впервые Ивашко Иванов Щукин упоминается в писцовых книгах г.Боровска в 1625 г.

"К концу XVIII, к началу XIX века, Щукины считались в г.Боровске среди первых богачей: их лавки, заводы, дома, всё их богатство прикрепляет их прочно к месту. И, конечно, только стихийное бедствие могло их вынудить к переселению; ураган 1812 года вырвал с места людей, так глубоко пустивших свои корни. Щукины бежали из Боровска в Вологду; брошены были насиженные столетиями дворы и усадьбы, обработанные дедовскими и отцовскими руками огороды, обогащавшие семью промыслы и торговые предприятия. Могилы отцов, святыни города, благоговейно чтимый Пафнутьев Боровский монастырь — всё это было оторвано словно от сердца — устои рода и быта заколебались. Лишь часть семьи уцелела на месте, в Боровске. Одна из ветвей рода укрепилась в Москве. Это И.В.Щукин, богатый купец, издатель книги "Боровск"; и сыновья его П.И. и С.И. Щукины, известные московские меценаты. Родоначальники горбовской семьи Иван и Александр Петровичи Щукины, заглянув после 12-го года на своё пепелище, выезжают оттуда вторично и навсегда, они поселяются в ранее купленной Гжатской роще в Горбове" Смоленской губернии[1], — так пишет М.А.Рыбникова в своей книге "Горбовская хроника". Щукины были старообрядцами, но после 1812 г. та часть семьи, которая переселилась в Москву, перешла в православие.

П.А.Бурышкин о семье Щукиных пишет: "Родоначальник этой замечательной семьи Петр Щукин... переселился в Москву во второй половине XVIII века и стал торговать. Род Щукиных упоминается в московских писцовых книгах с 1787 года.

Его сын, Василий Петрович, продолжал его дело. Он скончал-

ся в 1836 году 80-ти лет от роду; надо думать, что он не родился в Москве, а пришел в нее вместе со своим отцом из Боровска.

Сын его, Иван Васильевич, был подлинным основателем "щукинской династии". При нем их фирма и его семья заняли то первенствующее место в торгово-промышленной Москве, которое они с той поры неукоснительно занимали"[2] .

Иван Васильевич Щукин родился 17 января 1817 г. У него было пять братьев — Павел, Александр, Сергей, Николай, Михаил — и сестра Мария. С 1854 по 1861 г. И.В.Щукин — купец 1-й гильдии г.Ейска. В сентябре 1856 г. получил золотую медаль на Анненской ленте, а в 1868 г. "за отличную усердную службу" в Московском Коммерческом суде награжден золотой медалью на Владимирской ленте. Служил в Учетном Комитете Московской конторы Государственного банка, был одним из учредителей Московского Учетного банка, Товарищества ситцевой мануфактуры А.Гюбнера и Трехгорного пивоваренного товарищества. В 1888 г. И.В.Щукину присвоено звание коммерции советника.

И.В.Щукин был женат на Екатерине Петровне Боткиной, дочери богатого чаеторговца Петра Кононовича Боткина. Это родство сближало Щукиных с многочисленным семейством Боткиных, среди второго поколения которого было много виднейших представителей русской культуры и науки. Так, Екатерина Петровна приходилась родной сестрой известным писателям и коллекционерам Василию, Михаилу и знаменитому врачу и ученому Сергею Боткиным. Сестры Екатерины Петровны: Мария — замужем за А.А.Фетом, Надежда — за И.С.Остроуховым. Страстным коллекционером был двоюродный брат Петра Ивановича Щукина, профессор С.С.Боткин, женатый на дочери П.М.Третьякова — Александре.

"Иван Васильевич был старым другом К.Т.Солдатенкова, знаменитого издателя и владельца картинной галереи, пожертвованной им впоследствии в Румянцевский музей. Он старался дать детям хорошее образование и организовал в доме целый штат гувернеров, воспитателей и преподавателей"[3], — так пишет в своей книге И.Э.Грабарь.

У Ивана Васильевича и Екатерины Петровны Щукиных было одиннадцать детей: четыре дочери и семь сыновей; пятеро из них стали коллекционерами.

Николай Иванович (1852—1910) — потомственный почетный гражданин, коммерции советник, попечитель училища Даниловской мануфактуры и Орловской Лечебницы, член правления Трехгорного пивоваренного товарищества; собирал старинное серебро и картины, но его небольшая коллекция была им распродана.

Одна из крупнейших коллекций картин французских импрессионистов и художников последующих течений принадлежала Сергею Ивановичу Щукину. Он родился 27 июля 1954 г. и был треть-

им сыном в многочисленной семье Щукиных. В детстве мальчик не посещал учебных заведений из-за недостатка речи — заикания. Только после лечения в Германии у доктора Денгарта в 1872 г. С.И.Щукин поступил в Высшую коммерческую Академию в Гере (Бавария).

По окончании Академии в 1876 г. Сергей Иванович вернулся в Москву и вместе со старшими братьями Николаем и Петром начал заниматься торговыми делами в конторе отца, основавшего в декабре 1878 г. торговый дом "Иван Васильевич Щукин с сыновьями". В Москве мануфактурную торговлю Щукины вели в Чижовском подворье в Богоявленском переулке и в Шуйском подворье в Юшковом переулке, а летом на Нижегородской ярмарке. Щукины были также участниками громадной Даниловской мануфактуры.

В 1884 г. Сергей Иванович женится на Лидии Григорьевне Кореневой, дочери екатеринославского помещика, и вскоре становится отцом большого семейства. У него четверо детей: три сына — Иван, Сергей и Григорий и дочь Екатерина. В эти годы собирательство еще не вошло в круг жизненных интересов Сергея Ивановича. Его дни наполнены кипучей коммерческой деятельностью; он исполняет обязанности гильдийского старосты, является членом правления Московской купеческой Управы, товарищем старшины Московского купечества, почетным старостой Московских детских приютов, участвует в многочисленных комиссиях.

С конца 80-х гг. главное место в торговом деле отца стали занимать братья Петр и Сергей Ивановичи: первый больше занимался заграничными закупками тканей, второй - торговлей в Москве. Когда же все наследники постепенно выбрали свои части из общего капитала, Сергей Иванович превратился в главного руководителя семейной фирмы. Как указывает в своих воспоминаниях И.Э.Грабарь, «все дела фирмы "И.В.Щукин с сыновьями" вел единолично Сергей Иванович, которого знатоки коммерческого дела называли "министром коммерции"»[4] .

Из пяти братьев-коллекционеров Сергей Иванович последним, уже в зрелом возрасте, вступил на путь собирательства. Ему было 43 года, когда он в 1897 г. приобрел своих первых "настоящих" импрессионистов.

С.И.Щукин был от природы одарен собирательским талантом, проницательностью, художественным чутьем, эти качества поставили его имя в число знаменитых коллекционеров мира и сделали крупнейшей фигурой русского собирательства.

Успеху собирательской деятельности Сергея Ивановича в значительной степени способствовало то обстоятельство, что творчество импрессионистов в конце прошлого века не получило еще признания, и картины их в большом количестве продавались во многих парижских художественных салонах.

Собирательская деятельность Сергея Ивановича длилась неполных 20 лет, 156 полотен, приобретенных им за это время, представляли французскую живопись конца XIX — начала XX в. Желание сделать свою коллекцию общественным достоянием возникло у Сергея Ивановича в тяжелые для него январские дни 1907 г., когда неожиданно, в воз-расте 43 лет, скончалась после непродолжительной болезни его жена Лидия Григорьевна.

В 1908 г. в журнале "Русская мысль" появилась статья П.П.Муратова "Щукинская галерея — очерк по истории новейшей живописи"[5] . Примечателен не только факт первой серьезной публикации картин в составе собрания, но и то, что в печати была обнародована воля владельца о передаче в будущем своей коллекции в дар городской Третьяковской галерее, где она должна была дополнить и продолжить собрание иностранной живописи С.М.Третьякова.

До 1900 г. в доме Сергея Ивановича было 20 картин. В первой большой публикации собрания, сделанной П.П.Муратовым в 1908 г., упоминается только 80 произведений. Каталог 1913 г. зафиксировал уже 222 работы.

Формирование собрания прошло два этапа. Первый (1897—1906) — приобретение работ импрессионистов; заканчивается он серией картин П.Гогена и полотном К.Моне "Завтрак в лесу" (1905). С 1906 г., до начала первой мировой войны, начинается полоса покупок Матисса, Дюрена, Марке, Вламинка, Руссо, Пикассо. Исключением из этого направления было приобретение в 1912 г. картин импрессионистов из собрания Петра Ивановича. Вот выписка из письма Сергея Ивановича брату от 6 мая 1912 г.: "В Париже буду в начале июля и обязательно переговорю с Дюран-Рюэлем, Берштейном, Друэ и др. насчет продажи твоих картин. С другой стороны, мне очень жаль, если такие хорошие вещи уйдут из России, и потому я с своей стороны с удовольствием готов купить у тебя от 8 до 10 картин. Ты знаешь, что моя коллекция оставлена мною городу. У тебя некоторые картины очень хороши и подходят для меня. Заплачу я тебе правильную цену и готов взять Дега, Ренуара, 2 Моне, Сислея, Ринаго, М.Дениса, Кате, Форск и Рафаэля"[6] .

В 1915 г. С.И.Щукин женился вторично — на Надежде Афанасьевне Конюс, урожденной Миротворцевой. В марте 1915 г. у них родилась дочь Ирина. Летом 1918 г. Сергей Иванович покидает Москву. В мартовском заявлении он просит оставить хранителем и библиотекарем галереи своего зятя, Михаила Павловича Келлера.

После Октябрьской революции ранее других, 5 ноября 1918 г., декретом СНК выдающаяся художественная коллекция С.И.Щукина была национализирована и сейчас хранится в Музее изобразительных искусств им.А.С.Пушкина в Москве, частично - в Эрмитаже в Санкт-Петербурге[7] .

Дальнейшая жизнь Сергея Ивановича проходила в Париже, где он скончался 10 января 1936 г. и похоронен в семейном склепе на Монпарнасском кладбище.

Значительной коллекцией произведений старых западных мастеров обладал Дмитрий Иванович Щукин. Он родился 24 августа 1855 г. Окончил в Москве Поливановскую гимназию и Высшую коммерческую Академию в Дрездене в 1876 г.

За 30 лет Дмитрий Иванович собрал 146 полотен. В коллекции были широко представлены мастера нидерландской живописи XVI — XVII вв. — Брейгель, Аверкамп, Геда, Лолекар, Терборх, Рейсдаль, Гоейен, Кваст, Тенирс; работы французских мастеров XVII — XIX вв., в том числе полотна Ватто де Труа, Ланкре, Буше, Фрагонара, Мара, Изабе и др.; немецких мастеров XV—XVI вв. — таких, как Кранах и Герунг; английских художников XVII—XIX вв. Козвея, Лауренса и др.

Коллекция составлялась в основном в Москве и главным источником ее пополнения были русские антиквары, хотя Дмитрий Иванович почти ежегодно посещал Германию, Италию, Голландию, где сделал много покупок. По совету В.Боде, консультировавшего собирателя, был куплен в 1893 г. на аукционе пейзаж Аверкампа "Катание на коньках". Впоследствии Дмитрий Иванович питал особое пристрастие к "малым голландцам".

В 1918 г. собрание Д.И.Щукина, как имеющее большую художественную ценность, было взято на государственный учет, а владельцу выдана "охранная грамота". Тогда же он вошел в число экспертов Коллегии по делам музеев Наркомпроса. В декабре 1918 г. собрание было уже доступно для обозрения. В квартире Дмитрия Ивановича в доме №35 по Староконюшенному переулку открылся Первый Музей старой западной живописи, вскоре ставший филиалом галереи Румянцевского музея. Еще в 1914 г. Д.И.Щукин объявил о намерении пожертвовать в будущем свою коллекцию Румянцевскому музею, которому он на протяжении почти тридцатилетней собирательской деятельности систематически дарил ценные картины. В 1922 г. Первый Музей старой западной живописи переводится на Кропоткинскую улицу, в здание Морозовского отделения музея нового западного искусства, а в октябре 1924 г. собрание поступает в Государственный музей изобразительных искусств. Дмитрий Иванович специальным постановлением Наркомпроса назначается членом Ученого Совета этого музея и заведующим итальянским подотделом картинной галереи, где он проработал до конца своей жизни и умер в 1932 г.

Из всех частных собраний Москвы, вошедших в состав картинной галереи ГМИИ в первые годы ее формирования, коллекция произведений старого западного искусства Дмитрия Ивановича Щукина считается самой ценной благодаря замечательному подбору памятников.

Иван Иванович Щукин (1869—1908) собирал картины старых испанских мастеров, входивших в то время в моду. И.Э.Грабарь, вспоминая свои гимназические годы, проведенные в частном лицее Каткова вместе с младшим из сыновей Щукина писал: "Дети постоянно бывали в галерее Солдатенкова, у обоих братьев Третьяковых, у Боткина, разбирались в искусстве"[8] . Одно время преподавателем в доме Щукиных был известный пейзажист А.А.Киселев. Продолжал занятия рисованием Иван Иванович в воскресных классах рисования Общества Любителей живописи, которые посещал одновременно с Грабарем. В 1892 г. он окончил историко-филологический факультет Московского университета.

Первым увлечением И.И.Щукина было собирательство гравюр—портретов русских деятелей прошлого, но после переезда вместе с братом Владимиром в 1893 г. в Париж со сменой образа жизни меняется и предмет его собирательства. Знакомство с художником Зулоага, большим знатоком картин старых испанских мастеров и владельцем одной из лучших в мире коллекций их произведений, поездка вместе с ним и скульптором Роденом по Испании помогли ему составить значительное собрание. В нем были такие первоклассные вещи, как "Кающаяся Магдалина" Греко и "Святой в рост" Сурбарана из "сюиты святых" (две картины находятся в Эрмитаже).

Грабарь писал об И.И.Щукине: "Он был умен, талантлив, остроумен и язвителен, но не глубок"[9] . Его парижская квартира по авеню Ваграм в течение 15 лет была центром русской колонии. Профессора М.М.Ковалевский, С.Муромцев, историк Пирлинг, журналисты и писатели К.А.Скальковский, Д.И.Боборыкин, В.И.Немирович-Данченко, Д.С.Мережковский, Н.Минский, художник Ф.Боткин, а во время своих приездов в Париж - И.Э.Грабарь, М.Волошин и многие другие — постоянные посетители его вторников. Но несмотря на личные вкусы, всякий, кто приезжал из России и чем-нибудь выделялся из обывательской среды, посещал Ивана Ивановича Щукина, пользовался его советами.

Он был также посредником в деле приобретения картин для своих братьев. В письме от 13 октября 1898 г. к Петру Ивановичу он пишет: "Согласно твоему желанию, я был у Дюран-Рюэля, чтобы спросить о цене нагой женщины Ренуара (картина висела на выставке тотчас у входа в залу, налево от входящего). Дюран-Рюэль объявил сначала, что эта вещь — одна из лучших картин Ренуара, что совершенно справедливо находится в его частной коллекции, в его квартире на рю де Рома, но так как он назначил уже цену, то готов ее продать. Цена ей 15000 франков. Меньше он не согласен"[10] . Возможно, что при его содействии были приобретены Петром Ивановичем и другие картины.

В 1908 г. Иван Иванович, разорившись, покончил жизнь самоубийством. После его смерти был аукцион, доход от которого

не покрыл и четверти долгов. Продано было все. "Его библиотека была приобретена Школой восточных языков и является наилучшим русским книгохранилищем Парижа"[11].

Петр Иванович Щукин, — одна из интереснейших фигур конца XIX — начала XX в. А.П.Бурышкин пишет: "Петр Иванович, автор воспоминаний, столь ценных для купеческой Москвы, был одним из самых известных в Москве коллекционеров русской старины. Он отличался от других тем, что не только собирал, но и популяризировал собранные им сокровища"[12] .

О Петре Ивановиче написано немного статей, появившихся в основном после его смерти. Потом о нем надолго забыли, и только спустя пятьдесят лет вновь возник интерес к этому представителю крупного купечества и меценату. В серьезных исследованиях многих авторов имена Щукиных часто упоминаются рядом с Третьяковыми и Морозовыми, но отдельной крупной работы, посвященной Петру Ивановичу Щукину, еще не написано[13].

П.И.Щукин (1853—1912) — крупнейший коллекционер России второй половины XIX — начала XX в., купец, потомственный почетный гражданин, действительный статский советник, создатель частного музея "Российских древностей".

Петр Иванович получил начальное домашнее образование, как и все дети этой многочисленной семьи. Ранее детство проходило беззаботно в доме отца, состоятельного и преуспевающего купца. С юных лет будущий собиратель находился в кругу писателей, ученых, коллекционеров — друзей семьи. Окончил Бемскую школу в г.Выборге, пансион Гирста в Петербурге и в 1872 г. в Берлине поступил волонтером в Торговый дом Абельсдорфа и Мейера. Затем отправился в Лион, где стал собирать французские книги, а также фотографии актеров, писателей, ученых, военных и др.

Если в 70-х гг. XIX в. Петр Иванович собирает книги, гравюры, эстампы, рисунки, то в 80-е гг. он увлекается собиранием восточных предметов — персидских, японских, китайских. Это собрание он пополнял до самой смерти и придавал большое значение изучению орнамента и художественных форм Востока. Параллельно он собирал не менее ревностно и памятники западного искусства.

Начало 90-х гг. XIX в. можно считать началом поворота к общественной музейной деятельности. Начиная с этого времени Петр Иванович главные средства употребляет на покупку предметов древнерусского искусства и быта. Это направление все более захватывает его и определяет состав будущего музея.

Следует более подробно остановиться на источниках формирования музея П.И.Щукина. Как пишет С.А.Овсянникова, "основным источником формирования коллекций в пореформенную эпоху становится антикварный рынок России"[14] , но Щукин приобретал в большом количестве предметы старины и у антикваров Европы, о чем свидетельствует его обширная переписка[15] .

Немалую роль в торговле предметами старины играли ярмарки в Нижнем Новгороде, Киеве и других городах России. Петр Иванович приобретал старинные вещи главным образом на Нижегородской ярмарке, у торговцев персидскими товарами и в ярославском ряду.

Важным источником пополнения коллекций были также аукционы — количество их в связи с разорением старых помещичьих гнезд особенно возросло к концу XIX в. Обычно устроители посылали наиболее известным коллекционерам извещения об открытии аукционов и каталог поступивших в продажу предметов.

Наконец, в начале 900-х годов большое распространение получили выставки-продажи предметов из частных коллекций. П.И.Щукин приобрел вещи из собраний В.А.Долгорукова, Л.С.Голицына, А.А.Мартынова, А.О.Карелина, К.С.Мазурина (в собрание которого вошла коллекция В.И.Даля), Г.А.Брокара и других. Часть предметов была передана в дар музею П.И.Щукина от частных лиц и знакомых.

Второго декабря 1890 г. скоропостижно скончался Иван Васильевич Щукин. Это грустное событие сильно огорчило и потрясло Петра Ивановича, который очень уважал и любил отца. После его смерти Петр Иванович вместе с двумя братьями становится пол-ным хозяином крупного дела и получает возможность располагать большими денежными средствами. Собрание к тому времени так разрослось, что частная квартира стала тесна, и Петр Иванович задумал выстроить специальное здание для своей коллекции.

В 1891 г. он купил за 40 000 рублей большой участок земли в Малых Грузинах, а в сентябре 1893 г. было закончено строительство музея по проекту архитектора Б.В.Фрейденберга. В 1895 г. музей "Российских древностей" П.И.Щукина был открыт для всех посетителей ежедневно с 10 до 12 часов. Пояснения давал сам Петр Иванович. Коллекция его к тому времени настолько расширилась, что уже не помещалась и в специально выстроенном для нее здании.

Идея постройки еще одного здания для музея принадлежит известному художнику В.В.Верещагину, письмо которого Щукин приводит в своих воспоминаниях. В мае 1897 г. Петр Иванович приступает к строительству нового здания по проекту и под наблюдением архитектора А.Э.Эрихсона. В августе 1898 г. новое здание музея было построено. Напротив него в 1905 г. по проекту архитектора Ф.Н.Кольбе возвели одноэтажный музейный склад из красного кирпича, предназначавшийся для архива. Весь музейный комплекс обошелся П.И.Щукину более чем в 200 тысяч рублей[16] .

Собрание Петра Ивановича отличалось чрезвычайной многогранностью, но основой и самой большой частью его стала кол-

лекция предметов русской старины, самые разнообразные памятники, характеризующие русский быт, культуру и искусство, со времени Древней Руси до начала XX в. Наиболее полно и всесторонне представлены XVII, XVIII, и XIX вв. Следует отметить, что П.И.Щукин не стремился приобретать образцы роскошной обстановки; "собрание Щукинского музея характеризует, главным образом, быт среднего и мелкого боярства и дворянства, купечества, мещанства и крестьянства"[17] , то есть как раз то, что ранее не было объектом коллекционирования.

Вот как отзывался о Щукинском собрании современник — коллекционер А.П.Бахрушин: "Щукин Петр Иванович, серьезнейший собиратель из всех мне известных, потому что он не собирает ничего, предварительно не собравши об этом предмете целую библиографию и не изучивши его по книгам. Так он изучал старые японские и китайские бытовые и художественные вещи, старинные польские кушаки, русскую парчу и нумизматику. Обо всем этом он может прочесть целую лекцию с места в карьер! Имея такие серьезные и полные сведения и свободные деньги, он в сравнительно короткий период времени, всего за 8 лет, составил чудесное и серьезное собрание. С такими деньгами, да при его знании, действительно можно собрать много хорошего. Кроме того, у него не очень большая, но серьезная библиотека по художеству на русском и иностранных языках, много картин хороших мастеров, гравюр и много других интересных вещей"[18] .

Начиная с 1895 г. П.И.Щукин приступил к богато иллюстрированному описанию наиболее ценных предметов своего собрания и публикации хранящихся в нем документов. Всего с 1895 по 1912 г. им издано 13 сборников (45 томов), что сделало Щукинскую коллекцию доступной для научных исследований. Все книги выходили тиражом 200 экземпляров и не подвергались цензуре. В продажу они не поступали, а рассылались самим автором в библиотеки и знакомым и сейчас являются библиографической редкостью. Кроме того, с передачей Щукинского собрания в ведение Российского Исторического музея, стал печататся ежегодный отчет (в составе Отчетов РИМ) о деятельности Щукинского музея, составлявшийся Петром Ивановичем.

П.И.Щукин до конца жизни содержал свой музей и платил жалованье семи его сотрудникам: секретарю Е.В.Кудрявцевой, сотруднику музея и конторы И.С.Уманскому, хранительницам Е.К. и Э.К. Лидлоф, трем швейцарам — Е.Косьянову, В.Назарову, Г.Коленову.

Мысль о передаче своей коллекции государству возникла у Петра Ивановича еще в 1891 г., после смерти отца и приобретения им участка для постройки здания для музея. В своем первом завещании от 15 февраля 1891 г. он пишет: "Императорскому Историческому музею в Москве завещаю в собственность все вещи,

имеющие для этого учреждения специальный интерес и заключающиеся в особом инвентаре мною подписанном и хранящимся в сем Музее; если такового инвентаря после моей смерти не окажется, то возлагаю на моих душеприказчиков обязанность немедленно после моей смерти распорядиться передачею всех таких вещей в заведывание Музея"[19].

В 1905 г. П.И.Щукин передал свой музей "Российских древностей" вместе со всем комплексом зданий в дар Российскому Историческому музею в Москве. 11 апреля 1905 г. было написано заявление, а 20 мая оформлена дарственная, по которой Щукинский музей оценивался в 500 тысяч рублей и до конца жизни Петр Иванович оставался попечителем и содержателем своего музея, продолжал пополнять его коллекции. Дарственная обошлась П.И.Щукину в 1050 рублей, а его музей стал называться: "Отделение имп. Российского исторического музея им.имп.Александра III — Музей П.И.Щукина." За этот дар Петр Иванович был удостоен звания действительного статского советника.

В августе 1907 г. Петр Иванович женился на Марии Ивановне, в первом браке Пономаревой (урожденной Вагнер), 33 лет. У нее было два сына: Николай и Григорий. Малолетнего Григория в ноябре 1908 г. Щукин усыновил. Тогда же Петр Иванович снял на 4 года квартиру по Мансуровскому переулку, в доме Марковых: 15 комнат, 5 комнат для прислуги, кухня, каретный сарай и конюшня на 5 лошадей.

С 1905 г. по поручению Управления Российского Исторического музея составлением инвентарной описи коллекции занимался Е.Ф. Корш. Ко дню кончины П.И.Щукина (12 октября 1912 г.) описано 14 125 предметов. Впоследствии были написаны 4 инвентарных книги, включающие 23 911 номеров. Главным образом в них учтены вещественные материалы, но встречаются отдельные записи (во 2-й, 3-й, 4-й книгах) грамот, дипломов, патентов на чины, рукописных книг, и только последние 11 номеров содержат записи архивов.

После смерти Петра Ивановича (он умер от аппендицита и похоронен на Покровском кладбище, ныне не существующем) его музей был опечатан и прекратил свое существование. Началась работа по перевозке коллекции в Российский Исторический музей.

В 1912 г. были организованы три новых отдела: рукописей, архива и эстампов. С июля 1914 г. "введены, кроме того, дополнительные штаты для обслуживания Щукинского собрания — 4 научных сотрудника, 2 хозяйственно-административных и 5 вольнонаемных служащих"[20] . Перемещение Щукинского музея продолжалось до 1925 г. При поступлении в РИМ коллекция была распределена по всем фондовым отделам.

Интересна дальнейшая судьба комплекса зданий Музея П.И.Щукина. В 1923—1924 гг. в нем хранились фонды музея Старой Москвы, в 1924 г. комплекс передали Госплану для музея Центральной промышленной области. В 1928 г., ввиду недостатка помещений для студенческих общежитий в Москве, этот музей вынужден был свернуть свою экспозицию и предоставить освободившиеся помещения под общежитие. В 1934 г., по ходатайству М.Горького, комплекс зданий по Малой Грузинской,15 был передан Государственному биологическому музею им.К.А.Тимирязева.

Свои "Воспоминания" П.И.Щукин начал издавать в 1912 г. Первые три части он опубликовал в Щукинском сборнике в 10-й части, а затем "Воспоминания" вышли отдельной книгой, дополненные 4-й и 5-й частями, в количестве 50 экземпляров.

"Воспоминания" написаны простым, доступным языком и охватывают период второй половины XIX — начала XX в. Изобилие бытовых деталей позволяет представить частную жизнь крупных российских купцов-меценатов. Петр Иванович подробно описы-вает свое детство и годы учения, а также свои путешествия по Франции, Италии, Германии, Испании, Англии, Португалии, Алжиру и Тунису. Много он ездил и по России, был в Твери, Петрозаводске, Архангельске, Ярославле и других городах. Все поездки он тщательно, до мельчайших подробностей, описывает в своих "Воспоминаниях". Действующие лица этой книги — русские и западные купцы и фабриканты, государственные деятели, ученые, коллекционеры, художники и в то же время простые люди — все слои общества, современного П.И.Щукину.

В предлагаемой читателю публикации исправлены очевидные опечатки, дополнения помещены после каждой части, текст приведен к современной орфографии. В комментариях даются небольшие уточнения и дополнения, носящие выборочный характер. Отчасти это продиктовано самим жанром, отчасти — тем, что очень мало известно о судьбе многих персонажей, упоминаемых в этой книге.

Автор искренне благодарит всех за помощь, оказанную при подготовке к публикации этой книги.

Н.В.Горбушина
старший научный сотрудник
отдела письменных источников
Государственного Исторического музея.

[1] *Рыбникова М.А.* Горбовская хроника. По архиву семьи Щукиных. М.,1919. С.10—11.

[2] *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. М., 1991.С. 145.

[3] *Грабарь И.Э.*Моя жизнь. Автомонография. М., 1937. С.38.

[4] *Грабарь И.Э.* Моя жизнь... М., 1937. С.43.

[5] Русская мысль. 1908. Кн.8. С.116—118.

[6] ОПИ ГИМ. Ф.265. Ед.хр.213. Л.63.

[7] См. подробнее: *Демская А.А.* Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина. М.,1984; Художественные собрания. М.,1982. №3.; *Демская А., Семенова Н.* У Щукина на Знаменке. М.,1993.

[8] *Грабарь И.Э.* Моя жизнь... С.38—39.

[9] Там же. С.40.

[10] ОПИ ГИМ. Ф.265. Ед.хр.208. Л.37—37 об.

[11] *Бурышкин П.А.* Москва купеческая... С.149.

[12] Там же. С.146.

[13] О П.И.Щукине существует следующая литература: *Бартенев П.И.* Московский музей П.И.Щукина //Русский архив. 1895. №4. С.536.; *Пыпин А.Н.* Щукинский музей Москвы //Вестник Европы. 1896. Т.6. С.435—437.; *Орешников А.В.* П.И.Щукин (некролог) //Голос минувшего. 1913. №1. С.279—281; *Корш Е.Ф.* Петр Иванович Щукин //Старые годы. М.,1913. Отд. отт. С.3—7.; *Македонская Е.И.* Коллекция П.И.Щукина //Вопросы истории. 1978. №10. С.212—216.; *Хрипко М.* Петр Щукин и его собрание //Куранты. Историко-краеведческий альманах. М., 1987. Вып.II. С.237—242.; *Бондаренко И.* Записки коллекционера //Памятники Отечества. 1993. №29. С.21—34.

[14] *Овсянникова А.М.* Частное коллекционирование в России в пореформенную эпоху (1861—1917 гг.) //Очерки истории музейного дела в России. М.1960. Вып.II. С.69.

[15] ОПИ ГИМ Ф.265. Ед.хр.81—89.

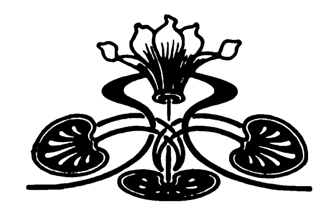
[16] ОПИ ГИМ. Ф.265. Ед.хр.159, 163—174, 177—185.

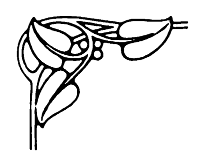
[17] Отчет РИМ за 1912 год. М.,1913. С.81.

[18] *Бахрушин А.П.* Кто что собирает. М., 1916. С.32,36.

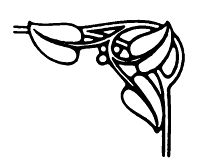
[19] ОПИ ГИМ. Ф.265. Ед.хр.1. Л.69—69 об.

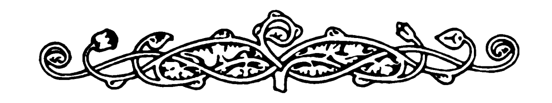
[20] *Разгон А.М.* Российский исторический музей //Очерки истории музейного дела в России. М.,1960. Вып.II. С.270.



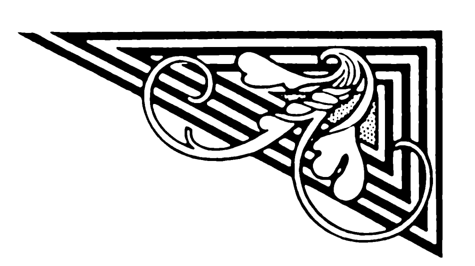


ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ





ИЛЛЮСТРАЦИИ



2. Иван Васильевич Щукин (1818 – 1890). 1870-е гг. Фототипия

3. Екатерина Петровна Щукина (урожденная Боткина) (1824 – 1904). 1860-е гг. Фототипия

4. Николай Иванович Щукин (1852 – 1910). 1900-е гг. Фототипия

5. Сергей Иванович Щукин (1854 – 1936). 1910. Фототипия

6. Дмитрий Иванович Щукин (1854 – 1932). 1900-е гг. Фототипия

7. Старый и Новый музеи, музейный склад (архив). 1906. Фототипия

8. *Жилой флигель для служащих. 1906. Фототипия*

9. *Вид музея П.И.Щукина. 1906. Фототипия*

10. Музейный зал (Старый музей). 1906. Фототипия

11. Библиотека (Старый музей). 1906. Фототипия

12. Библиотека (Новый музей). 1906. Фототипия

13. Вестибюль (Новый музей). 1906. Фототипия

14. Гостиная (Новый музей). 1906. Фототипия

19 Зак. 380

16. Восточный отдел и картинная галерея (Новый музей). 1906. Фототипия

17. Спальня (Новый музей). 1906. Фототипия

19*

15. Кабинет (Новый музей). 1906. Фототипия

18. Вид Кунцева (Солдатенковского). Холст, масло. Художник В.Е.Раев. 1860

19. Вид на ул. Таганку. Конец XIX в. Открытка

Москва. Кузнецкiй мостъ.

Moscou. Pont des Maréchaux.

20.ул. Кузнецкий мост. Конец XIX в. Открытка

21.ул. Мясницкая. Конец XIX в. Открытка

22.ул. Пречистенка. Конец XIX в. Открытка

23.Дом генерал-губернатора на Тверской ул. Конец XIX в. Открытка

24.Английский клуб на Тверской ул. Конец XIX в. Открытка

25.Купеческий клуб. Конец XIX в. Открытка

26. Дом барона Кнопа в Колпачном пер. Конец XIX в. Открытка

27. Дом Мазуриных на Собачьей площадке. Конец XIX в. Открытка

28.Афанасий Афанасьевич Фет (Шеншин) (1820 – 1892). Фототипия

29.Самуил Соломонович Шайкевич. Автогравюра. 1899

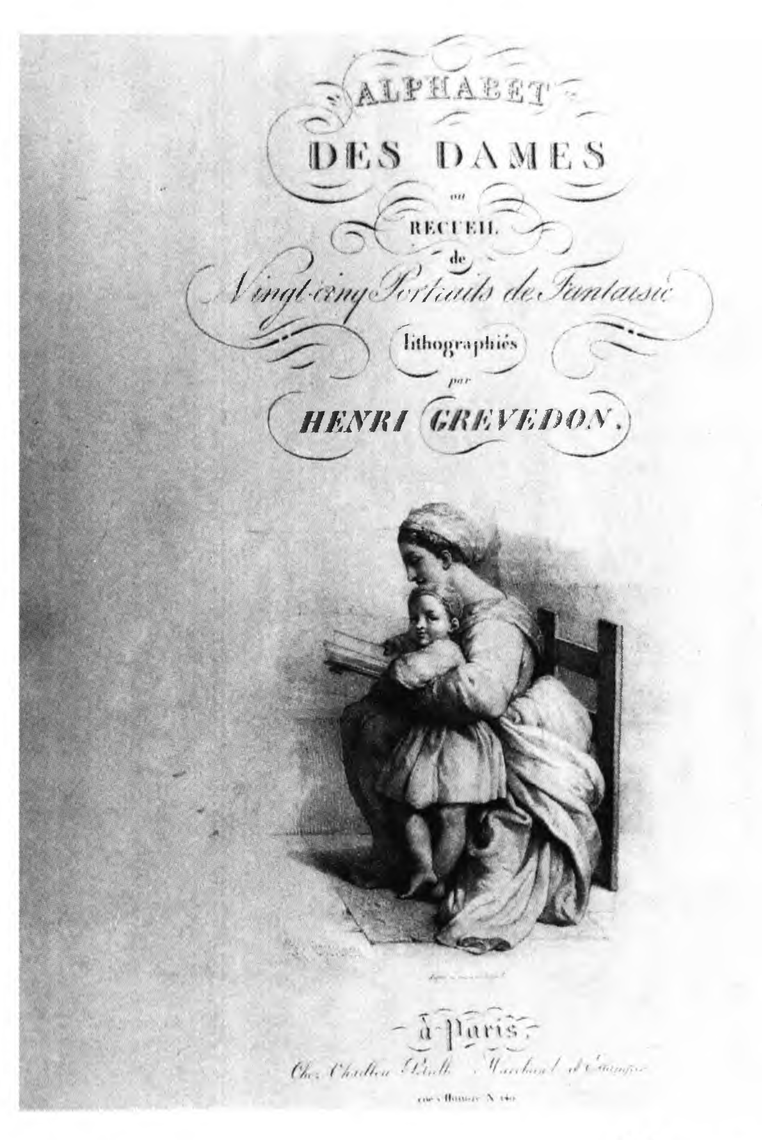
31.Василий Иванович Суриков (1948 – 1916). Фототипия

30.Кузьма Терентьевич Солдатенков (1818 – 1901). Гравюра. Неизвестный художник. Конец XIX в.

32. Гравюра из Альбома Даниила Ходовецкого. Берлин. 1885

33.Поль Гаварни. Из серии "Кулисы". Раскрашенные литографии 1837 – 1847 гг.

G. 43



34. Пьер-Луи Греведон. Альбом "Алфавит дам ..." Париж. 1831 – 1833 гг.

35. "Беатрис". Из альбома Пьера-Луи Греведона "Алфавит дам ..." Париж. 1831 – 1833 гг.

36.Николай Христофорович Кетчер (1809 – 1886). Литография К.А.Горбунова. 1846

37.Петр Иванович Бартенев (1829 – 1912). Гравюра И.П.Пожалостина. 1879 – 1880-е гг.

38.Николай Семенович Мосолов (1775 – 1859). Офорт Н.С.Мосолова (1846 – ?). 1878. (по оригиналу О.Кипренского 1811 г.)

39.Дмитрий Петрович Боткин (1829 – 1889). Фототипия

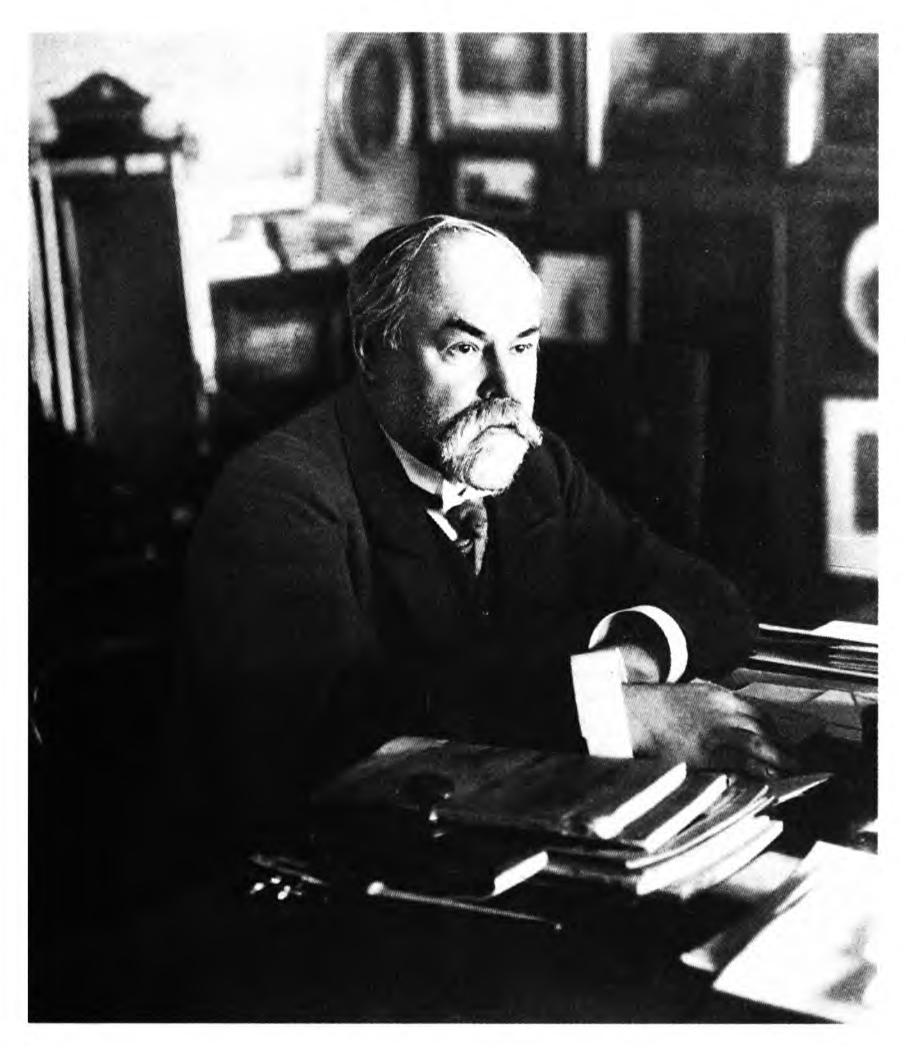
40.Иван Федорович Гучков (1810 – 1865). Фототипия

41.Михаил Петрович Боткин (1839–1914). Фототипия

42.Портрет герцога Эрнста Иоганна Бирона (1690 – 1772), гравированный И.А.Соколовым (1717 - 1757) в 1740 г. и законченный неизвестным художником в 1760 г.

43.Василий Васильевич Верещагин. (1842 1904)

20 Зак. 380



44.Петр Иванович Щукин (1853–1912). 1912. Фототипия

45. Мария Ивановна Щукина (1874 – 1942). 1900-е гг. Фототипия

46. Иван Егорович Забелин (1820 – 1908). 1900-е гг.

47. Алексей Васильевич Орешников (1855 – 1933). 1900 г. Фототипия

48. Иван Михайлович Снегирев (1793 – 1868). Рисунок карандашом

49.Алексей Владимирович Станкевич (1821—1912). *Холст, масло*

51.Николай Васильевич Баснин (1843—1918). 1910 г.

50.Павел Лукич Пикулин *(1822—1885). Холст, масло*

52.Автограф Ф.Н.Плевако

53. Игуменья Митрофания. Фототипия

346

54. Автограф игуменьи Митрофании (в миру баронессы Розен)

55. Грамота Петра I генерал-лейтенанту Якову Вилимовичу Брюсу на вотчины из дворцовых сел в Брянском и Козельском у. 1710

стари тех сел и деревень крестьяне и бо
били: И того ради Мы пресветлейши
ии и державнеишии великии Госу
дарь царь и великий князь Петр Алексее
вич, всеа великия и малыя и белыя
Росии самодержец: И многих го
сударств и земель восточных и западны
и северных отчич и дедич и наследник
и Гсдрь и обладатель. Наше црское величе
ство, повелеваем и утверждаем сею
Нашею црского величества жалованною
грамотою вышеозначенные вотчины со
крестьяны и з бобыли с лесы и з сенными по
косы и со всеми к тем вотчинам при
надлежащими угодьи по писцовым и
межевым и селидебным и отказны
м книгам иметь ему Генералу нашему
лейтенанту и кавалеру Якову Ви
лимовичу Брюсу и потомком его
в вечном владении неподвижно
и волно ему да будет оные продать
и заложить и в приданые отдать. Но
токмо в монастыри и по душе никому
из тех вотчин ничего не отдавать.
А ежели тех вотчины явятца у них

56.Меню обеда во время коронации Николая II (1894). Рисунок В.М.Васнецова

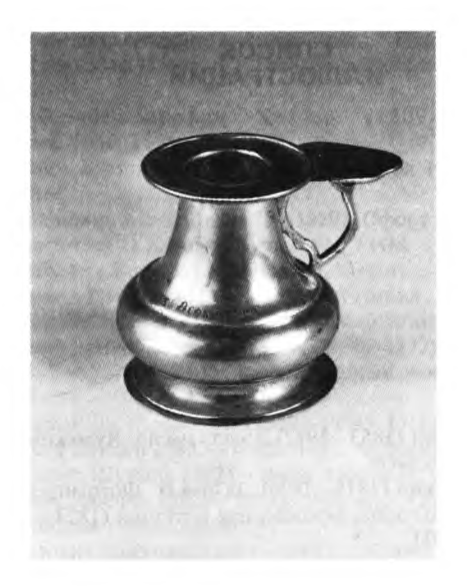
58. Братина серебряная позолоченная супруги царя Василия Ивановича Шуйского с надписью: "Братина государыни царицы и великой княгини Елены Петровны"

60. Стакан серебряный позолоченный с чернью; надпись: "Сей стакан из отеческого милосердия пожалован сыну Дмитрию на именины 1776 году сентября 21 дня господином Сибирским губернатором и кавалером Денисом Ивановичем Чичериным в Тобольске."

57. Серебряный ковш, пожалованный императрицей Елизаветой Петровной Яицкому войску. 1761

61. Солонка серебряная позолоченная с чернью. 1794

59. Ящичек серебряный четырехугольный с наружными черневыми изображениями на всех шести сторонах планов сибирских городов: *Тобольска, Тюмени, Тары,* ***Туринска, Томска, Енисейска;*** *внутри под слюдой миниатюрный портрет сибирского губернатора* ***Дениса Ивановича*** *Чичерина. Вторая половина XVIII в.*



63. Подсвечник серебряный. 1768

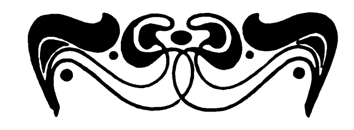
62. Стакан серебряный с чернью. 1704

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

34.Пьер-Луи Греведон. Альбом "Алфавит дам ..." Париж. 1831—1833 гг. ГИМ
35."Беатрис". Из альбома Пьера-Луи Греведона "Алфавит дам ..." Париж. 1831—1833 гг. ГИМ
36.Николай Христофорович Кетчер (1809—1886). Литография К.А.Горбунова. 1846. ГИМ
37.Петр Иванович Бартенев (1829—1912). Гравюра И.П.Пожалостина 1879—1880-е гг. ГИМ
38.Николай Семенович Мосолов (1775—1859). Офорт Н.С.Мосолова (1846—?). 1878. (по оригиналу О.Кипренского 1811). ГИМ
39.Дмитрий Петрович Боткин (1829—1889). Фототипия. ГИМ
40.Иван Федорович Гучков (1810—1865). Фототипия. ГИМ
41.Михаил Петрович Боткин (1839—1914). Фототипия. ГИМ
42.Портрет герцога Эрнста Иоганна Бирона (1690—1772), гравированный И.А.Соколовым (1717—1757) в 1740 г. и законченный неизвестным художником в 1760 г. ГИМ
43.Василий Васильевич Верещагин (1842—1904). ГИМ
44.Петр Иванович Щукин (1853—1912). 1912. Фототипия. ГИМ
45.Мария Ивановна Щукина (1874—1942). 1900-е гг. Фототипия. ГИМ
46.Иван Егорович Забелин (1820—1908). 1900-е гг. ГИМ.
47.Алексей Васильевич Орешников (1855—1933). 1900. Фототипия. ГИМ
48.Иван Михайлович Снегирев (1793—1868). Рисунок карандашом ГИМ
49.Алексей Владимирович Станкевич (1821—1912). Холст, масло. ГИМ
50.Павел Лукич Пикулин (1822—1885) Холст, масло. ГИМ
51.Николай Васильевич Баснин (1843—1918). 1910. ГИМ
52.Автограф Ф.Н.Плевако. ГИМ
53.Игуменья Митрофания. Фототипия. ГИМ
54.Автограф игуменьи Митрофании (в миру баронессы Розен). ГИМ
55.Грамота Петра I генерал-лейтенанту Якову Вилимовичу Брюсу на вотчины из дворцовых сел в Брянском и Козельском у. 1710 г. ГИМ
56.Меню обеда во время коронации Николая II (1894). Рисунок В.М.Васнецова. ГИМ
57.Серебряный ковш, пожалованный императрицей Елизаветой Петровной Яицкому войску. 1761. ГИМ
58.Братина серебряная позолоченная супруги царя Василия Ивановича Шуйского с надписью: "Братина государыни царицы и великой княгини Елены Петровны". ГИМ
59.Ящичек серебряный четырехугольный, с наружными черневыми изображениями на всех шести сторонах планов сибирских городов: Тобольска, Тюмени, Тары, Туринска, Томска, Енисейска; внутри под слюдой миниатюрный портрет сибирского губернатора Дениса Ивановича Чичерина. Вторая половина XVIII в. ГИМ
60.Стакан серебряный позолоченный с чернью; надпись: "Сей стакан из отеческого милосердия пожалован сыну Дмитрию на именины 1776 году сентября 21 дня господином Сибирским губернатором и кавалером Денисом Ивановичем Чичериным в Тобольске." ГИМ
61.Солонка серебряная позолоченная с чернью. 1794. ГИМ
62.Стакан серебряный с чернью. 1704. ГИМ
63.Подсвечник серебряный. 1768. ГИМ

Иллюстрации предоставлены: Отделом рукописей Государственного музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина; Отделом изобразительных материалов, Отделом драгоценных металлов, Отделом письменных источников Государственного Исторического музея.

ОГЛАВЛЕНИЕ



П.И.Щукин. ВОСПОМИНАНИЯ

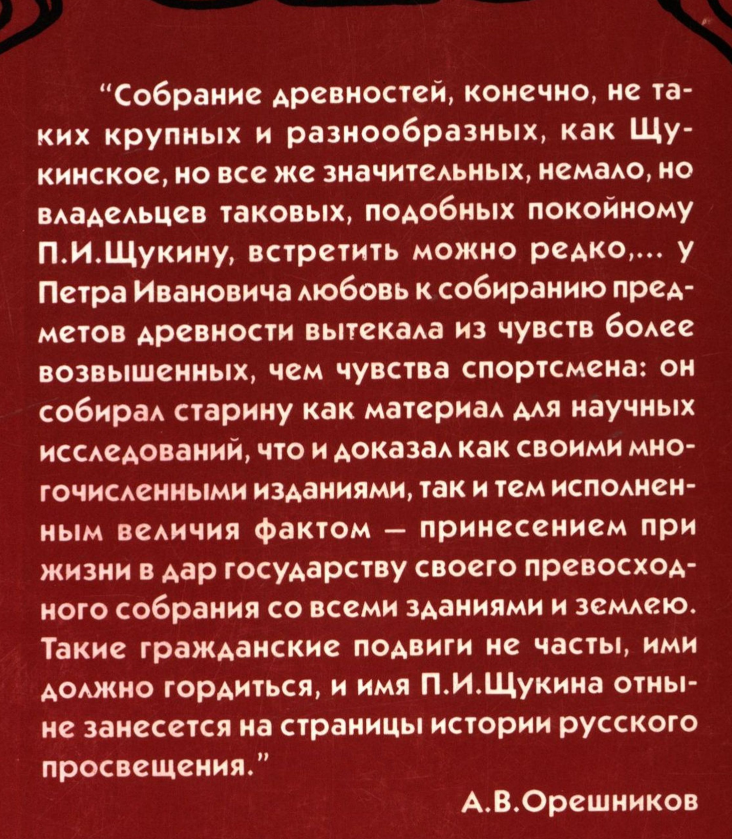
Из истории меценатства России

Составитель *Н.В.Горбушина*
Издательский центр ГИМ
Заведующая *Т.А.Кравченко*
Редактор *М.А.Наумова*
Корректор *Н.А. Трайнина*
Художник *В.Н.Хомяков*
Художественный редактор *И.К.Борисова*
Технический редактор *Л.В.Жигульская*
Компьютерный набор *Н.В.Горбушина*
Компьютерная верстка *С.В.Сухарев*

Формат 60×90/16. Бумага офсет. №1 Гарнитура "таймс" Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,0. Тираж 3000 экз. Тип. зак. 380

Государственный Исторический музей. 103012 Москва, Красная площадь, 1/2.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ИПО «Полигран»
125438 Москва, Пакгаузное ш., 1.



"Собрание древностей, конечно, не таких крупных и разнообразных, как Щукинское, но все же значительных, немало, но владельцев таковых, подобных покойному П.И.Щукину, встретить можно редко,... у Петра Ивановича любовь к собиранию предметов древности вытекала из чувств более возвышенных, чем чувства спортсмена: он собирал старину как материал для научных исследований, что и доказал как своими многочисленными изданиями, так и тем исполненным величия фактом — принесением при жизни в дар государству своего превосходного собрания со всеми зданиями и землею. Такие гражданские подвиги не часты, ими должно гордиться, и имя П.И.Щукина отныне занесется на страницы истории русского просвещения."

А.В.Орешников